

Annotation

Туманным днем на исходе лета на севере Эланда бесследно исчезает маленький мальчик. Семья, полиция и добровольцы ищут его день за днем, неделю за неделей. Спустя двадцать лет матери мальчика, Джулии, звонит её отец и просит приехать на остров провести собственное расследование и выяснить, что случилось с ребенком. Ее отец уверен: к исчезновению мальчика причастен Нильс Кант, местный житель, в свое время наводивший ужас на всю округу. Но Кант умер задолго до исчезновения сына Джулии.

Однако многие утверждают, что видели, как он выходит побродить по пустоши, когда начинает темнеть — в сумерках...

- [Юхан Теорин](#)

-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)

- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)

- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)

- [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [73](#)
 - [74](#)
 - [75](#)
 - [76](#)
 - [77](#)
-

Юхан Теорин

Мертвая зыбь

Посвящается моим
родственникам с Эланда
Йерлофссонам

Эланд, сентябрь 1972 года^[1]

Стена была сложена из больших круглых камней, покрытых лишайником. Мальчику она казалась высокой. Он с трудом смог заглянуть на другую сторону, и то для этого пришлось встать на цыпочки, а в сандалиях это было не очень удобно. Там, за стеной, все выглядело серым и как будто в тумане. Мальчику показалось, что он стоит на краю света, но он знал, что это не так. Все скорее было наоборот: с другой стороны стены мир только начинался. Он находился во дворе перед домом бабушки и дедушки, а большой мир — по другую сторону. Мальчик все лето мечтал узнать, что же там, с другой стороны стены.

Он два раза попытался перебраться через стену, но оба раза соскальзывал с округлых камней и падал на влажную траву.

Мальчик не сдавался, и на третий раз у него получилось. Он набрал в легкие побольше воздуха, сосредоточился и начал карабкаться. И вот он уже крепко держался за холодные камни, сидя на верху стены.

Для него это была настоящая победа: скоро ему исполнится шесть, и в первый раз в своей жизни он почти перебрался через стену. Какое-то время он сидел наверху, чувствуя себя как король на троне.

Мир по другую сторону казался безграничным, но в то же время серым и расплывчатым. Туман, нависший над островом во второй половине дня, не давал мальчику разглядеть, что же такое скрывается там, вдали. Но сразу за стеной открывалась поляна, покрытая желто-коричневой травой. За ней смутно различались низкие узловатые кусты можжевельника и торчащие из земли, поросшие мхом камни. Все было таким же, как и во дворе у него за спиной, но одновременно диким, чужим и манящим.

Ребенок поставил правую ногу на большой камень, наполовину вросший в землю по другую сторону стены, и потом спустился на поляну.

Теперь он в первый раз вышел один со двора, и никто на свете не знал, где он. Мама мальчика сегодня уехала, дедушка отправился к морю, а бабушка прилегла и заснула, поэтому мальчик надел сандалии и украдкой выбрался из дома.

Он мог делать все, что хочет. Он мечтал о приключении, и вот оно началось.

Мальчик перестал держаться за стену и шагнул в дикую некошеную траву. Она была редкой, и идти по ней оказалось легко. Он сделал еще несколько шагов, и мир перед ним постепенно становился отчетливее: можжевельниковые кусты проглядывали все яснее, и ребенок пошел к ним.

Земля была мягкая и приглушала все звуки. Его шаги почти не слышались, только легкий шорох травы. Только когда мальчик попробовал подпрыгнуть, он услышал легкий хлопок. Но как только он двинулся дальше, трава за ним поднялась, и след быстро исчез. Несколько метров ребенок перемещался прыжками.

Когда мальчик пересек поляну и оказался среди высоких кустов можжевельника, он сразу же перестал прыгать. Он выдохнул, потом глубоко вдохнул холодный воздух и огляделся.

Пока он скакал по траве, туман, который был только впереди, прокрался за его спину и затянул все сзади. Каменная стена вдалеке, за поляной, едва виднелась, а дом, выкрашенный темно-коричневой краской, вообще исчез из вида. Ненадолго у ребенка возникло желание повернуть назад. У него не было часов, да и вообще время мало что для него значило. Но небо уже темнело, а в воздухе заметно холодало. Он понял, что наступил вечер. Мальчик решил, что пройдет еще немножко. Ведь он знал, где находится. Дом у него прямо за спиной, хотя он больше его не видел. Мальчик пошел вперед. Казалось, туман играет с ним. Все время держится перед ним, но каким-то чудом убегает от него. Мальчику все это представлялось каким-то магическим.

Он остановился и затаил дыхание.

Вокруг все было тихо, ни шороха, ни звука. Но все же внезапно у мальчика появилось чувство, что он здесь не один.

Может быть, он что-то услышал в тумане?

Ребенок повернулся: теперь он не видел ни стены, ни поляны — только трава и можжевельник. Кусты стояли неподвижно, и ему показалось, что они неживые, а если и живые, то не такие, как он сам. И все же он подумал, какие они большие, словно молчаливые темные призраки. Возможно, они подбираются ближе, как только он отводит взгляд.

Мальчик опять повернулся, но увидел только можжевельник и туман.

Сейчас он уже не понимал, в какой стороне дом, но страх одиночества заставил его идти вперед. Потом ребенок сжал руки и побежал через кусты. Он хотел лишь одного: найти стену и дом за ней, но видел только траву и можжевельник. Вскоре он перестал различать и их. Перед глазами все расплылось, потому что они были полны слез.

Мальчик остановился. Он запыхался. Слезы уже высохли. Он заметил заросли кустов в тумане, и у одного из них были две толстые приметные ветки. Внезапно ребенок понял, что они движутся.

Это оказался человек, который вышел из серого покрывала тумана и остановился неподалеку, всего в десяти шагах. Мужчина был высокий, широкоплечий и в темной одежде. Он заметил мальчика и, стоя неподвижно, сверху вниз глядел на ребенка. Черная вязаная шапка была низко надвинута на глаза. Он показался мальчику довольно старым, но не таким, как дедушка.

Мальчик замер. Этого человека он не знал, а с чужими людьми надо всегда быть осторожным — так говорила мама. Но, по крайней мере, он уже был не один в тумане среди зарослей можжевельника. И мальчик решил, что если захочет, то всегда сможет повернуться и убежать.

— Здорово, — сказал незнакомец.

Голос у него оказался низким. Он тяжело дышал, как будто бы очень долго шел или бежал.

Ребенок ничего не ответил.

Незнакомец быстро обернулся и огляделся, потом опять посмотрел на мальчика и тихо, без улыбки спросил:

— Ты что, один?

Мальчик молча кивнул.

— Заблудился, что ли?

— По-моему, да, — ответил ребенок.

— Да ничего страшного... Я здесь, на можжевелевой пустоши,^[2] все знаю. — И он шагнул к мальчику. — Тебя как зовут?

— Йенс, — ответил мальчик.

— Йенс, а дальше?

— Йенс Давидссон.

— Хорошо, — сказал мужчина. Потом помедлил и добавил: — Ну а я Нильс.

— Нильс, а дальше? — поинтересовался Йенс.

Это было похоже на игру. Мужчина коротко рассмеялся.

— Меня зовут Нильс Кант, — ответил он и сделал еще шаг.

Йенс продолжал стоять на месте, но теперь он больше уже не оглядывался. Трава, камни и кусты — только это и виднелось в тумане. Нильс Кант тоже перестал смотреть по сторонам. Теперь он улыбался мальчику, как будто они были друзья.

Туман вокруг них становился все гуще. Не было слышно ни единого звука.

— Бояться нечего, — заверил Нильс Кант и протянул ребенку руку.

Теперь они стояли совсем рядом. Йенс подумал, что таких больших рук, как у Нильса, он не видел ни разу в жизни. И тут же понял, что убегать уже поздно.

1

В октябре, в один из вечеров понедельника, Джулии позвонил ее отец Йерлоф. Позвонил едва ли не первый раз за год. Она тут же опять начала думать о человеческих останках, лежащих где-нибудь на каменистом берегу.

Она представляла, что они белые, как перламутр, и отполированы волнами. Они почти светятся между камнями среди морской пены.

Джулия не знала, так это или нет, но она ждала больше двадцати лет, чтобы увидеть их.

Ранее у Джулии состоялся долгий разговор со страховой компанией, довольно неприятный, как и все остальное в тот день, в ту осень и в тот год.

Как обычно, она насколько возможно пыталась оттянуть эту беседу, чтобы не слушать их вздохи. И когда Джулия наконец решила позвонить, то услышала монотонный механический голос, который требовал ее личный идентификационный номер. Женщина набрала свой номер в тональном режиме, ее начали соединять дальше и погнали через телефонный лабиринт, похоже, такой же безграничный, как космические просторы. Джулия с огромным усилием заставила себя продолжать слушать шумы и щелчки в трубке и едва различимый фон, похожий на шум волн где-то вдали.

Иногда, стоило Джулии задержать дыхание и прижать телефонную трубку плотнее к уху, она различала эхо далеких, едва уловимых голосов. Иной раз они звучали совсем тихо, а в другой — резко и пронзительно. Джулии казалось, что телефонные призраки поймали ее в свою сеть — кто-то из вечно умоляющих привидений, чьи голоса доносились из решетки вентилятора на кухне, когда она курила. Обычно она не могла понять ни слова, но все же слушала очень внимательно. Как-то раз она ясно услышала женский голос и отчетливые слова: «Да, вот теперь действительно пора».

Женщина стояла у кухонного окна и смотрела на улицу. Там было холодно, дул сильный ветер. Желтые осенние березовые листья пытались взлететь с мокрого и липкого от дождя асфальта, чтобы броситься навстречу ветру. А вдоль тротуаров лежала черно-серая гора листьев, которым не повезло — они погибли под колесами машин, превратились в мокрое месиво. Они больше никогда не смогут оторваться от земли.

Джулия смотрела в окно и ожидала, что вот-вот сейчас кто-нибудь появится. Из-за угла в конце череды домов выйдет Йенс, конечно, в пиджаке и галстуке, как положено юристу, с модной стрижкой, в руке портфель. Он будет идти широким, уверенным шагом, потом поднимет взгляд — наверное, он издали увидел ее в окне, — немного удивленно остановится, поднимет руку, помашет ей и улыбнется.

Внезапно фон куда-то исчез, и в трубке послышался усталый и безрадостный голос:

— Страховая компания. Инга.

Это был не ее страховой агент. Нового агента Джулии звали то ли Магдалена, то ли Маделина. Хотя какая разница, все равно они никогда не встречались. Джулия набрала в легкие воздух.

— Меня зовут Джулия Давидссон. Я бы хотела узнать, возможно...

— Личный номер, пожалуйста.

— Он... Но я ведь только что его набирала на телефоне.

— У меня он не высветился. Еще раз, номер.

Джулия повторила цифры. В трубке стало тихо, шумов и фона тоже не было. Может быть, ее случайно разъединили?

— Джулия Давидссон? — спросила агент, как будто бы услышала это имя впервые в жизни. — Чем мы можем помочь?

— Я бы хотела его продлить.

— Продлить что?

— Мой бюллетень.

— А где ты ^[3] работаешь?

— В Восточной больнице, отделение ортопедии. Я медсестра, — ответила Джулия.

Впрочем, трудно сказать, медсестра она или уже нет. Она так редко бывала на работе в последние годы, что вряд ли кто-нибудь в отделении ее помнил, а уж тем более скучал по ней. Хотя Джулия тоже совершенно определенно не тосковала по пациентам. Они все время бормотали о своих ничтожных крохотных проблемках, не имея ни малейшего понятия о том, что такое настоящая беда.

— У тебя есть заключение врача? — допытывалась агент.

— Да.

— Ты у него была сегодня?

— Нет: Но в среду я была у своего психиатра.

— А почему ты нам раньше не позвонила?

— Ну, после этого я не очень хорошо себя чувствовала, — сказала Джулия и подумала: «Да не после этого, совсем нет. Постоянная боль от

ожидания того, что никогда не происходит».

— Тебе надо было позвонить нам в тот же день.

Джулия ясно различила вздох на другом конце провода.

— Ладно, придется пойти тебе навстречу, — продолжила агент, — сейчас я залезу в компьютер и оформлю все задним числом, но это в последний раз.

— Большое тебе спасибо, — поблагодарила Джулия.

— Одну минуточку...

Джулия по-прежнему стояла у окна и смотрела на улицу: по-прежнему ни малейшего движения.

Нет, что-то, конечно, происходило. С поперечной улицы на тротуар вышел какой-то мужчина. Джулия почувствовала, как у нее внутри все похолодело, сердце сжалось. Но потом она увидела, что мужчина слишком стар, ему где-то за пятьдесят, он лысый как колесо и в комбинезоне, заляпанном белой краской.

— Алло.

Она продолжала наблюдать. Мужчина остановился на другой стороне улицы, набрал код, дверь подъезда открылась. Он зашел внутрь.

Нет, это не Йенс.

— Алло, Джулия. — Это опять была агент.

— Да-да, я у телефона.

— Я отметила в компьютере, что твой диагноз к нам отправили. Так пойдет?

— Хорошо, я... — Джулия замолчала. Она продолжала пристально рассматривать улицу.

— Что, что-нибудь еще?

— Мне кажется... — Джулия сильно сжала трубку. — Я думаю, завтра будет холодно.

— Ну да, — сказала агент, как будто бы все шло по заведенному порядку и ничего не произошло. — Ты поменяла номер счета или он такой же, как раньше?

Джулия ничего не ответила, она изо всех сил пыталась сказать что-нибудь нормальное.

— Я иногда разговариваю со своим сыном, — в результате произнесла она.

На какое-то время в трубке стало тихо, но потом опять послышался голос страхового агента:

— О'кей, но я тебе уже сказала, что я сделала пометку...

Джулия быстро положила трубку.

Она все еще стояла у окна, рассматривала тротуар и думала о том, что листья складываются в какие-то символы, смысла которых она не понимала, сколь бы долго их ни разглядывала. Женщина до сих пор продолжала ждать, чтобы Йенс наконец пришел домой из школы.

Нет, не из школы, он должен вернуться домой с работы. Ну конечно, Йенс окончил школу много лет назад.

Кем же ты в итоге стал, Йенс? Пожарным? Адвокатом? Учителем?

Позже в тот же день Джулия сидела на кровати перед телевизором в своей маленькой однокомнатной квартире и смотрела передачу про удавов и питонов. Потом она переключила канал на кулинарную программу: там мужчина и женщина жарили мясо. Когда они с этим закончили, Джулия опять пошла на кухню, чтобы проверить, не надо ли вытереть пыль с бокалов. Ну да, конечно, если поднести их к лампе, то отчетливо видны пылинки. Она стала доставать бокалы из кухонного шкафчика и один за другим протирать их. У Джулии было двадцать четыре бокала, и она пользовалась ими по очереди. Она выпивала по два бокала красного вина каждый вечер, иногда по три.

Сейчас она лежала на кровати перед телевизором в своей единственной чистой блузке. Других стиранных в гардеробе не нашлось. Тут зазвонил телефон.

Джулия вздрогнула и моргнула при звуке первого сигнала, но не двинулась с места. Нет, ну их всех, почему она должна отвечать? Она совершенно не в настроении.

Телефон настойчиво трезвонил. Джулия решила для себя, что ее нет дома. Могут у нее быть важные дела?

Женщина опять смотрела в окно, хотя все, что она могла увидеть с этой точки, — так это крыши домов, еще не включенные уличные фонари и раскачивающиеся вокруг них верхушки деревьев. Солнце опустилось где-то за городом, и небо медленно потемнело.

Телефон зазвонил в третий раз. Свет исчезал, становился неверным. Время сумерек.^[4]

Джулия не собиралась отвечать.

Телефон прозвонил в последний раз, и снова стало тихо. Снаружи разом мигнули все фонари и засияли над асфальтом.

День оказался довольно удачным. Нет, на самом деле в ее теперешней жизни хороших дней не существовало. Просто некоторые проходили очень быстро, не тянулись, как другие.

Джулия всегда была одна.

С ребенком, наверное, было бы легче, он бы помог отвлечься. Микаэль очень хотел, чтобы они родили брата или сестру Пенсу, но Джулия твердо сказала «нет». Она никогда не была уверена, что хочет этого, а потом, конечно, и Микаэлю это надоело.

Частенько, когда Джулия не подходила к телефону, она делала вид, что совершила героический поступок и заслуживает вознаграждения. Вот и сейчас, этим вечером, когда телефон перестал звонить, Джулия выбралась из кровати, все-таки подняла трубку, но, конечно, услышала только гудки.

Она положила трубку и открыла шкафчик над холодильником: достать ежедневную бутылку. И, как обычно, это оказалось красное вино.

Вообще-то сегодня это была уже вторая бутылка, потому что первую, начатую накануне вечером, она допила за обедом.

Джулия взялась за штопор, послышался райский звук тихонько хлопнувшей пробки. Она наполнила бокал, залпом осушила его и тут же налила еще.

По телу разлилось приятное тепло, и теперь она могла повернуться и снова посмотреть в окно. Снаружи было уже темно, а уличных фонарей хватало только на то, чтобы высветить несколько кругов на асфальте. И в этих ясно очерченных световых пятнах ничего не двигалось. Но что было там, чуть дальше, за пределами света, в темноте? Рассмотреть не удавалось.

Джулия отвернулась от окна и осушила второй бокал. И только после этого немного успокоилась. Ее здорово выбил из колеи разговор со страховой компанией. Ясное дело, она заслужила третий бокал вина, но его можно будет выпить не торопясь перед телевизором. Может быть, стоит послушать музыку, скажем, Сати,^[5] затем рвануть психотропчику и отрубиться, не дожидаясь двенадцати.

Телефон затрезвонил опять.

На третьем звонке Джулия уже сидела на кровати, низко опустив голову. На пятом она стояла на ногах, а на седьмом добралась до кухни.

Не успел телефон толком отзвониться в девятый раз, как Джулия подняла трубку и прошептала:

— Джулия Давидссон.

Против ожидания в ответ она услышала не шумы и глюки, а тихий, но отчетливый мужской голос:

— Джулия.

Она сразу же узнала, кто это.

— Йерлоф? — так же тихо спросила она.

Она больше не называла его папой.

— Да... это я.

В трубке опять стало тихо, и Джулии пришлось покрепче прижать ее к уху.

— Я думаю, что теперь знаю немного больше о том, как все вышло.

— Что? — Джулия невидящим взглядом смотрела в стену. — Как вышло что?

— Ну, все это... с Пенсом.

Джулия продолжала смотреть в стену.

— Он мертв?

У нее появилось такое чувство, что она сидит в очереди с номерком в руке и ждет, когда ее вызовут. Наступает момент, очередь твоего номера, ты встаешь,ходишь и получаешь свою справку, а в ее случае — правду. Потому что Джулия думала о белых отполированных костях, разбросанных на берегу там, в Стэнвике,^[6] хотя Пенс всегда боялся воды.

— Джулия, он, должно быть...

— Так его нашли? — перебила она.

— Нет, но...

Джулия закрыла глаза.

— Тогда зачем ты звонишь?

— Нет, его не нашли, но у меня...

— Нечего тогда мне звонить, — выкрикнула Джулия и положила трубку.

Она продолжала стоять у телефона с закрытыми глазами.

Билетик с номером и место в очереди. Да, нынешний день явно не задался. Джулии даже не хотелось, чтобы в такой день, как этот, Йенс наконец нашелся. Она присела у кухонного стола и посмотрела в темноту по другую сторону стекла. Мыслей не было. Она перевела взгляд на телефон, поднялась, подошла к нему и подождала какое-то время. Но телефон молчал.

«Я делаю это для тебя, Йенс».

Джулия сняла трубку и посмотрела на стикер с номером, который много лет был приклеен к белому кафелю кухни над хлебницей, и стала нажимать кнопки. Отец ответил сразу же после первого гудка.

— Йерлоф Давидссон.

— Это я, — выдавила она.

— Ну да, конечно, Джулия.

Наступила пауза. Джулия решила начать первой.

— Мне не надо было вешать трубку.

— Да-да...

— Это не выход.

— Нет, ничего, — сказал отец, — совершенно нормальный поступок.

— Как погода на Эланде?

— Пасмурно и холодно, — ответил Йерлоф, — я сегодня даже на улицу не выходил.

Опять наступила пауза. Джулия набрала побольше воздуха, чтобы решиться, и спросила:

— Почему ты позвонил? Должно быть, что-то случилось?

Йерлоф немного помедлил прежде, чем ответить.

— Да... Кое-что тут произошло, — сказал он и добавил: — Но я толком ничего не знаю. Не больше, чем раньше. Ничего определенного, к сожалению.

«Так же, как и я, — подумала Джулия. — Мне жаль, Йенс».

— Я подумала, появилось что-то новое.

— Ну, может быть, так оно и есть, — ответил Йерлоф. — И, кроме того, я считаю, что кое-что надо сделать.

— Сделать? Что? Зачем?

— Для того чтобы продвинуться дальше, — объяснил Йерлоф и быстро добавил: — Ты можешь приехать?

— Когда?

— Как можно быстрее. Думаю, ты здесь понадобишься.

— Я не могу просто так сорваться и приехать, — сказала Джулия, хотя на самом деле ничего невозможного здесь не было. Ведь она сидела на больничном. — Ты должен мне хоть что-то сказать... сказать, о чем идет речь. Разве ты не можешь это сделать? — продолжала она.

Отец помолчал, а потом спросил:

— Ты помнишь, как он был одет в тот день?

Тот день.

— Да.

Джулия сама помогала Йенсу утром одеваться и прекрасно помнила, что одет он был по-летнему, хотя уже и наступила осень.

— В желтых коротких штанишках и красной футболке с Фантомом. ^[7]

— А ты помнишь, что у него было на ногах? — спросил Йерлоф.

— Сандалии, — ответила Джулия. — Коричневые кожаные сандалии с черными подметками из микропорки. Один ремешок на правой ноге у пальцев плохо держался, да и несколько ремешков на левой тоже были чуть живы. Но так всегда бывало в конце лета. Я их крепко сшила.

— Белой ниткой?

— Да, — быстро ответила Джулия, а потом задумалась. — Ну да, мне

кажется, нитка была белая. А что?

Опять на несколько секунд последовала пауза, потом Йерлоф сказал:

— На моем письменном столе лежит старая кожаная сандалия с правой ноги, прошитая белой ниткой. Сандалия маленькая, подходит пятилетнему... Я сижу и смотрю на нее сейчас.

Джулию качнуло, и ей пришлось опереться на кухонную тумбу.

Йерлоф больше ничего не успел сказать, потому что Джулия резко нажала на рычаг, и в трубке стало тихо.

Номер, номер в очереди — это все, что она получила. И скоро, наверное, объявят ее имя.

Джулия успокоилась. Минут через десять она убрала руку с рычажка телефона и опять позвонила Йерлофу. Он ответил сразу же, как будто бы сидел у телефона и ждал ее звонка.

— Где ты ее нашел? — спросила она. — Где, Йерлоф?

— Все не так просто, — сказал Йерлоф. — Ты, вероятно, знаешь, что я... что мне не так легко передвигаться, Джулия. И становится только тяжелее, вот поэтому я и хочу, чтобы ты приехала.

— Я не знаю... — Джулия зажмурила глаза и слушала шипение в телефоне. — Я не знаю, смогу или нет.

Она видела себя на берегу, видела, как бродит между камнями и осторожно собирает и складывает вместе маленькие кости — все, что смогла найти.

— Может быть.

— А что ты помнишь? — спросил Йерлоф.

— Ты о чем?

— О том дне. Ты помнишь что-нибудь особенное? — снова спросил он. — Подумай, это очень важно.

— Я помню, что Йенс пропал... он...

— Я сейчас не о Йенсе, — сказал Йерлоф. — Что ты еще помнишь?

— О чем ты говоришь? Я ничего не понимаю...

— Ты помнишь, какой туман тогда был над Стэнвиком?

Джулия помолчала.

— Да, — наконец проговорила она, — туман...

— Подумай об этом, — настаивал Йерлоф, — попробуй вспомнить туман.

Туман, туман — туман всегда являлся частью воспоминаний об Эланде. Тот туман Джулия помнила. Он был какой-то необычный, плотный, тяжелый. Иногда осенью такой нагоняло на остров с пролива.

Но что же тогда случилось в тот день в тумане? Что случилось, Йенс?

Эланд, июль 1936 года

Тот, кто позже принес так много горя и страха Эланду, сейчас, в середине тридцатых, был всего лишь десятилетним мальчишкой. У него имелось свое царство, он владел каменистым берегом и бескрайними водами.

Мальчика звали Нильс Кант. Лето. Он загорелый, одет в короткие штанишки. Тепло. Нильс сидел на большом круглом камне, прямо на солнцепеке. Выше по берегу расположились прибрежные домики, а дальше — дома самого Стэнвика. Он думал: «Все здесь мое».

И это было правдой, потому что родственники Нильса владели берегом. Они являлись хозяевами большей части Северного Эланда. Эта земля была в собственности семьи Кант уже не одну сотню лет. И после того как три года назад умер отец Нильса, он понял, что должен позаботиться об их владениях. Нильс не скучал по отцу. У него остались только какие-то смутные воспоминания: высокий, молчаливый, строгий человек, иногда жестокий. И Нильсу нравилось, что в деревянной вилле над берегом его ждет только его мама Вера.

Ни в ком другом он не нуждался. В том числе и в друзьях. Нильс знал, что в домах вдоль берега жили дети всех возрастов и мальчишки постарше по своей воле уже работали в каменоломне. Но эта часть берега принадлежала только ему. Мельников на ветряной мельнице выше и рыбаков в прибрежных хижинах можно было не считать.

Нильс приготовился прыгнуть с камня. Он захотел поплавать еще раз перед тем, как вернуться домой.

— Нильс, — позвал его чистый мальчишеский голос.

Нильс не повернул головы, но услышал, как с края обрыва падают и срываются галька и маленькие камни, а потом раздались быстрые шаги.

— Нильс, мама дала мне кула,^[8] и я их принес с собой. У меня их много.

Это пришел его брат Аксель. Он, как обычно, не мог ни секунды усидеть на месте. Он был на три года младше Нильса. В руке мальчик держал небольшую сумку из серой материи.

— Смотри!

Аксель быстро подошел и остановился у большого камня. Он посмотрел снизу вверх на Нильса. Затем он достал из сумки сверток и развернул его. Там лежал маленький перочинный нож и кула. Нильс уже подумывал о том, как бы их заполучить. Перед уходом мама дала ему

только пять, но он их давно съел, поэтому сейчас он почувствовал неожиданную болезненную зависть.

Аксель взял один кула, посмотрел на Нильса и запихнул лакомство в рот, потом перевел взгляд на сверкающую воду. Он жевал медленно, с удовольствием. И виду него был такой, как будто бы ему достались не только сладости, но и берег, вода и даже небо. Нильс отвел взгляд.

— Я пойду искупаюсь, — проговорил он и взглянул на воду, потом прыгнул с камня, снял свои короткие штанишки и положил их на камень.

Он повернулся к Акселю спиной и пошел в воду навстречу волнам, балансируя на скользких, как угри, камнях; песок процеживался между пальцами ног.

Вода, прогретая солнцем, разлетелась в стороны, когда Нильс плюхнулся в нее в десятке шагов от берега. Этим летом он сам научился плавать под водой. Он набрал в легкие воздуха и нырнул, направившись вниз, к каменистому дну, затем повернулся и быстро всплыл на поверхность, к солнцу.

Аксель устроился у самой воды. Нильс плавал кругами, разбрызгивая вокруг себя воду, вокруг его головы лопались пузыри. Он проплывал еще несколько метров, теперь он уже не мог достать ногами дно. Он отплыл достаточно далеко.

Там рядом находилась большая каменюка, обточенная волнами скала, полностью спрятавшаяся под водой, как какое-нибудь морское чудовище. Нильс взобрался на его спину, встал на ноги и потом опять прыгнул в воду. Больше он не нырял. Он просто плавал, брызгался и смотрел, как Аксель по-прежнему сидел на берегу.

— Ты что, все еще плавать не умеешь? — прокричал ему Нильс.

Хотя прекрасно знал, что Аксель не умеет. Тот ничего не отвечал, но, хотя челка ребенка и падала ему на глаза, видно было, как они потемнели от стыда и зависти. Аксель стянул с себя штанишки и положил их на камень рядом с сумкой.

Нильс неторопливо продолжал плавать вокруг камня. Сначала на животе, потом на спине, демонстрируя, как это просто, стоит только захотеть. Он сделал толчок ногами и опять взобрался на камень.

— Я тебе помогу, — прокричал он Акселю и долю секунды действительно размышлял, а не побыть ли ему старшим братом и не научить ли сегодня Аксея плавать. Но он решил, что на это уйдет слишком много времени, и Нильс просто махнул рукой: — Давай!

Аксель сделал неуверенный шаг в воду, почувствовав под ногами камни. Он шел по ним, расставив руки, балансируя, как канатоходец. Нильс

молча наблюдал, как младший брат неуверенно заходил в воду.

Сделав четыре шага, Аксель остановился и застывшим взглядом смотрел на Нильса. Вода доходила ему до коленей.

— Ну что, слабо тебе? — подначивал Нильс.

Вот стыдоба! Ему действительно стало стыдно за своего младшего брата. Аксель замотал головой. Нильс быстро нырнул и поплыл ему навстречу, успокаивая:

— Тут совсем не страшно, ты можешь идти по дну почти все время.

Аксель потянулся к нему, чуть наклонился вперед, а Нильс отшатнулся, и младшему брату невольно пришлось сделать еще шаг от берега.

— Хорошо, — подбодрил Нильс.

Теперь вода доходила им до пояса.

— Еще один шаг.

Аксель послушно шагнул еще раз и потом, нервно улыбаясь, посмотрел на Нильса, Нильс улыбнулся в ответ, поощрительно кивнув. Аксель шагнул еще раз. Нильс лег на спину, медленно раскинув руки, чтобы показать, какая вода мягкая.

— Все умеют плавать, Аксель, — сказал он, — я вот сам научился.

Он медленно отплыл от берега к подводному камню, Аксель последовал за ним, но не отрывая ног от дна. Вода доходила ему уже до груди. Нильс опять забрался на камень.

— Осталось еще три шага, — подбадривал он.

Хотя это было не так, но Аксель шел вперед. Один шаг, два, три. Ему приходилось запрокидывать назад голову, чтобы держать рот над водой. Но все равно до Нильса остается еще метра три.

— Давай, главное дыши, — прокричал Нильс.

Аксель втягивал в себя воздух короткими рывками, а Нильс сидел на камне, спокойно протянув ему руку. И вот его младший брат бросился вперед и тут же в этом раскаялся. У него перехватило дух, холодная вода залила ему рот и горло, он колошматил по воде руками и смотрел на Нильса. Камень был совсем близко, но достаточно далеко для того, чтобы Аксель смог до него дотянуться. Наверное, пару секунд Нильс наблюдал, как Аксель сражается с водой, потом бросился вперед и вытащил брата на безопасное место — на камень. Сидя на камне, Аксель кашлял и судорожно дышал. Нильс выпрямился и сказал вслух то, что было у него все время в мыслях:

— Берег мой.

Потом он ласточкой прыгнул с камня, вынырнул из воды в нескольких

метрах от него и, делая неторопливые гребки, двинулся к берегу. Он считал, что теперь ему нечего стыдиться, и он наслаждался этим. Нильс прыгал по берегу, чтобы вытряхнуть воду из ушей, а затем направился к камню, где Аксель оставил сумку.

Короткие штанишки Акселя тоже лежали там. Нильс поднял их. Ему показалось, что он просто хотел этого, но он увидел, как вдоль шва ползет вошь, и он брезгливо отшвырнул их от себя. Потом он склонился над сумкой. Там лежала целая горка сладостей. Нильс взял кула и медленно запихнул в рот.

С воды донесся испуганный крик, но Нильса это не беспокоило. Он с наслаждением жевал кула. От камня послышался всплеск; Нильс повернул голову и посмотрел в ту сторону. Наконец его младший брат слез с камня и теперь находился в воде. Что же касается самого Нильса, то он уже почти обсох и поэтому легко подавил первый произвольный импульс — броситься к Акселю. Вместо этого Нильс взял третий кула с салфетки, расстеленной на камне. Всплески возле камня продолжались, Нильс опять посмотрел туда. Конечно, Аксель никуда не уплыл и теперь изо всех сил пытался снова забраться на камень, но его руки скользили.

Нильс старательно разжевывал кула. Да, на камень просто так не заберешься, тут нужен рывок, скорость, чтобы выпрыгнуть из воды.

У Акселя не было ни того ни другого. Он попытался повернуться, чтобы добраться до берега, и изо всех сил колотил руками по воде, но оставался на одном месте. Он глядел на Нильса широко раскрытыми глазами.

Нильс спокойно взирал на него, дожевывая кула, потом взял еще один.

Потихоньку суета возле камня стихла. Брат что-то кричал, но Нильс не слышал, что именно, а потом вода сошлась и накрыла голову Акселя.

Только теперь Нильс сделает шаг вперед.

Голова Акселя вынырнула из воды, но уже не так высоко, как раньше. Нильс видел, что из воды уже торчат лишь волосы. Вскоре и они скрылись под водой, после чего поднялись несколько пузырей, но тут же волна смыла их прочь.

Теперь Нильс действовал очень быстро: он прыгнул в воду, его ноги взбили пену, и он сделал пару сильных гребков руками. Он все время смотрел в направлении камня, но Акселя больше не было видно.

Нильс быстро подплыл к камню и нырнул. Но он не умел плавать под водой с открытыми глазами. Он зажмурился и попытался нащупать что-нибудь в холодной тьме, но ничего не вышло. Он всплыл на поверхность, крепко схватился руками за камень, откашлялся и взобрался на него.

Куда ни посмотри — кругом только вода. Если там, внизу, что-то и было, то все скрывали солнечные блики на волнах.

Аксель исчез.

Нильс ждал и ждал, он уже замерз, но ничего не происходило. В конце концов, когда он окончательно продрог, он опять прыгнул с камня и медленно поплыл к берегу. Ничего другого ему не оставалось.

Нильс долго сидел и ждал, что опять услышит хорошо знакомый крик Акселя и плеск в воде, но напрасно. Только тишина.

Ему казалось это непостижимым, и трудно было это понять.

В сумке Акселя осталось еще четыре кула, Нильс посмотрел на них.

Он думал о том, что будет дома, о чем его будет спрашивать мама и другие. Нильс размышлял над тем, что скажет. А потом он вспомнил о смерти своего отца, какими все выглядели мрачными во время похорон там, наверху, в Марнесской церкви. Все были одеты в черное и пели псалмы про смерть.

Нильс попробовал всхлипнуть, вышло неплохо. Он решил, что пойдет наверх к маме, похнычет и расскажет, что Аксель остался на берегу. Нильс хотел домой, а Аксель решил остаться. А когда все начнут искать Акселя, то он, Нильс, вспомнит о тоскливой органной музыке, которую слышал на похоронах отца, и поплачет вместе с мамой.

Теперь Нильс точно знал, что будет рассказывать, когда вернется домой. Но сначала он доест кула Акселя.

Йерлоф Давидссон сидел в своей комнате в доме для престарелых в Марнессе и смотрел, как за окном садится солнце. Кухонные часы только что замолчали, после первого звонка, это значило, что скоро ужин. Ему надо было подняться и пойти в столовую. Его жизнь еще не закончилась.

Если бы он по-прежнему находился в рыбацкой деревушке Стэнвик, из которой был родом, он бы мог сидеть на берегу и смотреть, как солнце медленно погружается в Кальмарский пролив. Но Марнесс располагался на восточном побережье острова, и поэтому здесь он мог видеть только, как солнце исчезает за березовой рощей между домом для престарелых и Марнесской церковью. Сейчас был октябрь. Почти все листья с берез опали, поэтому ветки напоминали тонкие руки, тянущиеся к пропадающему красно-желтому солнечному диску.

Наступали сумерки — время страшных историй.

Когда он был ребенком, в Стэнвике работа к этому часу и на земле, и в море заканчивалась. Все шли по домам, и, хотя уже близился вечер, керосиновые лампы еще не зажигали. Пожилые сидели и сумерничали, обсуждая то, что произошло и было сделано за день и что случилось в других хозяйствах в деревне. Время от времени они рассказывали истории детям.

Йерлоф всегда считал, что самые страшные рассказы были самыми лучшими — о привидениях, троллях, предсказаниях, внезапной жуткой смерти на пустынных берегах Эланды, о том, как море выбрасывает корабль на берег, тащит его по камням и разламывает на куски.

Часы на кухне прозвонили во второй раз.

Он вдруг вспомнил рассказ о капитане, которого застиг шторм. Он подошел слишком близко к суше и понимал, что рано или поздно услышит, как корпус корабля начинает ударяться о камни все сильнее и сильнее. И это станет началом конца. Капитану могло повезти, и положение, и навыки позволяли ему вовремя бросить якорь, медленно развернуться по ветру и выбраться опять на глубокую воду в открытое море.

Однако большинство кораблей не в состоянии были сдвинуться ни на метр, когда попадали на камни. Чаще всего морякам приходилось как можно быстрее оставлять судно, чтобы спастись самим и попробовать добраться до суши живыми среди беснующихся волн. Если это получалось, то они уже стояли на суше, совершенно замерзшие, и смотрели, как шторм

все сильнее бьет их корабль о камни и как волны с треском начинают его ломать.

После чего севшая на грунт шхуна походила на оставленный на произвол судьбы изломанный гроб. Но тому капитану не повезло. Йерлоф сам не понимал, почему вспомнил эту историю.

Часы прозвонили последний раз. Йерлоф оперся о край письменного стола и поднялся. Он чувствовал, что Шёгрэн^[9] снова дает о себе знать. Он задумчиво посмотрел на инвалидное кресло, которое стояло у изножья кровати. Йерлоф никогда не пользовался им дома и не собирался делать это сейчас. Он взял трость, крепко сжал ее и пошел в прихожую. Там он ненадолго задержался, потом открыл дверь, вышел в коридор и огляделся.

В коридоре слышались медленные шаркающие шаги. Обитатели Марнесского приюта собирались на трапезу. Некоторые из них шли опираясь на палку, другие передвигались при помощи ходунков. Кое-кто тихо здоровался друг с другом, но большинство молчали и все время смотрели в пол.

Йерлоф присоединился к небольшой группе усталых стариков, ковеляющих в столовую. «Как много знаний и опыта пропадает», — подумал он.

— Добро пожаловать за стол! — с улыбкой приветствовала его Буэль, заведующая отделением. Она стояла возле кухни среди тележек с едой.

Все осторожно рассаживались за своими привычными столами.

Рядом с Йерлофом сидели сапожник, церковный сторож, фермер. Их знания и умения больше никому не были нужны. Да и он сам мог хоть среди ночи с закрытыми глазами завязать любой узел за несколько секунд, но кому это теперь нужно?!

— Ночью, наверное, будет холодно, Йерлоф, — сказала Майя Нюман.

— Да, ветер с севера, — ответил Йерлоф.

Майя сидела рядом с ним. Это была небольшого роста, морщинистая, худенькая старушка, однако самая жизнерадостная и активная в отделении. Она улыбнулась Йерлофу, и он тоже ответил ей улыбкой. Майя являлась одной из немногих, кто произносил его имя правильно.

Майя тоже была родом из Стэнвика, но в пятидесятых годах она вышла замуж за фермера, и они поселились к северу от Марнесса. Сам Йерлоф, когда стал капитаном, перебрался в Борнхольм.^[10] Они не виделись почти сорок лет, прежде чем оба оказались здесь.

Йерлоф взял хрустящий хлебец и начал есть. Как обычно, он был благодарен судьбе за то, что может жевать. Волос нет, зрение плохое,

мускулы болят, но свои зубы, по крайней мере, остались.

Из кухни сильно запахло капустой. Сегодня в меню были щи. Йерлоф взял на изготовку ложку и стал ждать, когда подвезут тележку с едой. Когда ужин закончился, большая часть обитателей дома престарелых пошли к телевизору, чтобы провести перед ним остаток вечера. Да, теперь другие времена: все капитаны, которые отплывали раньше в море от берегов Эланды, ушли в небытие, и никто больше не рассказывает в сумерках страшилки.

С ужином было покончено, и Йерлоф опять вернулся в свою комнату.

Он поставил трость возле стеллажа и сел за письменный стол. За окном уже смеркалось. Если бы он перегнулся через стол и прижался носом к стеклу, может, тогда Йерлоф и смог бы увидеть кусочек поля к северу от Марнесса, а еще дальше — берег и темное море. Балтика, его рабочее место. Но он больше не мог проделывать подобное и довольствовался тем, что смотрел на березы позади приюта.

Власть имущие больше не называли подобные заведения приютами для престарелых, но суть дела от этого не менялась. Много раз они пытались подобрать какое-нибудь слово, чтобы звучало не так уныло. Но так или иначе все крутилось вокруг стариков, которых собрали в кучу и которые, как ни посмотри, просто сидели и ожидали смерти.

На письменном столе возле стопки газет лежала записная книжка в черной обложке. Йерлоф протянул за ней руку. Первую неделю в Марнесском доме Йерлоф просто сидел за этим самым столом и непрерывно смотрел в окно. Правда, потом он собрался, пошел в поселок и в маленьком магазинчике, где в основном продавались продукты, купил записную книжку. А вскоре он начал писать.

В книжке имелось два вида записей: мысли и напоминания. Он писал то, что надо сделать. Выполнив намеченное, он зачеркивал эти пункты, за исключением одного напоминания — *побриться*, которое было на самом верху первой страницы. Это он оставлял всегда, потому что брился каждый день.

Что же касается мыслей, то первой из них была: «Блаженны нищие духом, яко тех есть Царство Небесное».

А на последней странице книжки были три строчки, и все три не перечеркнуты: «*Оплачивать ежемесячные счета*», Йерлоф платил за телефон, газеты, проживание в Марнесском приюте, а также за то, чтобы на кладбище следили за могилой его жены Эллы. «*Джулия приезжает вечером во вторник*», «*Поговорить еще раз с Эрнстом*».

Джулия собралась приехать, она пообещала. Но это он, наверное, не

забудет. Йерлоф надеялся, что Джулия какое-то время побудет на Эланде. Много лет прошло, но по-прежнему горе переполняло ее, и Йерлофу очень хотелось избавить Джулию от этого.

Последнее напоминание было не менее важным и также напрямую связано с Джулией. Эрнст работал каменотесом в Стэнвике и являлся одним из немногих, кто жил там круглый год. Он, Йерлоф и их общий друг Йон по крайней мере раз в неделю перезванивались. Иногда они собирались в сумерках и рассказывали друг другу старые истории. Йерлофу это очень нравилось, хотя большинство из них он уже знал наизусть.

Но как-то вечером несколько месяцев назад Эрнст приехал в Марнесский дом с новым рассказом. Это была история об убийстве внука Йерлофа Йенса.

Йерлоф не то чтобы не хотел слушать это просто, он вообще старался лишний раз не думать о маленьком Йенсе. Но Эрнст настаивал. Он говорил, что Йерлоф обязательно должен это знать.

— Я тут пораскинул мозгами, как оно все получилось, — начал Эрнст тихо.

— Ах так, — сказал Йерлоф, усаживаясь за письменный стол.

— Я не верю, что твой внук пошел к морю и утонул, — продолжал Эрнст. — Я так прикинул и решил, что он, наверное, двинул в другую сторону. На пустошь а там был туман. Я думаю, что именно на пустоши он и наткнулся на убийцу.

— Убийцу? — спросил Йерлоф.

Эрнст замолчал и сцепил руки на колене.

— И кто это был? — спросил Йерлоф.

— Нильс Кант, — ответил Эрнст. — Я считаю, что в тумане он напоролся на Нильса Канта.

Йерлоф пристально посмотрел на него, но понял, что Эрнст говорил совершенно серьезно.

— Я практически уверен, что так оно и было, — сказал он. — Думаю, что Нильс Кант вернулся домой. Вернулся оттуда, где находился до сих пор. Только он стал еще хуже, чем прежде.

Больше Эрнст за весь вечер не сказал ничего. Они перебросились лишь парой фраз, но Йерлоф никак не мог выбросить их из головы. Он надеялся, что Эрнст скоро опять навестит его и расскажет что-нибудь еще.

Йерлоф продолжал перелистывать страницы записной книжки, но записанных мыслей оказалось намного меньше, чем напоминаний.

Он закрыл книжку. За письменным столом ему больше нечего было

делать, но все же Йерлоф продолжал сидеть и смотрел, как ветер покачивает в темноте березы. Они напомнили ему о парусах, раздувавшихся на свежем ветру. А отсюда уже было недалеко и до воспоминаний о том, как он сам стоял на палубе под такими же осенними ветрами и смотрел на медленно проплывающий мимо берег Эланда. Если корабль подходил чуть ближе, то виднелись камни, дома, а издалека они превращались в темную полосу на горизонте. И как раз в тот момент, когда в его памяти выстроилась эта картина, внезапно зазвонил телефон.

В тишине комнаты звонок прозвучал особенно громко и резко. Йерлоф подождал, пока он протрезвонит еще раз. Довольно часто он мог заранее сказать, кто звонит, но сейчас у него не было никаких догадок.

После третьего звонка Йерлоф поднял трубку:

— Давидссон.

Молчание. С линией все было в порядке, но тот, кто позвонил, не произнес ни слова.

Но все же Йерлофу казалось, что он догадывается, кто это.

— Йерлоф у телефона, — сказал он. — Я все получил, если ты звонишь насчет сандалии.

Ему казалось, что в трубке слышно тихое дыхание.

— Я получил ее по почте несколько дней назад, — продолжил он.

Снова тишина.

— Я думаю, что это ты ее послал, — не унимался Йерлоф. — Зачем ты это сделал?

Опять ответом стало молчание.

— Где ты ее нашел?

В трубке слегка фонило. Но больше ничего. Стоило Йерлофу покрепче прижать трубку к уху и подержать ее достаточно долго, ему начинало казаться, что он один-одинешенек в целой вселенной и слушает тишину из самой черноты космоса. А может быть, моря.

Спустя секунд тридцать кто-то тихонько кашлянул, потом послышался щелчок, а следом короткие гудки.

Старшая сестра Джулии, Лена Лундквист, зажав ключи в руке, стояла и смотрела на машину. В какой-то момент она бросила взгляд на Джулию, а потом опять принялась рассматривать их общий автомобиль.

Это был маленький красный «форд», не новый, но все еще блестящий, с хорошими, хотя и летними покрышками. Он стоял припаркованным на мостовой рядом с дорожкой к большой кирпичной вилле Лены и ее мужа Ричарда. Они жили в Тушланде. Дом находился на большом участке, и, хотя и не радовал морскими видами, тем не менее вода была настолько близко, что Джулии казалось, будто она чувствует в воздухе соленый морской запах. Из приоткрытого окна Джулия слышала сумасшедший хохот и поняла, что все дети дома.

— Вообще-то, наверное, нам не стоит его тебе одалживать... Когда ты сидела за рулем в последний раз? — спросила Лена.

Она стояла, скрестив руки на груди, и по-прежнему крепко сжимала ключи от машины.

— Прошлым летом, — ответила Джулия и поспешила быстро напомнить: — Это и мой автомобиль тоже...

С моря дул холодный и влажный ветер. На Лене была только тонкая кофточка и легкая юбка, но она не предлагала Джулии подняться в дом, чтобы продолжить беседу. А если бы даже и предложила, Джулия все равно никогда бы не согласилась: Ричард наверняка был дома, а Джулия не имела ни малейшего желания видеть его и их детей.

Ричард являлся какой-то большой шишкой, поэтому у него имелась служебная машина, так же как и у Лены, которая была ректором в средней школе в Хисингене. Они оба добились успеха в жизни.

— Он тебе не нужен, — сказала Джулия ровным голосом. — Машина стояла у тебя просто потому, что я не хотела водить.

Лена опять посмотрела на машину.

— Да-да. А дочь Ричарда приезжает сюда каждые выходные, и она хочет...

— Я заплачу за бензин, — перебила Джулия. Она никогда не боялась своей старшей сестры, а сейчас тем более. Джулия твердо для себя решила, что поедет на Эланд.

— Плати, если хочешь, но не в этом дело, — продолжала Лена, — как-то это все не очень хорошо. К тому же как быть со страховкой? Ричард

говорит, что...

— Я всего лишь собираюсь взять машину на время, чтобы съездить на Эланд, — сказала Джулия, — а потом опять верну ее.

Лена посмотрела на дом: почти в каждом окне горел свет.

— Йерлоф хочет, чтобы я туда приехала, — объяснила Джулия. — Я вчера с ним разговаривала.

— Но почему это понадобилось ему именно сейчас? — спросила Лена и, не дожидаясь ответа, продолжала: — И где ты будешь там жить? Не вместе же с ним в доме престарелых. Насколько я знаю, там нет комнаты для гостей, а дом в Стэнвике нежилой. Мы отключили электричество и воду, и...

— Справлюсь как-нибудь, — быстро ответила Джулия. А потом поняла, что действительно не подумала, где будет жить. Ей это даже не приходило в голову. — Ну что, могу я взять машину?

Она чувствовала, что сестра колеблется. А Джулия хотела получить быстрый ответ, пока не появился Ричард и не нашел новую отговорку, чтобы не дать ей машину.

— Да... — произнесла наконец Лена. — Да, бери. Только мне кое-что нужно взять оттуда.

Она подошла к машине, открыла бардачок, достала несколько бумаг, пару темных очков и половину шоколадки «Марабу». Лена вернулась, отцепила автомобильные ключи от кольца и отдала их Джулии. Однако Джулия заметила, что старшая сестра протягивает ей еще что-то.

— Возьми и это тоже, чтобы мы могли с тобой связаться, — сказала она. — Я недавно на работе новый получила.

Это оказался черный, довольно компактный мобильник.

— Я вообще-то такими не пользовалась, — ответила Джулия.

— Все очень легко: сначала набираешь код, а потом номер, вот так. — Она последовательно показала всю комбинацию, а затем записала код и номер на бумаге. — Когда набираешь весь номер вместе с кодом, нажми на зеленую кнопку. Сейчас на счете есть немного денег, но потом тебе придется пополнять счет самой.

— О'кей, — сказала Джулия и взяла телефон, — спасибо.

— Да, и будь осторожна, — спохватилась Лена. — Папе передай привет.

Джулия кивнула и пошла к «форду». Когда она села за руль, то сразу же в нос ударил запах духов сестры. Джулия немного поморщилась, завела двигатель и поехала.

Уже смеркалось, и, пока Джулия неторопливо, из-за ограничения

скорости, проезжала через Хисинген, она думала, почему они с Леной с Трудом выдерживают друг друга дольше нескольких секунд. Раньше они были довольно близки, и это именно Лена в свое время настояла, чтобы Джулия переехала в Гётеборг. Но теперь все стало по-другому. Все случилось после того, как однажды в пятницу несколько лет назад Джулия гостила на вилле у Лены и Роберта, как оказалось, последний раз. Лена приготовила ужин, и они сидели на кухне, без детей. Идиллия закончилась, когда Ричард, поставив на стол свой бокал с вином, поднялся из-за стола и спросил:

— Мы что, должны все время сидеть и пережевывать всю эту мировую скорбь? Это произошло двадцать лет назад, сколько же можно?

Ричард в тот вечер выпил лишнего и, как следствие, разозлился, хотя Джулия всего лишь один раз упомянула об исчезнувшем Йенсе. Да и то скорее в качестве извинения за свое плохое настроение. Сразу же после этого Лена посмотрела на Джулию, а потом спокойно выдала реплику, из-за которой Джулия потом, два года спустя, не смогла поехать со своей сестрой на Эланд, чтобы помочь Йерлофу переехать из дома в Стэнвике в Марнесский приют.

— Он никогда не вернется. Все это знают. Йенс мертв, Джулия. Мне кажется, даже ты это понимаешь.

Конечно, не было никакой пользы от того, что Джулия вылетела из-за стола и начала на нее орать, как истеричка. Но что сделано, то сделано.

Джулия, подъехав к дому, припарковала машину, вошла в квартиру и начала упаковывать вещи. Она рассчитывала отсутствовать максимум дней десять, поэтому багаж был небольшой: одежда, туалетные принадлежности, несколько книг, две бутылки красного вина и кое-какие лекарства. Потом женщина съела бутерброд и довольствовалась на этот раз водой, а не вином. Уже было довольно поздно, пора спать. Джулия легла, но долго елозила головой по подушке, смотрела в темноту и никак не могла уснуть. Она встала, выпила успокоительное и опять легла.

Сандалия маленького мальчика. Когда Джулия закрыла глаза, она снова увидела, как она, молодая мама, надевает сандалии Йенсу. Это воспоминание сдавливало ей грудь. Но самым страшным и самым тяжелым, из-за чего Джулия все время ворочалась и никак не могла уснуть, была неизвестность.

Маленькая сандалия Йенса, спустя двадцать лет. А до этого — ни одного следа. После всех поисков на Эланде, после всех бесконечных размышлений бессонными ночами.

Снотворное начало понемножку действовать. «Темнота, не надо больше, — молила Джулия, засыпая. — Помоги нам найти его».

Утро очень долго не наступало. За окном все еще было темно, когда Джулия проснулась и встала. Она позавтракала, помыла посуду, заперла дверь и села в машину. Когда двигатель завелся, она включила «дворники», чтобы убрать листья, упавшие на ветровое стекло. И вот наконец она почти выехала из города. Город пробуждался вместе с восходящим солнцем. Раннее утро, движение еще слабое. Последний светофор переключился на зеленый свет, и Джулия, свернув на шоссе, направилась на восток. Прочь от Гётеборга.

Первый десяток километров она проехала с открытыми окнами, чтобы холодный утренний воздух выдул напрочь из автомобиля запах духов сестры.

«Йенс, я еду, — подумала Джулия. — Я действительно еду, и сейчас меня уже никто не остановит». Джулия понимала, что не должна с ним разговаривать, даже про себя. Это было неправильно, ненормально. Но Джулия не могла по-другому с того дня, как Йенс исчез.

После Буроса^[11] скоростное шоссе закончилось, дома стали меньше и попадались все реже. Густые смоландские^[12] еловые леса прижимались к дороге. Наверное, Джулия могла в любой момент свернуть и поехать к неведомой цели, но дороги в лесу казались какими-то одинокими и заброшенными. Джулия ехала все время прямо, к восточному побережью, и старалась почувствовать радость оттого, что она сейчас, сама по себе, в дальней дороге, чего не случалось уже много лет.

Она свернула на площадку для отдыха в нескольких десятках километров от побережья для того, чтобы подумать и немного перекусить. Она заказала питипанна,^[13] которое оказалось жестким, слипшимся и совершенно не заслуживало своей цены, как констатировала Джулия.

А теперь вперед, к Эландскому мосту. К северу от Кальмара^[14] дорога шла над морем к острову. Мост построили двадцать лет назад и открыли как раз той самой осенью... в тот день. Конечно, Джулии не стоило бы больше думать об этом, по крайней мере до тех пор, пока она не доберется до места. Эландский мост возвышался над проливом и рвался к небу — устойчивый, надежный, на широких бетонных опорах. Даже сильный ветер, который ощутимо заносил маленькую машину, ничуть его не трогал. Мост его просто не замечал, он не сдвинулся ни на миллиметр. Он был широкий и совершенно прямой. У материка арочный пролет моста был

самым высоким, для того чтобы могли проходить большие корабли. Здесь находилась самая высокая точка, поэтому Джулия теперь видела впереди плоский остров, который протянулся вдоль линии горизонта.

Вскоре показалась пустошь, заросшая травой и можжевельником равнина, покрывающая большую часть Эланда. Низкие темные облака медленно скользили по небу, как будто на остров наплывали дирижабли.

И туристы, и коренные эландцы любили бродить по пустоши и смотреть на птиц. Но Джулии она не нравилась. Пустошь казалась ей слишком большой и неприятной, и у женщины было такое чувство, что небо обрушится на землю, а ей некуда будет спрятаться.

Сразу за мостом она свернула на север к Боргхольму.^[15] Несколько десятков километров дорога была совершенно прямой, почти как линейка. Лишь изредка навстречу попадались машины: ничего удивительного — туристический сезон закончился. Джулия старалась смотреть прямо перед собой — только на дорогу, чтобы не видеть ни безжизненную пустошь, ни безграничное море с другой стороны, и изо всех сил пыталась не думать о маленькой сандалиии с починенными ремешками.

Это ничего не значит. Почему это обязательно должно что-то означать?

Дорога до Боргхольма заняла почти полчаса. И вот наконец показался перекресток со светофором. Джулия решила свернуть налево.

Она остановилась возле крошечной кондитерской в самом начале Стургатан,^[16] потому что ей не хотелось снова видеть гавань и площадь с городской церковью. За этой церковью стоял дом, где она жила с родителями, когда у Йерлофа был свой корабль и он хотел жить поближе к гавани. В Боргхольме осталось ее детство. У Джулии не было ни малейшего желания опять увидеть себя бегущей по улицам вокруг площади, как какое-то привидение. Девочкой восьми — девяти лет, у которой вся жизнь впереди. Кроме того, она старалась избежать встречи с кем-нибудь из знакомых, опять заставит ее думать о Йенсе. Этого ей хватало и в Гётеборге.

Колокольчик над дверью в маленькую кондитерскую тихонько брякнул.

— Привет.

Девушка за прилавком оказалась приятной блондинкой, но выглядела какой-то замученной. Она посмотрела на Джулию совершенно пустыми глазами, когда та попросила две булочки с корицей и пару сливочных пирожных с мармеладом и клубничной начинкой для себя и Йерлофа. Лет тридцать назад она и сама могла бы быть на месте этой девушки, но

Джулия уехала с острова, едва ей исполнилось восемнадцать. За четыре года, прежде чем выйти замуж, она успела пожить и поработать и в Кальмаре, и в Гётеборге. В Гётеборге она встретила Микаэля и уже спустя несколько недель забеременела Йенсом. Тогда многие ее проблемы исчезли и не возвращались вплоть до самого развода.

— Здесь сейчас немного народу, — произнесла Джулия, когда девушка доставала выпечку из стеклянной витрины. — Я хочу сказать — осенью.

— Ну да, — ответила девушка даже без тени улыбки.

— Тебе здесь нравится? — спросила Джулия.

Девушка коротко кивнула:

— Иногда. Но вообще-то здесь делать нечего. Боргхольм оживает только летом.

— А кто так думает?

— Да все, — ответила девушка, — во всяком случае, стокгольмцы.

Она завязала коробку и протянула Джулии.

— Я скоро перееду в Кальмар, — сказала девушка. — Больше ничего?

Джулия кивнула. Конечно, она могла сказать, что тоже в свое время работала в Боргхольме в кафе возле гавани и что ей тоже было здесь до смерти скучно и она не могла дождаться, когда начнется настоящая жизнь. А потом ей вдруг захотелось рассказать про Йенса, о своем горе и о надежде, которая заставила ее вернуться обратно. О маленькой сандалиии, присланной в конверте по почте.

Но она не решилась. Тихонько посвистывал вентилятор, в кондитерской было очень тихо.

— Ты туристка? — вдруг спросила девушка.

— Да... не совсем, — ответила Джулия. — Я поживу в Стэнвике несколько дней, у моей родни там дом.

— В Стэнвике сейчас так же весело, как на Северном полюсе, — сказала девушка, отсчитывая Джулии сдачу. — Почти все дома пустуют. Едва ли там кого-нибудь встретишь.

Уже было половина четвертого, когда Джулия вышла из кондитерской и опять оказалась на улице. Боргхольм казался безлюдным: Джулии встретились чуть больше десятка прохожих и лишь несколько автомобилей, которые ехали по улице с максимально высокой дозволенной скоростью.

Руины когда-то большого замка смотрели с холма на город провалами бойниц. Холодный ветер старательно продувал улицу насквозь, пока Джулия шла к машине. Было тихо, почти как на кладбище.

Она прошла мимо большой доски объявлений. Чего там только не

было: американский боевик в боргхольмском кинотеатре, рок-концерты в руинах замка, разные вечерние курсы. Правда, объявления давно выцвели на солнце, да ветер заметно обтрепал их по углам.

Джулия в сознательном возрасте никогда раньше не приезжала сюда в это время года, в мертвый сезон, когда Эланд замирал. Она подошла к машине.

«Я еду, еду, Йенс».

К северу от города, по обеим сторонам дороги опять тянулась пустошь, покрытая желтой высохшей травой. Постепенно дорога начала сворачивать от берега в глубь острова, прорезая плоскую равнину прямой, как гвоздь, полосой. Повсюду виднелись низкие, заросшие лишайником каменные стены, обрамлявшие поля. Многие поколения эландцев выкапывали эти камни из земли. Стены, квадратами расчерчивающие окрестности, совершенно не отличались друг от друга.

Небо заволакивали огромные тяжелые тучи. Джулия почувствовала что-то вроде приступа агорафобии,^[17] и ей безумно захотелось выпить бокальчик красного вина. И чем ближе она подъезжала к Стэнвику, тем сильнее становилось это желание. Дома, в Гётеборге, она много раз пыталась завязать с выпивкой, правда, никогда не притрагивалась к спиртному, если надо было садиться за руль. Но сейчас, в этом месте, бутылку с вином она воспринимала как единственного интересующего ее компаньона. У Джулии возникло желание тотчас остановиться где-нибудь и выпить все, что было у нее с собой, до единой капельки.

За все время с тех пор, как она выехала из города, ей навстречу попался только один автобус и трактор. Джулия проезжала мимо желтых табличек с названиями маленьких деревушек, которые помнила с детства.

В летнее время для ее родителей существовал только Стэнвик и домик, который они построили в конце сороковых годов, за много лет до того, как это место открыли для себя туристы. Осенью, зимой и весной они всегда жили в Боргхольме, но лето и Стэнвик для Джулии были неразделимы. Ей захотелось попасть туда, прежде чем поехать в Марнес к Йерлофу. Со Стэнвиком у нее было связано много плохих воспоминаний, но и хороших тоже — память о долгих теплых летних днях.

Она увидела следующую табличку-указатель: «Стэнвик-1». И надпись ниже «Кемпинг», заклеенную крест-накрест черной пластиковой лентой. Джулия притормозила и свернула на дорогу, ведущую к поселку. Прочь от пустоши, к морю.

Примерно через полкилометра появились первые заколоченные летние домики и маленький магазинчик — центр местной светской жизни в летнее

время. Сейчас на нем не было ни рекламы, ни объявлений, а окна плотно закрыты деревянными ставнями. Возле магазина висел указатель на юг к кемпингу и полю для мини-гольфа, с дорожками, покрытыми плотным зеленым искусственным газоном. Джулия вспомнила, что кемпингом заправлял друг Йерлофа.

Дорога тянулась дальше к воде, сворачивала вправо, шла через дома над берегом и потом закручивалась к северу, где стояли в ряд еще несколько запертых летних домиков. По другую сторону был усыпанный камнями берег, маленькие волны морщили воду пролива.

Джулия медленно проехала мимо старой ветряной мельницы, высившейся над водой на прочном деревянном основании. Скала с мельницей находилась метрах в десяти от берега и стояла там всегда, сколько Джулия себя помнила. Но от времени красная краска на мельнице облупилась, дерево посерело, а от крыльев остался только деревянный крест.

Метрах в ста от мельницы располагался береговой домик Давидссонов. Он выглядел ухоженным: деревянные стены недавно выкрашены в красный цвет, белые оконные рамы, блестящая крыша. Джулия предположила, что это потрудились Лена и Ричард.

В ее памяти Джулии вдруг всплыла картина: Йерлоф летом перед домом расправляет на деревянных подставках сети и чинит их, а она, Лена и их двоюродные братья и сестры бегают взапуски^[18] по берегу, ощущая острый дегтярный запах свежеспросоленной лодки.

И в тот день Йерлоф также находился возле морского домика и чинил сети. После этого Джулия возненавидела его рыбалку.

Около домика никого не наблюдалось, сухая трава дрожала на ветру. Возле дома в траве лежала зеленая деревянная туша, это была старая лодка Йерлофа. Она настолько рассохлась, что Джулия видела стену двора сквозь разошедшиеся доски обшивки.

Женщина выключила двигатель, но продолжала сидеть в машине. Ни ее обувь, ни одежда совершенно не подходили к холодной ветреной эландской осени. На двери дома она увидела большой замок, шторы были опущены так же, как и в других домах в поселке.

Стэнвик пустовал, летний театр закрыт, занавес опущен. Грустная пьеса, по крайней мере для Джулии.

Оставалось только посмотреть на личный домик Йерлофа. Йерлоф построил его собственными руками, соблюдая все старые традиции. Джулия завела мотор и поехала по дороге, которая впереди разветвлялась, и свернула направо. Дорога постепенно вводила ее от берега. Здесь были

низкие молодые деревца, которые изо всех сил старались защитить дома от непогоды. Все деревца одинаково отклонялись в сторону от моря, подбитые непрерывным ветром.

Справа от дороги, за стеной находился большой двор, посередине его стоял высокий желтый деревянный дом. Вокруг дома пышно разрослись кусты, и от этого он казался еще более заброшенным и одиноким. Краска со стен давно облезла, черепица сдвинулась и поросла мхом, а кое-где и вовсе потрескалась. Джулия не помнила, кому принадлежал этот дом. Она всегда помнила его таким — неухоженным и забытым.

Направо, прямо между деревьями, виднелась небольшая узкая дорожка, колеи посередине разделяла полоса травы, доходящая едва ли не до колена. Джулия прекрасно знала это место, повернула и остановила машину, потом надела пальто и вышла на холодный свежий воздух с горьковатым морским привкусом.

Было тихо, лишь ветер шуршал сухими листьями, и снизу, с берега, доносился чуть приглушенный из-за расстояния глуховатый рокот волн. Больше не было слышно ни проезжающих машин, ни голосов людей, ни птиц — ничего.

Девушка в кондитерской оказалась абсолютно права: приехать сюда в такое время все равно что оказаться на Северном полюсе.

Дорожка к дому Йерлофа была очень короткой и заканчивалась низкой железной калиткой в каменной стене. Джулия открыла ее, калитка тихонько скрипнула, и женщина вошла во двор.

«Вот я и здесь, Йенс».

Выкрашенный коричневой краской маленький домик с белыми венцами^[19] не выглядел таким необитаемым, как многие другие дома в Стэнвике. Но если бы Йерлоф жил сейчас здесь, то он никогда бы не позволил траве так вырасти и, уж конечно, двор не был бы усыпан красными и желтыми высохшими листьями. Отец Джулии всегда отличался аккуратностью и методично доводил до конца любое дело.

Они слыли парой работяг — Йерлоф и мать Джулии Элла. Она всю жизнь была домохозяйкой и иногда казалась какой-то гостьей из прошлого века, из эпохи бедности и неустройства, когда никому и в голову не проходило смеяться, шутить, мечтать, потому что сэкономили буквально на всем и всегда. Элла была маленькой, молчаливой, собранной женщиной. Кухня являлась ее королевством. Время от времени Джулия и Лена получали от нее оплеухи, а вот ласки не видели никогда. Что касается Йерлофа, то, пока они росли, он в основном пропадал на море.

Все вокруг Джулии, казалось, застыло, ни малейшего движения. Она

вдруг вспомнила, что раньше посреди двора стоял большой зеленый насос, в метр высотой, с большущим краном и красивой изогнутой ручкой, но сейчас его уже не было. На его месте виднелась лишь бетонная крышка.

За каменной стеной двора слева от дома и позади него начиналась пустошь. Она тянулась на восток, к самому горизонту. И если бы не деревья, то Джулия, наверное, смогла бы увидеть Марнесскую церковь, вдалеке возвышавшуюся над плоским пейзажем, как черный шпиль. Там, в этой церкви, Джулию крестили, когда ей было всего несколько месяцев.

Женщина повернулась спиной к пустоши и подошла к дому. Джулия обогнула перголу,^[20] увитую плетями дикого винограда, и стала подниматься по розовым известняковым ступенькам, которые в детстве казались ей такими большими. Они заканчивались у маленькой веранды перед закрытой деревянной дверью.

Джулия нажала на ручку, но дверь была заперта, как она и ожидала.

Здесь все началось, здесь и закончилось. «Довольно странно, что это дом такой же, как и был, по-прежнему и стоит на своем месте», — подумала Джулия. Мир так сильно изменился после исчезновения Йенса: на карте появились новые страны, другие, наоборот, пропали, как будто их никогда и не существовало. В Стэнвике теперь большую часть года никто не жил, а этот дом, из которого Йенс ушел в тот день, стоял себе как ни в чем не бывало.

Джулия присела на ступеньку и тяжело вздохнула.

«Я так устала, Йенс».

Она посмотрела на что-то вроде альпийской горки, которую Йерлоф соорудил перед домом. На самом ее верху лежал черно-серый камень, весь словно в складках. Йерлоф утверждал, что это метеорит и что, когда он упал с неба, прожег даже кратер. Но это было давным-давно, вероятно, лет сто назад. Его нашел еще дедушка Йерлофа.

И вот — ирония судьбы: вечный странник космических путей лежит наверху кучки камней, обгаженный птицами.

В тот день Йенс проходил мимо метеорита. Он вышел из дому, потому что его бабушка прилегла и заснула, спустил вниз по ступенькам, потом оказался во дворе. Наверное, это единственное, что можно было сказать наверняка. Куда он пошел потом, почему или зачем — этого не знал никто.

Когда вечером того же дня Джулия вернулась домой с материка, она ожидала, что Йенс радостно выбежит из дома ей навстречу, а вместо этого ее ждали двое полицейских, плачущая Элла и совершенно убитый Йерлоф.

Джулии опять захотелось достать из сумки бутылку вина, сесть здесь, на ступеньке, и потихоньку попить и мечтать, пока не стемнеет. Но

Джулия, хотя и с трудом, подавила желание.

Занавес. Как и весь поселок, этот пустой двор тоже казался декорацией на сцене. Но пьеса закончилась много лет назад. Все разошлись по домам, и только Джулия осталась здесь, как зритель, проснувшийся в опустевшем зале. Она сидела и с горечью смотрела на ступеньки, наверное, еще несколько минут, как вдруг услышала новый звук, доносившийся со стороны моря, — шум мотора.

Ехала какая-то машина. Судя по звуку, очень старая. Она неторопливо громыхала по дороге через поселок.

Звук не удалялся. Напротив, он становился громче, а потом машина остановилась, причем совсем близко от дома.

Джулия поднялась, привстала на цыпочки и увидела массивный автомобиль неподалеку от двора — старый «Вольво РV». Калитка опять скрипнула, когда кто-то ее открыл. Джулия поплотнее запахнула пальто, произвольно провела ладонью по светлым волосам и ждала, когда приехавший подойдет.

Женщина слышала звуки приближающихся шагов. Через несколько секунд она увидела непрошеного гостя. Им оказался пожилой мужчина небольшого роста. Он остановился перед ступеньками и угрюмо смотрел на Джулию. Он почему-то напомнил ей отца. Джулия и сама, наверное, не могла сказать почему. Может, дело было в кепке, мешковатых брюках, белом свитере, отчего в облике незнакомца ей почудилось что-то морское. Но он оказался ниже, чем Йерлоф, а палка, на которую он опирался, свидетельствовала, что его морская карьера завершена. Руки старика сплошь покрывали свежие и старые рубцы.

Джулия стала понемногу припоминать, что когда-то много лет назад они встречались. Это был один из постоянных жителей Стэнвика. Интересно, сколько их таких еще осталось?

— Здорово, — произнес старик, и его губы медленно растянулись в улыбке.

— Добрый день.

Он кивнул в ответ, снял кепку, и Джулия увидела седые, слегка вьющиеся волосы, зачесанные назад.

— Я тут проезжала мимо и решила посмотреть, — сказала она.

— Ясное дело... надо сюда заглядывать иногда.

Такого сильного эландского говора, даже, скорее, эландского диалекта во всей своей красе Джулия в жизни не слышала.

— Мне и сам Йерлоф так наказывал.

Джулия кивнула.

— Да все вроде выглядит нормально.

Оба помолчали.

— Меня зовут Джулия, — представилась она и быстро добавила, кивнув в сторону дома: — Я дочь Йерлофа Давидссона. Я из Гётеборга.

Старик кивнул так, как будто бы он и так знал.

— Да мы вообще-то знакомы, — протянул он. — Меня зовут Эрнст Адольфссон. Я вон там вон живу. — Он махнул рукой, указывая куда-то наискосок у себя за спиной. — Мы с Йерлофом давно знаем друг друга, да и сейчас иногда видимся, чтобы поговорить.

Наконец Джулия вспомнила: это Эрнст-каменотес. Когда она была еще маленькой, об Эрнсте довольно много говорили в поселке, как о какой-то диковине.

— А каменоломня еще действует? — спросила Джулия.

Эрнст опустил глаза, потом покачал головой:

— Не-а, теперь там нет работы. Иногда народ берет там камень... ну, тот, что остался, а новый больше не добывают.

— А, ты сейчас там работаешь? — поинтересовалась Джулия.

— Да занимаюсь помаленьку художеством, — ответил Эрнст, — режу по камню. В общем-то дело идет понемногу. Заходи, может, и тебе что понравится... Аккурат сегодня вечером я буду занят, ко мне приедут. А вот завтра — в самый раз. Заходи, может, что и купишь.

— Да, возможно, — ответила Джулия.

Вообще-то с деньгами у нее было плохо, и о покупках не могло быть и речи. Но, по крайней мере, она сможет посмотреть на работы Эрнста.

Эрнст снова кивнул, повернулся и медленно короткими неуверенными шагами зашагал обратно. Джулия поняла, что их разговор окончен еще прежде, чем Эрнст стал уходить, но ей хотелось кое-что узнать у него. Она набрала в легкие воздуха и спросила ему вслед:

— Эрнст, а ты был здесь, в Стэнвике, двадцать лет назад?

Старик остановился и потом медленно обернулся.

— Я здесь прожил пятьдесят лет.

— Я просто подумала...

Джулия замолчала, потому что на самом деле еще не очень хорошо сформулировала свой вопрос: спросить-то она хотела, но только не знала как.

— У меня ребенок тогда пропал, — медленно и неуверенно произнесла она, как будто бы стыдилась своего горя, — мой сын Йенс... Ты это помнишь?

— Ну да. — Эрнст коротко кивнул, как будто бы говорил о чем-то само

собой разумеющемся. — Мы про это никогда не забывали, ни я, ни Йерлоф.

— Но...

— Ты, когда отца своего увидишь, ему одну вещь передай, — сказал Эрнст.

— А что такое?

— Ты скажи, что большой палец самое главное, а не рука.

Джулия пристально посмотрела на Эрнста, она ровным счетом ничего не поняла, но он тут же добавил:

— Все это скоро разрешится. История, конечно, старая. Началось все аж во время войны... но вот-вот все раскроется.

Эрнст отвернулся и зашагал дальше.

— Войны? — крикнула Джулия. — Какой войны?

Но Эрнст Адольфссон больше не обернулся и ушел, так ничего и не ответив.

Эланд, июнь 1940 года

Фура^[21] с запряженными лошадьми стояла внизу на берегу. Последний камень сгрузили, и она поехала обратно наверх, в каменоломню. На нее в очередной раз начали нагружать блестящие известняковые плиты. Это всегда была тяжелая работа, а сейчас стало еще труднее. Раньше на каменоломне имелось два грузовика, но полгода назад по приказу властей их реквизировали как транспорт на военные нужды.

Шла мировая война, но на Эланде повседневная работа шла своим чередом: нужно было добывать камень и грузить на суда. Только теперь — вручную.

— Загружай! — кричал бригадир Ласс-Ян Августссон.

Он управлял работой, стоя на палубе грузовой шхуны «Ветер», и дирижировал грузчиками, размахивая широкими, побитыми и израненными камнем ладонями. Рядом с ним — команда судна, готовая принять груз на борт.

«Ветер» стоял на якоре в сотне метров от берега на глубокой воде, на всякий случай как раз достаточно, чтобы успеть отойти, если на эландский берег внезапно обрушится шторм. В Стэнвике не было волнолома, где можно спрятаться, а у самого берега — сплошняком камни, которые сидят себе под водой и ждут не дождутся своего шанса разжиться еще одним кораблем.

Каменные блоки, которые надо поднять на борт, переправляли в двух открытых лодках. Каждая принимала по одной тонне. Одной лодкой управлял Йохан Алмквист. Ему было семнадцать лет, он уже года два как работал в каменоломне.

На левом борту греб новичок Нильс Кант. Ему только что исполнилось пятнадцать, почти что взрослый.

Нильс работал в каменоломне, принадлежащей его семье, потому что его мать Вера решила, что сын должен познакомиться с настоящей жизнью. Поэтому Вера Кант и сказала Нильсу, что он, несмотря на свой возраст, будет лодчиком при каменоломне. Для Нильса это было важно, потому что он знал, что постепенно, со временем, ему придется взять на себя всю ответственность за каменоломню от брата матери. Нильс не сомневался, что сумеет оставить после себя долгую память на этом берегу. Он перевернет весь Стэнвик.

Иногда Нильсу снилось, что он тонет и погружается в темную пучину. Но днем при ярком свете он очень редко вспоминал о том, как утонул его брат Аксель. Пусть в поселке сплетничают и болтают что угодно, — это не было убийством, просто несчастный случай. Тело Акселя так и не нашли, наверное, оно лежало глубоко, на самом дне пролива, так же как и тела многих других утонувших и так никогда не найденных. Несчастный случай.

От Акселя остались только воспоминания и одна-единственная фотография в рамочке, которая стояла на бюро мамы. После того как Аксель утонул, Нильс и Вера очень сблизились. Она все время говорила, что он все, что у нее осталось, и поэтому Нильс понимал свою значимость.

Лодки покачивались на воде и ждали погрузки возле деревянного настила, который уходил в море на десяток метров. Сюда привозили камень, добытый там, наверху, в Стэнвике, где не прекращался вечный круговорот. Там остались лишь дети, женщины, старики и немногие взрослые мужчины, которых не призвали на службу, и девушки. Нильс поднял глаза и увидел на краю обрывистого берега Майю Ньюман. Нильс знал, что она тоже догадывается, что он смотрел на нее.

Мировая война, как тень, повисла над Эландом. Месяц назад немцы без особых трудностей оккупировали Норвегию и Данию, по радио каждый день теперь передавали экстренные выпуски новостей. Неужели и Швецию ждет такая же участь? Иностранцы броненосцы уже видели в проливе, и в Стэнвике распространился слух, что немцы высадились на юге острова.

Если это действительно случится и немцы придут, то все на Эланде знали: им придется рассчитывать только на самих себя. Помощи с материка

не будет, по крайней мере в нужное время. Так уже бывало: и в прошлом веке, и раньше. Когда на остров нападали враги, помощи не было никогда.

Говорили, что военные собираются перекопать рвами с водой северную часть Эланда, чтобы помешать захватчикам. Сейчас это выглядело дурацкой неуместной шуткой, потому что, после того как растаял весенний снег, солнце до капли высушило всю воду на острове.

Когда этим утром где-то в отдалении послышался шум мотора, все сразу же прекратили грузить камень и начали с тревогой вглядываться в затянутое облаками небо. Все, кроме Нильса. Он был спокоен. Ему стало просто интересно, что же такое настоящая бомбардировка. На что это похоже, когда свистят бомбы, потом взрываются, повсюду огонь, дым, плач, крики и хаос. Но бомбардировщики так и не появились над островом, и погрузка продолжилась.

Нильс ненавидел эту работу, хотя добывать камень в каменоломне, наверное, было ничуть не лучше. С самого начала от монотонных однообразных действий у него стала разламываться голова. Он даже думать не мог, потому что ему приходилось двигать тяжеленную лодку, изо всех сил налегая на весло. Все время он должен был напрягаться. Ласс-Ян наблюдал за лодочниками из-под своей вязаной шапки, надвинутой на брови, и руководил работой, не давая ни минуты покоя.

— А ну-ка поднажми, Кант! — орал он. — Поосторожнее, настил не задень, — опять крикнул он, когда Нильс сделал слишком сильный гребок: лодку уже разгрузили, и поэтому она двигалась легко. — Давай подбавь жару, Кант! — опять заголосил Ласс-Ян.

Нильс с ненавистью смотрел на него, когда опять плыл обратно к шхуне. Он владел каменоломней или, вернее, мать Нильса и ее брат. Но какого черта Ласс-Ян обращается с ним как с рабом с самого первого дня?

— Нагружай! — снова крикнул Ласс-Ян.

Утром, когда погрузка только началась, народ болтал, смеялся и подшучивал друг над другом, почти как на празднике. Но сейчас все были тихие и молчаливые. Камень постепенно доконал людей своей непомерной тяжестью и острыми твердыми краями, плиты перетаскивали с трудом. Все были с ног до головы покрыты серой известняковой пылью.

Нильс ничего не имел против тишины. Он никогда ни с кем не разговаривал, если только в этом не было необходимости. Но время от времени он посматривал на Майю Ньюман.

— Все, хватит, лодка полная, — прокричал Ласс-Ян, когда тяжеленные пластины камня метровым слоем покрыли дно лодки, в которой сидел Нильс.

Морская вода плескалась у самого края борта, и казалось, что она вот-вот хлынет в лодку.

Два грузчика залезли в лодку и уселись на камень. Они, как на постаменте, возвышались над маленьким девятилетним мальчиком, который от этого казался еще меньше. Мальчик украдкой посмотрел на Нильса, потом взял свой деревянный черпак и начал вычерпывать воду, просачивающуюся сквозь неплотно пригнанные доски днища.

Нильс крепко уперся ногами и взялся за весло. Тяжело нагруженная лодка медленно стала скользить по воде к шхуне. Там только что разгрузили другую лодку.

Нильс без передышки работал веслом. Он стер руки в кровь, все мышцы болели, спину ломило. Больше всего на свете он хотел сейчас услышать грохот мотора немецкого бомбардировщика.

Наконец лодка легонько стукнулась о борт корабля, грузчики быстро прицепили чалы,^[22] нагнулись, крепко взялись за камень и начали один за другим поднимать их на борт.

— А ну-ка поднажмем! — заорал Ласс-Ян.

Он стоял на палубе в замызганной рубашке, из-под которой торчало пузо.

Люди перевалили камни через релинги,^[23] подтащили вперед к открытому люку трюма и аккуратно опустили вниз по широкой доске, как по направляющей.

У Нильса теперь появилась дополнительная обязанность — помогать с выгрузкой.

Он поднял один камень, другой, третий, и тут, когда Нильс перевалил через релинг на корабль очередной камень, он немного замешкался и камень упал обратно в лодку. И не просто упал, а грохнулся прямо на пальцы левой ноги Нильса. Ему дьявольски больно.

У Нильса потемнело в глазах. Ничего не видя, он опять схватил каменный блок и плюхнул его на палубу корабля, совершенно не заботясь о том, куда тот свалился.

— Плевать я хотел на все это, — бормотал он себе под нос, переводя взгляд с неба на землю, и сел на свое место у весла.

Нильс распустил шнурки, дотронулся до отчаянно болевших пальцев и осторожно попробовал надавить на них рукой чуть сильнее. Может быть, они и сломаны.

Уже без его участия из лодки достали последний блок, и грузчики запрыгнули на борт «Ветра», чтобы аккуратно опустить блок в трюм.

Рулевой Йохан Алмквист поднялся вслед за ними. В лодке остались только Нильс и мальчик-черпальщик.

— Кант! — наверху появился Ласс-Ян и перегнулся через перилла. — Давай поднимайся и помогай.

— Я поранился, — ответил Нильс и сам удивился тому, насколько спокойно он это сказал, потому что у него в голове сейчас с ревом, как рой разъяренных пчел, носилась целая эскадрилья бомбардировщиков. — Очень спокойно он положил руку на свое весло. — Я пальцы на ноге сломал.

— А ну-ка вставай!

Нильс повиновался. На самом деле ему уже было не особенно больно. Ласс-Ян посмотрел на него и покачал головой.

— Поднимайся и грузи, Кант.

Нильс замотал головой, по-прежнему держась за весло. Бомбы опять со свистом пролетели у него в голове.

Он двинул веслом, вытащил его из уключины,^[24] приподняв на десяток сантиметров.

— Пальцы на ноге сломал...

Один из грузчиков, невысокий широкоплечий малый, Нильс не помнил, как его звали, тоже перегнулся через релинги рядом с Ласс-Яном.

— Давай тогда чеши к мамочке, — ехидно сказал он.

— Сейчас я это организую, — пообещал бригадир, поворачиваясь к грузчику.

Это было с его стороны ошибкой, Ласс-Ян не заметил, как весло Нильса недвусмысленно взметнулось в воздух. Широкая лопасть весла попала ему прямо в голову, Ласс-Ян выдохнул что-то вроде «ух», его колени подогнулись.

— Я твой хозяин! — орет Нильс.

Он не без труда балансировал на краю лодки, но снова замахнулся веслом. На этот раз весло опустилось бригадиру на спину. Нильс с удовольствием наблюдал, как Ласс-Ян, словно мешок с мукой, перевалился через борт в воду.

— Чтоб тебя черти взяли! — кричит кто-то на шхуне.

И одновременно раздался очень солидный и звучный всплеск — это Ласс-Ян шлепнулся в воду между судном и лодкой.

С берега доносились какие-то крики, но Нильсу сейчас было на это наплевать: он должен закончить с Ласс-Яном, порешить его. Он поднял весло и рубанул им по воде, край лопасти попал по вытянутым рукам Ласс-Яна, точнее — по пальцам, раздался противный сухой треск. Голова

бригадира запрокинулась и ушла под воду.

Но Нильс успел ударить веслом еще раз. Тело Ласс-Яна исчезло в потоке бело-серебристых пузырьков. Нильс опять размахнулся — он намеревался продолжать.

И тут что-то со свистом пронеслось мимо его уха и попало прямо по его левой руке. Пальцы затрещали, от боли парализовало руку. Нильса отбросило в сторону. Он больше не мог держать весло, и оно со стуком упало в лодку. Он крепко зажмурился, потряс головой, а потом посмотрел вверх: грузчик, который над ним насмехался, стоял у релингов и держал в руках багор. Он воззрился на Нильса: взгляду грузчика был какой-то странный, удивленный, испуганный и решительный.

Грузчик подтянул багор к себе и взмахнул им в воздухе. Но на этот раз Нильс успел подхватить весло и оттолкнуться им от шхуны. От его толчка лодка медленно двинулась к берегу.

Грузчики остались на корабле, Ласс-Ян пошел на дно морское, и довольный Нильс опять вставил весло в уключину.

Он греб прямо к берегу. Сломанные пальцы левой руки содрогались от боли. Маленький мальчик-черпальщик, скрючившись, сидел впереди и дрожал, как живое носовое украшение.

— Давай вытаскивай его! — крикнул кто-то сзади.

У борта шхуны послышались плеск и крики. Обессиленное тело Ласс-Яна вытащили из воды, подняли, перевалили через релинг на палубу «Ветра». Бригадир наконец оказался в безопасности. Он откашлялся, выплескивая воду, жадно хватал воздух, пытаясь отдышаться. Ласс-Яну здорово повезло, потому что он не умеет плавать. А Нильс был одним из немногих в поселке, кто овладел этим искусством.

Нильс смотрел вдаль — туда, где вытянулась прямая линия горизонта. Там, вдали, солнце нашло прорехи в облачном одеяле, вода сверкала, как будто бы море там было сделано из серебра.

Сейчас Нильс чувствовал себя очень хорошо, мешала только боль в левой руке. Сейчас он всем показал, кто настоящий владелец Стэнвика, а скоро он станет хозяином всего Северного Эланда и защитит его, когда понадобится, даже ценой своей жизни.

Киль ^[25] лодки царапал по камням, Нильс опять поднял весло и выпрыгнул на берег. Он был наготове, хотя на него никто не собирался нападать. Наверху, на краю обрыва, как окаменевшие, стояли мужчины, женщины, дети. Они молча, испуганными глазами смотрели на Нильса. А Майя Ньюман готова была расплакаться.

— Катитесь вы все к чертовой матери! — крикнул им Нильс и

швырнул весло на камни перед собой.

Потом он повернулся, чтобы бежать обратно в поселок, домой, к маме Вере, в их большой желтый дом в саду.

Но ни его мать и ни кто другой не знают, не знают того, что прекрасно известно самому Нильсу, — он предназначен для великих свершений. Его удел — нечто грандиозное, такое, как, скажем, война. Настанет день, и о нем заговорят по всему Эланду. Он, Нильс, был в этом уверен.

Йерлоф Давидссон сидел в своей комнате в доме для престарелых и ждал дочь.

Перед ним лежал свежий экземпляр «Эландс-постен». Йерлоф читал заметку о том, как в Кастлесе на юге Эланда исчез восьмидесятиоднолетний впавший в маразм старик. Старик вышел ненадолго прогуляться и пропал. Полиция и добровольцы прочесали пустошь, на поиски вызвали даже вертолет. Но минувшая ночь выдалась очень холодной, и не было практически никакой надежды, что пропавшего удастся найти живым.

Восемьдесят один год и маразм. Йерлоф был лишь на год моложе, скоро ему должно исполниться восемьдесят, а это, как ни гляди, возраст приличный. В том, что бесследно исчез старик, есть хоть какая-то доля логики, но, когда пропадает ребенок, это странно. Йерлоф сложил газету и посмотрел на часы: четверть четвертого.

— Я рад, что ты приехала, — сказал он тихонько, потом сделал паузу, откашлялся и продолжил: — Ты все такая же красивая, Джулия. Хорошо, что ты сейчас на Эланде, потому что есть кое-что важное, что мы с тобой должны сделать. Да и не только мы с тобой, кое-чем тебе придется заняться самой. И потом, нам надо с тобой поговорить... Я знаю, что я, наверное, не был для тебя хорошим отцом: я редко бывал дома, и ты с сестрой оставалась дома с Эллой, в Боргхольме, а я ходил в море. Но я там работал, был капитаном и перевозил грузы по Балтике, поэтому мне приходилось часто оставлять семью... Но теперь я здесь, мои путешествия закончились.

Йерлоф помолчал и посмотрел на письменный стол. Он заранее написал свой будущий разговор с Джулией в книжке. После того как Джулия сказала, в какой день придет, Йерлоф начал репетировать их предстоящую беседу. Сейчас он послушал себя в очередной раз — звучало паршиво. А должно было получиться по-другому — обычный разговор отца со своим ребенком.

— Я рад, что ты приехала, — снова начал Йерлоф. — Сколько я тебя помню, ты все такая же красивая.

А может, надо сказать «милая»? «Милая» — это, наверное, лучше передает то, как он скучал по дочери, которую так долго не видел.

Наконец, когда на часах было уже около четырех и до ужина оставался

всего лишь час, в дверь комнаты Йерлофа постучали.

— Входи, — сказал он, и дверь открылась.

В комнату заглянула Буэль.

— Ага, он здесь, — тихо сказала она кому-то, кто стоял за ее спиной, и потом уже громче: — У тебя гость, Йерлоф.

— Спасибо, — поблагодарил он.

Буэль улыбнулась и исчезла. Вместо нее в комнату вошла другая женщина, сделала пару шагов и остановилась в прихожей. Йерлоф набрал воздуха и начал.

— Я рад, что ты приехала... — произнес Йерлоф, но его заранее приготовленная речь внезапно прервалась.

Он увидел женщину средних лет, в помятом пальто. Она смотрела на него усталыми глазами, ее лоб был испещрен морщинами. Пару секунд женщина стояла неподвижно, потом опустила взгляд, уцепилась, как утопающий за соломинку, руками за ремешок висевшей у нее на плече коричневой сумки и наконец шагнула в комнату.

Йерлоф смотрел на усталое, изможденное лицо этой женщины и медленно узнавал в ней Джулию. Но эта Джулия выглядела более замученной, чем он ожидал. Йерлоф начал заниматься самобичеванием.

Да, его дочь сильно постарела. Но насколько же старый тогда он сам?!

— Привет, Йерлоф, — сказала Джулия, затем немного помолчала и продолжила: — Да, это я. Я опять приехала сюда.

Он кивнул и про себя отметил, что она по-прежнему не собирается называть его папой, даже сейчас, когда они одни. И это «Привет, Йерлоф» она произнесла так, как будто бы здоровалась с каким-то весьма дальним родственником.

— Ты хорошо доехала? — спросил он.

— Ну да.

Джулия расстегнула пальто, повесила на крючок в прихожей и опустила сумку на пол. Йерлоф примечал, что она двигается медленно, как будто бы из нее выкачали всю энергию. Он хотел спросить, как Джулия себя чувствует, но не стал — счел, что это можно сделать и после.

— Ну вот. — Опять молчание. — Давненько мы не виделись.

— Наверное, года четыре. По крайней мере, мне так кажется, — сказала Джулия. — Нет, скорее, больше.

— Да, точно, но мы все-таки иногда созваниваемся.

— Я собиралась приехать, чтобы помочь тебе, когда ты переезжал сюда из Стэнвика, но как-то все...

Джулия опять замолчала, Йерлоф кивнул.

— Да все нормально прошло, — заверил он, — мне все помогали.

— Хорошо, — сказала Джулия.

Она вышла на середину комнаты, потом повернулась и присела на застеленную кровать. Йерлоф внезапно вспомнил свои заготовки разговора, которые он долго репетировал.

— Теперь, когда ты здесь, — начал он, — я хочу сказать, что кое-какие вещи мы должны...

Но Джулия прервала его:

— Где она у тебя?

— Что именно?

— Ты знаешь, — ответила Джулия, — сандалия.

— А, это. В письменном столе.

Йерлоф посмотрел на дочь:

— Но я думал, что мы сначала...

— Могу я на нее посмотреть? — опять прервала его Джулия. — Мне это очень нужно.

— Но в ней нет ничего особенного, ты, наверное, будешь разочарована, — сказал Йерлоф. — Это всего лишь сандалия, это не... это ни о чем не говорит.

— Я хочу ее увидеть, Йерлоф.

Джулия поднялась. До сих пор она ни разу не улыбнулась, а сейчас стояла и смотрела на Йерлофа так пристально и холодно, что ему подумалось, что вся его затея с ее приездом сюда — ошибка. Наверное, ему даже не стоило ей звонить. Но все уже пришло в движение, и не в его силах это остановить. И все же он попытался, насколько возможно потянуть время.

— Ты одна приехала или с кем-нибудь? — поинтересовался он.

— Ну и с кем, по-твоему, я могла приехать?

— Не знаю. Ну, может быть, с отцом Йенса. Как его там... Мате, что ли?

— Вообще-то Микаэль, — сказала Джулия. — Нет, он живет в Мальме, ^[26] и мы практически не общаемся.

— Вот как, — протянул Йерлоф.

Оба опять замолчали. Джулия шагнула вперед, и Йерлоф тут же переменял тему:

— А ты сделала то, о чем я тебя просил?

— Ты про что?

— Ты подумала о том, какой зверский туман был в тот день на острове?

— Ну да, вроде бы. — Джулия коротко кивнула. — Ну и при чем тут туман?

— Я думаю... — Йерлоф осторожно подбирает слова. — Я думаю, что, наверное, ничего бы не случилось или, по крайней мере не случилось бы ничего страшного, если бы не было тумана. Они часто бывают на Эланде? Как по-твоему?

— Да вообще-то не очень, — ответила Джулия.

— Ну да, три, но, может быть, четыре раза в год. Во всяком случае, такой непроглядный, как в тот день. И довольно много народу знает, когда туман придет, — об этом заранее можно узнать в бюро прогнозов.

— А тебе откуда это известно?

— А я им звонил, — ответил Йерлоф. — Кстати, они свои прогнозы хранят.

— А почему этот туман так важен? — спросила Джулия.

— Потому что кто-то воспользовался туманом, — объяснил Йерлоф, — и этот кто-то хотел остаться незамеченным.

— Ты хочешь сказать, чтобы его не увидели в тот день?

— Скорее, чтобы его вообще не видели, — пояснил Йерлоф.

— Значит, так: был кто-то и этот кто-то воспользовался туманом, чтобы... чтобы утащить Йенса? — спросила Джулия.

— Да не знаю я, — ответил Йерлоф, — как раз в этом-то и вопрос. Он что, заранее планировал похитить Йенса? Такая у него была цель? Кто вообще мог знать, что он выберется тогда со двора? Да ни одна живая душа, или как по-твоему? Йенс, наверное, и сам этого не знал, он только... появилась возможность — он ею и воспользовался.

Йерлоф заметил, что, после того как он в первый раз упомянул об исчезновении Йенса, Джулия все крепче и крепче сжимала губы, поэтому решил закончить как можно скорее и быстро добавил:

— Но туман, который надвинулся на остров в тот день... об этом можно было узнать заранее.

Джулия ничего не ответила, она стояла и просто смотрела на письменный стол.

— Нам хорошенько надо об этом подумать, — резюмировал Йерлоф. — Кто и для чего мог воспользоваться туманом в тот день.

— Ну а теперь я могу ее увидеть? — опять спросила Джулия.

Йерлоф понял, что больше оттягивать этот момент у него не получится. Он кивнул и повернулся на вращающемся стуле к письменному столу.

— Она лежит здесь, — сказал он, потом потянул на себя верхний ящик

стола и достал что-то небольшое и, судя по всему, совсем не тяжелое, аккуратно завернутое в тонкую белую ткань.

Джулия медленно подошла ближе к Йерлофу, который разворачивал на столе небольшой пакет. Она смотрела на его руки — морщинистые, в пятнах и с синими до черноты венами. Его пальцы дрожали, когда он неловко разматывал тонкую ткань. Джулии показалось, что звук, пока Йерлоф разворачивал сверток, был просто оглушающим.

— Может быть, тебе помочь? — предложила она.

— Да нет, все нормально.

Ему понадобилось несколько минут, чтобы распаковать сверток, или, может быть, Джулии просто так показалось. И вот наконец Йерлоф справился с последним слоем ткани, и Джулия увидела то, что было под ней. Джулия не могла оторвать глаз от сандалии, лежащей в закрытом пластиковом пакете.

«Я не буду плакать, — внушала себе она. — Я не заплачу. Это всего лишь сандалия».

Но тут же женщина почувствовала, как ее глаза начинают гореть, и заморгала, прогоняя застилавшие слезы. Она смотрела на черную резиновую подошву и коричневые ремешки, высохшие и сморщенные от времени.

Сандалия, маленькая сандалия маленького мальчика.

— Я не знаю, это та самая или нет, — сказал Йерлоф. — Как мне помнится, похоже, что она. Но всякое, конечно, может быть...

— Это сандалия Йенса, — перебила его Джулия срывающимся голосом.

— Но как мы можем знать это наверняка? — спросил Йерлоф. — Не очень, по-моему, правильно быть слишком уверенными. Как ты считаешь?

Джулия ничего не ответила, она стояла и смотрела. Слезы текли у нее по щекам, она смахнула их, а потом очень медленно и осторожно подняла пакет.

— Я положил ее сюда, как только мне ее прислали, — объяснил Йерлоф. — Может быть, какие-нибудь отпечатки пальцев...

— Я понимаю, — ответила Джулия.

Как это все легко, как это все просто, когда, к примеру, мать надевает сандалию своему маленькому сыну, такую, скажем, как эта. Сначала ей надо просто пройти до двери, поднять ее с пола, ни минуты не задумываясь о том, что это действие может означать что-то особенное. Потом надо

встать перед сыном, наклониться, почувствовать тепло его тела, взять его за ножку. А он в это время крепко возьмется своей ручкой за мать и будет молча стоять или что-нибудь говорить, какую-нибудь детскую чепуху, которую она в общем-то и не слушает. А если и слушает, то вполуха. Потому что она думает о чем-то другом: например, о счетах, которые надо оплатить, что надо купить продуктов или о мужчине.

— Я сама научила Йенса надевать сандалии, — сказала Джулия. — На это ушло почти все лето, но к осени он уже справлялся сам.

Джулия по-прежнему держала в руке маленькую сандалию.

— Поэтому он и сумел в тот день выбраться на улицу... Сам надел эти чертовы сандалии. Если бы я, дура, его не научила, у него бы ничего не вышло...

— Не надо так думать.

— Я хочу сказать, хочу сказать... что я его научила, чтобы сэкономить немного времени, — оправдывалась Джулия, — для себя самой.

— Не надо себя винить, Джулия, — сказал Йерлоф.

— Возможно, — ответила она, не глядя на отца, — но именно этим я и занимаюсь последние двадцать лет.

В комнате стало совсем тихо. Джулия вдруг внезапно поняла, что ее изувеченная психика больше не показывает ее внутреннему зрению маленькие выбеленные кости на берегу у Стэнвика. Она увидела своего сына живым. Как он наклоняется и очень серьезно решает сложную задачу — сам надевает сандалии, пока еще неловкими пальцами, и как для него трудно это сделать.

— Кто ее нашел? — прервала молчание Джулия и посмотрела на Йерлофа.

— Да я не знаю. Просто прислали по почте.

— А кто?

— Адресат не был указан, — ответил Йерлоф. — Обычный конверт из коричневой бумаги и смазанный штемпель, но я так думаю, что послали с Эланда.

— Записки не было?

— Нет, ничего, — пожал плечами Йерлоф.

— И ты понятия не имеешь, кто ее послал?

— Нет, — сказал Йерлоф, но отвел взгляд и старался не смотреть на Джулию. Он упорно разглядывал стол и, похоже, не собирался продолжать. Создавалось впечатление, что Йерлоф знал что-то еще, но не хотел говорить.

Джулия вздохнула.

— Но нам надо кое-что сделать, — выпалил Йерлоф и опять замолчал.

— Например? — спросила Джулия.

— Ну...

Йерлоф замолчал, моргнул и с растерянным видом посмотрел на Джулию. Можно было подумать, что он забыл, зачем вообще ее сюда позвал.

А Джулия тем более не имела ни малейшего представления относительно того, чем им предстоит заняться, и поэтому тоже молчала. Неожиданно она осознала, что даже толком и не разглядела комнату своего отца. До этого ее слишком занимал пакет с сандалией, который она по-прежнему держала в руке.

Теперь женщина осмотрелась. Как медсестра, она быстро заметила, где вмонтированы в стены кнопки экстренного вызова персонала, а как дочь, обратила внимание, что Йерлоф привез сюда из дома свои морские воспоминания. Три таблички лакированного дерева с названиями «Морской рыцарь», «Ветер» и «Северный» висели над черно-белыми фотографиями этих кораблей. На другой стене в рамке под стеклом висел капитанский диплом со штампами и печатями. На книжной полке рядом с письменным столом стояли переплетенные в кожу судовые журналы Йерлофа. И тут же находились две модели парусников сантиметров по десять в длину, каждый из них гордо плыл на всех парусах в своей бутылке.

Все было в полном порядке, аккуратно, как в каком-нибудь морском музее, ни пылинки. Джулия поняла, что она завидует отцу, потому что он мог оставаться в своей комнате, со своими воспоминаниями. И ему не надо было выходить в этот так называемый настоящий мир, где ты обязан дергаться и суетиться, убеждать всех и каждого, что ты чего-то стоишь, притворяться.

На прикроватной тумбочке лежала черная Библия Йерлофа и стояло с полдюжины пузырьков с таблетками. Джулия опять повернулась к отцу.

— Ты так и не спросил, как я себя чувствую, Йерлоф, — тихо сказала она.

Он кивнул.

— А ты так и не назвала меня папой, — ответил Йерлоф.

Оба немного помолчали.

— Так как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Хорошо, — коротко ответила Джулия.

— Ты, как и раньше, работаешь в больнице?

— Ну да, — почти солгала Джулия, не упоминая, сколько времени она уже на бюллетене. Вместо этого она сказала: — Я была в Стэнвике до того,

как приехать сюда. Посмотрела на дом.

— Хорошо. Ну и как там все вообще?

— Как обычно, тихо и безлюдно.

— А окна все целы?

— Да, окна целы, — ответила Джулия. — Вообще-то там кое-кто был, точнее, появился, когда я находилась около дома.

— Скорее всего — Йон, — сказал Йерлоф. — А может быть, Эрнст.

— Мне он представился как Эрнст Адольфссон. Вы что, хорошо знакомы?

Йерлоф кивнул:

— Он хороший скульптор, а всю жизнь проработал каменотесом. Вообще-то он родился в Смоланде, но...

— Ты хочешь сказать, что, несмотря на это, он хороший человек? — быстро бросила Джулия.

— Я хочу сказать, что он давно здесь живет, — ответил Йерлоф.

— Да, я немножко припоминаю... Он сказал что-то очень странное после того, как вдруг вспомнил одну историю военных времен. Он имел в виду Вторую мировую войну?

— Он приглядывает за домом, — объяснил Йерлоф. — Эрнст живет недалеко, у каменоломни. Он берет там камень. В прежние времена в каменоломне работало человек пятьдесят, а теперь остался только Эрнст... Кстати, он мне помог кое-что разузнать насчет этого.

— Насчет чего? Ты хочешь сказать про Йенса?

— Ну да, мы разговаривали на днях, прикидывали так и эдак, — сказал Йерлоф и потом вдруг спросил: — Ты надолго приехала?

— Ну... — Джулия была совершенно не готова к этому вопросу. — Я вообще-то не знаю.

— Хорошо бы тебе остаться недели на две.

— Это слишком долго, — выпалила Джулия. — Мне надо домой.

— Так сильно надо? — спросил Йерлоф так, будто бы это было для него какой-то неожиданностью.

Он посмотрел на сандалию, которая лежала уже на письменном столе. Джулия проследила за его взглядом.

— Ну, я побуду здесь какое-то время, — сказала она быстро, — я, конечно, помогу.

— Чем именно сможешь?

— Ну... Сделаю, что потребуется, чтобы продвинуться дальше.

— Хорошо, — сказал Йерлоф.

— А что именно мы должны сделать? — спросила Джулия.

— Мы будем беседовать с людьми и слушать их истории о том, что они делали в тот день.

— Ты хочешь сказать... их будет много? — удивилась Джулия. — Что это дело рук не одного человека?

Йерлоф посмотрел на сандалию.

— Я хочу поговорить с определенными людьми здесь, на Эланде, — объяснил он. — И я считаю, им есть что рассказать.

В очередной раз он не дал прямого ответа на вопрос Джулии. Она начала уставать от всего происходящего здесь, ей захотелось просто повернуться и уйти, но она вовремя вспомнила, что у нее с собой выпечка.

«Я останусь, Йенс, — подумала Джулия. — На несколько дней, ради тебя».

— Как здесь насчет кофе? — поинтересовалась она.

— Без проблем, — ответил Йерлоф.

— Тогда мы попьем кофе и поедем вкусенького, — сказала Джулия и, хотя ей совершенно не хотелось походить на свою благополучную предусмотрительную сестру, все же спросила: — А где я буду ночевать? У тебя есть какие-нибудь идеи на этот счет?

Йерлоф медленно опустил руку в ящик письменного стола, вынул небольшую шкатулку и покопался в ней. Послышался звон, и Йерлоф достал брелок с ключами.

— Вот, — сказал он, протягивая ключи Джулии, — переночуй в береговом доме, электричество там есть.

— Но я не могу...

Джулия стояла у письменного стола и смотрела на Йерлофа. Было похоже, что он все распланировал заранее.

— Там, наверное, куча рыболовных сетей и все такое прочее? — спросила она потом. — Всякие полавки, грузила, банки со смолой?

— Ничего такого там нет, я больше не рыбачу, — ответил Йерлоф. — В Стэнвике теперь вообще никто не рыбачит.

Джулия взяла ключи.

— Раньше туда и войти нельзя было: все битком забито, — сказала Джулия. — Я помню, что...

— Все давно убрано, — прервал ее Йерлоф. — Твоя сестра все вычистила.

— Значит, я буду ночевать в Стэнвике? — спросила Джулия. — Одна во всем поселке?

Нет, не одна, так только кажется. Там есть люди.

Полчаса спустя после того, как Джулия вышла от Йерлофа, она уже была в Стэнвике на берегу и глядела на темную воду. Небо было таким же облачным, как и днем. Казалось, что по нему проплывают тени кого-то или чего-то. Уже наступали сумерки, и Джулии жутко хотелось пропустить стаканчик красного вина, — но если не вина, то хотя бы выпить таблетку.

Это все из-за волн, которые медленно плескались о землю и перебирали маленькие камешки у обреза берега. Обычно волны здесь достигали метров двух и накатывались на берег с настоящим грохотом, вытаскивая со дна моря обломки кораблей, дохлую рыбу или человеческие останки.

Джулии хотелось закрыть глаза для того, чтобы, не дай бог, не увидеть то, что может лежать между камнями на берегу. Она ни разу не вошла здесь в воду после того дня. Женщина обернулась и посмотрела на маленький прибрежный домик. Он казался крохотным и одиноким.

«Я так близко от тебя, Йенс».

Джулия и сама не понимала, почему она все же взяла ключи и согласилась ночевать здесь. Но всего одну ночь в общем-то можно пережить. Она никогда особенно не боялась темноты и привыкла быть одна. Сутки, возможно, двое, пожалуй, сойдет. А потом она опять поедет домой.

Она отперла висячий замок. Поток холодного воздуха прилетел с пролива и подтолкнул ее в спину.

Когда Джулия закрыла за собой дверь, ветра не стало слышно. Внутри была абсолютная тишина. Она зажгла верхний свет, по-прежнему стоя возле двери. Йерлоф оказался прав: прибрежный домик стал другим, совсем не таким, каким она его помнила.

Он уже не был обиталищем рыбака, переполненным пахучими сетями, грузилами, поплавками и пожелтевшими экземплярами «Эландс-постен», кучами лежащими на полу. После того как Джулия находилась тут в последний раз, ее старшая сестра полностью здесь все обустроила. Здесь имелся маленький холодильник, обогреватель, электроплитка. На столе стоял большой корабельный компас из бронзы и полированной меди — память о годах, проведенных Йерлофом в море.

Воздух в доме был сухим, лишь немного пахло дегтем. Это стало совсем незаметно, когда Джулия подняла жалюзи и открыла маленькие окна. Да, здесь вполне можно было жить, тем более что одиночество тоже не являлось для Джулии проблемой.

Ближайший сосед, Эрнст Адольфссон, обитал около каменоломни. У Эрнста был старый «вольво», и Джулии было приятно услышать, что он

сейчас едет по деревенской дороге. Но когда она выглянула из окна, она ничего не увидела — только ветер, перебирающий густую траву. Даже чайки куда-то исчезли.

В домике было две узких кровати. На одной из них Джулия распаковала свои сумки. Достала одежду, несессер, запасные туфли и стопку романтических романов серии «Роза», которые она засунула на дно сумки и время от времени почитывала. Джулия положила книги на столик возле кровати.

На стене возле двери висело маленькое зеркало в лакированной деревянной рамке, Джулия взялась изучать свое лицо. Лицо было морщинистым, усталым, но кожа все же не казалась такой серой, как в Гётеборге. Резкий эландский ветер уже умудрился подкрасить ее щеки.

Чем бы ей теперь заняться? Есть Джулии не хотелось, потому что в небольшом киоске рядом с домом престарелых она немного перекусила.

Может, почитать? Да нет, не хочется.

Выпить вина — благо, оно у нее с собой? Нет, пока нет.

Пожалуй, надо посмотреть, что творится вокруг.

Джулия вышла из дома, медленно спустилась к берегу и пошла вдоль воды. Сейчас это стало для нее намного легче, потому что к ней вернулась часть того внутреннего баланса, который она обретала здесь, в Стэнвике. Когда она была девчонкой, когда носилась вдоль моря дни напролет, совершенно ни о чем не заботясь. Тогда она была счастлива.

Недалеко от прибрежного дома по-прежнему лежал Серый глаз, но казалось, что он медленно сползает ближе к морю, что волны и ветер затягивают его туда. Серый глаз — это был длинный округлый камень примерно в метр высотой, который больше всего походил на лошадиную спину. Когда-то давным-давно Джулия считала, что это ее собственный камень, и сейчас, когда она проходила мимо, она дружески хлопнула по нему ладонью. За прошедшие годы он еще глубже врос в землю и, наверное, оттого казался меньше.

Ветряная мельница тоже стала ниже, хотя это была самая высокая постройка в Стэнвике. Старая ветряная мельница находилась на самом краю обрыва, метрах в двухстах от прибрежного домика. Но когда Джулия подошла поближе, она поняла, что обрыв слишком крутой и здесь она подняться наверх не сможет.

Южнее мельницы стояло несколько прибрежных домиков — внутренняя часть бухты Стэнвика. Летом она превращалась в самый длинный на острове пляж. А сейчас там было совершенно пусто, не

наблюдалось ни малейшего движения.

Джулия поднялась навверх к дороге в деревню и пошла дальше, мимо прибрежного дома Йерлофа. Она остановилась и посмотрела сверху на воду, туда вдаль, в сторону материка. Смоланд было видно, но он казался всего лишь маленькой серой полоской вдоль линии горизонта. В море ни одного корабля.

Джулия неторопливо огляделась вокруг, как будто бы береговой пейзаж был ключом, способным раскрыть любую загадку, если только она найдет и не упустит нужные детали.

Если то, чего все так боялись, все же случилось, если Йенс смог спуститься вниз к воде, то тогда он шел здесь, в тумане, тем вечером. Конечно, она и сейчас могла бы попытаться найти его следы, но это уже проделывали много раз. Она, полиция, да и, пожалуй, весь Стэнвик.

Джулия пошла дальше, через несколько сотен метров она подошла к каменоломне. Она была закрыта: камень здесь больше не добывали. Хотя по-прежнему на покосившейся деревянной табличке возле дороги виднелись выцветшие буквы: «Компания по добыче камня». В глубь острова на пустошь от дороги отходило ответвление. Но и дорогу, и пустошь, казалось, поглотила каменоломня. Джулия подошла ближе к краю обрыва, который почти под прямым углом устремлялся вниз, к самому дну.

Сама каменоломня была не особенно глубокой: четыре, может быть, пять метров, — пожалуй, не больше. Но очень широкая. Шире, чем несколько футбольных полей. Эландцы добывали здесь камень столетиями, вгрызаясь в береговые скалы. Но для Джулии здесь сейчас все выглядело так, как будто бы однажды все вдруг решили бросить работу и пойти домой, и оказалось, что навсегда. Готовые каменные блоки по-прежнему рядами лежали на дне.

На другой стороне каменоломни вдоль пустоши виднелись светлые фигуры. Было слишком темно и слишком далеко, чтобы Джулия могла рассмотреть какие-нибудь детали, но через пару секунд Джулия поняла, что это статуи всевозможных размеров. У самого края каменоломни стояло что-то остроконечное, высотой в человеческий рост. Больше всего это походило на средневековую церковь. Ну да, наверное, копия колокольни Марнесской церкви. Джулия поняла, что она смотрит на творение Эрнста Адольфссона.

Позади фигур стоял деревянный темно-красный прямоугольный дом, окруженный низкими деревьями и можжевельновыми кустами. Рядом с домом примостился массивный округлый «вольво» Эрнста. В домах горел свет.

Джулия решила, что следующим утром, пока она не уехала из

Стэнвика, обязательно посмотрит на работы Эрнста.

Отсюда она также видела Синюю деву, которая на фоне горизонта выглядела как маленький серо-голубой бугор. У этого острова было и другое название — Блокула.^[27] На том острове, согласно поверьям, собирались ведьмы и на их праздниках появляется Сатана. Остров был необитаем, он являлся национальным парком, куда днем на катерах возили туристов. Джулия тоже бывала там. Одним на редкость солнечным днем Лена, Йерлоф и Элла возили ее на остров.

Там имелась масса на редкость красивых круглых камешков, но Йерлоф заранее предупредил Джулию, что ничего оттуда брать нельзя. Есть поверье: если взять хоть что-нибудь с Блокулы, то это принесет несчастье. Джулия так и сделала, но почему-то с неудачами в жизни у нее тем не менее все оказалось в полном порядке.

Джулия повернулась спиной к острову ведьм и пошла обратно к прибрежному домику.

Через двадцать минут она уже сидела на кровати, не чувствуя ни малейшей усталости, и слушала ветер. В очередной раз она безуспешно пыталась начать один из прихваченных с собой любовных романов, но дальше заголовка «Тайна поместья» дело не пошло. Джулия закрыла книгу и уставилась на старый компас.

Сейчас она могла бы сидеть в Гётеборге за кухонным столом с бокалом красного вина и смотреть в окно, на освещенную пустую улицу.

А в Стэнвике было темно. Джулия выбралась наружу, в туалет. Спотыкаясь, она помыкалась между камнями и едва не заблудилась всего лишь в нескольких метрах от дома. Сейчас она даже не видела воды там, внизу, и лишь слышала, как шумят волны, наталкиваясь на берег. В небе тоже что-то творилось: черные жирные дождевые облака надвигались на остров, как стая злобных призраков.

Когда Джулия наконец нашла место, она против своей воли начала вспоминать о привидении, которое появилось здесь, на берегу, однажды ночью в начале века. Одна из ее бабушек, Сара, рассказывала как-то раз в сумерках о том, как ее муж со своими братьями ветреным вечером спустились к морю, повыше затащить свои лодки, чтобы их не унесло волной. И вот когда они стояли возле бурлящей воды и тянули лодки на берег, внезапно из темноты появился призрак, одетый в штормовку, и начал утаскивать одну из лодок в другую сторону, прочь от берега, в море. Дедушка стал кричать на него, призрак ответил ему на ломаном шведском, все время повторяя одно слово, которое можно было разобрать.

— Эзель, — повторял призрак, — Эзель.

Дедушка с братьями крепко держали лодку, и также внезапно, как и появился, призрак развернулся, бросился в клокочущие волны и исчез.

Джулия быстренько все сделала и тотчас рванула назад в тепло и заперла за собой дверь. Только сейчас она вспомнила, что здесь нет водопровода и что ей надо подняться на холм, чтобы набрать ведерко.

Тот сильный шторм продолжался три дня, и потом пришла новость с северной оконечности Эланда: судно село на мель возле Бёда,^[28] и три дня назад волны раскололи его на части. Судно плыло с эстонского острова Эзель, весь экипаж погиб, так что тот моряк в штормовке, которого видели рыбаки в Стэнвике и с которым они говорили, был тогда уже мертв. Утопленник.

Бабушка глядела на Джулию и кивала.

Сумерки.

Призрак на берегу.

Джулия поверила этому рассказу, как, впрочем, и всем старым историям, которые ей довелось слышать в сумерках. Время от времени по берегу наверняка бродили утонувшие моряки — одинокие, заблудившиеся, мечущиеся.

Джулии больше не хотелось выходить на улицу этим вечером, и она решила, что можно позволить себе не мыться и не чистить зубы.

На подоконнике стояли толстые красные стеариновые свечи. Прежде чем лечь, Джулия зажигалкой зажгла одну из них — пусть погорит чуть-чуть.

Поминальная свеча для Йенса и для его мамы. Глядя на отблески пламени, она решила: сегодня вечером никакого вина и снотворного. Она будет бороться, бороться с болью, которая присутствовала повсюду, а не только здесь, в Стэнвике. Стоило Джулии встретить маленького мальчика на улице, как ее тотчас переполняли боль и скорбь.

Джулия посмотрела на свою записную книжку, лежащую на кровати рядом с мобильником Лены. Совершенно неожиданно для себя она взяла ее в руки, перелистала несколько страниц и набрала номер.

Да, телефон работал. Два гудка, потом три, четыре.

Затем глуховатый мужской голос ответил:

— Алло.

Было уже половина одиннадцатого. Будний день. Конечно, Джулия позвонила слишком поздно, но ей пришлось сказать:

— Микаэль.

— Да.

— Это Джулия.

— А-а, привет, Джулия.

В его голосе скорее слышалась усталость, чем удивление. Джулия попыталась представить, как Микаэль выглядит сейчас, но никакой картинки в голове не сложилось.

— Я на Эланде, в Стэнвике.

— Ага. А я в Чёпенгхамне, как обычно. Я уже спал.

— Я знаю, что поздно. Я только хотела рассказать, что здесь появился новый след.

— Какой след?

— Нашего сына, след Йенса.

Микаэль несколько секунд помолчал.

— Ага, — снова сказал он.

— Но вот я и приехала сюда... Я подумала, что ты захочешь это знать. Конечно, не бог весть какой след, но может быть, можно...

— Как ты себя чувствуешь, Джулия?

— Хорошо, я дам знать, если будут еще новости.

— Ну да. Как я понимаю, мой номер у тебя есть, но, ради бога, в следующий раз звони не так поздно.

— О'кей.

— Ну тогда пока. — Микаэль повесил трубку.

Джулия сидела на кровати, по-прежнему сжимая в руке мобильник. Сейчас она окончательно убедилась, что телефон работает, но явно ошиблась с тем, кому позвонить.

Микаэль отдалился от нее давным-давно, еще до того, как они расстались. С самого начала он был совершенно уверен, что Йенс спустился к морю и утонул. Иногда Джулия ненавидела Микаэля за эту уверенность, а иногда завидовала.

Когда через несколько минут Джулия легла прямо в брюках и свитере, грянул проливной дождь, который собирался весь вечер.

Небеса разверзлись в долю секунды, и капли застучали по крыше. Джулия лежала в темноте и слушала, как вода ручьями стекает на землю. Она понимала, что дом построен на совесть, потому что выдержал не один сильный шторм, поэтому спокойно закрыла глаза и заснула.

Джулия уже не слышала, когда полчаса спустя дождь так же неожиданно, как и начался, прекратился. И не слышала шагов там, снаружи, возле каменоломни.

Эланд, май 1943 года

Нильсу уже принадлежал берег, он владел Стэнвиком, а теперь всеми окрестностями деревни. Когда его матушке не надо было помогать по дому или в поместье, он бродил по окрестностям, как будто измеряя свои владения, длинными уверенными шагами. Залитый золотистым солнечным светом, он шагал по эландскому бездорожью с рюкзаком за плечами и дробовиком в руках.

Дикие кролики обычно до последнего, замерев, сидели прижавшись к земле, надеясь, что их не заметят, и, только когда понимали, что это последнее наступило, неслись прочь. Да так, что едва хватало времени вскинуть дробовик. Поэтому каждую секунду, когда охотился, Нильс был наготове.

Дом и пустошь являлись теми двумя мирами, которые остались у Нильса после того, как матушка объяснила, что он больше не может работать в каменоломне после драки с Ласс-Яном. С тех пор прошло уже несколько лет, но и другие каменотесы не хотели видеть там Нильса. Нильсу на это было совершенно наплевать, поэтому он больше ни разу не появлялся в каменоломне и тем более не стал ни перед кем извиняться. Единственное, что было неприятно, — так это то, что его матушке пришлось заплатить Ласс-Яну жалованье за все то время, пока срастались его сломанные пальцы и он не мог работать.

Хотя во всем виноват сам Ласс-Ян.

У Нильса от этой истории тоже осталась память — два сломанных пальца на левой руке. Он не захотел ехать к доктору в Марнесс, хотя болело зверски, поэтому пальцы срослись неправильно, остались скрюченными и с трудом сгибались. Но Нильсу было все равно: ведь он правша, и это не мешает ему держать дробовик.

Народ в деревне теперь избегал Нильса, но это тоже не имело для него никакого значения. Майя Ньюман несколько раз останавливалась на дороге, когда он шел к пустоши, но лишь молча смотрела на него, как и все остальные. Майя, конечно, была красивая, но Нильс обходился и без нее.

Матушка Нильса дала ему двуствольный дробовик «хускварна»,^[29] и с тех пор он стал его единственным другом. Нильс отдавал матери всех кроликов, которых ему удавалось подстрелить, так что местные скупердяи крестьяне больше не дурили ее, заламывая за мясо непомерные цены.

На востоке, прочерчивая горизонт, виднелась белая колокольня Марнесской церкви. Но Нильс ни в каких ориентирах не нуждался: он

давно изучил пустошь, с ее лабиринтами длинных каменных стен, скал, бесконечных зарослей кустов и травы.

Прямо перед ним, немного наискосок, лежал жертвенный камень, невысокий холмик в память о том, как какой-то полоумный псих уколошил на этом месте священника, а может, даже епископа. Все это случилось много сотен лет назад, когда Нильса еще и в помине не было.

Но люди, которые проходили мимо этого места, не все, конечно, но некоторые, рядом в память клали камень. Сам Нильс никогда этого не делал: для него жертвенный камень был всего лишь хорошим местом, чтобы посидеть и перекусить.

Вот и сейчас он остановился, потому что почувствовал, что слегка проголодался. Нильс подошел к жертвенному камню, расчистил себе место, устроился поудобнее, положил дробовик поближе, чтобы был под рукой, снял рюкзак и поставил себе на колени. Он открыл рюкзак и начал изучать, что ему приготовила матушка. Нильс обнаружил два бутерброда с сыром и два с колбасой, завернутые в промасленную бумагу, и небольшую запотевшую бутылочку молока. Матушка сама уложила все это в рюкзак, пока Нильс, не спрашивая ее, наливал в плоскую фляжку коньяк, который мать держала в самом дальнем ряду на нижней полке шкафа.

Нильс начал трапезу с того, что открыл фляжку и сделал большой глоток. По всему горлу растеклось приятное тепло, и только потом неторопливо взялся за пакет с бутербродами. Также неспешно, пока он со вкусом ел и пил, закрыв глаза от удовольствия, его мысли нанизывались одна на другую.

Нильс думал об охоте. Сегодня ему еще не попался ни один кролик, но у него впереди была еще вся вторая половина дня, так что шансы имелись. Потом он подумал о войне, о которой все время говорили дикторы, стоило только включить радио.

Швецию пока не оккупировали. Хотя три немецких эсминца по ошибке налетели на минное поле возле южного побережья Эланда летом сорок первого года. Их разнесло в клочья, сотни гитлеровских моряков оказались в воде; кому повезло — те просто утонули, а остальные сгорели заживо в разлившемся по воде топливе. А позже, летом сорок второго, очень многие эландцы были совершенно убеждены в том, что война добралась и до них. Непонятно почему, немецкий бомбардировщик сбросил целых восемь бомб на лес у подножия руин Боргхольмского замка.

Громыхало так, что было слышно аж в Стэнвике. Нильс тогда спал, его разбудили звуки взрывов. Он стоял перед темным окном, сердце бешено колотилось, потому что, и он готов был в этом поклясться, Нильс слышал

шум двигателей самолета, улетающего от острова. Может, какой-нибудь «мессершмитт». Он изо всех сил вслушивался в наступившую тишину и хотел лишь одного — еще бомб, еще взрывов здесь, вокруг Стэнвика.

Но никакого немецкого вторжения так и не произошло. А сейчас, похоже, Гитлеру оставил эту идею. Нильс почитывал «Эландс-постен» и поэтому знал о большом поражении немецких войск под Сталинградом, которое случилось на редкость холодной зимой этого года. Похоже было, что Гитлер проигрывает.

У себя за спиной Нильс услышал лошадиное ржание.

Он открыл глаза и обернулся. Позади него показались несколько лошадей. Молодняк. Четыре пегие в бело-коричневых пятнах неторопливо трусили мимо жертвенного камня. И вот они уже, выстроившись в рядок, двигались мимо Нильса, наклонив голову и поднимая плотные клубы пыли. Земля тут мягкая, и копыта ударяются о нее почти неслышно.

Лошади. Шляются, где хотят, своим табунком по пустоши. Пару раз, когда Нильс выслеживал кроликов, он вляпался в лошадиное дерьмо, которое они оставляли в память о себе.

Скорее всего, что этот табунок возвращался домой. Но когда Нильс набрал воздуха и коротко свистнул, а потом сунул левую руку в рюкзак, передняя лошадь, наверное вожак, остановилась и повернула к нему голову.

Остальные последовали его примеру и также смотрели на Нильса. Одна из них наклонилась, чтобы попробовать найти что-нибудь вкусное в желтой траве пустоши, но ничего не обнаружила. Лошади ждали: может быть, им перепадет что-нибудь повкуснее.

Нильс по-прежнему держал руку в рюкзаке и шуршал пустым пакетом из-под бутербродов, а правой рукой медленно шарил среди булыжников на жертвенном камне.

Лошади ждали, мотали головой и перебирали копытами. Нильс опять пошуршал бумагой, и тогда вожак осторожно шагнул в его сторону. Другие, легонько всхрапывая, также неторопливо двинулись к жертвенному камню.

Вожак табунка опять остановился поодаль, метрах в пяти.

— Ну, иди к папочке, — сказал Нильс и широко улыбнулся.

С кроликами такая штука не пройдет — они не лошади, их фиг подманишь.

Вожак помотал своей большой головой и легонько заржал.

Потом он сделал еще пару шагов, и только тогда Нильс моментально вскинул правую руку, швырнул первый камень.

Прямое попадание — круглый камень стукнул зверюге прямо по голове, она, как ошпаренная, в полной панике рванула назад к остальным

лошадям. Нильс быстро поднялся и бросил второй камень, он был плоским и летел по воздуху, как клинок.

Еще одно попадание — на этот раз в бок жожаку. Тот громко и испуганно заржал, и только теперь все лошади осознали опасность. Галопом, быстро набирая скорость, они поскакали прочь. Было слышно, как их копыта ударяются о землю. Вот-вот они исчезнут среди кустов.

Нильса трясло от возбуждения, и его третий камень ушел в молоко. Он слишком сильно взял влево. Он быстро нагнулся за очередным камнем, но четвертый не долетел.

Но ничего: последний камень, которым он наградил жожака, во всяком случае, оставил блестящую кровавую полосу на его правом боку. Рана глубокая, не затянется по крайней мере несколько дней. Нильс подумал, что ему надо найти камень и избавиться от него, прежде чем лошадь вернется домой и увидят, что она ранена.

Перестук копыт уже не был слышен — на пустоши опять стало тихо. Нильс вздохнул и поднялся с жертвенного камня. Он улыбался, потому что вспоминал, как по-идиотски выглядела та лошадь, когда первый камень попал ей в лоб.

Чертовы лошади.

Нильс показал, кто тут главный, кто заправляет всем вокруг Стэнвика. По-прежнему улыбаясь, он поднял рюкзак: может, матушка положила на дно кула?

В Марнесском доме для престарелых наступил вечер. Йерлоф сидел за письменным столом, перед ним лежал большой блокнот для заметок. Он крутил в пальцах ручку, но ничего не писал.

Когда Йерлоф сидел вот так, как сейчас, за столом, он легко мог представить себя по-прежнему сильным и что он вовсе не так стар, как кажется. Стоит только хорошенько потянуться — и вот крепкие ноги опять несут его в очередное странствие.

Выйти отсюда. Вернуться в Стэнвик, спуститься на берег, крикнуть так, что эхо раскатится в скалах; налегая на весла, доплыть до корабля, ожидающего на глубокой воде. Поднять якорь, поставить паруса — и вперед, в огромный мир.

Йерлоф всегда чувствовал нечто захватывающее, что эландский капитан имеет возможность плыть куда захочет, в любую страну. Нужна лишь толика удачи, много опыта и мастерства, хорошо оснащенное судно, достаточно запасов на борту — и можно прямо с Эланда отплыть в любой порт мира и потом вернуться вновь домой. Просто фантастика. Вот это и есть настоящая свобода.

Но прошло несколько минут, в коридоре раздался звонок на ужин и возвратил Йерлофа в его обессиленное тело. Ноги пока еще держали его, но с явной неохотой, а руки, эти руки уже никогда не смогут поднять ни одного паруса.

Они так быстро пронеслись, те годы, проведенные в море. Хотя, вообще-то, их было не так уж и много. Йерлоф начал ходить в море боцманом на галеасе^[30] своего отца «Ингрид Мария» где-то году в двадцатом, точнее, в конце года. А потом, пятью годами позже, когда отец стал судовым маклером и остался на берегу, корабль достался Йерлофу. Он переименовал его в «Ветер» и занялся фрахтовыми перевозками древесины и пиломатериалов из Смоланда на Эланд. Это было здорово — стать капитаном своего судна в двадцать два года.

А затем грянула Вторая мировая. Во время войны Йерлоф служил лоцманом на Эланде, и ему по крайней мере дважды довелось видеть, как корабли взлетают на воздух, а потом идут на дно со всем экипажем лишь из-за того, что их капитаны считали, будто знают дорогу через минные поля лучше лоцмана.

Тогда, в военные годы, Йерлоф стал бояться мин. С тех пор ему стал

сниться один и тот же кошмар, который он видел время от времени и сейчас, много лет спустя, и от которого просыпался с криком в холодном поту. В этом жутком наваждении Йерлоф стоял у релингов на палубе лоцманского катера. Все вокруг было залито солнцем. День на редкость ясный. А потом он смотрел вниз и вдруг замечал черную тушу мины, почти полностью скрытую водой. Мина едва виднелась, она, похоже, очень старая, ржавая, заросшая водорослями, неторопливо шевелящимися в такт волнам. Рожки контактных взрывателей тянулись к кораблю, чтобы поскорей выпустить на волю злую силу, заточенную в мине. Несколько секунд — и все...

Катер не успевает отвернуть, тем более остановиться, и плавно подходит к щетине взрывателей, все ближе и ближе... И в этот самый момент, когда катер должен поглотить страшный взрыв, Йерлоф всегда просыпался.

Потом, после того как война закончилась, Йерлоф купил свою вторую шхуну «Морской рыцарь» и ходил между Боргхольмом и Стокгольмом через Сёдертельский канал.^[31] Обычно Йерлоф брал на борт эландский мрамор и красный известняк для столичных новостроек, а обратно вез бензин, солянку, товары по заказу, плитку и черепицу для управы в Боргхольм.

На всем пути, в каждом порту стояло множество шхун. Одни ожидали погрузки, другие разгружались. Все экипажи друг друга знали, и если была нужна какая-нибудь помощь, то всегда помогали.

В то время не было и в помине никакого соперничества или конкуренции. Йерлофу здорово помогли той декабрьской ночью 1951 года, когда «Морской рыцарь» стоял на якоре у острова Энг. На судне было масло, которое по неизвестной причине загорелось. Йерлоф и его боцман Йон Хагман спали и едва успели выскочить на палубу, прежде чем огонь полностью охватил корабль. Как это часто бывает у северных моряков, плавать ни один, ни другой не умели,^[32] но, на их счастье, другая шхуна стояла рядом на якоре, и Йерлофа с Йоном тут же взяли на борт. Им-то помочь успели, а вот «Морскому рыцарю» пришел конец. Все, что оставалось сделать, — так это обрубить якорный канат и смотреть, как объятый пламенем корабль уносит в ночное море.

И сейчас эта картина стояла у него перед глазами. Может быть, еще и потому, что для Йерлофа горящий и тонущий в зимнем море корабль стал символом всего гибнущего эландского судоходства, хотя тогда он этого еще не понял. Йерлоф мог, конечно, остаться на берегу и расстаться с морем, но

все же когда по страховке он получил деньги, то почти сразу купил моторную шхуну и ходил на ней капитаном еще целых девять лет. «Северянка» была его последним и самым красивым кораблем. Ходкая, с ладным такелажем^[33] и мощным дизелем. До сих пор Йерлофу слышал убаюкивающий ровный рокот ее двигателя.

В 1960 году он продал «Северянку» и остался на берегу. Йерлоф поступил на работу в управление коммуны Боргхольма, и началась спокойная сидячая жизнь с трудовыми буднями за письменным столом. Тоска, но было и свое преимущество: он каждый вечер ехал домой к Элле. Как ни крути, детские годы дочерей Йерлоф пропустил, но по крайней мере видел, как они, уже подростки, хорошеют у него на глазах. И когда младшая Джулия родила сынишку, то Йерлофу было все равно — замужем она или нет, он всей душой полюбил ее малыша, своего внучонка.

Йенс Йерлоф Давидссон.

И потом настал тот день.

Уже наступила осень, но Джулия много времени проводила с Йенсом в Стэнвике, больше, чем обычно. Она тогда училась на медсестру, точнее, уже работала практиканткой на полставки. Отец Йенса Микаэль по-прежнему жил на материке. В тот день Джулия оставила своего сына на попечение Эллы и Йерлофа и поехала в Кальмар. Йерлоф с Эллой попили кофе, и потом он без каких-либо колебаний оставил жену с Йенсом дома и пошел вниз к морю: надо было подправить сети, которые он собирался поставить на следующее утро.

Когда Йерлоф спустился к прибрежному домику, он увидел, как с Кальмарского пролива движется туман, такой густой, какого он и на море много лет не видел. Туман навалился на берег, и Йерлоф кожей почувствовал его холодное влажное прикосновение. Ощущение было не из самых приятных, как будто он стоял на палубе в холодный день. Еще через несколько минут весь окружающий мир исчез в плотном, как толстое одеяло, покрове, где в радиусе двух шагов ничего не видно.

Наверное, ему тогда надо было вернуться домой к Элле и Йенсу. Вообще-то он так и хотел сделать. Но решил остаться еще на часок в доме и поработать с сетями.

Вот так все и было. Но со слухом у Йерлофа все в порядке — и сейчас и тогда. Поэтому он совершенно не сомневался по крайней мере в одной вещи, хотя и не смог убедить в этом других, ну, может, за исключением Джулии, — Пенс не спускался к морю. Йерлоф обязательно бы услышал его. Конечно, туман не такой плотный, как вода, и приглушает звук, но все слышно. Йенс не утонул, хотя полиция именно так и считала, и тело внука

не уносило в Кальмарский пролив и не утягивало на дно.

Йенс пошел куда-то еще, но только не к морю.

Йерлоф склонился над письменным столом и написал два предложения:

«Равнина похожа на море.

А там, на пустоши могло случиться все, что угодно».

Он положил ручку на стол и закрыл блокнот. Потом, когда вытянул ящик, то опять увидел сандалию, завернутую в тряпку, а рядом лежала толстая книга. Она была напечатана недавно, в этом году.

Книгу издали как юбилейную, шестьдесят страниц шикарной плотной глянцеваы бумажы. На обложке вытиснено название «Морские перевозки руды — 10 лет». Под заголовком красовался парусник.

Книгу Йерлофу одолжил Эрнст, когда в прошлый раз приезжал навестить — недели две назад. «По-моему, тут есть кое-что интересное, — сказал тогда Эрнст, — посмотри на странице восемнадцать».

Йерлоф вынул книгу и начал перелистывать. Вот. Внизу в текст была врезана маленькая черно-белая фотография, и уже в который раз Йерлоф стал ее рассматривать.

Снимок был старый. Каменный пирс в небольшой гавани, на нем высокий штабель длинных досок. Сбоку и сзади виднелась черная корма парусника, похожего на те, на которых плавал сам Йерлоф. Между кораблем и досками стояла группа людей в темной рабочей одежде и вязаных шапочках. Двое — на переднем плане. Один из них дружески положил другому на плечо руку.

Йерлоф пристально глядел на эту парочку, и они, казалось, тоже рассматривали его.

Послышался стук в дверь.

— Вечерний кофе, Йерлоф, — сказала Буэль.

— Уже иду, — ответил Йерлоф, отодвигая стул.

Он медленно выбрался из-за письменного стола.

Но все же Йерлофу почему-то было трудно выдержать взгляды тех двух парней с фотографии в памятной книге.

Ни один из них не улыбался. Впрочем, у Йерлофа они веселья тоже не вызывали, потому что после последнего разговора с Эрнстом он фактически уверился в том, что один из этой парочки причастен к смерти его внука и поэтому тело Йенса так и не смогли найти.

Йерлоф не знал пока только одного: кто из них убил его внука.

Йерлоф тихо вздохнул, закрыл книгу и положил ее обратно в письменный стол. Он потянулся за тростью и, тяжело опираясь на нее, медленно пошел пить кофе.

Вдоль горизонта появилась неяркая, будто смешанная с темной полоска. На Эланд пришел рассвет. Но Джулия спала и не видела, как октябрьское солнце поднималось из-за моря.

На всех трех окнах домика Йерлофа висели жалюзи, которые когда-то были темно-красными, но выцвели от солнца и сейчас стали какими-то розоватыми. Почему-то ровно в половине девятого сто: пор у жалюзи ослаб, и они с жужжанием свернулись в трубочку. Звук был не очень громким, но жалюзи оказались возле самой кровати Джулии.

Джулия открыла глаза. Пожалуй, ее разбудил не звук — скорее солнечный ручей, пролившийся в комнату через окошко с востока. Она поморгала и приподняла голову с нагретой подушки. За окном кланялась ветру по-осеннему желтая трава, напоминая Джулии, где она. Сильный ветер, прозрачный воздух.

«Стэнвик», — подумала Джулия.

Она поморгала более осознанно и попробовала приподняться повыше, но голова опять моментально шлепнулась на подушку в уютную ямку. Жаворонком Джулию никак нельзя было назвать, она всю жизнь мучилась по утрам. За двадцать лет она научилась предпочитать сонное забытие всему прочему, потому что из-за постоянной депрессии после того дня она стала спать намного больше, чем прежде, в той, другой жизни. Просыпаться и вылезать из кровати по утрам ей было очень трудно, особенно без особо важной причины.

У пробуждения в Стэнвике имелись свои дополнительные препоны. Здесь не было горячей воды и, конечно, никакого душа, чтобы смыть сон. Все удобства — каменистый берег и холоднящая морская вода.

Джулия стала слабо припоминать, как проливной дождь барабанил ночью по крыше. Но сейчас был слышен только прибой. Ритмичный плеск волн искушал скинуть с себя одежду, побежать к морю и броситься в воду, но порыв постепенно угас.

Она еще полежала на узкой кровати, но потом все-таки поднялась.

Воздух был влажным и холодным. По-прежнему задувал ветер, но когда Джулия отперла дверь и выбралась наружу, то она увидела другой Стэнвик, совсем не тот поселок-призрак, каким он показался ей накануне вечером.

Ночной ливень, казалось, постарался смыть всю серость и

тоскливость, солнце светило вовсю. Камни на берегу были чистенькими, красивыми, аккуратными. Залив, из-за которого деревня и получила свое имя, ^[34] был не очень глубокий и большой, — скорее бухта, ровным полукругом расходящаяся в обе стороны, а дальше, как бы обрамляя ее, сверкала и пенилась вода пролива. Там, в паре сотен метров, парили чайки, пытались докричаться друг до друга и браня ветер.

Но и сейчас в ярком солнечном свете чувствовалась некая печаль. Возможно, оттого, что и красота может быть лишь кажущейся. Но Джулия постаралась выбросить эти мысли из головы. Этим утром ей хотелось перестать ощущать себя больной, не думать о детских косточках на берегу и не разговаривать с призраком Пенса.

И тут она услышала лай. Судя по всему, собачка была чертовски счастлива. Джулия повертела головой. Наверху, на дороге, что тянулась вдоль берега, она увидела седовласую женщину в ветровке. Она, похоже, шла к поселку, а рядом радостно скакал маленький светло-коричневый песик. Собачка была без поводка, забегала вперед хозяйки и тут же возвращалась обратно, тщательно обнюхивая все вокруг. Они повернули и едва не вприпрыжку пошли к одному из домов по другую сторону дороги.

«В Стэнвике не один Эрнст живет», — вспомнила Джулия.

Сон как рукой сняло. Джулия была бодрa, как никогда. Она взяла пластмассовое ведро и пошла наверх, к главному дому, набрать питьевой воды из колонки в саду. Сейчас, при солнечном свете, дом выглядел очень гостеприимно, даже высокая нестриженная трава не портила впечатления, но Йерлоф не позаботился дать ей ключи от дома, хотя Джулии хотелось зайти внутрь, чтобы взглянуть на свою комнату.

Джулия смотрела, как в ведерке плещется вода, и подумала о том, что ей ничего не мешает побыть на Эланде подольше, не один день. Тем более если и вправду, как сказал Йерлоф, надо что-то сделать. Если, конечно, он ей объяснит, что именно. Тогда можно остаться еще, ну... дня на два-три.

Потом Джулия посмотрела на пустой дворик с пожелтевшей травой и тут же передумала. Нет. Она поедет в Гётеборг сегодня.

Джулия пошла обратно, крепко сжимая ручку полного ведра. На полпути она остановилась, чтобы посмотреть на желтую виллу позади холма с ветряной мельницей недалеко от их дома.

Окруженная высокими разросшимися ясенями, вилла едва виднелась — некая тень за холмом с ветряной мельницей, — но и того, что видно, казалось достаточно, чтобы понять, насколько она красива. Дом не просто пустовал — он был совершенно заброшен. Жесткий эландский ветер обшарпал стены и теперь развлекался тем, что доламывал разбитые окна.

Джулия хотя и довольно смутно, но все же помнила, что на вилле жила какая-то старая женщина. Она, что, конечно, очень странно, никогда не выходила из дома и не общалась ни с кем в поселке.

Не менее странным казалось и то, что дом оставили догнивать. Ведь, как ни крути, несмотря на трещины в погрызенной ветром штукатурке, это был настоящий особняк. Наверняка же эта усадьба досталась кому-то в наследство!

Джулия опять подхватила ведро и пошла вниз готовить завтрак.

Сорока пятью минутами позже Джулия собрала вещи и с одной сумкой в руке и другой на плече уже запирала домик. Кровать была застелена, жалюзи опущены, электричество отключено. Домик вновь опустел.

Джулия направилась через поселок вдоль побережья к машине. Она никого не встретила. Она подошла к «форду», забралась на водительское сиденье, завела двигатель и напоследок еще раз посмотрела на свой бывший дом, на пустой поселок, старую ветряную мельницу, на переливающуюся внизу воду и почувствовала, как ее вновь охватывает тоска.

Джулия решительно нажала на газ и развернула машину к дороге. Она проехала мимо бывшей фермы, теперь летнего домика, мимо запущенной желтой виллы, мимо дорожки к дому Йерлофа.

«Йенс, пока».

«Пока, Йенс».

Слева от дороги отходило ответвление к еще одной группе летних домов. У развилки стояла глубоко вкопанная квадратная известняковая плита. Белой краской на ней было написано: «Резьба по камню — 1 км». За плитой торчал металлический дорожный столб с указателем.

Джулия посмотрела на знак и вспомнила, что она собиралась сделать сегодня утром до того, как распрощается с Йерлофом: она хотела заехать на заброшенную каменоломню и посмотреть на работы Эрнста Адольфссона.

Денег на то, чтобы покупать скульптуры у Джулии, разумеется, не было, но посмотреть хотелось. Кроме того, может быть, ей удастся расспросить про Йенса, если Эрнст помнит день его исчезновения и что он сам тогда делал. Вреда-то уж от этого точно не будет.

Джулия свернула на ответвление, маленький «форд» зарычал и закачался на плохой дороге. Хуже дороги она до сих пор не видела. Постаралась в основном, конечно, эландская погода. Вода после ночного ливня собралась в колеях глубокими длинными лужами. Машина ехала на первой скорости, но недовольно ворчала, переваливаясь из лужи в лужу.

Летние дома остались позади. Джулия ехала вдоль границы зарослей. Дорога плавно поворачивала вдоль берега к каменоломне, прямой подъезд вел к прижавшемуся к земле дому Эрнста Адольфссона. Перед домом находилось что-то вроде круглой стоянки. Там ожидал хозяина старенький белый «вольво».

Никакого движения поблизости не наблюдалось, но в середине площадки стояла еще одна плоская полированная плита с надписью, на сей раз черной краской: «Резьба по камню — добро пожаловать».

Джулия заехала на площадку, припарковалась позади «вольво» и выключила мотор. Она выбралась из машины, не забыв достать из сумки бумажник.

Ветер играл низкой травой, деревьев поблизости почти не было. Одной стороной дом смотрел на здоровенную яму, ранившую берег, — это была каменоломня; с другой стороны простирались заросли вереска и можжевельника.

Джулия повертелась и посмотрела на дом Эрнста. Тишина, все закрыто. Она решила позвать:

— Алло?

Ветер заглушил ее возглас — никто не ответил.

К короткой стене дома, где была входная дверь, вела широкая дорожка, выложенная плитками известняка. Возле двери Джулия увидела кнопку звонка.

Она подошла и позвонила.

Опять ничего. Но машина-то припаркована перед домом, так куда же, интересно, запропастился Эрнст?

Она еще раз нажала на кнопку и услышала слегка отдаленный трезвон. И опять ничего не произошло.

Следуя неизвестно откуда взявшемуся порыву, Джулия попробовала открыть дверь. Она оказалась незапертой и широко распахнулась, как бы приглашая ее зайти.

Она просунула голову внутрь:

— Алло?

Снова тишина. Свет выключен, в прихожей темно. Джулия ожидала услышать звук тяжелых шагов и постукивание трости по полу, но вокруг — лишь мертвая тишина.

«Эрнста нет дома, он сейчас наверняка у Йерлофа», — уверял ее внутренний голос. Но Джулию слишком одолевало любопытство. Неужели на Эланде не запирают двери, когда уходят? Что, здесь люди по-прежнему настолько верят друг другу?

У двери лежал коврик с надписью «Добро пожаловать». Джулия пару раз шаркнула подошвами по нему туфлями и вошла внутрь.

— Алло? — позвала она. — Эрнст? Это я, Джулия, дочь Йерлофа.

С потолка прихожей свисала крошечная скульптура с маленьким корабликом. Он слегка покачивался от сквозняка и, казалось, плыл в полумраке прихожей. Справа была кухня, очень опрятная и чистенькая, удобно обставленная: накрытый скатертью обеденный стол и два деревянных стула. Слева — спальня с узкой, тщательно заправленной кроватью.

В конце прихожей находилась гостиная, где доминировало здоровенное панорамное окно, смотревшее на каменоломню и синеющую чуть поодаль воду пролива. Диван, телевизор, стопки книг и газет на журнальном столике — и все. Ничего лишнего. Из примечательного — лишь шестиугольные часы на стене с корпусом из полированного камня и такими же каменными стрелками.

Единственным в доме свидетельством того, чем занимался Эрнст, были лишь каменные часы, но, может быть, он хранит свои работы снаружи?

Джулия вернулась обратно в прихожую. Непонятно почему, но она все время оглядывалась. У нее появилось такое ощущение, что сейчас кто-то или что-то выскочит прямо из стены и набросится на нее. Она вышла на крыльцо и аккуратно закрыла за собой дверь.

Какое-то время Джулия просто стояла, глядя на солнце, и размышляла, как ей теперь поступить. Эрнст Адольфссон ушел и забыл запереть за собой дверь.

Она перевела взгляд на каменоломню. Там, вдоль самого края, выстроились скульптуры Эрнста. Рядом с ними Джулия увидела маленький красный домик, окруженный карликовыми березками, — наверное, мастерская, потому что перед домиком лежали большие и маленькие каменные глыбы. На некоторых ясно виднелись следы резца, другие были лишь едва обработаны. Джулия подумала, что они смахивают на компанию приятелей, развалившихся перед домом на травке. Она пригляделась и заметила контуры грубого лица, чернеющие провалы глазниц. Ей показалось, что это тролль, который прокрадывается к человеческому жилью, крадет детей и навсегда забирает их в подгорное царство. Йерлоф рассказывал Джулии, что в прежние времена, когда на каменоломне пропадало что-нибудь из инструментов, винили всегда троллей. О том, что инструмент мог прихватить кто-нибудь из товарищей-каменотесов, и речи быть не могло. Это считалось просто немислимым.

Джулия оторвала взгляд от каменных заготовок и посмотрела на уже готовые изделия, стоящие вдоль вытянувшегося струной края каменоломни. Низенькая четырехгранная пирамида, круглая блестящая колодезная крышка, солнечные часы на подставке и пара массивных надгробий. Эрнст уже вырезал на них рамки, не хватало лишь имен.

Но что-то было не так, в длинном ряде скульптур виднелась прореха. Джулия подошла ближе. Накануне вечером, когда она смотрела сюда с другой стороны, ей показалось что-то вроде колокольни, похожей на звонницу церкви в Марнессе. На краю каменоломни осталась в земле ямка, здесь явно что-то раньше стояло.

Джулия медленно вошла в пустоту между скульптурами и посмотрела вниз на каменоломню, похожую на широченный бассейн без воды.

До дна каменоломни было не особенно далеко: несколько метров вглубь. Но край резко обрывался. Джулия застыла, разглядывая покореженные каменные россыпи — почти лунный пейзаж. И тут она неожиданно увидела прямо перед собой ту самую колокольню. Вероятно, она упала и потом перевернулась на бок. Верхушка башни тянулась в сторону моря.

Колокольня осталась целой, она даже не треснула.

Эрнсту Адольфссону повезло гораздо меньше. Его распростертое изломанное тело было почти полностью скрыто упавшей скульптурой. Лишь из-под основания виднелась голова, глаза слепо уставились в небо, вокруг раскрытого рта запеклась кровь.

Эланд, май 1943 года

Ожидание. Все вокруг чего-то ждали. Вот-вот грядут великие события, там — в большом мире и в жизни Нильса Канта. Даже ветер нашептывал ему об этом.

Солнце здесь, над пустошью, весной палило особенно сильно, резкий эландский ветер пронизывал, воздух был кристально прозрачен, а цветы лезли из земли как сумасшедшие. Молодая трава, свежая, изумрудная, еще не выжженная июльским солнцем. Раскидистые пышные заросли кустов тянули ветви к ласточкам, падающим вниз на зеленую равнину черно-белыми камушками. У самой земли ласточки внезапно раскрывали крылья и вновь взмывали в небо, в самую вышину.

На Эланд, как всегда неожиданно, пришла весна и вместе с ней —

перемены. Нильс Кант это чувствовал. Ему сейчас было почти двадцать лет. Он уже по-настоящему взрослый и, что действительно важно, по-настоящему свободен. Перед ним — целая жизнь и надвигаются грандиозные события. Он ощущал это всем своим существом.

Нильс уже вырос из того возраста, когда довольствовался тем, что бродил в тишине по пустоши и охотился на кроликов. У Нильса теперь имелись другие планы. Война закончилась, и он может странствовать по всему свету, поехать куда заблагорассудится. Конечно, Нильс бы охотно взял с собой и Майю Ньюман — девушку, которая жила в Стэнвике в доме у холма. Он часто думал о Майе и, закрывая глаза, видел ее как наяву. Но им толком так ни разу и не довелось поговорить, Нильс и Майя просто здоровались, если, конечно, она была одна. Но если с Майей так и не сложится, то что ж — тогда он отправится путешествовать один.

Сегодня Нильс почему-то забрел дальше, чем обычно. Он почти дошел до восточного побережья Эланда. Нильсу повезло: еще прежде чем пересечь дорогу, он подстрелил двух кроликов. Нильс припрятал их в тени под кустами, чтобы забрать на обратном пути. Он планировал шлепнуть еще парочку ушастых и пострелять по ласточкам — попрактиковаться.

Талая вода, оставшаяся от зимнего снега, все еще стояла в широких мелких лужах на всей пустоши, и Нильсу казалось, что он идет по затянутой мхом тундре, поблескивающей несчетным количеством озер. Солнце быстро выпивало воду. Нильс надел высокие сапоги на толстой подошве и время от времени, когда хотел, шел прямо по лужам — так интереснее. Весь мир у него в кармане. Он, Нильс Кант, властелин мира, и он свободен, совершенно свободен.

Адольф Гитлер попытался завоевать мир — и не смог. Он застрелился в Берлине неделю назад. Ну а потом, ясное дело, и вся Германия рухнула. Капут. Никому уже не хотелось бодаться с русскими и американцами.

Нильс прошлепал по очередной луже и пошел дальше, в лабиринт можжевельных кустов. Он думал о том, как ему прежде нравился Гитлер; как бы то ни было, Нильс очень уважал фюрера за сильную волю.

У матушки в гостиной стоял приемник, и Нильс, затаив дыхание, слушал, как Гитлер на весь мир орал из Германии свои речи. Каждый день Нильс ждал, что, прежде чем закончится война, армада немецких бомбардировщиков повиснет над Эландом. Но теперь Гитлера нет, и из его тысячелетнего Третьего рейха королевские ВВС сделали пепельницу с дымящимися окурками.

Германия накрылась — и, похоже, надолго. А вот в Англию-то как раз и стоит съездить, а еще — в Америку. Здоровая, говорят, страна, как это там

— «обещающая любые возможности». Но туда уж что-то слишком много эландцев уже уехало, и никто не вернулся. Эмигрировали тысячи, почему-то бесследно исчезали. Нет, это не для Нильса. Он уедет, чтобы возвратиться на Эланд как король.

Неожиданно он что-то услышал — негромкий, но отчетливый звук — и остановился.

Кроликов не было видно, и все же Нильсу казалось, казалось...

Он не один.

Там кто-то есть.

Точно, порыв ветра донес до него звук... нет, это не волк, не птица, на стрекот насекомых тоже непохоже. Нильс много лет бродил по пустоши и знал здесь все и всех. В том числе, конечно, где какая живность может быть, а где нет. Очень странно, что-то не сходилось. Там абсолютно ничего не должно быть. Непорядок в его владениях. От внезапного раздражения у Нильса заломило и свело судорогой шею и плечи.

Если не кролик, тогда кто?

Волки? Много лет назад, когда еще была жива бабушка, она рассказывала про эландских волков. Но они давно перевелись.

Люди?

Да, его кто-то выслеживает.

Нильс осторожно снял с плеча дробовик, взял на изготовку и большим пальцем снял предохранитель. Два дробовых патрона уже были заряжены в «хускварну» и готовы выстрелить в любую секунду.

Он огляделся по сторонам. Почти повсюду сплошные заросли можжевельника, по большей части не выше метра, побитые и пригнутые ветром. Но все же очень густые. Сквозь них ничего не видно. Но если Нильс немного приподнимется, то сможет совершенно незаметно посмотреть, кто за ним шпионит. Значит, так: быстро глянуть и нырнуть обратно в кусты, они скроют его с головой.

Теперь он не слышал ни малейшего шороха, если и было к чему прислушиваться. Может, почудилось. У Нильса и прежде иногда звенело в ушах от одиночества.

Нильс затаился в траве. Он даже дышал бесшумно. Нильс ждал: куда торопиться — у него впереди вечность. Он знал по опыту: надо потерпеть и дождаться, кролики всегда сами выскакивали из своих убежищ, потому что не умели ждать. Они не выдерживали сами, выбегали прямо на него, высоко подпрыгивая в воздухе, и пытаясь удрать. Тогда бы только и требовалось, что вскинуть дробовик, прижать коричневый деревянный приклад к плечу, прицелиться и нажать на курок — дело техники. Потом

идешь и подбираешь дергающуюся в агонии тушку.

Нильс затаил дыхание. Он слушал.

Тихо. Но ветер дул в его сторону, и неожиданно в ноздрях засвербело от запаха застарелого пота и давно не стиранной одежды. Яснее ясного — человек или, может, несколько людей. Кто еще может так сильно пахнуть?

Значит, люди, и совсем близко.

Нильс пополз вправо, держа палец на курке.

И вдруг заметил, как кто-то испуганно посмотрел из-за куста всего в нескольких метрах поодаль.

Они буквально столкнулись взглядами.

Обычное человеческое лицо, полускрытое тенью густого можжевельного куста с беспорядочно повисшими нечесаными волосами и здорово перепачканное грязью. А дальше все как положено: тело, плотно прикинутое к земле, одетое в мятую зеленую одежду. «Наверное, это форма», — подумал Нильс.

«Похоже, солдат, — решил Нильс. — Чужой солдат без каски и оружия».

Нильс крепко сжал в руках дробовик и выставил его перед собой. Его сердце колотилось так сильно, что он чувствовал его биение даже в кончиках пальцев. Нильс немного приподнял ствол «хускварны».

— Выходи, — приказал он громким голосом.

Солдат открыл рот и что-то сказал. Это не шведский. Такого Нильсу слышать не довелось. Это иностранный язык. И больше всего похож на немецкий.

— Что? — быстро спросил Нильс. — Что ты сказал?

Солдат медленно поднял руки вверх. Они были грязные и в ссадинах. И в ту же секунду Нильс увидел, что он прятался здесь не один. За другим кустом лежал в траве и смотрел на них еще один солдат в такой же форме. Оба солдата казались какими-то затравленными, будто за ними гналось что-то кошмарное.

— Bitte nicht schieben,^[35] — прошептал Нильсу солдат.

Джулия позвонила Йерлофу из дома Эрнста Адольфссона и рассказала о том, что произошло — как она нашла Эрнста, где он лежит и что он мертв.

Йерлоф, похоже, ее отлично понял, хотя Джулию безумно раздражало то, что он просто молча очень внимательно слушал ее, не перебивая догадками или предположениями и никак не выказывая свои чувства. Джулии, конечно, нелегко было держать себя в руках, по крайней мере, голос у нее не дрожал.

— Значит, Эрнст мертв, — констатировал Йерлоф. Потом помолчал. — Ты в этом уверена?

— Я же все-таки медсестра, — ответила Джулия.

— Ты в полицию уже звонила? — Йерлоф задал очередной вопрос.

— Я звонила в неотложку, — сказала в ответ Джулия. — Они кого-нибудь пришлют. Но Эрнсту скорая помощь уже не нужна... Слишком поздно... — Несколько секунд Джулия помолчала. — Но полиция точно будет, даже если это был несчастный случай. Эрнст...

— Я к тебе сейчас приеду, — ответил Йерлоф. Это решение пришло неожиданно. — Я уверен, полиция скоро будет, но и я тоже подъеду. Так что сиди и жди.

— Да, так я и сделаю. Я тебя дождусь, — пообещала Джулия.

Она пока еще могла держать себя в руках.

Разговор закончился, но Йерлоф, положив трубку, продолжал сидеть за письменным столом. Он собирался с силами.

Эрнст. Эрнст мертв. Йерлоф признал этот факт. У него в жизни оставались два друга — Йон и Эрнст. А теперь — только один.

Йерлоф взял трость и встал из-за стола уже другим, решительным человеком. Хотя именно сейчас ему было особенно трудно, как никогда прежде.

Непонятно лишь, от чего больше — из-за боли за Эрнста или ревматизма. Йерлоф вышел в коридор, услышал доносящийся со стороны кухни смех и направился туда.

Буэль стояла в дверях и, судя по всему, инструктировала какую-то новую девчонку насчет того, как правильно обращаться с посудомоечной машиной. Они заметили Йерлофа. Буэль заулыбалась, но тут же посерьезнела, взглядевшись в его лицо.

— Буэль, мне необходимо поехать в Стэнвик. Там случилась беда. Умер мой лучший друг, — сказал Йерлоф твердым, совсем не старческим голосом. — Мне необходимо, чтобы кто-нибудь меня туда отвез.

Йерлоф некоторое время смотрел в глаза Буэль, и наконец она кивнула, соглашаясь. Буэль не любила менять заведенные в приюте порядки, но на этот раз возражать не стала.

Буэль просто сказала:

— Подожди две минуты, и я тебя отвезу.

Едва на горизонте показался северный въезд в Стэнвик, ведущий вниз, к каменоломне, Йерлоф приподнялся на пассажирском сиденье и махнул рукой, показывая, что ехать прямо.

— Нам та дорога не нужна, — объяснил он.

— Я не понимаю, ты же ведь хотел... — удивилась Буэль.

— У меня два друга в Стэнвике, — ответил Йерлоф. — Одним из них был Эрнст. А другой должен узнать про то, что случилось с Эрнстом.

Ехать пришлось совсем недолго. Скоро показалась табличка «Кемпинг», заклеенная крест-накрест клейкой лентой — знак того, что Стэнвикский кемпинг временно закрыт. Его владелец Йон Хагман обычно делал так по окончании сезона, хотя едва ли кто-то мог приехать сюда в октябре.

Слева от дороги стоял закрытый на зиму магазинчик, за ним — поле для мини-гольфа. Мужчина в зеленой тренировочной куртке неторопливо мел дорожки на площадке. Он мельком посмотрел на машину, когда Йерлоф и Буэль проезжали мимо. Это был Андеш Хагман — единственный сын Йона, молодой неразговорчивый парень, почти всегда одетый в потрепанный комбинезон. Йерлоф считал, что у него их, наверное, целый запас.

Они проехали площадку для кемпинга.

— Это здесь, — сказал Йерлоф. — Дом вон там.

Он показал на низенький домишко с маленькими узкими окнами, больше похожими на бойницы в сторожевой башне. Возле двери стоял древний ржавый «фольксваген-пассат». Значит, Йон дома.

Буэль затормозила и выключила двигатель. Йерлоф открыл дверцу и выбрался, опираясь на трость, из машины, и почти в тот же миг дверь домика открылась. Доски крыльца скрипели под тяжестью невысокого мужчины в темно-синей рабочей одежде; его седые волосы были стянуты назад в короткий хвост. Он выскочил прямо в шерстяных носках. Это и был Йон Хагман, никогда не заставлявший посетителей ждать.

Летом Хагманы вдвоем заправляли кемпингом, а зимой Андеш обычно

уезжал в Боргхольм.

Йон жил в Стэнвике круглый год и в отсутствие сына в одиночку занимался повседневной рутинной работой. Поддерживать кемпинг в порядке — совсем непростая задача для старика. Йерлоф бы с удовольствием помог другу, если бы не одно но: он был еще старше.

Йерлоф кивнул Йону, тот тоже кивнул в ответ и сунул ноги в старые резиновые сапоги, стоявшие на ступеньке.

— Стряслось что? — спросил Йон, когда Йерлоф подошел поближе. — Никак не ждал.

— Да, случилась беда.

— Где?

— В каменоломне.

— Эрнст? — тихо спросил Йон.

Йерлоф молча кивнул.

— С Эрнстом плохо?

— Да, плохо. Совсем плохо, — ответил Йерлоф.

Йон знал его без малого пятьдесят лет, они сдружились еще в то время, когда вместе ходили в море. И по взгляду Йерлофа Йон понял, что означали слова «совсем плохо».

— Там уже кто-нибудь есть? — спросил Йон.

— Да, думаю, уже приехали, — сказал Йерлоф. — Моя дочь Джулия должна была позвонить. Она сейчас у Эрнста. Она вчера приехала из Гётеборга.

— Понял.

Йон шагнул обратно в дом и почти сразу же вышел в куртке с капюшоном, держа в руке кольцо с ключами.

— Мы можем поехать на моей машине, — сказал он. — Я только скажу Андешу, что мы уезжаем.

Йерлоф согласно кивнул. Так будет лучше всего. Буэль наверняка уже пора возвращаться в приют, и, кроме того, им с Йоном хорошо бы переговорить с глазу на глаз.

Йон подошел к Андешу, остановился и начал что-то ему говорить, указывая на поле для мини-гольфа. Андеш молча кивал в ответ. Йон, похоже, за что-то выговаривал сыну, потому что Йерлоф услышал, как он повысил голос. Йерлоф знал, что сына и отца Хагманов связывают особые отношения. Они были необходимы друг другу — своего рода симбиоз.^[36]

Наконец Андеш кивнул в последний раз, Йон попрощался, повернулся к сыну спиной и пошел обратно. Все улажено, они готовы ехать.

Пока Йон открывал «фольксваген», Йерлоф в свою очередь доковылял

до Буэль и поблагодарил ее.

— Значится, Эрнст помер, — констатировал Ион, крутя баранку.

— Так мне Джулия сказала, — пояснил Йерлоф, глядя на бегущий вдоль дороги берег и переливающиеся внизу волны.

— Выходит, камень его все-таки нашел, — сказал Ион.

— Да, Джулия говорит, камень здоровенный, — ответил Йерлоф.

Как он доподлинно знал, больше чем за шестьдесят лет на каменоломне не было ни одного несчастного случая. А вот теперь, когда она давно закрыта, Эрнста ни с того ни с сего придавило камнем.

— Я с собой на всякий пожарный запасные ключи взял, — проговорил Ион. — Ну, если они Эрнста уже увезли и дом заперли.

— А он что, ключи тебе оставил? — поинтересовался Йерлоф. Сам он почему-то никогда не достаивался такого доверия от Эрнста. Хотя, в свою очередь, Йерлоф должен был признать, что ему как-то в голову не приходило оставить запасные ключи Эрнсту. А возможно, это говорило о границе доверия между ними.

— Эрнст знал: я не любопытный, — сказал Ион.

— Теперь, боюсь, нам все же придется там все осмотреть, — заметил Йерлоф. — Я точно не знаю, что мы будем искать, однако мы обязаны, хотим мы или нет.

— Да, — согласился Ион, — теперь, конечно, совсем другое дело.

Йерлоф промолчал, он глядел прямо перед собой в ветровое стекло: на дорогу выезжала машина «скорой помощи». Раньше в Стэнвике он ни разу не видел «скорую помощь». Машина медленно ехала со стороны каменоломни, синие сигнальные огни и сирена не были включены. Плохой знак, но они этого ожидали. Ион притормозил, пропуская «скорую», и они свернули на дорогу, где было ответвление к каменоломне.

Ион помолчал, а потом заметил:

— Он летом хорошо на скульптурах зарабатывал. Мы, бывало, шутили, что на своих каменюках он зашибал больше, чем я за всю жизнь рыбы наловил.

Йерлоф лишь кивнул в ответ. Сейчас пока говорить было не о чем. Смерть Эрнста он чувствовал физически. Тяжесть потери словно пригибала его к земле.

Ион свернул на подъездную дорогу по верху каменоломни. Йерлоф заметил ясно отпечатавшиеся в глине следы нескольких машин. Да, там, впереди, он уже видел машину Джулии, старый «вольво» Эрнста, две машины полиции и еще один «вольво», но новый, синий блестящий. Возле него стоял какой-то малый в кепочке, у него на шее болталась фотокамера.

— Бенгт Ньюберг опять новую машину купил, — заметил Йерлоф.

— Редактору газеты грех на жизнь жаловаться, не побирается, — отозвался Йон.

— Кто бы мог подумать, — сказал Йерлоф.

Йон затормозил возле таблички «Резьба по камню — добро пожаловать» и выключил мотор. Стало тихо.

Йерлоф с трудом выбрался из машины. Как обычно, суставы рук и ног закостенели и запротестовали против непривычных движений. Он оперся на трость, выпрямил спину и кивнул редактору «Эландс-постен», который одновременно был и корреспондентом газеты на севере Эланда. Ньюберг неторопливо шел к ним, придерживая рукой камеру.

— «Скорая» его уже забрала, — сказал Ньюберг.

— Мы знаем, мы ее по дороге встретили, — начал Йерлоф.

— Я его тоже не застал. Я сделал несколько снимков полицейских и сфотографировал кровь там, внизу, где он лежал, но не думаю, что мы это будем печатать. Хотя, ясное дело, решать будут в Боргхольме.

Он сказал это совершенно обыденно, как будто бы говорил о незначительном дорожном происшествии или пустяке вроде разбитого окна. Йерлоф подумал, что Бенгт всегда был бесчувственным.

— Но все же хорошо, что снимки есть, — произнес Йерлоф.

— А вы не знаете, кто его нашел? — спросил Ньюберг и нажал кнопку на камере.

Камера зажужжала, перематывая пленку.

— Нет, — ответил Йерлоф.

Он пошел к каменоломне. Где же Джулия?

— Езжай домой и пиши статью, Бенгт, — сказал Йон из-за спины Йерлофа.

— Так я и сделаю, — ответил Ньюберг, — завтра утром все прочтаете в газете.

С этими словами Бенгт забрался в свой новый автомобиль и завел двигатель.

Йерлоф медленно пошел вдоль края каменоломни мимо дома Эрнста и дальше, мимо мастерской. Когда он был в нескольких метрах от края, снизу показалась голова полицейского. Он подтянулся, оперся коленом о край и вылез наружу, потом обернулся, протянул руку и с усилием помог выбраться другому полицейскому. Полицейский пыхтел, переводя дух, и посматривал на Йерлофа. Йерлоф его не знал, как, впрочем, и коллегу. Должно быть, они приехали из Боргхольма, а может быть, даже с материка.

— Вы его близкие? — спросил полицейский, что был постарше.

— Старинные друзья, — ответил Йерлоф. — Его близкие живут в Смоланде.

Полицейский кивнул.

— Здесь вообще-то смотреть особенно не на что, — сказал он.

— Это несчастный случай?

— Трагическое происшествие на работе.

— Он, наверное, двигал скульптуру здесь, на краю, — пояснил полицейский помоложе, показывая рукой на землю. — Вот здесь осталась вмятина, так что он стоял на этом месте и, должно быть, ворочал эту штукювину, а потом...

— Да, он оступился или равновесие потерял и упал вниз, а статую потянул за собой. Вот она и упала на него сверху, — добавил полицейский постарше.

— Все это, наверное, произошло очень быстро, — заметил молодой.

Йерлоф сделал еще шаг и остановился на самом краю. Теперь он увидел все сам.

Колокольня — самая большая из скульптур Эрнста — лежала внизу, на дне каменоломни. Ясно было видно то место, куда она упала изначально. Там чернела глубокая отметина.

Все, что осталось от Эрнста. Йерлоф быстро отвел взгляд от места гибели друга и принялся старательно рассматривать каменоломню. Но это не очень помогло, потому что ему в голову полезли мысли о том, сколько плит и надгробий было сделано из этого камня за долгие годы. Он посмотрел дальше — на берег и море за каменоломней, и ему стало чуть легче.

Затем Йерлоф повернул голову и начал рассматривать скульптуры Эрнста, ровненько выстроившиеся в ряд вдоль края каменоломни. Эрнст расставил их с промежутками примерно в два метра, и поэтому Йерлоф сразу же обратил внимание на то, что, похоже, одной скульптуры не хватало... Йерлоф подошел поближе.

Вниз, на дно каменоломни, упала еще одна скульптура, поменьше. Йерлоф пригляделся: округлая яйцеобразная штукювина — может, действительно яйцо, а может, голова тролля. В отличие от упавшей колокольни она раскололась на две части.

Йерлоф медленно повернулся и осторожно, чтобы не потерять равновесие на неровных камнях, пошел к дому Эрнста.

— А Джулия Давидссон здесь? — спросил он, обращаясь к обоим полицейским, которые осматривали мастерскую Эрнста: кувалды, тачки, тележки, резцы, зубила вперемежку со скульптурами всех видов и

размеров.

— Она там, внутри, с Хенрикссоном, — ответил старший и махнул рукой, указывая на дом.

— Спасибо.

Входная дверь была приоткрыта. Похоже, Йон был уже там. Йерлоф с трудом забрался на низкое деревянное крыльцо. Он попытался вытереть ботинки о дверной коврик, но безуспешно. Он открыл дверь и вошел.

Прямо за порогом стояло несколько пар обуви. Йерлофу пришлось потревожить их тростью, чтобы пройти. О том, чтобы наклониться и снять ботинки, ему приходилось только мечтать, поэтому Йерлоф просто прошел дальше, в маленькую прихожую. Со стены на него смотрели фотографии старого каменотеса с ломом и заступом в руках.

Из глубины дома он услышал тихие голоса.

Йон стоял в гостиной и смотрел в окно. На диване сидела Джулия и еще один полицейский, не очень молодой. Он вежливо снял фуражку и держал ее на коленях. Йерлоф приветственно кивнул ему.

— Привет, Леннарт.

Из всех прибывших полицейских Йерлоф знал только его. Леннарт Хенрикссон проработал в полиции тридцать пять лет, он занимался всем Северным Эландом, но жил на вилле к Северу от Марнесса. У него возле гавани был офис. Он собирался в ближайшее время выходить на пенсию. Леннарт имел обыкновение неторопливо посматривать окружающий его мир из-под полуопущенных век и сильно горбился, что было особенно заметно из-за формы. Но сейчас он сидел на диване возле Джулии, вытянувшись в струнку.

— Привет, капитан, — ответил Хенрикссон Йерлофу.

— Привет, папа, — сказала Джулия тихонько.

В первый раз за много-много лет Джулия назвала его папой. Йерлоф тут же понял, что она с трудом держит себя в руках. Он медленно подошел поближе и остановился у стола.

— Ты присесть не хочешь? — спросил Леннарт.

— Да нет, все в порядке, Леннарт. Мне иногда постоять только на пользу.

— Да ты прямо как огурчик, Йерлоф.

— Спасибо.

Они помолчали. Йон отошел от окна и вышел из комнаты, не произнеся ни слова.

— Джулия мне сказала, что она твоя дочь.

Йерлоф кивнул, и они опять помолчали.

— «Скорая» уже уехала? — спросила Джулия и посмотрела на Йерлофа.

— Да... Мы с Йоном ее как раз встретили по дороге сюда.

Джулия кивнула:

— Значит, его уже увезли.

— Да. — Йерлоф посмотрел на Хенрикссона. — А врач-то здесь был?

— Да, молодой практикант из Боргхольма. Я его раньше никогда не видел, но у него особой работы не было, он просто констатировал смерть.

— А что он сказал? Несчастный случай? — поинтересовался Йерлоф.

— Да, а потом уехал.

— Он, значит, всю ночь пролежал там, под дождем, — сказал Йерлоф.

— Да, — согласился Леннарт, — должно быть, все случилось вчера вечером.

— Поэтому крови немного, — продолжил Йерлоф, — и если и были какие-то следы, то все смыло дождем?

Он и сам до конца не понимал, почему задает эти вопросы и к чему они могут привести. Даже если это и могло показаться кому-то странным, в конце концов, странности — все, что остается у человека на склоне лет.

— У него была кровь на лице, — сказала Джулия, — немного, но была.

Йерлоф кивнул.

В коридоре послышался звук шагов, и в комнату заглянул молодой полицейский.

— Мы уже закончили, Леннарт, — произнес он, — уезжаем.

— Хорошо, но я здесь еще немного побуду.

— Тебе виднее.

В голосе молодого полицейского прозвучало уважение. Может быть, Леннарт заслужил его многими годами работы на страже закона, а может быть, немаловажное значение имел и тот факт, что и отец Леннарта тоже был полицейским, и его убили на службе.

— Вы особенно не гоните, — сказал Хенрикссон.

Полицейский кивнул и вышел.

В дверях показался Ион. Он держал в руке большой коричневый кожаный бумажник. Он потряс его и сказал:

— Три тысячи двести пятьдесят восемь крон. Эрнст держал его в нижнем ящике кухонного шкафа под пакетами.

— Храни его у себя, Ион, — попросил Хенрикссон, — не самый умный поступок — оставлять здесь такие деньги.

— Я могу позаботиться о деньгах, пока не приедут родственники, —

пообещал Йерлоф и протянул руку к бумажнику.

С заметным облегчением Ион отдал ему бумажник.

В комнате опять наступила тишина.

— Итак, — сказал Хенрикссон.

Он наклонился вперед и с заметным усилием встал с дивана.

— Я, наверное, тоже поеду.

— Спасибо, что ты... — начала Джулия, пытаясь подобрать правильные слова, — что ты приехал сюда сам.

— Да о чем разговор. — Хенрикссон посмотрел на Джулию: — Никому не позавидуешь — наткнуться на мертвеца. Конечно, за время моей службы такое уже бывало. Я хорошо знаю, что чувствуешь... Одиночество и беспомощность.

Джулия кивнула.

— Но мне сейчас уже лучше.

— Хорошо.

Хенрикссон надел фуражку.

— У меня контора в Марнессе. Если что, заглядывай. — Он посмотрел на Йона и Йерлофа: — Вы, конечно, тоже. Моя дверь всегда открыта. Приходите в любое время. Договорились?

— Обязательно, — пообещал Йерлоф.

Леннарт Хенрикссон попрощался и ушел.

Некоторое время спустя они услышали удаляющийся звук автомобильного двигателя.

— Мы тоже скоро поедem, — сказал Йерлоф Джулии.

Он положил портмоне Эрнста в карман.

— Ты не возражаешь, если мы кое-что посмотрим? — обратился он к Иону. — Я хочу что-то тебе показать — там, снаружи. Как мне кажется, это может быть интересным.

— Мне пойти с вами? — спросила Джулия.

— Да нет, не стоит, не надо.

Они вышли из дома, Ион пропустил Йерлофа вперед. Опираясь на палку, он спустился по ступенькам, обошел крыльцо и направился к краю каменоломни.

— На что мы там смотреть будем? — спросил Ион.

— Это вон там, с краю. Я там кое-что заметил... Вот здесь.

Йерлоф показал вниз, на дно каменоломни, на расколовшийся камень, тот самый, похожий на яйцо или голову. Он разбился на две неравные части.

— Ты узнаешь, что это? — спросил он Иона.

Йон медленно кивнул.

— Эту штуковину Эрнст окрестил камнем Канта, — сказал он наконец, — в шутку, конечно.

— И эта штука кувыркнулась вниз, или как ты думаешь?

— Ну да, наверное, — неуверенно произнес Йон и опять кивнул, — похоже, так оно и было.

— Но летом эта штука стояла за домом, — сказал Йерлоф.

— На прошлой неделе, когда я приезжал к Эрнсту, она была уже здесь, — объяснил Йон. — Я в этом совершенно уверен.

— И что, Эрнст специально ее вниз свалил? — спросил Йерлоф.

— Да, похоже на то.

Друзья задумчиво посмотрели друг на друга.

— Ну и о чем ты думаешь? — спросил Йон.

— Не знаю, я не уверен, — и Йерлоф вздохнул, — но у меня такое чувство, что Нильс Кант мог вернуться.

Джулия смотрела, как два убитых горем старика пьют крепкий кофе. Она одолжила белые фарфоровые чашки Эрнста с желтыми эландскими солнышками. Джулия решила сварить кофе, потому что у нее было такое чувство, что печальное событие просто необходимо скрасить хоть чем-нибудь приятным. Йон и Йерлоф сидели на диване и говорили об Эрнсте.

Разговор в общем-то был бессвязным, скорее — фрагменты воспоминаний, какие-то отрывки, вроде того как Эрнст напортачил в каменоломне, когда еще только начинал работать на Эланде. Или о том, как уже в старости он начал делать такие отличные скульптуры. Из этих рассказов Джулия поняла, что, за исключением нескольких лет во время войны, когда Эрнст был матросом, он всю свою жизнь проработал с камнем. Когда в шестидесятых годах каменоломня закрылась, Эрнст остался там на свой страх и риск. Он использовал уже наломанный камень или тот, который можно было легко достать с краев, поднимал его наверх и делал в своей мастерской настоящее произведение искусства.

— Он любил эту каменоломню, — сказал Йерлоф и посмотрел в окно. — Он не представлял своей жизни нигде, кроме как здесь. Если бы у него были деньги, он наверняка выкупил бы это место у Гуннара Льюнгера. Того, что из Лонгвика. Эрнст про камень все знал: какой он бывает, как его добывать, как обрабатывать.

— Лучше Эрнста надгробия не делал никто, — добавил Йон. — Если пройти по кладбищу в Марнесе или там, в Боргхольме, их сразу заметишь.

Джулия сидела молча и перебирала стопку старых книг, лежавших на придиванном столике. Она внимательно слушала Йона и Йерлофа, но не хотела или не могла вмешиваться в их разговор. У нее перед глазами был мертвый Эрнст, таким, как она его нашла.

Раньше всех на место происшествия приехал тот полицейский — Леннарт Хенриксон. Первым делом он достал из багажника машины покрывало, накрыл тело Эрнста и провел Джулию в дом. Он оставался с ней в доме, но по большей части молчал и, наверное, правильно делал, потому что Джулии от этого было только лучше. Может быть, оттого, что после исчезновения Йенса ей довелось выслушать слишком много пустых утешений, хотя она никого и никогда об этом не просила.

Кофе был выпит, разговор потихоньку сам собой затих, и Йерлоф

спросил:

— Джулия, ты меня сможешь отвезти обратно?

— Да, конечно.

Она поднялась и пошла в кухню помыть чашки. Почему-то она почувствовала раздражение из-за вопроса Йерлофа.

«Я нашла Эрнста, задавленного камнем, — думала Джулия, — с запекшейся в уголках рта кровью, с вылезшими из орбит глазами. Но я же и раньше видела кровь, я видела мертвых. Бывало и похуже».

Пока Джулия перебирала в голове эти не самые приятные мысли, она внезапно вспомнила, вспомнила то, что могло быть важным. Она бросила мыть посуду и вернулась к отцу.

— Он тебе кое-что передал, — сказала Джулия, — я совсем забыла.

Йерлоф поднял на нее глаза.

— Я хочу сказать — Эрнст, — объяснила Джулия. — Я его встретила возле дома, когда приехала в Стэнвик, и я должна была тебе передать... Как раз перед тем, как Эрнст ушел, он сказал... — Джулия помолчала, припоминая слова Эрнста, — что-то странное, вроде того, что важнее всего палец, точнее, большой палец, а не ладонь.

— Большой палец самое важное? — переспросил Йерлоф.

Джулия кивнула.

— А ты не знаешь, про что он говорил?

Йерлоф задумчиво покачал головой, потом посмотрел на Йона:

— Может, ты сообразишь?

— Понятия не имею, — ответил Йон. — Может, игра слова какая или поговорка.

— Во всяком случае, это его точные слова, — сказала Джулия и вернулась на кухню.

Джулия и Йерлоф ехали в ее «форде» обратно к кемпингу, за ними следовал Йон на своем «пассате». Кальмарский пролив окутали серые гряды облаков, солнце не показывалось. Может быть, от этого казалось, что тот Стэнвик, который был вызван к жизни рассказами двух стариков, Стэнвик, где люди жили и работали круглый год, где каждый дом и тропинка носили собственное имя, опять погрузился в спячку. Все дома пустовали, навеки замерли крылья ветряной мельницы, и больше на берегу не лежали мотки лески и не сохли на деревянных шестах сети.

Когда Джулия повернула и остановила машину возле поля для мини-гольфа, Йон тоже припарковал свой «пассат» и подошел к ним. Йерлоф опустил окно, Йон заглянул и посмотрел на Джулию.

— Позаботься об отце.

В первый раз Йон Хагман обратился прямо к ней.

Джулия кивнула:

— Я попробую.

— Ты только не пропадай, Йон, — сказал Йерлоф. — Тут же дай мне знать, если увидишь кого-нибудь... кого-нибудь чужого.

«Чужой человек», — подумала Джулия и вспомнила кое-что из своего детства. Было это, наверное, году в пятьдесят каком-то. Тогда в Стэнвике, откуда ни возьмись, появился негр. Он улыбался во весь рот, но говорил на очень плохом английском, а по-шведски — вообще ничего. Дело было летом, он ходил от дома к дому с сумкой. Люди в поселке закрывали перед ним двери и не хотели пускать. Но когда в конце концов у кого-то хватило духу поинтересоваться, чего ему на самом деле нужно, то оказалось, что негр вовсе не злодей и не разбойник, а христианин из Кении, который продавал Библии и сборники псалмов. В Стэнвике не любили чужих.

— Да-да, созвонимся, — заверил Йон Хагман.

Джулия смотрела ему вслед, как Йон идет к дому, потом аккуратно, как будто это самое дорогое его достояние, берет метлу, подходит к полю для гольфа и, жестикулируя, опять начинает что-то объяснять Андешу.

— Йон рулил кемпингом двадцать пять лет, — сказал Йерлоф. — Сейчас здесь главный его сын Андеш, но он по большей части где-то витает. Так что по-прежнему Йону приходится самому прибираться, красить и вывозить мусор. Я считаю, ему пора уgomониться, но он меня не слушает. — Йерлоф вздохнул. — Ну да ладно, как есть, так есть, — сказал Йерлоф, помолчав. — Сейчас мы можем заехать домой.

Джулия покачала головой.

— Я отвезу тебя в Марнесс, — заявила она.

— Мне бы очень хотелось взглянуть на дом, — попросил Йерлоф, — особенно теперь, когда мы поблизости и у меня такой хороший шофер.

— Вообще-то уже поздно, — заметила Джулия, — и я собиралась сегодня ехать в Гётеборг.

— А куда особенно торопиться? — ответил Йерлоф. — Твой Гётеборг никуда не денется.

Впоследствии Джулия едва ли могла точно припомнить, чья это была инициатива — ее или Йерлофа — переночевать в их прежнем доме.

Может быть, все решилось как-то само собой, в тот самый момент, когда Йерлоф прямо в пальто вошел в гостиную и с тяжелым вздохом рухнул в единственное кресло. А может быть, тогда, когда Джулия вышла

наружу, чтобы отвернуть водяной кран под крышкой колодца, а потом включила главный рубильник на распределительном щитке в кухне. А возможно, позже, когда зажгла верхний свет, включила обогреватель и на плите забулькал кофе. Во всяком случае, между Йерлофом и ею появилось какое-то молчаливое соглашение насчет того, что они останутся в Стэнвике. Джулия набрала номер на мобильном, и Йерлоф предупредил персонал приюта, что сегодня вечером не вернется.

Потом Йерлоф прошелся вокруг дома.

— Ни одной мышьиной норки, — сказал он довольным голосом, вернувшись обратно в дом.^[37]

Джулия молча и осторожно ходила по темноватому дому, как по музею. Здесь хранилась часть ее личной истории, но сейчас ей казалось, что она смотрит на экспонаты, выставленные в покрытых толстым стеклом витринах.

Что здесь было смотреть? В общем, немного. Пять небольших комнат, незатейливая мебель, выкрашенная в белый цвет, шесть незастеленных узких кроватей, крохотная кухня с окошком, между стеклами которого россыпью типографских литер чернела прорва дохлых мух. Выцветшая на солнце старая морская карта Северного Эланда, бюро с черно-белой фотографией шестидесятих годов: широко улыбающаяся Джулия, еще подросток, и ее сестра Лена рядом, — книжная полка в углу. Больше никаких личных вещей, почти пустые, безликие, как в арендованном доме, комнаты.

Доски пола были холодные как лед, явно не хватало ковриков. Не осталось почти ничего из того, что Джулия помнила с детства. Но все же кое-что сохранилось. Когда она открыла нижний ящик бюро в своей бывшей комнате, она нашла там фотографию в рамке: маленький загорелый парнишка в белой хлопчатобумажной майке застенчиво улыбался, глядя прямо на нее. Много лет эта фотография стояла на бюро, а потом кто-то положил ее в ящик.

Джулия достала фотографию и поставила на прежнее место. Она внимательно посмотрела на фотографию своего пропавшего сына, и ее опять потянуло выпить. Несколько стаканов согреют ее и позволят немного забыться. Глядишь — и дом перестанет казаться таким тоскливым. Но Джулии не хотелось, чтобы Йерлоф знал, что она пьет.

Йерлоф, казалось, не замечал ее чувств. Он медленно переходил из комнаты в комнату, как будто бы именно здесь находился его единственный настоящий дом. Так оно и было. После того как он вышел на пенсию, он жил здесь каждое лето и приезжал на выходные, сначала с Эллой, а потом

один. Так было всегда, сколько Джулия помнила. Йерлоф стоял у калитки и махал вслед, когда они, дети, уезжали на материк после каникул.

«Сейчас не лето, я скоро уеду», — подумала Джулия, стоя в дверях и сжимая в руке ключи от машины. Но потом неожиданно она громко, так чтобы услышал Йерлоф, сказала:

— Мы с Леной обычно спали здесь, на двухэтажной кровати. Я — всегда наверху.

Йерлоф кивнул:

— Да, точно, здесь. Когда все собирались на лето, было тесновато, но никто не жаловался.

— Да, я помню только, как было здорово летом вместе со всей родней... По-моему, всегда светило солнце, — произнесла Джулия и посмотрела на часы. — Но сейчас нам пора укладываться.

— Уже? — спросил Йерлоф, поправляя фотографию парусника на стене. — Ты ни о чем меня не хочешь спросить?

— Спросить? — сказала Джулия.

— Ну да... — Йерлоф неторопливо снял покрывало с кресла в гостиной и сложил его. — Давай спрашивай.

Он опустил в кресло, и в этот самый момент Джулия услышала, как в кармане ее куртки, висевшей в прихожей, зазвонил мобильник. Сигнал прозвучал как-то неуместно в тихой комнате, и Джулия заторопилась ответить на звонок:

— Алло, Джулия.

— Привет, как дела?

Это была Лена. Наверное, единственная, кто знал номер мобильного Джулии.

— Ты нормально доехала?

— Ну да... Да, вполне.

А что еще она могла сказать? Джулия встретила свой обеспокоенный взгляд в отражении оконного стекла, и ей совершенно расхотелось рассказывать сестре о том, что случилось: про сандалию Йенса и смерть в каменоломне. В конце концов она просто сказала:

— Все хорошо.

— Ты с Йерлофом виделась?

— Да... Мы сейчас в доме.

— В доме в Стэнвике? Я надеюсь, вы не собираетесь там ночевать?

— Собираемся, — подтвердила Джулия, — мы включили воду и свет.

— Папе ни в коем случае нельзя мерзнуть, — сказала Лена.

— Ничего, не замерзнет, — ответила Джулия и тут же устыдилась. —

Мы тут сидим разговариваем.... А в чем дело?

— Ну... Я насчет машины. Звонила Марики, ей надо ехать на какие-то театральные курсы в Дальсланде^[38] в следующие выходные, так что ей понадобится машина. Я ей пообещала, что все будет нормально. Ты же ведь не собираешься оставаться на Эланде?

— Я тут еще побуду, — ответила Джулия.

Марики была дочерью Ричарда от первого брака. Джулии раньше казалось, что у Марики и Лены довольно паршивые отношения, но, похоже, сейчас они ладили, коль скоро Лена собиралась одолжить Марики их с Джулией машину.

— А сколько именно?

— Трудно сказать... несколько дней.

— Но все-таки несколько — это как? Два дня, три? — спросила Лена. — Ну во всяком случае машина будет здесь в воскресенье?

— В понедельник, — выпалила Джулия.

Какой бы день недели Лена ни назвала, Джулия все равно бы прибавила еще один.

— Тогда приезжай пораньше, — попросила Лена.

— Я попробую, — ответила Джулия. — Лена...

— Хорошо, передай привет папе и пока.

— Лена... Это ты положила фотографию Йенса в ящик? — спросила Джулия, но сестра уже отключила телефон. Джулия вздохнула и защелкнула свой.

— Кто звонил? — поинтересовался Йерлоф.

— Твоя вторая дочь, — ответила Джулия, — я тебе привет должна передать.

— Ага, — изрек Йерлоф. — И что она хочет, чтобы ты на всех порах неслась обратно?

— Ну да, она так за мной приглядывает.

Джулия устроилась в гостиной напротив Йерлофа в противоположном углу. Ее чай из бузины с медом стоял рядом на столе. Он почти остыл и горчил, но она все-таки его пила.

— Она что, действительно за тебя беспокоится? — поинтересовался Йерлоф.

— Наверное, — ответила Джулия и подумала: «Она за машину беспокоится».

— Да здесь никакого сравнения с Гётеборгом — спокойно и безопасно, — сказал Йерлоф и улыбнулся. Но потом, наверное, он вспомнил о том, что случилось в каменоломне, и посерьезнел. Он замолчал

и посмотрел в пол. Джулия тоже молчала.

Воздух в доме постепенно нагрелся. А там, снаружи, уже наступила ночь, было около девяти. Джулия подумала: «Есть ли в доме постельное белье? Наверное, все-таки должно быть».

— Я не боюсь смерти, — внезапно сказал Йерлоф. — В молодости я много лет ходил в море. Тогда и боялся — мелей, мин, штормов, а теперь я слишком стар... А прочие страхи, наверное, ушли, когда Элла оказалась в больнице. Той осенью, когда она ослепла, а потом ушла от нас.

Джулия молча кивнула. Ей не хотелось думать о смерти матери.

Йенс мог выбраться из дома и уйти в туман тем сентябрьским днем по двум причинам. Причина: Йерлофа не было дома, а вторая — Элла прилегла и заснула после обеда. У нее была хроническая усталость, заметно усилившаяся тем летом, которая, казалось, вытянула из Эллы всю ее энергию. Что это за болезнь, никто не понимал, и в первую очередь врачи. Лишь год спустя был поставлен диагноз: оказывается, у Эллы был диабет.

Йенс сгинул, а его бабушка прожила еще несколько лет. Но она больше уже никогда не была прежней, перестала улыбаться и постоянно корила себя, что уснула в тот день.

— Смерть становится чем-то вроде друга, когда ты уже старый, — произнес Йерлоф. — Во всяком случае — знакомцем. Я бы хотел, чтобы ты это знала, чтобы ты не считала, что я с этим не справлюсь... Я про Эрнста.

— Хорошо, — ответила Джулия.

Но вообще-то у нее не было ни времени, ни желания размышлять над переживаниями Йерлофа.

— Жизнь продолжается, — констатировал Йерлоф и отхлебнул чаю.

— Можно сказать и так, — ответила Джулия.

Они помолчали пару минут.

— Ты хотел, чтобы я тебя кое о чем спросила? — сказала Джулия.

— Ну конечно, спрашивай.

— Например?

— Ну... Может, тебе интересно знать, как называлась та круглая скульптура, которую кто-то спихнул в каменоломню? — спросил Йерлоф и посмотрел на Джулию. — Ну такой странной формы камень... Полицейские из Боргхольма не спрашивали или, может, Леннарт Хенрикссон?

— Нет, — заверила Джулия и, немного подумав, продолжила: — Мне кажется, они вообще ее не видели. Они в другое место смотрели — на колокольню и... — Она замолчала. — А что мне вообще за интерес до этой

скульптуры? Что в ней такого особенного?

— Можно сказать и так, — сказал Йерлоф. — Уже довольно интересно то, как она называлась.

— Ну и как же?

Йерлоф набрал побольше воздуха, откинулся на спинку кресла, выдохнул и сказал:

— Эрнст этой штуковиной не особенно гордился. Он считал ее неудачной и грозился разбить, поэтому он и назвал Кантовым камнем. Ну, если можно так сказать, в честь Нильса Канта.

В комнате опять стало тихо. Йерлоф со значением посмотрел на Джулию, как будто бы ожидал от нее какой-то реакции. Но Джулия совершенно не понимала, в чем собственно дело. Все, на что ее хватило, — так это сказать:

— Нильс Кант. Ага.

— Ты что про него раньше никогда не слышала? — спросил Йерлоф. — Неужели никто при тебе про него не упоминал?

— Нет, насколько я помню, — ответила Джулия. — Но мне кажется, что фамилию Кант я когда-то слышала.

Йерлоф кивнул.

— Семья Кант жила здесь, в Стэнвике, — сказал он, чуть помедлив. — Нильс — это сын, как это говорится, паршивая овца. Но когда ты родилась, его здесь уже не было, он после войны пропал с острова.

— Ага, — снова протянула Джулия.

— Куда он направился — неизвестно, — продолжал Йерлоф.

— А что же такого ужасного сделал Нильс Кант? — спросила Джулия. — Он что, кого-нибудь убил?

Эланд, май 1945 года

Нильс Кант стоял с дробовиком, держа на мушке двух чужих солдат, палец — на спусковом крючке. Почему-то было удивительно тихо: ни щебета птиц, ни даже обычного шороха ветра, — все как будто застыло. Нильс видел только солдат и мушку на стволах дробовика.

Солдаты медленно, но одновременно, как по команде, встали. Было похоже, что ноги не держали их от усталости, потому что они с трудом поднимались, помогая себе руками. И потом также медленно подняли их вверх. Но Нильс не стал опускать оружие.

— Что вы здесь делаете? — спросил он.

Солдаты лишь смотрели на него, держа руки над головой, и ничего не отвечали.

Тот, который стоял ближе к Нильсу, отступил на полшага, повернул голову к другому солдату и остановился. Он вроде казался моложе остальных, но у обоих лица выглядели как маски из серой пыли, приставшей земли, с глубоко запавшими, окруженными черными тенями глазами. Белки и у одного и у другого были испещрены красной сеткой полопавшихся сосудов, и было невозможно сказать, сколько им лет на самом деле, — оба смахивали на столетних стариков.

— Откуда вы взялись? — опять спросил Нильс.

Никакого ответа.

Нильс быстро посмотрел вниз, но не увидел ни ранцев, ни вещмешков. Серо-зеленая форма солдат выглядела здорово потрепанной: до белизны вытерта на коленях, кое-где небрежно зашита. У того солдата, что стоял ближе к Нильсу, на одной штанине зияла большая дыра.

Нильс никак не мог успокоиться, хотя держал в руках дробовик. Чтобы контролировать себя, он попробовал размеренно дышать через нос. Взять себя в руки было необходимо для того, чтобы не промазать, если понадобится стрелять. Невидимый обруч, жесткий, как самая крепкая сталь, охватил его голову и начал сжиматься все сильнее и сильнее, напрочь лишая его способности ясно мыслить.

— Nicht schieben, — опять пробормотал первый солдат.

Нильс не понимал, что он говорил, но ему показалось, что язык похож на тот самый, на котором Адольф Гитлер вещал по радио. Тогда, значит, они немцы и сбежали от войны. Как они здесь оказались?

«Наверное, на лодке, — подумал Нильс. — Добрались сюда на лодке по Балтике».

— Вы должны... пойти со мной, — сказал он.

Нильс говорил медленно, так чтобы солдаты его поняли. Он здесь командует, они должны подчиняться, потому что у него в руках «хускварна». Он кивнул им и спросил:

— Вы понимаете, что я сказал?

Ему все равно нравилось говорить, даже если они его и не понимали. От этого Нильсу было не так страшно и голова меньше болела. Он подумал о том, как придет вместе с ними в Стэнвик и все сочтут, что он настоящий герой. Вообще-то ему было наплевать, что скажут односельчане, — это не играло никакой роли, но матушка стала бы им гордиться.

Первый солдат тоже кивнул и медленно опустил руки.

— Wir wollen nach England fahren, — сказал он. — Wir wollen in die Freiheit.^[39]

Нильс посмотрел на него, он понял только одно слово «Англия», оно точно так же звучало и по-шведски, и то, что эти солдаты не англичане. Он был более чем уверен, что они немцы. Солдат, стоявший позади, опустил руку и потянулся к карману.

— Нет.

Его сердце бултыхнулось в груди и ударилось о ребра. Солдат засунул руку в карман, движение, как показалось Нильсу, было слишком быстрым, настолько, что он едва успел проследить за ним взглядом. Надо что-то делать, и Нильс приказал:

— Руки вве...

Остаток фразы заглушил внезапный грохот, дробовик дернулся в руках.

Из ствола показался короткий дымок и в следующую секунду как будто перебежал на солдата перед Нильсом.

Нильс вообще-то не собирался стрелять, он случайно сжал в руках дробовик сильнее, чем нужно. Но «хускварна» выстрелила — солдат получил полный заряд дроби и рухнул, как подкошенный.

Через завесу порохового дыма Нильс видел его как тень, которая упала вниз и осталась лежать в траве.

Дым рассеялся, и опять ни звука. Но солдат по-прежнему лежал на земле, его китель был разворочен дробовым зарядом. Несколько секунд казалось, что с ним ничего не произошло, а потом из всех оставшихся от дроби ранок хлынула кровь. Глаза солдата остекленели, было видно, что он умирает.

— Вот черт... — прошептал Нильс, — дело сделано.

Мало того: он застрелил не того солдата. В карман-то полез другой, а досталось этому. Нильс застрелил человека так же легко, как будто бы это был кролик. Да, это сделал он, и никто другой.

Солдат моргнул, его руки дернулись, он попробовал приподнять голову, но не смог. Он коротко вздохнул, закашлялся и перестал дышать. Кровь залила его форму. Его глаза широко раскрылись и застыли, уставившись в небо.

Второй солдат по-прежнему стоял позади, с окаменевшим лицом, с какими-то пустыми глазами, рука замерла возле кармана. В левой руке он держал что-то маленькое. Наверное, он достал это перед самым выстрелом.

Никакого оружия, что-то совсем небольшое, какой-то красно-черный камушек, блестящий и сверкающий, хотя солнца не было.

Нильс сжимал в руках дробовик, а солдат свой маленький камушек. Они смотрели друг другу прямо в глаза. Нильс смог выстрелить, смог убить. Первоначальная паника исчезла, и он был холоден и спокоен. Нильс полностью контролировал себя.

Нильс выдохнул, шагнул вперед по направлению к солдату и кивком указал на камень.

— Давай его сюда, — негромко сказал он.

Йерлоф не сразу ответил на вопрос Джулии про Нильса Канта. Какое-то время он смотрел поверх ее плеча в темноту за окном.

— Семья Кант жила здесь, поблизости, — наконец сказал Йерлоф, — в большом желтом доме. Они давно поселились в Стэнвике, еще до того как мы здесь построили этот дом.

— Я помню, что, когда была маленькой, там жила какая-то тетка.

— Это была мать Нильса — Вера, — продолжал Йерлоф. — Она умерла, по-моему, году в шестидесятом, а до самой смерти она много лет жила там одна. Вера была богатая... Ее родня владела лесопилкой в Смоланде, а она сама — большим участком земли вдоль берега. Но, как мне кажется, особой радости деньги ей не принесли. Я слышал, что ее родственники до сих пор ссорятся и никак не могут поделить наследство, поэтому ее вилла стоит пустая и ветшает. Хотя возможно и другое: там никто не хочет жить.

— Вера Кант... — проговорила Джулия. — Я ее совсем плохо помню. По-моему, ее не очень любили?

— Да, она была слишком желчной, злопамятной и нелюдистой, — ответил Йерлоф. — Если бы, к примеру, твой дедушка хоть чем-то ее задел, то Вера ненавидела бы и его, и твою маму, и тебя, и даже твою собачку до конца жизни. Гордости в ней имелось много, а еще больше — спеси. Непростая была дамочка. К примеру, не успел ее муж помереть, как она тут же взяла свою девичью фамилию.

— И что, она никогда не выходила в поселок?

— Нет, Вера была настоящим отшельником, — сказал Йерлоф. — Она сидела на своей вилле и тосковала по сыну.

— Так что же он сделал? — опять повторила свой вопрос Джулия.

— Да много чего... — сказал Йерлоф. — Когда Нильс был еще маленький, его сильно подозревали в том, что он утопил своего младшего брата, здесь, в бухте. Определенно можно сказать только одно: они с братом находились там вдвоем, когда все случилось. Нильс потом говорил про несчастный случай... Так что правду никто, наверное, никогда не узнает.

— Вы что, дружили?

— Нет, что ты! Он был намного моложе. А потом я стал подолгу пропадать в море, так что мы почти и не сталкивались. Я помню его ребенком.

— А когда он вырос?

— Взрослым я его не видел, — произнес он наконец. — Он всегда держался подальше от деревни, а потом и вовсе пропал, как я уже говорил. — Йерлоф поднял руку и указал на стеллаж в углу комнаты: — Там стоит книга про Нильса Канта. В ней кое-что про него написано, конечно, далеко не все, что можно было бы рассказать. Вон та, на третьей полке сверху, с желтым корешком.

Джулия поднялась и пошла к стеллажу, она посмотрела на третью полку и в конце концов нашла нужную книгу. Джулия прочитала название на обложке: «Преступления на Эланде». Она вопросительно посмотрела на Йерлофа.

— Да, это та самая. Один из коллег Бенгта Ньюберга из «Эландс-постен» написал ее несколько лет назад. Прочитай, тогда узнаешь больше.

— О'кей. — Джулия посмотрела на часы. — Но, наверное, уже не сегодня вечером.

— Конечно, нам пора укладываться, — согласился Йерлоф.

— Я бы хотела переночевать в моей старой комнате, — сказала Джулия, — если ты не возражаешь.

Йерлоф не возражал. Сам он выбрал спальню, которую они с Эллой делили много лет. Их старой кровати, конечно, уже давно не было, но две новые стояли на том же самом месте. Пока Йерлоф ходил в туалет, Джулия постелила ему кровать, потому что возня с наволочками и пододеяльниками стала теперь для Йерлофа чем-то вроде особо сложного вида спорта, наподобие греко-римской борьбы.

Когда Джулия закончила и ушла в свою комнату, Йерлоф стянул с себя кальсоны и нижнюю рубашку и забрался в кровать. Матрас был жестким, по крайней мере, жестче того, к какому он привык. Некоторое время он лежал, слушая тишину, и думал. Он больше не чувствовал себя здесь дома, по крайней мере в сравнении с Марнесским приютом. Для Йерлофа было совсем не просто признать, что он стал слишком старым и больше не может жить в Стэнвике один, так что переезд в Марнесс, наверное, был правильным решением. Что оставалось делать, если нет сил помыть посуду и сварить себе кофе?

Ветер снаружи зашелестел листьями, и вскоре Йерлоф задремал. Во сне ему привиделось, что он спит на каменной кровати на дне каменоломни.

Йерлоф видел над собой небо глубокого синего цвета, дул ветер, но густой туман понизу затягивал все вокруг.

Наверху, на самом краю, стоял Эрнст Адольфссон; его темные пустые глазницы смотрели куда-то поверх каменоломни.

Губы Йерлофа зашевелились, ему хотелось спросить своего старого друга: он ли действительно сбросил вниз Кантов камень, и если он, то зачем. Но противный шепот за спиной Эрнста заставил того обернуться.

— Это я их всех замочил, — прошелестел тихий голос Нильса Канта. — И еще: Йерлоф... я хочу передать тебе привет от внука.

Наверное, как обычно, Нильс Кант брел откуда-то с пустоши, с дробовиком на спине. Он вот-вот должен был появиться из-за угла дома Эрнста. Йерлоф поднял голову и затаил дыхание, он с нетерпением ждал. Вот сейчас Йерлоф увидит Нильса Канта — взрослого или даже постаревшего. Может быть, он стал совсем лысый, а может, поседел.

Но Нильс так и не показался. Эрнст повернулся, пошел туда, откуда слышался голос Нильса, и медленно растаял в тумане, бесследно, как корабль-призрак. Йерлоф кричал ему вслед, но напрасно, Эрнст исчез.

В конце концов Йерлоф проснулся, переполненный мучительной болью за Эрнста.

— Сверни налево, — приказал Йерлоф Джулии, когда на следующее утро они ехали по дороге.

Джулия посмотрела на него и притормозила.

— Мы же вроде в Марнесс ехали? — спросила она. — В твою общагу.

— Мы и поедем туда, но чуть погодя, — сказал Йерлоф. — Сначала мы здесь, в Стэнвике, кофе попьем.

Несколько секунд Джулия разглядывала его и потом свернула налево. Они покатали обратно, к дороге вдоль побережья. Йерлоф непроизвольно посмотрел на свой береговой дом — целы ли окна.

— Еще раз налево, — скомандовал Йерлоф и махнул рукой в сторону дома возле дороги, — нам туда.

Джулия притормозила и развернулась, совершенно не заботясь о том, чтобы посмотреть в зеркало заднего вида, как, впрочем, и вперед: машин не было.

— Там живет какая-то старушка, — сказала она, останавливая машину перед домом. — Я ее видела позавчера... Она гуляла с собачкой.

— Ну, не такая уж и старушка, — возразил Йерлоф. — Астрид Линдер, всего-то шестьдесят семь или, может, шестьдесят восемь стукнуло. Она только недавно вышла на пенсию, всю жизнь проработала врачом в Боргхольме. Но родилась тут, в Стэнвике.

— И она что, в Стэнвике круглый год живет?

— Теперь да. Я вот уехал из своего дома, а Астрид, когда овдовела, поступила как раз наоборот: вернулась обратно.

Йерлоф открыл дверцу машины. Он почувствовал, как ноют суставы, стоило ему только пошевелиться, вздохнул и сказал:

— Но она, конечно, чуть поборнее, чем я.

Йерлофу удалось самому опустить ноги на землю, но Джулии пришлось обойти машину кругом и помочь ему подняться. Йерлоф поблагодарил ее коротким кивком, и они пошли к дому.

Он поглядел по сторонам.

— Когда я в Стэнвике, то притворяюсь, будто действительно верю, что во всех домах по-прежнему живут люди. Мне иногда кажется, что даже занавески на окнах шевелятся, на дороге мелькают какие-то тени, если посмотреть краем глаза. Все знают, что привидения так видно лучше всего.

Джулия ничего не ответила. Она открыла деревянную калитку в низкой каменной стене. Двор за калиткой не блистал зеленью, зато там имелась мебель. На низкой терраске из известняка вокруг белого пластикового стола были расставлены четыре таких же стула. Возле них фарфоровый серый гном в зеленом колпаке улыбался морю застывшей улыбкой.

Из дома слышался истошный лай, хотя они еще не успели позвонить.

— Тихо, Вилли! — прикрикнул на собачку женский голос, но Вилли угомоняться не собирался.

Едва дверь открылась, вокруг них запрыгало бело-коричневое существо. Йерлоф едва не упал, и ему пришлось ухватиться за Джулию.

— Тихо ты, балбес! — прикрикнула Астрид на собачку.

Она стояла в дверях, маленькая, седая и, на взгляд Йерлофа, очень красивая.

— Привет, Астрид.

Астрид удалось ухватить фокстерьера за ошейник, после чего она подняла голову и сказала:

— Привет, Йерлоф, ты опять дома? — Затем она увидела Джулию и тут же спросила: — Ой, да никак ты новую девчонку с собой приволок?

Хотя солнце и светило, но помогало это слабо: осенний ветер был просто ледяным и пробирал до костей. Несмотря на это, Астрид Линдер подала кофе снаружи на террасе. Сама хозяйка надела плотную зеленую шерстяную кофту, а Йерлофу принесла одеяло.

— Как бы мне не очоченеть, — сказал Йерлоф.

— Думаю, ничего, зато здесь свежий воздух, — ответила Астрид и пошла за кофейником.

Она вернулась и помимо кофе принесла блюдце с печеньем.

Йерлоф представил Джулию как свою младшую дочь. Они с Астрид исполнили ритуал формального знакомства, потом немного поговорили о неумемной энергии Вилли, хотя песик в конце концов уgomонился, забрался под стол и лег между ними. Никто ни слова не упомянул об Эрнсте.

Йерлофу казалось, что Астрид не встречалась с Джулией, наверное, поэтому он удивился, когда та неожиданно негромко сказала:

— Ты, вероятно, меня не помнишь... но я тогда была вместе со всеми, в тот день, то есть мы с мужем...

Джулия сидела напротив Йерлофа по другую сторону стола, и он увидел, как на нее подействовали слова Астрид. Сначала она как будто окаменела, потом приоткрыла рот, зашевелила губами, как будто про себя подыскивала слова.

— Спасибо, — произнесла она, — я действительно не запомнила... Такой был день, все перевернулось.

— Понимаю, понимаю, — закивала Астрид и отпила кофе. — Такая кругом беготня была, полиция катера в море выслала, но никто не знал, где искать. Одна группа пошла вдоль воды на юг, а мы с другой — на север, вдоль берега. Мы все шли и шли, смотрели на воду, заглядывали под все перевернутые лодки, буквально за каждый камень. А потом стемнело, и мы уже больше ничего не видели, собственной руки уже разглядеть нельзя было... И тогда пришлось поворачивать обратно. Ужасно, просто ужасно.

— Да, — сказала Джулия, глядя в свою чашку. — Его весь вечер искали, пока не стемнело.

— Да, ужасно, — повторила Астрид. — Он не первый, да, боюсь, и не последний, кто пропал в проливе.

Над столом повисла тишина. Ветер дул порывами. Вилли стало холодно, и он прижался к ногам Астрид. Потом Йерлоф сказал:

— Недавно нашлась сандалия мальчика.

Он не отрываясь смотрел на Астрид, но боковым зрением заметил удивление на лице Джулии.

— Да ну? — удивилась Астрид. — И что она была в воде?

— Нет, — ответил Йерлоф, — на суше. Похоже, что кто-то хранил ее много лет. Но пока мы не знаем, кто бы это мог быть.

— Ну и дела, — протянула Астрид. — Но разве это не... разве он не утонул?

Джулия поставила чашку на блюдце, но ничего не сказала.

— Похоже, что нет, — сказал Йерлоф. — Тут все непросто... Мы мало что знаем.

— А тот, про которого ты вчера говорил, Йерлоф, — спросила Джулия, — Нильс Кант, как ты думаешь, может, он что-нибудь знает про Йенса?

— Нильс Кант? — в недоумении произнесла Астрид и посмотрела на Йерлофа. — А с чего это вы про него заговорили?

— Да вчера как-то к слову пришлось.

Джулия переводила неуверенный взгляд с Астрид на Йерлофа, как будто бы она сказала что-то совершенно неуместное.

— Я просто подумала... что, может, он тут замешан. Ну потому что с ним и раньше проблемы были.

Астрид вздохнула.

— А я думала, что про Нильса Канта все уже давным-давно забыли, — сказала она. — После того как он куда-то подался из Стэнвика...

— Вообще-то так оно и есть, — перебил ее Йерлоф, — и лучшее доказательство этому — то, что до вчерашнего дня Джулия про Нильса Канта вообще не слышала.

— Он был, по-моему, на год старше меня, — продолжила Астрид, — но все же в школе мы учились в одном классе. Мне казалось, он всегда был в плохом настроении. Я никогда не видела его довольным. По-моему, он был крупный и часто дрался. Мы, девочки, его боялись, и мальчишки — тоже. Если бывала драка, то ее непременно затевал Нильс, но он всегда умудрялся сваливать вину на других.

— Я его по школе совсем не помню, я был старше, чем Кант, — сказал Йерлоф, — но мне про драки Йон Хагман рассказывал.

— А потом Нильс начал работать в семейной каменоломне, — продолжила Астрид, — но там тоже ничего хорошего не получилось.

— Да, был там какой-то скандал. Один из грузчиков чуть не утонул, по-моему. — Йерлоф покачал головой. — А ты помнишь, Астрид, как одна шхуна сгорела на следующую ночь после ухода Нильса из каменоломни? «Изабелль» она называлась. Ее уже загрузили, и она стояла в Лонгвике, в гавани; капитан проснулся среди ночи оттого, что на борту был пожар. Чтобы огонь не перекинулся на другие корабли, ее с трудом успели взять на буксир и отвести от пирса. Выгорела «Изабелль» дочиستا, провели расследование, заключение было — самовозгорание. Но многие здесь, в Стэнвике, говорили, что «Изабелль» поджег Нильс Кант. Вот, наверное, тогда все и началось.

Джулия вопросительно посмотрела на Йерлофа:

— Началось что?

— Ну, как тебе сказать... Нильс Кант из паршивой овцы превратился в козла отпущения: что бы плохого ни происходило, во всем всегда винили его.

— Да нет, не во всем, — заметила Астрид, — только в самом плохом, в настоящих преступлениях: поджоги, кражи... или когда скот искалеченный домой возвращался...

— Ну, и во всяких бедах тоже, — сказал Йерлоф. — Когда крыло у ветряной мельницы ломало или когда лодки с привязи в море уносило...

— Вообще-то его можно было подозревать в чем угодно, — добавила Астрид, — по нему было видно, что он на все способен.

— Но это все началось не просто так, — заметил Йерлоф. — У Нильса Канта была своя история. Строгий отец, который не давал ему спуска и умер, когда Нильс был еще маленький, а с другой стороны — мать, которая все время твердила, что Нильс лучше всех на свете. Так что рос он не в самой лучшей обстановке.

Астрид закивала, затем помолчала, какое-то время размышляя, потом тихо спросила:

— Я вчера наше радио слушала, там говорили про несчастный случай... Йерлоф, когда будут похороны?

Йерлоф про себя отметил то, как быстро Астрид постаралась сменить тему. Если, конечно, Астрид только не считала, что Нильс Кант каким-то образом причастен к смерти Эрнста.

— Как я понял, в среду, — ответил Йерлоф. — Я разговаривал с Йоном, он мне так сказал.

— А где пройдет служба? В Марнесской церкви?

— Ну да, — буркнул в ответ Йерлоф и поднял чашку с кофе. — Хотя странно: та же самая колокольня, которая Эрнста и порешила.

— Эрнст всегда был очень осторожным, когда работал с камнем, — заметила Астрид, — и я никак не могу понять, что ему там, на обрыве, понадобилось.

Йерлоф покачал головой, но ничего не сказал.

— Ну что, и это все? — удивилась Джулия после кофе у Астрид, когда они сели в машину и направлялись обратно в Марнес.

— Кто все? — спросил Йерлоф.

— Те, кто живут в Стэнвике. Мы повидались со всеми?

— Более или менее, — ответил Йерлоф, — со всеми, кто по-настоящему живет в Стэнвике. Есть, конечно, те, кто приезжает сюда по

выходным из Боргхольма и Кальмара. Душ пятнадцать или двадцать, я их не так хорошо знаю.

— А летом здесь что творится?

— Нашествие, — ответил Йерлоф, — все забито курортниками, их обычно несколько сотен и становится все больше и больше, они все время новые дома строят. И, наверное, столько же каждую неделю приезжает в кемпинг Йона. Здесь летом живет больше людей, чем тогда, когда я был маленьким. Муравейник какой-то, но в Лонгвике еще хуже, потому что там есть стоянки для катеров и яхт, да еще и гостиница на берегу.

— Да я помню, как здесь обычно бывало летом, — заметила Джулия.

Йерлоф вздохнул:

— Наверное, я не должен жаловаться. Народ с материка приезжает сюда с деньгами.

— Но все всегда хорошо не бывает, — сказала Джулия и притормозила перед поворотом к Марнессу. — Кругом чужие, не знаешь, чего ожидать.

— Да, летом так и бывает, — согласился Йерлоф. — Примерно как у тебя, в большом городе: люди приходят, уходят, никто ничего не знает, никто ничего не видит.

— Ну почему летом? Осенью — то же самое. Вот сейчас, к примеру, в Стэнвике нет никого, кто бы мог...

Внезапно Джулия замолчала, что-то припоминая.

— Астрид обычно все вокруг замечает, — сказал Йерлоф, потом пригляделся к Джулии и спросил: — В чем дело?

— Я тут вспомнила... Эрнст сказал, что он ждал гостя, — ответила Джулия, — когда его позавчера возле нашего дома встретила. Он мне тогда предложил: «Заходи и посмотри на мои скульптуры, я буду рад, но только не сегодня вечером, я жду гостя» — или что-то в этом роде.

— Он так сказал? — спросил Йерлоф, задумчиво глядя перед собой на дорогу.

— И это что, тоже как-то связано с Нильсом Кантом?

— Может быть.

— Ты хочешь сказать, это он приходил к Эрнсту?

— Нет, я так не думаю, — ответил Йерлоф.

В машине стало тихо. Они проехали мимо Марнесской церкви, и Йерлоф тут же вспомнил про предстоящие в среду похороны — неизбежная церемония, но от этого ничуть не более приятная.

— Ты знаешь больше, чем рассказываешь, — произнесла Джулия.

— Да, но не намного. Это действительно так, у нас есть кое-какие предположения, я хочу сказать, у Йона и у меня.

И тут же с грустью подумал, что свои идеи и соображения были и у Эрнста.

— Ты понимаешь, что это не игра, — негромко ответила Джулия. — Йенс мой сын.

— Я это знаю.

Йерлофу очень захотелось попросить дочь перестать говорить о Йенсе как о живом.

— Я тебе обязательно скоро расскажу все, что знаю.

— А зачем ты упомянул про сандалию Йенса у Астрид? — спросила Джулия.

— Для того чтобы эту новость услышало как можно больше людей, — объяснил Йерлоф. — Можешь быть уверена, Астрид наверняка постарается. Это не печенье печь, в этом она мастерица. — Он посмотрел на Джулию. — Ты полицейским вчера про сандалию не рассказывала?

— Да нет... Ты знаешь, я как-то про другое думала. И с чего мы должны были о ней говорить?

— Как тебе сказать... Кое-что может сдвинуться, точнее, подтолкнуть кое-кого.

— Подтолкнуть кого?

— Никогда не знаешь наверняка, — сказал Йерлоф.

В этот момент они подъехали к приюту. Джулия опять помогла ему выбраться из машины.

— Что ты собираешься сейчас делать? — спросил он.

— Да я не знаю... Может быть, пойду на кладбище.

— Хорошо. Иди. У Эллы на могиле есть светильник, ты можешь в него свечку поставить. У меня есть в комнате.

— Конечно, — сказала Джулия, и они вместе пошли к двери.

— Ты поброди по кладбищу. После того как зажжешь огонь на могиле мамы, подойди к левой стене и посмотри на другие могилы.

— Хорошо, а зачем? — поинтересовалась Джулия и нажала кнопку, чтобы открыть дверь.

— Ты поймешь, как только увидишь, — ответил Йерлоф.

Джулия стояла на Марнесском кладбище и смотрела на могилу Нильса Канта. Это оказалось самое последнее захоронение в длинном ряду могил у кладбищенской стены. На надгробии было вырезано: «Нильс Кант» — и годы: «1925–1963». Надгробие выглядело низким, безликим и непритязательным, самый обычный известняк — очень может быть, что из каменоломни в Стэнвике. Также очень вероятно было и то, что надпись на нем вырезал Эрнст Адольфссон. Камень простоял здесь уже больше тридцати лет и потихоньку начал покрываться лишайником. Могила поросла сухой желтой травой, никаких цветов тоже не было.

Джулия никак не могла понять, почему никто не удосужился упомянуть Нильса Канта как возможного подозреваемого в исчезновении Йенса. Возможно, именно поэтому в качестве своего рода объяснения Йерлоф и послал ее сюда, на это безлюдное кладбище на окраине Марнесса. И сейчас она могла увидеть своими собственными глазами доказательство того, что Нильс не имел никакого отношения к пропаже ее сына. В 1972 году Кант являлся мертвым уже десять лет. Ответ и доказательство были высечены на камне перед ней.

Еще один тупик.

Рядом, метрах в двух, стояло еще одно надгробие, тоже из известняка, но повыше и пошире. На нем тоже были вырезаны имена и годы: «Карл Эйнар Андерссон, 1889–1935» и «Вера Андерссон Ф. Кант, 1897–1972». Ниже, буквами поменьше, темнела еще одна надпись: «Аксель Теодор Кант, 1929–1936». Наверное, это был младший брат Нильса Канта. Тот, который утонул и чье тело так и не нашли.

Тут бы Джулии самое время было повернуться и уйти восвояси, но она случайно заметила, как ветер шевельнул какой-то маленький белый лоскуток за надгробием Нильса. Она остановилась, подошла поближе и наклонилась.

Действительно, ветер старался не зря: там лежал белый конверт, прижатый парой высохших роз.

«Кто-то ведь положил за надгробие розы, и это было относительно недавно», — подумала Джулия. Темно-красные лепестки совсем высохли, тем не менее они еще не успели облететь. Когда она подняла конверт, то почувствовала, что он влажный. Если там и было что-то написано, то это смысл дождь.

Джулия огляделась: на кладбище по-прежнему не было ни души. В полусотне метрах от нее высилась белая Марнесская церковь, но, когда Джулия проходила мимо, она подергала за ручку двери и постучала: было заперто, никто не отозвался.

Она быстренько сунула конверт в карман куртки и отошла от могилы.

Джулия вернулась к могиле матери и убрала желтые березовые листки, которые успели упасть за те несколько минут, пока она отсутствовала. Джулия наклонилась, посмотрела, горит ли в фонарике поминальная свеча, — горела.

Она вернулась к машине, ей предстояло проехать меньше километра до центра Марнесса.

Когда Джулия была маленькой, вылазки в Марнесс она считала настоящим приключением. Еще бы — в отличие от Стэнвика с единственным торговым павильончиком там находились настоящие магазины, где можно купить игрушки. И это было замечательно.

Сейчас, когда Джулия въехала в этот маленький поселок, единственное, что показалось ей замечательным, — так это бесплатные, в отличие от Гётеборга, автомобильные парковки. Одна стоянка была возле ИКЕА, вдоль короткой главной улицы, и еще одна — пониже, возле Марнесской гавани. Джулия выбрала вторую. Там стоял небольшой кабачок с крутым названием — «Моби Дик. Ресторан и паб». Столики, по крайней мере те, что у окон, пустовали, хотя до обеда оставалось едва ли полчаса.

Гавань оказалась маленькой, и легко можно было заметить, что в ней нет ни одной яхты, как, впрочем, и ни одного рыболовного катера. Джулия вышла из машины и прошла по безлюдному бетонному пирсу, вытянувшемуся в море, как будто указывая на горизонт. Она постояла там несколько минут и посмотрела на серое море, легонько морщившееся от небольших волн. В море тоже было пусто. Но где-то там, вдали, к северо-востоку, находился Готланд, а по другую сторону Балтийского моря — Восточная Европа с новоиспеченными, или староиспеченными, государствами: Эстония, Латвия и Литва, отколовшиеся от Советского Союза. Целый мир, в котором Джулия никогда не была.

Она повернулась и медленно зашагала по главной улице, никого не встретив. Она прошла мимо маленького бутика, цветочного магазина, ненадолго остановилась у банкомата, чтобы снять деньги. Чек ясно напомнил ей, что, как обычно, у нее паршиво с деньгами, и она быстренько скомкала его и выбросила.

Над следующей дверью висела пластмассовая табличка «Эландс-постен», буквами поменьше — еще одна надпись: «Ежедневная газета для всего Северного Эланда».

Джулия помедлила несколько секунд, но потом вошла.

Маленький бронзовый колокольчик забрякал у нее над головой, когда Джулия открыла дверь. Помещение оказалось небольшим, очень светлым, но дышать там было нечем — все прокурено. У входа располагалась стойка секретаря, за которой никого не было, а за ней, в глубине, — сама редакция: два письменных стола, заваленные газетами и бумагами. На каждом — по гудящему компьютеру, за которым сидели двое пожилых мужчин. Один седой, другой лысый как колено. Оба в джинсах и в жеваных рубашках. На столе лысого стояла табличка «Ларе Т. Блом», у седого таблички не было. Но Джулия его и так узнала — Бенгт Ньюберг. Тот самый репортер, который мухой прилетел на происшествие в каменоломне. Джулия тогда увидела его в окно, и Леннарт Хенриксон сказал ей, кто он.

На стене висели варианты шрифтов заголовка, набранные большими жирными буквами: «Смерть в каменоломне. Трагический несчастный случай».

«Разве не каждая смерть в результате несчастного случая трагедия?» — подумала Джулия.

— Чем могу помочь? — спросил Бенгт Ньюберг. Похоже, он не узнал ее.

Он посмотрел на Джулию сквозь толстые стекла очков, когда она подошла к стойке.

— Какое-нибудь объявление?

— Нет, — ответила Джулия, которая, по правде говоря, и сама-то толком не понимала, почему ее занесло в редакцию. — Я тут мимо проходила... Я сейчас живу в Стэнвике, и... мой сын пропал.

Она заморгала. И зачем она это сказала?

— Ах так, — сказал Ньюберг, — но здесь у нас не полиция, она в следующем здании.

— Спасибо, — поблагодарила Джулия и почувствовала, как ее сердце упало, будто она сказала что-то болезненно неприличное.

— Или ты хочешь, чтобы мы об этом написали?

— Нет, — быстро сказала Джулия, — я пойду в полицию.

— Когда он пропал? — спросил другой мужчина, Ларе Блом. У него был низкий хриплый голос. — В котором часу? Где? Здесь, в Марнесе?

— Нет, это вообще-то все не сегодня случилось, — ответила Джулия. Она чувствовала, что краснеет все сильнее и сильнее, как будто бы врет

обоим газетчикам. — Мне надо идти, спасибо.

Она быстро повернулась и вышла, спиной чувствуя их взгляды.

Стоя на тротуаре, она глубоко вдохнула холодный воздух и попробовала расслабиться. Какого черта она поперлась в редакцию и заговорила о Йенсе? Она вообще-то не имела обыкновения вести беседы с незнакомыми людьми. А здесь и подавно: местечко маленькое, все друг друга знают, каждый приезжий на заметку. Как ей не хватало сейчас Гётеборга, где люди воспринимали друг друга с таким же интересом, как дрова в поленнице, и пересекали по тротуарам, не замечая друг друга.

Чтобы не вышло еще хуже, она отошла от двери «Эландс-постен» и тут же увидела еще одну табличку: «Полиция», — с желто-голубым значком сверху. К двери под табличкой был приклеен стикер. Джулия поднялась по двум ступенькам и прочитала выведенную черной тушью надпись: «Участок работает по средам с 10.00 до 12.00».

Сегодня была пятница, все закрыто. Интересно, что они делают, если что-то случается в Марнесе не в среду, а в какой-нибудь другой день? Но бумажки с разъяснением этого животрепещущего вопроса не оказалось.

Она посмотрела в окно и увидела, как внутри кто-то двигается. Не успела Джулия сойти с бетонных ступеней, как за дверью что-то загремело. Дверь открылась, на пороге обозначился Леннарт Хенриксон. Ей показалось, что он улыбался.

— Я увидел, что ко мне пришли, — сказал он. — Ты как себя сегодня чувствуешь?

— Привет, — пробормотала Джулия, — я — хорошо... Я думала, здесь никого нет, прочитала на бумажке.

— Я знаю, что должен находиться здесь лишь по средам два часа, но в другое время я тоже здесь. Хотя, конечно, это секрет, а то мне больше работать придется. Заходи.

На Леннарте была длинная черная форменная куртка, рация и портупея с револьвером, так что Джулия спросила:

— Тебе куда-то нужно идти?

— Ну да, я собирался на обед. Ну заходи ненадолго.

Он отступил в сторону, приглашая Джулию войти.

Заведение Леннарта оказалось явно постарше, чем редакция газеты, которую столь удачно посетила Джулия. Но здесь было чисто, на подоконнике стояли цветы, и никакого запаха сигарет. Напротив двери стоял письменный стол, все бумаги на нем лежали в аккуратных стопках. Компьютер, факс, телефон — все как по линейке. Над столом — полка с папками и рекламный плакат экстренной линии полиции для любителей

наркотиков. На другой стене — большущая карта Северного Эланда.

— Классная контора, — сказала Джулия.

Леннарт Хенриксон явно относился к тем людям, кто любит порядок, и Джулии это нравилось.

— Что, на самом деле? — спросил Леннарт. — Она здесь уже тридцать лет.

— Только ты тут работаешь?

— Сейчас — да. Летом обычно народу больше, но в это время года — только я. Зажимают помаленьку. — Он безрадостно посмотрел вокруг и добавил: — Посмотрим еще, сколько эта контора будет открыта.

— А что, собираются закрывать?

— Возможно, большие шефы все время об этом говорят — насчет того, что средства надо экономить. Они считают, что все должно сосредоточиться в Боргхольме, это будет, дескать, лучше и дешевле. Но я надеюсь, что все-таки продержусь здесь до пенсии.

— Ты уже обедала?

— Нет. — Джулия покачала головой и обнаружила, что голодна.

— Пообедаем вместе? — предложил Леннарт.

— Да... наверное.

Джулия так и не смогла придумать какую-нибудь отговорку, чтобы сказать «нет».

— Хорошо, мы пойдем в «Моби Дик», я только выключу компьютер и включу автоотвечик.

Пять минут спустя Джулия опять была у гавани, но на этот раз вместе с Леннартом. Они вошли в лучший ресторан Марнесса. Правда, Леннарт объяснил насчет того, что лучший был и единственным в поселке. Интерьер в «Моби Дике» оказался в морском стиле, с картами, сетями, всякими старыми деревяшками и веслами, развешанными по темным панелям стен. К обеду народ подсобрался, почти наполовину ресторан заполнился. Слышались негромкие разговоры и бряканье посуды. Несколько любопытных лиц повернулись посмотреть на Джулию, когда она вошла, но перед ней щитом двигался Леннарт. Он выбрал столик немножко на отшибе, у окна, выходящего на море.

«Когда же ты в последний раз бывала в ресторане?» — задала себе вопрос Джулия и не смогла вспомнить. Для нее было очень непривычно сидеть за столом с кучей чужих людей вокруг, но она заставила себя дышать глубоко и ровно и спокойно встретить взгляд Леннарта.

— Привет, добро пожаловать.

Мужик со здоровенным пузом, в рубашке с закатанными рукавами подал им два обтянутых в кожу меню.

— Привет, Кент, — сказал Леннарт и взял меню.

— Что будете пить в такой шикарный день?

— Я — легкое пиво, ^[40] — ответил Леннарт.

— Мне, пожалуйста, воды со льдом, — сказала Джулия.

Конечно, первым ее желанием было заказать бокал красного вина, а еще лучше — графин, но Джулия мужественно подавила этот порыв. Трезвость — норма жизни. Ничего страшного: по всему миру люди обедают в ресторанах — и ничего.

— Блюдо дня сегодня лазанья.

— Хорошо, пойдет, — ответил Леннарт.

— И мне тоже, пожалуйста.

Джулия кивнула и заметила темно-зеленую татуировку, расплывшуюся от времени, выглядывавшую из-под закатанного рукава трактирщика, когда он потянулся за меню. Похоже, какие-то буквы в рамочке — имя или, может быть, название корабля.

— Салат и кофе входят в цену, — добавил трактирщик и юркнул в кухню.

Леннарт поднялся, чтобы взять салат, Джулия пошла следом.

— Леннарт! — послышался мужской голос с другой стороны зала, когда они возвращались к своему столу. — Леннарт!

Полицейский тихо вздохнул.

— Я скоро вернусь, — негромко сказал он Джулии и пошел к мужчине, который звал его. Пожилой, с красным лицом и в когда-то голубом комбинезоне. Джулия одна сидела за столом и смотрела, как он, жестикулируя, что-то объясняет Леннарту, умудряясь при этом оставаться мрачным и угрюмым. Леннарт спокойно и коротко ответил, и краснорожий принялся жестикулировать опять.

Через несколько минут Леннарт вернулся к столу и едва успел сесть, как Кент принес им две полные тарелки пахучей горячей лазаньи. Леннарт опять вздохнул.

— Извини, — сказал он Джулии.

— Да ничего.

— Понимаешь, какая история: кто-то взломал его сарай и спер канистру бензина, — объяснил Леннарт. — Работать участковым не скучно, есть чем заняться. А теперь давай есть.

Он наклонился над своей тарелкой, Джулия сделала то же самое. Она проголодалась, а лазанья была хороша, фарша не пожалели. Когда тарелка

Леннарта опустела, он отхлебнул пива и откинулся на спинку стула.

— Значит, ты приехала повидать отца? — спросил он. — Я уж было подумал — загорать и купаться.

Джулия улыбнулась и замотала головой.

— Нет, конечно, — ответила она. — Хотя на Эланде хорошо и осенью.

— Йерлоф вроде нормально себя чувствует, — сказал Леннарт, — ну, кроме ревматизма, конечно.

— Да... у него синдром Шёгрена, — объяснила Джулия. — Это разновидность ревматических болей, обычно в конечностях, приступами — приходят и уходят. Но голова у него ясная, и он по-прежнему собирает кораблики в бутылках.

— Да, и отличные. Я вообще-то подумываю заказать один в контору, но пока так и не собрался.

Они помолчали. Леннарт допил пиво и негромко спросил:

— Ну а ты-то как, Джулия? Ты сейчас нормально себя чувствуешь?

— Ну да, — быстро ответила она. Конечно, в общем-то это было враньем, но ей показалось, что полицейский спросил искренне, и она добавила: — Ты хочешь сказать... после вчерашнего?

— Ну, — ответил Леннарт, — в какой-то степени да. Но я хотел и спросить — после того, что случилось давно.... ну тогда, в семидесятом.

— А...

Значит, Леннарт знает. Ясное дело, знает. А она как думала? Он тридцать лет здесь полицейский, он же ей сам об этом сказал. Точно так же, как и у Астрид, у него хватило духу заговорить на запретную тему. Спокойно и осторожно, о том, от чего ее сестра устала еще много лет назад, о чем не рисковали заговаривать даже близкие родственники.

— Ты тогда был там? — негромко спросила она.

Леннарт поглядел на скатерть. Он медлил с ответом, как будто бы ее вопрос затронул какие-то неприятные для него воспоминания.

— Да, я там был и искал, — сказал он наконец. — Я был одним из первых полицейских, которые прибыли к вам в Стэнвик. Я разбил людей на группы, чтобы прочесать берег. Мы там весь вечер искали, закончили в первом часу. Когда ребенок пропадает, никто не остается равнодушным.

Он замолчал.

Джулия вспомнила, что Астрид Линдер сказала почти то же самое. Она упорно смотрела на стол, ей очень не хотелось расплакаться, особенно перед полицейским.

— Извини, — произнесла она секундой позже, когда слезы все же полились.

— Да не за что тут извиняться, — успокоил Леннарт, — я тоже иногда плачу. — Голосу него был ровный и спокойный, как непотревоженная водная гладь.

Джулия поморгала и сконцентрировалась на его серьезном лице, пока у нее не прояснились глаза. Ей обязательно надо было что-то сказать, что угодно.

— Йерлоф, — начала она и прокашлялась, — он сомневается насчет того, что Йенс, мой сын, утонул.

Леннарт смотрел на нее.

— Ах так, — только и сказал он.

— Он... он нашел сандалию, — продолжила Джулия, — маленькую мальчишескую сандалию, такую же, какая была на Йенсе, когда он...

— Сандалию? — Леннарт продолжал смотреть на нее. — Мальчишковую сандалию, ты ее видела?

Джулия кивнула.

— Ты ее признала?

— Да, может быть. — Джулия поднесла к губам стакан с водой. — Сначала я в этом была уверена, а сейчас уже и не знаю. — Она посмотрела на полицейского. — Это все давно было. Иногда думаешь, что есть вещи, которые никогда не забудешь, а выходит по-всякому.

— Я бы хотел на нее поглядеть, — сказал Леннарт.

— Думаю, это правильно.

Джулия не знала, что Йерлоф об этом подумает, как ему понравится вмешательство полиции. Но для нее это не играло большой роли, Йенс был ее сыном.

— Как ты думаешь, это что-нибудь значит? — спросила она.

— Я считаю, что надеяться на многое особенно не стоит, — ответил Леннарт и добавил: — Значит, Йерлоф на старости лет занялся частным расследованием?

— Частным расследованием... Ну да, может, и так, — вздохнула Джулия.

Ей было хорошо оттого, что она могла говорить обо всем этом с кем-то еще кроме Йерлофа.

— У него куча теорий, или, как там правильнее, гипотез. Я точно не знаю, что он думает. Йерлоф сказал, что сандалию ему послали в конверте по почте без обратного адреса. И он еще рассказал про одного человека, которого зовут Кант, который...

— Кант? — быстро спросил Леннарт. Казалось, это имя его ошарашило. — Нильс Кант, он так сказал?

— Ну да, — ответила Джулия, — он родом из Стэнвика, но его там уже не было, когда я родилась. Я сегодня ходила на кладбище, и я видела...

— Что он похоронен там, возле стены, — продолжил за нее Леннарт.

— Да, я видела надгробие, — сказала Джулия.

Полицейский смотрел перед собой, его плечи опустились, казалось, что он внезапно от чего-то очень устал.

Нильс Кант... он заслужил смерти.

Эланд, май 1945 года

Здоровенная, изумрудно переливающаяся на солнце муха с жужжанием летела над пустошью. Она расчерчивала воздух между можжевельновыми кустами и травостоем^[41] и в конце концов тяжело приземлилась на раскрытую ладонь. Крылья мухи замерли, она напрягла лапки, готовая взлететь при малейшей угрозе, но лежащая в траве рука не шевелилась.

Нильс Кант стоял с дробовиком на изготовку и смотрел, как навозная муха располагалась на постой на руке немецкого солдата.

Немец лежал на спине, глаза открыты, лицо повернуто набок. Можно было с легкостью поверить, что он изучает муху, если бы не один пустячок: у солдата не хватало части шеи и плеча, вырванных дробью после выстрела Нильса. Кровь пропитала его китель, и, уж конечно, он ничего не видел.

Нильс выдохнул и прислушался.

Теперь, когда муха перестала жужжать, на пустоши стало совершенно тихо, хотя в ушах Нильса все еще слегка звенело после выстрела. Звук, наверное, был слышен довольно далеко, но Нильс считал, что вряд ли на него кто-нибудь обратил внимание. Ни дорог, ни тропинок поблизости не было, и сюда крайне редко кто-нибудь забирался. Он был спокоен, очень спокоен.

После первого случайного выстрела, который завалил первого немца, он почувствовал что-то вроде того, как если бы две крепких невидимых руки опустились на его дрожащие плечи и успокоили его. Или как если бы чей-то неслышимый голос сказал: «Успокойся». Его руки перестали трястись, и он почувствовал вседозволенность. Ничего подобного он раньше не ощущал. Нильс с легкостью нацелил «хускварну» на второго немца. Его взгляд был ясным, палец твердо лежал на курке, ствол неколебимо направлен на мишень. Если это то, что называется войной, или

что-то вроде того, то, оказывается, для Нильса это плевое дело. Все равно что на кроликов охотиться.

— Давай это сюда, — повторил он и протянул руку.

Немец понял и медленным, осторожным движением раскрыл пальцы, сжимавшие сверкающий камень.

Не опуская дробовик, Нильс, не рассматривая, забрал камень и сунул его в задний карман. Он довольно хмыкнул про себя и без суеты снова положил палец на курок.

Руки немца беспомощно взлетели в воздух. Наверное, лишь в эту секунду он понял, насколько все плохо. Он широко раскрыл рот, его колени подогнулись, но Нильс не собирался его слушать.

— Хайль Гитлер, — сказал он негромко и дождал курок.

Последний крик — потом тишина. Черт, как же все просто.

Теперь оба солдата лежали под можжевельным кустом. Один на другом. Муха переползла на тело второго солдата, который лежал, прогнув спину, лицом вверх на своем мертвом товарище. Муха пошевелила крылышками, зажужжала и улетела. Нильс проследил за ней взглядом. Муха облетела вокруг куста и пропала.

Он шагнул вперед, пнул верхнего солдата, потом ухватился за него и потянул. Тело легко сдвинулось и легло на траву. Нильс разместил его справа. Теперь оба солдата лежали рядом. Да, так смотрится намного лучше. Он позаботился о солдатах лучше, чем любой гробовщик, но, может быть, стоит потрудиться еще.

Нильс посмотрел на мертвецов. Раньше они казались стариками, а сейчас он увидел, что они едва ли старше его самого. Теперь, когда они лежали неподвижно, Нильс начал почему-то размышлять о том, кто они такие.

Откуда они взялись? Нильс их не понимал. Он абсолютно был уверен в том, что они говорили по-немецки. Об этом свидетельствовала их форма — грязная и поношенная, порванная, с вытертыми до белизны коленями; и то, что ни у одного не было оружия. Но у того, что умер вторым, был зеленый полевой ранец, который оказался совсем не новым.

Нильс наклонился, расстегнул ранец, на который почти не попала кровь. Он откинул крышку и принялся изучать содержимое: пара консервных банок без этикеток, перочинный нож с потертой деревянной ручкой, пачка писем, перетянутая резинкой, полбуханки зачерствевшего грубого хлеба, веревка, грязные бинты и маленький компас в матовом футляре.

Нильс взял нож и положил себе в карман на память. Ничего ценного он

пока не нашел.

В ранце было кое-что еще: маленькая шкатулка, едва ли больше, чем приклад дробовика. Нильс достал ее и услышал, как внутри что-то перекачивается. Он поддел крышку ногтем большого пальца и открыл ее. В шкатулке лежали блестящие драгоценные камни, он высыпал их в ладонь и почувствовал, какие они твердые и скользкие. Некоторые были маленькие, как дробинки, другие — побольше, — всего больше двадцати. И тут же — завернутое в кусочек зеленой ткани что-то покрупнее. Он развернул ткань.

Это было распятие из чистого золота с ладонь величиной, усыпанное красными драгоценными камнями. Шикарно. Нильс долго смотрел на распятие, прежде чем опять завернуть его.

Он закрыл крышку и бросил военный трофей в свой рюкзак. Он закончил с ранцем и аккуратно положил его рядом с мертвым владельцем. Больше здесь смотреть нечего. Ему бы, конечно, лучше закопать солдат. Но вот беда — копать было нечем.

Тела останутся лежать там, где и сейчас, под кустом. Так что, может быть, он попозже вернется сюда с лопатой. Однако сейчас во всяком случае он позаботился о том, чтобы закрыть солдатам глаза, чтобы они перестали смотреть в небо.

Нильс выпрямил спину и потянулся. Пора было возвращаться домой. Нильс вскинул на плечо рюкзак, взял все еще теплую, пахнущую порохом «хускварну», развернулся и направился к Стэнвику. Между тучами блеснуло солнце.

Метров через пятьдесят он обернулся и посмотрел на кусты. Прогалина между кустами лежала в тени, и серая форма солдат делала их почти невидимыми. Единственное, что было хорошо видно, — так это откинутая неподвижная белая рука.

Нильс пошел дальше. Он начал раздумывать, что скажет матери, как объяснит пятна крови на брюках. У него не было от матушки никаких секретов по поводу его походов на пустошь, но иногда Нильс чувствовал, что какие-то вещи ей слышать неприятно. Нильс подумал о том, что схватка с солдатами как раз тот случай. Ему надо было хорошо подумать.

Он шел и размышлял, но ни до чего вразумительного так и не додумался. Нильс подходил все ближе и ближе к дороге, которая вела в Стэнвик. Так, наверное, было predetermined. Нильс шел и шел.

Нет, дорога и судьба — разные вещи. До крайнего дома поселка оставалось несколько сотен метров, когда Нильс услышал, как кто-то идет ему навстречу.

Первым желанием Нильса было куда-нибудь спрятаться, но вокруг

стояли только кривые, совсем низкие можжевельниковые кусты. Даже если бы он побежал со всех ног, спрятаться было негде. Да и зачем ему на самом деле прятаться? Там, на пустоши, он почувствовал свою значимость, свою силу, и стоит ли ему кого-нибудь бояться?

Нильс остановился за низкой каменной стеной в нескольких метрах от дороги и стал ждать, пока неизвестный подойдет ближе.

Внезапно он увидел, что это была Майя Ньюман.

Майя, та самая девушка из Стэнвика, на которую он часто смотрел, а думал еще чаще, но никогда не разговаривал с ней. Да и сейчас, наверное, не получится. А Майя подходила все ближе. Она улыбалась, хотя улыбаться было нечему, разве что обыкновенному весеннему дню. Похоже, она заметила Нильса, потому что, хотя ее походка ничуть не изменилась, Майя выпрямила спину, подняла подбородок и слегка выставила вперед грудь.

Нильс стоял словно замороженный у дороги и смотрел, как Майя останавливается напротив него по другую сторону стены.

Она посмотрела на него, он поглядел на нее в ответ, но не нашел ничего лучше, как пробормотать обычное «Привет!». Его молчание казалось особенно неловким из-за того, что внезапно из кустов, росших вдоль стены, запел соловей. В конце концов заговорила Майя.

— Подстрелил что-нибудь, Нильс? — спросила она звонким голосом.

Он чуть не свалился от ее вопроса. Он даже было подумал, будто Майя все знает, но потом сообразил, что она спрашивает не про солдат. Ну конечно, у него дробовик, и обычно он возвращался в поселок с подстреленными кроликами.

Нильс покачал головой.

— Не-а, — пробормотал он. — Ни одного кролика. — Его качнуло, как будто бы от тяжести шкатулки в рюкзаке, и он выдавил: — Мне надо... я должен идти, меня мама ждет в поселке.

— А почему ты не идешь по дороге? — спросила Майя.

— Не знаю, — Нильс попятился, — по прямой через пустошь быстрее. — Слова произносились все легче и легче. Вот дела — он разговаривает с Майей Ньюман. Он решил, что надо еще будет раз как-нибудь попробовать, но только не сегодня. — Ну тогда пока, — сказал Нильс и повернулся, не дожидаясь ответа. Он чувствовал, что девушка по-прежнему стоит и смотрит ему вслед, поэтому пошел прочь от дороги и не останавливался метров двести, прежде чем обернуться и опять посмотреть назад.

Все это время он слышал тихое побрякивание камней в шкатулке, которая лежала на самом дне рюкзака. Он понял, что ему нельзя приносить

ее домой, надо быть очень осторожным с трофеем.

Еще через несколько сотен метров, когда дорога в поселок пропала из виду за кустами, Нильс увидел перед собой каменное возвышение.

Старый жертвенный камень, приметное место, которое Нильс проходил почти каждый раз, когда шел на пустошь или возвращался обратно в Стэнвик. Он подошел поближе и остановился. Он посмотрел на груду больших и маленьких камней, подумал и огляделся.

Пустошь, она и есть пустошь — слышно только ветер.

У него начала формироваться какая-то мысль. Нильс снял рюкзак, опустил его на землю, раскрыл и достал шкатулку с драгоценными камнями. Затем взял ее в руку и изучающе посмотрел на жертвенный камень и округу.

Почти точно на востоке виднелась Марнесская церковь. Нильс видел возвышающийся на горизонте прямой шпиль колокольни. Он застыл, как по стойке «смирно», ориентируясь точно на церковь, и широко шагнул от жертвенного камня, а потом начал копать.

Солнце жарило уже несколько дней, и земля здесь совершенно высохла, поэтому ему удавалось поднимать верхний слой большими кусками. Потом он начал копать глубже, помогая руками и немецким перочинным ножом. До берега здесь было недалеко, поэтому земля была тяжелой, каменистой.

Нильс копал и копал, царапая землю и все время оглядываясь вокруг. Когда ямка стала сантиметров тридцать в глубину, Нильс уткнулся в основание скалы — этого хватит. Он взял шкатулку и осторожно положил ее на дно ямки, потом накрыл несколькими камушками с жертвенного камня и построил вокруг нее что-то вроде склепа. После засыпал ямку и руками утрамбовал землю так сильно, как мог.

Труднее всего оказалось уложить в прежнем порядке кустики травы так, как они росли прежде. Нильс понимал, насколько важно, чтобы все здесь выглядело как раньше.

Он долго возился, приводя траву в порядок, потом поднялся и походил вокруг, разглядывая со всех сторон свою работу. Земля выглядела непо потревоженной. Все, что его выдавало, — так это грязные руки. Нильс обратил на это внимание, когда поднимал рюкзак.

Он направился к дому. Он расскажет матери про встречу с немцами, решил Нильс. Но надо быть осторожным, чтобы Вера не волновалась, и не стоит говорить про спрятанные драгоценные камни. Пока еще не время — для мамы это будет слишком большой неожиданностью. А сейчас военный трофей — спрятанное сокровище, о котором знает только он.

Нильс опять добрался до стены, перешагнул через нее и выбрался на дорогу в поселок, но на этот раз ближе к дому, чем до встречи с Майей. Он находился почти возле самого Стэнвика.

До дома было уже совсем недалеко, когда он встретил двоих мужчин в тяжелых сапогах. Они возвращались с моря. В почерневших руках они несли большую вершу,^[42] полную наловленных угрей.

Никто из них не поздоровался, они отвернулись и даже не поглядели на него. Но Нильсу было наплевать, он даже не помнил, как их зовут.

По сравнению с такой мелочью Нильс Кант — великан, он чувствовал себя больше, чем весь Стэнвик, вместе взятый. Сегодня он в этом убедился, когда сражался там, на пустоши.

Почти стемнело, он открыл калитку, вошел в сад и поднялся по каменным ступеням гордой и уверенной походкой. В саду оказалось пусто, все вокруг росло и зеленело, пахло травой.

Все было точно так же, как когда он уходил из дома утром поохотиться на кроликов. Но Нильс Кант вернулся новым человеком.

Леннарт Хенриксон стоял возле письменного стола Йерлофа и держал в руке пластиковый пакет с маленькой сандалией. Похоже было на то, что он будто бы взвешивает ее в руке. Вроде как это поможет ему определить, та самая эта сандалия или нет. По лицу Леннарта было видно, что эта находка не доставляет ему никакой радости.

— О таких вещах надо тут же сообщать в полицию, Йерлоф, — сказал он.

— Я знаю.

— И не медлить.

— Ну да, ну да, — тихо ответил Йерлоф. — Но как-то не сложилось. Так что ты думаешь?

— Про это? — Полицейский посмотрел на сандалию. — Не знаю, я обычно не тороплюсь с выводами. А ты?

— Мне кажется, что нам бы стоило поискать не в воде, а где-то в другом месте.

— Мы так и сделали, — заверил Леннарт. — Ты разве не помнишь? Мы обшарили всю каменоломню, все дома и все сараи и даже уборные во всем поселке. Я сам объездил всю округу вдоль и поперек и даже пустошь. Мы ничего не нашли. Но коль скоро Джулия говорит, что это та самая сандалия, то, конечно, тут уже не до шуток. Это серьезно.

— Мне кажется, что это сандалия Йенса, — сказала Джулия, выглядывая из-за его плеча.

— Ты, значит, получил ее по почте? — спросил Леннарт.

Йерлоф кивнул с неприятным ощущением того, что он оказался на допросе.

— Когда?

— На прошлой неделе. Я позвонил Джулии и рассказал про это. Собственно, это одна из причин, почему она сюда приехала.

— У тебя конверт сохранился?

— Нет, — быстро ответил Йерлоф, — выбросил... Я иногда бываю немного рассеянным, но там не было никакого письма, обратного адреса тоже, точно говорю. На конверте было написано: «Капитану Йерлофу Давидссону. Стэнвик». А потом на почте переслали это сюда. А что за важность с этим конвертом?

— Да вообще-то есть такая вещь, которая называется отпечатки

пальцев, — тихо сказал Леннарт и вздохнул. — Там мог быть волос, да много чего, что... Ну да ладно, во всяком случае сейчас я займусь сандалией, может быть, на ней остались какие-нибудь следы.

— Я совсем не хочу... — начал было Йерлоф, но Джулия прервала его вопросом:

— Ты ее в лабораторию пошлешь?

— Да, — ответил Леннарт, — ближайшая криминалистическая лаборатория есть в Линчёпинге.^[43] Они как раз такими вещами и занимаются.

Йерлоф промолчал.

— Хорошо, пошли ее к ним, — сказала Джулия.

— А я квитанцию какую-нибудь получу или расписку? — поинтересовался Йерлоф.

Джулия раздраженно посмотрела на него, как будто ей было стыдно за отца, но Леннарт кивнул и устало улыбнулся:

— Само собой, Йерлоф. Выпишу я тебе квитанцию, так что ты сможешь поставить на уши боргхольмскую полицию или лабораторию в Линчёпинге; если они сандалию потеряют. Но я бы на этот счет не беспокоился.

Через несколько минут после того, как Джулия проводила полицейского, она вернулась обратно в комнату Йерлофа. Йерлоф по-прежнему сидел за письменным столом, держа в руке заполненную корявым почерком Леннарта Хенрикссона квитанцию. С печальным и рассеянным видом он смотрел в окно.

— Леннарт сказал, что мы не должны никому говорить про сандалию, — напомнила Джулия.

— Значит, так он сказал.

Йерлоф продолжал смотреть в окно.

— В чем дело? — спросила Джулия.

— Да не надо тебе было про сандалию ему рассказывать, — ответил Йерлоф.

— Но ты же меня сам просил с людьми разговаривать.

— Но не с полицией же. Мы сами со всем справимся.

— Справимся? — спросила Джулия, повышая голос. — Что это значит: сами справимся? Что ты себе на самом деле вообразил? Ты что думаешь, что тот, кто украл Йенса, если кто-то действительно это сделал, — что эта самая личность заявится сюда и попросит, что ли, на сандалию полюбоваться? Ты серьезно так считаешь? Ну да, он сюда придет

и выложит, что сделал.

Йерлоф ничего не ответил. Он по-прежнему смотрел в окно, повернувшись к дочери спиной, и от этого Джулия разозлилась еще больше.

— А ты-то сам в тот день что делал?

— Ты отлично знаешь, — тихо сказал Йерлоф.

— Я знаю: мама устала, за твоим внуком надо было присматривать... а ты пошел к морю заниматься сетями, потому что собрался рыбки половить.

Йерлоф кивнул.

— Потом пришел туман, — добавил он.

— Ну да, густой, как гороховый суп. Ну и что: ты пошел домой?

Йерлоф покачал головой.

— Ты продолжал возиться с сетями, — сказала Джулия. — Ясное дело: куда как веселее тусоваться у моря, чем пасти маленького ребенка. Ведь так?

— У меня со слухом все в порядке, и я слышал бы все, когда был там, внизу, — произнес Йерлоф, не глядя на нее. — Но было тихо. Я бы, конечно, слышал Йенса, если бы он...

— Да не о том речь, — прервала его Джулия. — Я говорю, что ты всегда находился где-то, когда был нужен дома. Самым главным для тебя являлось делать то, что ты хотел. Все время так оно и было.

Йерлоф ничего не ответил. Ему казалось, что небо за окном заметно потемнело. Неужели уже сумерки? Он внимательно выслушал все, что ему выдала дочь, но никак не мог найти подходящего ответа.

— Наверное, я был плохим отцом, — сказал он в конце концов, — я часто отсутствовал, но не по своей воле. Если бы я только мог сделать что-нибудь для Йенса в тот день или, еще лучше, изменить тот день совсем... — Его голос сорвался, Йерлоф приумолк, стараясь справиться с собой.

В комнате повисло тягостное молчание.

— Я знаю, папа. Мне не стоило это говорить, меня вообще на Эланде не было. Я ехала в Кальмар и видела, как наступает туман под мостом с пролива. — Джулия вздохнула. — Как ты думаешь, сколько раз я проклинала себя за то, что уехала тогда от Йенса? Я даже с ним толком не попрощалась.

Йерлоф тяжело вдохнул, потом выдохнул, как будто бы никак не мог отдышаться. Он повернулся к Джулии и посмотрел на нее:

— Во вторник день похорон Эрнста. Но мы с тобой съездим к тому, кто прислал сандалию.

Джулия молчала.

— Как это возможно? — спросила она.

— Я знаю, кто это.

— Уверен на сто процентов?

— На девяносто пять.

— И где он живет? — задала вопрос Джулия. — Здесь, в Марнессе?

— Нет.

— В Стэнвике?

Йерлоф покачал головой:

— В Боргхольме.

Джулия помолчала, как будто бы размышляя, в чем тут фокус.

— О'кей, — сказала она наконец.

Она подошла к кровати, чтобы забрать куртку.

— Чем ты сейчас займешься? — спросил Йерлоф.

— Не знаю... поеду, наверное, в Стэнвик, листья сгребу во дворе.

Электричество включено, вода тоже, так что еду я могу себе приготовить в летнем доме, а ночевать пойду в домик на берегу — я там высыпаюсь.

— Хорошо, но будь, пожалуйста, в контакте с Йоном и Астрид, — сказал Йерлоф. — Мы должны держаться вместе.

— Само собой. — Джулия взялась за куртку. — Я сегодня на кладбище побывала, на маминой могиле поминальную свечу зажгла.

— Хорошо. Она пять дней гореть будет, до выходных. Церковный совет за могилой присматривает. К сожалению, я не могу бывать там часто. — Йерлоф закашлялся. — Для Эрнста могилу уже выкопали?

— Я по крайней мере не видела, — ответила Джулия и добавила: — Но я нашла могилу Нильса Канта. Ты, наверное, хотел, чтобы я ее увидела?

— Ну да.

— Пока я ее не нашла, я считала, что главный подозреваемый — это Нильс Кант. А вот сейчас понимаю, почему мне про него никто не сказал.

Йерлоф задумался, он колебался, стоит или не стоит ему сказать о том, что идеальный выход для убийцы — разыграть собственную смерть, но промолчал.

— Но понимаешь, какая штука: на могиле были розы, — сказала Джулия.

— Свежие? — спросил Йерлоф.

— Не совсем, — ответила Джулия, — могли положить в конце лета. И еще одна вещь...

Она достала из кармана куртки конверт. Тот, что был под розами. Конверт успел высохнуть, и она протянула его Йерлофу.

— Может, нам не надо его открывать? — спросила она. — Это личное, и вообще...

Но Йерлоф, уже вскрыв конверт, достал из него белый листок и прочитал, сначала про себя, потом громко, для Джулии:

— Мы все предстанем перед судом Господа. — Он посмотрел на Джулию: — Вот и все, что здесь написано. Насколько я помню, это цитата из Послания к римлянам. Можно я оставлю это у себя?

Джулия кивнула.

— И что это: обычное дело — цветы и письма на могиле Канта? — поинтересовалась она.

— Да нет, — ответил Йерлоф и положил конверт в один из ящиков письменного стола. — Но несколько раз такое случалось. Я имею в виду цветы. Розы я там видел.

— Это значит, что жив кто-то из друзей Нильса Канта?

— Ну да... или кто-то по какой-то причине помнит о нем, — пояснил Йерлоф и добавил: — Всякая дрянь, о которой идет слава, пусть даже и дурная, бывает людям интересна.

Они немного помолчали.

— О'кей, ну тогда я еду в Стэнвик, — сказала Джулия и опять взялась за куртку.

— Завтра ты что делаешь?

— Может, съезжу в Лонгвик, там посмотрим.

Когда дочь вышла из комнаты, Йерлоф устало опустил плечи. Он приподнял руки и посмотрел, как дрожат пальцы. День выдался утомительным, но ему сегодня надо было сделать еще одну и очень важную вещь.

Прошло несколько часов.

— Тоштен, ты хоронил Нильса Канта? — спросил Йерлоф.

Они сидели каждый за своим столом в подвальной мастерской.

Кроме них двоих, там больше никого не было. Йерлоф все тщательно спланировал. После ужина он на лифте спустился в комнату для занятий и просидел там больше часа ожидая, когда одна из обитательниц дома престарелых закончит наконец ткать.

Цель у Йерлофа была простая — остаться с глазу на глаз с Тоштенем Аксельссоном, который работал могильщиком в Марнесской общине с военных времен и до семидесятых годов. За то время, пока Йерлоф ждал, осенняя темнота сгущалась за маленьким окном подвала. Наступил вечер.

До того как задать долгожданный вопрос, Йерлоф болтал ни о чем с

Аксельссоном. В основном они говорили о предстоящих похоронах Эрнста. Для Йерлофа было важно удержать Тоштена в подвале. Аксельссона тоже разбило ревматизмом, но с головой у него было все в полном порядке, так что зачастую с ним было интересно разговаривать. В отличие от Йерлофа, который тосковал по морю, Тоштена, похоже, обратно на кладбище не очень тянуло. В любом случае у Йерлофа все получилось: Аксельссон остался на месте, пока они говорили о былых временах.

Йерлоф сидел за рабочим столом, на котором лежали кусочки дерева, клей, инструменты, наждачная бумага. Он строил модель «Пакета» — последнего грузового парусника, который ходил из Боргхольма в Стокгольм в шестидесятых годах. Корпус был закончен, но над такелажем требовалось еще поработать, а полностью готовым парусник будет только тогда, когда Йерлоф уже в бутылке поставит мачты и приклеит последние детали. На все это требовалось время.

Йерлоф осторожно пропилил крохотный паз для еще более маленькой рей и замер, ожидая ответа от бывшего могильщика. Аксельссон сидел, пригнувшись над столом, заваленным тысячами кусочков пазла. Он был где-то примерно на полпути к воспроизведению шедевра Моне с желто-белыми кувшинками.

Аксельссон истово прищелкнул кусочек головоломки в темную поверхность пруда и поднял взгляд.

— Кант? — переспросил он.

— Ну да, Нильс Кант, — повторил Йерлоф. — Та могила, такая небольшая, у самой стены. Я вот тут подумал о его похоронах. Мне стало интересно, меня тогда на острове не было.

Аксельссон кивнул, приподнял очередной фрагмент и задумался:

— Ну да, я и могилу копал и гроб тащил. Не один, конечно, с коллегами. Никто не вызвался по своей воле его гроб тащить.

— И что, никто его не оплакивал?

— Ну нет... мать его там была все время. Раньше-то я ее почти совсем и не видел. Но понимаешь, не могу сказать, что она убивалась или там горевала. Мне так не показалось. По-моему, она была довольна.

— Довольна?

— Ну да, в церкви-то я ее, конечно, не видел, но мне стало любопытно. Я умудрился подглядеть за ней, когда мы опускали гроб в землю. Вера стояла чуть ли не в метре от могилы, глядела, как гроб исчезает, и, хотя на ней была вуаль, я заметил: она улыбалась. Как будто бы это для нее были не похороны, а просто какое-то удовольствие.

Йерлоф кивнул.

— Ну и что, только она и была на похоронах, больше никого?

Аксельссон покачал головой:

— Народ-то там был, но вряд ли для того, чтобы поплакать. Полицейские, например, но они стояли поодаль, почти у церкви.

— Наверное, они хотели воочию убедиться, что Нильс Кант ушел в землю раз и навсегда, — сказал Йерлоф.

— Думаю, что так, — соглашаясь, кивнул Аксельссон. — Ну, пожалуй, это и все, кто там находился. Кроме, конечно, пастора Фридланда.

— Ему хотя бы за это заплатили.

Они помолчали. Йерлоф крутил крохотный корпус «Пакета», рассматривая его со всех сторон, потом он опять заговорил:

— Значит, говоришь, Вера Кант улыбалась у могилы? Что-то мне стало любопытно: а в гроб-то кто-нибудь заглядывал?

Аксельссон посмотрел на пазл и взялся за очередной фрагмент.

— Ты хочешь спросить, не был ли гроб слишком легким? Мне этот вопрос уже много раз задавали.

— Неудивительно, что люди об этом иногда говорят, — сказал Йерлоф. — Ну, насчет того, что гроб Канта был пустой. Ты ведь, наверное, тоже об этом слышал.

— Можешь об этом не беспокоиться. Нет, не так, — ответил Аксельссон. — Мы его вчетвером несли — и перед отпеванием, и после. Меньшими силами мы оба управились — тяжелый он оказался.

Йерлоф почувствовал, что его вопросы задели профессиональную честь старого могильщика, но все-таки ему пришлось продолжить.

— А вот я слышал, кое-кто поговаривает, что вроде там камни были в гробу. Кое-кто про мешок с песком рассказывал, — добавил он тихо.

— Да сплетни все это. Я их тоже слышал, — заверил Аксельссон. — Я сам в гроб не глядел, но кто-то обязательно должен был это сделать... Ну, по крайней мере, когда его паромом привезли на Эланд.

— А я вот слыхал, что никто его и не открывал. Его ведь из-за моря привезли, и ни у кого не то духу не хватило, не то особой надобности не было гроб вскрывать. Ты не знаешь: так это или нет?

— Ну... — протянул Аксельссон, — я вроде как припоминаю, что там имелось заключение о смерти из Южной Америки. Корабль был грузовой компании «Мальм». В Боргхольме в мастерской, что возле стоянки для грузовиков, нашелся хлопец, который чуток балакал по-испански. Он и прочитал... Там было написано, что Нильс Кант утонул и пробыл в воде довольно долго, прежде чем его выловили. Так что покойничек выглядел не очень здорово. Люди опасались насчет того, что Вера Кант затеет скандал

или что-нибудь в этом роде, всем хотелось поскорее закопать Канта и жить дальше.

Аксельссон посмотрел на Йерлофа и пожал плечами.

— Так что меня не спрашивай, — завершил он и вложил еще один кусочек кувшинки в пруд на картине Моне. — Я его только в могилу опустил, сделал, понимаешь, свою работу и пошел домой.

— Понимаю, Тоштен.

Аксельссон пристроил к месту еще один кусочек пазла, какое-то время смотрел на результат своего труда, потом перевел взгляд на настенные часы и неторопливо поднялся.

— Вечерний кофе, — напомнил он. Но прежде чем выйти из комнаты, Тоштен остановился, обернулся и спросил: — А ты-то сам как вообще думаешь, Йерлоф? Лежит Нильс Кант в своем гробу?

— Наверняка, — тихонько ответил Йерлоф, стараясь не смотреть в глаза старому могильщику.

Когда Йерлоф поднялся наверх, миновало уже семь часов, до вечернего кофе оставалось полчаса. Рутинка. Все в Марнесском приюте было рутинкой.

«Но разговор с Тоштенем Аксельссоном получился интересный, — подумал Йерлоф. — Он многое дал». Может быть, он был немного слишком разговорчив, равно как и настойчив, и, судя по задумчивому виду Аксельссона, в результате расспросы навели его на размышления.

Можно было к гадалке не ходить, что и дня не пройдет, как по коридорам Марнесского заведения разнесутся слухи о странном интересе Йерлофа к Нильсу Канту. Мало-помалу они выйдут за стены приюта. Но пусть так и будет. Собственно, этого он и хотел. Так сказать, расшевелить муравейник — глядишь, что-нибудь и проявится.

Йерлоф тяжело опустился на кровать и взял с прикроватного столика свежий номер «Эландс-постен». У него не хватило времени прочитать газету с утра, а, честно говоря, скорее не хватило духу. Происшествие со смертельным исходом в Стэнвике было главной новостью. Заметка красовалась на первой полосе вкупе с одной из фотографий Бенгта Нюберга: каменоломня и стрелка, указывающая на то место, где произошло несчастье.

Согласно заключению полиции Боргхольма, это был несчастный случай. Эрнст Адольфссон попытался передвинуть каменную фигуру у края каменоломни, оступился, упал вниз, потянув ее за собой. Никаких оснований считать это преступлением не было.

Йерлоф прочитал лишь начало статьи Бенгта Ньюберга. Потом он перелистал газету дальше до менее значительных новостей — насчет сроков аренды в Лонгвике, пожара на скотном дворе на окраине Лётторпа, о выжившем из ума восьмидесятиоднолетнем старике, который несколько дней назад вышел на прогулку на юге Эланда и бесследно исчез на пустоши. Сомнений в том, что его найдут, особенно не было.

Йерлоф сложил газету, положил ее обратно на столик, и тут ему на глаза попалось портмоне Эрнста. Йерлоф не дотрагивался до него с того момента, когда вернулся сюда из Стэнвика. Он взял портмоне, открыл, посмотрел на банкноты и еще более толстую пачку квитанций. До денег он не дотронулся, но неторопливо взялся перебирать квитанции, внимательно рассматривая каждую.

По большей части это оказались чеки из магазинов, в основном продуктовых, в Марнессе или Лонгвике, также попадались написанные от руки расписки насчет продажи скульптур.

Йерлоф продолжал свое занятие, собираясь добраться до последней бумажки, до самого последнего дня, когда работа Эрнста, изображавшая колокольню Марнесской церкви, упала на него самого. Но он ничего не нашел.

Он опять просмотрел листочки, и вдруг ему в глаза бросилось кое-что необычное — маленький желтый билет в музей. На билете было напечатано «Музей древесины Рамнебю» и виднелся синий штамп, что билет использован, и дата 13 сентября.

Йерлоф положил билет на прикроватный столик. Остальные квитанции и расписки из портмоне Эрнста он сцепил скрепкой и положил в ящик стола. Потом он сел за письменный стол, достал свой блокнот для записей и начал обдумывать первое предложение. Он взял ручку, подумал еще и написал две памятки.

Первая: «Вера Кант улыбалась, когда Нильса хоронили».

Вторая — Эрнст ездил на лесопилку родни Кантов в Рамнебю.

Потом, он заложил страницу блокнота билетом из музея, закрыл его и продолжал сидеть за столом, ожидая времени вечернего кофе.

Первый стакан вина проскочил для Джулии совершенно незаметно. Она видела перед собой кухню Астрид, стол, саму Астрид, но в первую очередь подрагивающее в бокале красное вино. Ожидая, точнее, предвкушая, Джулия протянула руку — и вот чудо: пустой бокал на столе. Она чувствовала во рту вкус вина, и приятно согревающая волна алкоголя прошла по ее телу. У Джулии появилось такое чувство, что она наконец-то встретила старого доброго друга после долгой разлуки.

В кухонное окно было видно, что день подходит к концу, солнце садится. Ноги Джулии ныли, потому что пришлось изрядно потрудиться: она хорошо поехала сегодня по побережью на велосипеде.

— Еще бокальчик хочешь? — спросила Астрид.

— Да, спасибо, — ответила Джулия, изо всех сил стараясь казаться спокойной и невозмутимой, — это будет очень кстати.

Даже если бы сейчас ей налили уксуса, она и его выпила бы с удовольствием.

Второй бокал Джулия попыталась пить помедленнее. Она позволила себе сделать лишь пару глотков, а потом заставила себя поставить бокал на стол и вздохнула.

— Что, у тебя был трудный день? — спросила Астрид.

— Можно сказать и так, — ответила Джулия, — но в общем-то ничего выдающегося не произошло.

Джулия крутила педали и доехала по берегу до соседнего поселка Лонгвик, там и пообедала. Потом у нее была встреча с пожилым фермером, точнее, куроводом, который продает яйца. Хотя на самом деле Джулия хотела встретиться с его братом. Тем самым, который когда-то сказал, что ее сын Йенс был убит, не просто мертв и лежит в земле, а именно убит.

— Да, трудный день, — повторила Джулия и допила второй бокал.

Эту ночь Джулия тоже собиралась провести внизу, в домике у моря. Небо было усыпано звездами.

Джулия смотрела на звезды, они, наверное, ее единственные друзья на пустынном берегу. На восточном крае неба серо-белой плиткой висела луна. Джулия стояла на темном, как уголь, берегу и с полчаса рассматривала звезды, потом пошла в дом. Из дома она видела отсвет фонаря во дворе дома Астрид по другую сторону дороги. Свет горел и в

других домах по обе стороны побережья, но очень далеко, почти как звезды. И только фонарь во дворе Астрид ободряюще говорил Джулии о том, что она не одна в темноте, вокруг есть другие люди.

Джулия уснула неожиданно быстро и легко и проснулась, хотя в этом не было никакой необходимости, ровно через восемь часов. Ее разбудил звук волн, которые накатывались на берег и убегали обратно. Неприглаженный каменный ландшафт как будто гордился своей свободой и натуральностью.

Джулия открыла дверь и смотрела на волны, стараясь не думать о костях. Она поднялась в главный дом, чтобы помыться и приготовить завтрак. А потом, когда Джулия бродила по двору, она нашла старый дамский велосипед за сараем. Она подумала, что, наверное, это Ленин. Он был плохо смазан, проржавел, но, как ни странно, шины были накачаны и держали воздух.

Этот велосипед и вдохновил Джулию на поездку в Лонгвик. Она подумывала найти того старого фермера, которого, кажется, звали Ламберт, и попросить у него прощения, что много лет назад она на него накинулась.

Дорога вдоль берега оказалась довольно паршивой: щебенка, ямы, пыль. Но ехать по ней было можно, тем более что вокруг было необыкновенно красиво. Впрочем, красиво, как всегда: пустошь справа и переливающаяся поверхность моря всего в нескольких метрах от обрыва слева. Когда Джулия проезжала мимо каменоломни, она старательно смотрела в другую сторону, хотя не могла избавиться от одной мысли: остались там еще пятна крови Эрнста или нет.

В остальном ее велосипедный вояж был сплошное удовольствие: солнце пригревало сбоку, ветер легонько подталкивал в спину.

До Лонгвика было недалеко — пять километров, но он казался совсем другим поселком, больше и, так сказать, другого пошиба. Здесь имелся настоящий пляж, засыпанный песком, гавань для яхт и катеров, большие дома с отдельными квартирами в центре и прибрежные домики по обоим берегам.

«Участки на продажу», — прочитала Джулия надпись на табличке у дороги. Здесь всюду строили, она видела ограды, размеченные площадки, новые дорожки, уходящие в пустошь и заканчивающиеся грудями кирпича и досок.

Разумеется, помимо пристани возле гавани была гостиница — длиной во весь пляж, трехэтажная, с большим рестораном.

Там Джулия и пообедала в компании ностальгии. Когда-то давно она

ходила сюда на танцы. Когда Джулия, тогда еще подростком, приезжала сюда на велосипеде с другой ребятней из Стэнвика, гостиница была намного меньше, но уже тогда претендовала на некую роскошь. Прямо на пляж выходила большая деревянная веранда, там они и танцевали до полуночи. В паузах, когда меняли пластинки с американской и английской рок-музыкой, было отчетливо слышно, как в темноте поблизости шумят волны. Джулия хорошо помнила запах пота, лосьона для бритья, сигаретного дыма. В первый раз она попробовала вино здесь, в Лонгвике. Иногда, когда ей случалось совсем припоздниться, ее кто-нибудь из ребят подвозил домой на тарахтящем мопеде. Мопед несся во всю прыть, и, конечно, они были без шлемов. Они неслись вперед, сквозь темноту, в полной уверенности, что жизнь чудесна, а впереди ее ждет только прекрасное.

Сейчас веранды не было и в помине, зато в гостинице появились светлые просторные конференц-залы и собственный бассейн.

После обеда Джулия начала читать книгу, которой ее снабдил Йерлоф, ту, которая называлась «Преступления на Эланде». В главе «Убийца, который остался безнаказанным» она прочитала про Нильса Канта. О том, что он сделал летом 1945 года на пустоши, и потом не то продолжение, не то заключение этой истории:

«Кто были те, одетые в военную форму, два человека, которых Нильс Кант на пустоши так хладнокровно лишил жизни прекрасным весенним днем?

По всей вероятности, немецкие солдаты, которым повезло перебраться через Балтийское море. Скорее всего, в самом конце войны они вырвались из Литовской Курляндии, где шли ожесточенные бои. Немецкую группировку тогда окружила Красная армия, и единственной возможностью выбраться из этого котла было море. Поэтому немцы, гражданские и солдаты, шли на огромный риск, чтобы пересечь море и оказаться в Швеции.

Но с полной уверенностью ни о чем сказать нельзя. У убитых солдат не обнаружили документов или каких-либо вещей, позволяющих установить их личности. Они были похоронены как безымянные.

Но все же они оставили после себя след. Чего не знал Нильс Кант, оставляя мертвые тела лежать на пустоши, — так это то, что тем же утром в маленькой бухточке к югу от Марнесса нашли брошенную моторную лодку с немецким названием.

В открытой, наполовину залитой водой лодке помимо прочего обнаружили немецкие каски, дюжину ржавых консервных банок, котелок,

сломанное весло и баночку с патентованным средством личного врача Гитлера доктора Теодора Морелля^[44] от вшей, произведенным в Берлине специально для солдат вермахта. Конечно, такая находка не могла остаться незамеченной и возбудила всеобщее любопытство, так что многие жители Марнесса много раньше, чем Нильс Кант, узнали о том, что в округе появились чужаки. Люди уже начали разыскивать пришельцев.

Нильс Кант не закопал убитых им солдат, он даже не потрудился хотя бы прикрыть их тела. И, как это обычно бывает на пустоши, на трупы моментально набросились и буквально покрыли их тучи мелких стервятников, мухи, жуки, птицы, которые моментально затеяли драку над добычей. Этот гвалт было слышно еще издалека, и найти тела солдат было лишь вопросом времени. На них обязательно бы наткнулись, как и случилось».

Когда официантка гостиницы в Лонгвике пришла убрать со стола, Джулия закрыла книгу и задумчиво посмотрела на безлюдный песчаный пляж внизу.

Прочитать историю Нильса Канта оказалось интересно. Но он был мертв и похоронен, и Джулия не могла понять, отчего Йерлоф считал важным, чтобы она узнала про Канта.

— Я хочу заплатить сейчас, — сказала Джулия официантке.

— Сорок четыре кроны.

— Спасибо.

Официантка была молоденькая, наверное, около двадцати, и складывалось такое впечатление, что эта работа ей нравится.

— У вас круглый год открыто? — спросила Джулия, доставая деньги.

Для нее оказалось сюрпризом то, что здесь было так много людей, несмотря на осеннее время, — и в самом городе, и здесь, в гостинице.

— С ноября по март мы работаем только по выходным, обслуживаем конференции, — пояснила официантка.

Она взяла деньги, вынула из кармана фартука портмоне и стала отсчитывать сдачу.

— Сдачу можешь оставить, — сказала Джулия, посмотрела на серую воду за окном ресторана и продолжила: — Я вот что хочу спросить... Может быть, ты знаешь. Здесь, в Лонгвике, живет Ламберт? Ламберт... как его там по фамилии... Свенссон, или Нильссон, а может, и Карлссон. Ну да бог с ней, с фамилией, имя точно Ламберт. Живет здесь такой?

Официантка задумалась, немного помедлила и покачала головой:

— Ламберт? — переспросила она. — Такое имя не забудешь. Но я про

такого, кажется, не слышала.

Джулия подумала, что девушка слишком молода, чтобы знать старожилов Лонгвика, она кивком поблагодарила официантку и встала из-за стола. И тут официантка сказала:

— Спроси у Гуннара. Гуннар Лунгер, он владелец гостиницы. Гуннар, по-моему, всех в Лонгвике знает. — Девушка повернулась, махнула рукой и стала объяснять: — Выходишь через главный вход, потом налево, доходишь до угла, поворачиваешь, там у него контора. Сейчас он должен быть на месте.

Джулия поблагодарила за совет и вышла из ресторана. За обедом она пила только воду со льдом. Это уже становилось привычкой. Ей было приятно выйти на холодный воздух с ясной головой. «Хотя, — подумала Джулия, миновав парковку, — перед разговором с Ламбертом успокоительное в виде красного вина было бы ей очень кстати. Как же там его — Свенссон, Нильссон или Карлссон?»

Джулия провела рукой по волосам и зашагала вокруг здания гостиницы. За углом она легко нашла деревянную дверь и табличку рядом, точнее, несколько табличек. На самой верхней было написано: «Конференц-центр. Лонгвик». Джулия открыла дверь и вошла в маленькую приемную. На полу лежал желтый ковролин, повсюду стояли искусственные растения.

Ей показалось, что она попала в какой-то офис в центре Гётеборга. Все то же самое, никакой разницы. Откуда-то изнутри доносилась негромкая музыка. Хорошо одетая девушка сидела за стойкой, к ней наклонился молодой человек в белой рубашке, они о чем-то разговаривали. Оба посмотрели на Джулию так, как будто бы она прервала их на чем-то важном, но девушка моментально переключилась и поздоровалась с Джулией с профессиональной улыбкой. Джулия тоже поздоровалась, ощущая некоторую неловкость, как это всегда бывало с ней, когда она встречалась с незнакомыми людьми, и потом спросила про Гуннара Лунгера.

— Гуннар? — переспросила девушка и перевела взгляд на молодого человека у стойки. — Ты не знаешь, он с обеда вернулся?

— Ну да, — ответил молодой человек и кивнул Джулии. — Пойдем, я провожу.

Они прошли через короткий коридор, в конце которого была полуоткрытая дверь, молодой человек постучал и позвал:

— Папа? К тебе пришли.

— Да-да, — слышался голос из-за двери. — Заходите.

Кабинет оказался не особенно большой, но зато с панорамным окном во всю стену и просто фантастическим видом на море. За письменным столом сидел уже довольно пожилой мужчина, с седой шевелюрой, густыми кустистыми бровями, владелец гостиницы Гуннар Лунгер. На столе перед ним жужжала счетная машинка. На мужчине была белая рубашка, подтяжки, на спинке стула висел коричневый пиджак. Рядом со счетной машинкой лежал экземпляр «Эландс-постен». Гуннар одновременно занимался подсчетами и просматривал газету.

— Привет, — сказал он и поднял взгляд на Джулию.

— Привет.

— Я могу чем-нибудь помочь? — Лунгер улыбнулся, продолжая нажимать клавиши на машинке.

— Я только хотела спросить, — начала Джулия и шагнула к столу, — я ищу Ламберта.

— Ламберта?

— Ну да, Ламберта из Лонгвика... Ламберта Карлссона.

— Вообще-то Ламберт Нильссон, — поправил Лунгер. — Во всяком случае, других Ламбертов в Лонгвике нет.

— Точно... Конечно, Нильссон, — быстро сказала Джулия.

— Но Нильссон умер, — продолжил Лунгер, — если не ошибаюсь, пять, а может быть, шесть лет назад.

— Вот как?!

Хотя Джулия была в некоторой степени готова к тому, что только что услышала, тем не менее она почувствовала разочарование и огорчилась. Уже тогда, когда Джулия видела Ламберта в последний раз, он был довольно стар. Джулия очень хорошо запомнила, как Нильссон приехал тогда на мопеде, чтобы попробовать помочь раскрыть тайну исчезновения ее сына.

— А вот его младший брат, Свен-Улоф, жив, — добавил Лунгер и махнул рукой, указывая на что-то за спиной Джулии. — Его зовут Свен-Улоф Нильссон. Он живет на холме за пиццерией, и Ламберт раньше тоже там жил. Свен-Улоф продает яйца, увидишь двор с курами, так это его, не ошибешься.

— Спасибо.

— Если ты туда пойдешь, передай от меня ему привет и скажи ему, пожалуйста, что для него будет намного дешевле подключиться к общему водопроводу, — 1 сказал Лунгер и снова улыбнулся. — Наверное, сейчас он единственный в Лонгвике, кто считает, что лучше пользоваться своим

собственным колодцем.

— О'кей, — ответила Джулия.

— Ты у нас остановилась? — спросил Лунгер, когда Джулия уже собралась уходить.

— Нет, но я здесь раньше бывала. Я сюда на танцы приезжала, меня зовут Джулия Давидссон, я живу в Стэнвике.

— А ты не родственница старины Йерлофа? — поинтересовался Лунгер.

— Ну да, я его дочь.

— Да ну? — удивился Лунгер. — Передавай ему от меня большой привет. Он для нас такие замечательные макеты кораблей сделал, возможно, ты видела, они в ресторане. Я еще хочу заказать.

— Спасибо, передам обязательно.

— Красиво сейчас в Стэнвике, как по-твоему? — спросил Лунгер. — А самое главное — тихо. Тишина, покой, каменоломня не работает, почти все дома пустые. — Он немного улыбнулся. — Здесь у нас совсем другой колленкор, хочешь не хочешь — приходится крутиться, расширяться, ублажать туристов. Так сказать, три кита: туризм, гольф и конференции. По-другому нельзя, иначе здесь, на Северном Эланде вообще никого не останется.

Джулия кивнула, немного помедлив, сказала:

— Будем надеяться, этого не случится, по-моему, у тебя все хорошо получается.

«А что было бы, если бы в Стэнвике всерьез занялись туристическим бизнесом?» — подумала Джулия, проходя через продуваемую холодным ветром парковку. Риторический вопрос. У Лонгвика слишком большое преимущество, так что Стэнвику не светят ни гостиница на берегу, ни пиццерия. И он так и останется пустовать большую часть года и оживать лишь на несколько летних месяцев. И ничего, похоже, с этим уже не поделаешь.

Джулия прошла мимо маленькой бензозаправки, рядом с которой стоял щит со схемой пристани, и пошла дальше мимо пиццерии.

Широкая улица сворачивала прочь от берега и поднималась вверх, ведя на холм. Джулия почувствовала, как ветер дует ей в спину. На вершине холма возле низкой каменной стены росло одинокое молодое деревце, за стеной — двор с типичным фермерским домом и курятником.

Кур видно не было, но рядом с калиткой висела деревянная табличка: «Продаются яйца».

Джулия открыла калитку и пошла вглубь по неровным известняковым плитам. Ей на глаза попался выкрашенный зеленой краской водяной насос, и она напонила себе не забыть сказать Свен-Улофу то, что просил ее передать Гуннар Лунгер, — насчет коммунального водопровода.

Дверь была закрыта, Джулия поискала кнопку звонка, потом нажала. Какое-то время все было тихо, потом изнутри послышались тяжелые шаги, и дверь открылась. Перед ней стоял пожилой худой мужчина с морщинистым лицом и зачесанными назад седыми волосами.

— Здорово, — сказал он.

— Привет, — ответила Джулия.

— Что, яйца нужны?

Было похоже, что Джулия оторвала его от обеда: он что-то дожевывал на ходу.

Джулия кивнула. Почему бы и нет? Можно купить.

— Тебя зовут Свен-Улоф? — спросила она — и, к своему удивлению, без малейшего затруднения или замешательства, что было типично для нее при встрече с незнакомыми людьми.

Кажется здесь, на Эланде, новые знакомства начинают ей даже нравиться.

— Ну да, — ответил мужчина и сунул ноги в здоровенные черные резиновые сапоги, которые стояли возле двери. — Тебе сколько надо?

— Ну... полдюжины хватит.

Свен-Улоф обернулся и взялся за дверную ручку, и в этот же самый момент из дома наружу беззвучно выскользнула угольно-черная тень — кошка. Их кошачье величество юркнуло во двор, не соизволив удостоить Джулию взглядом.

— Сейчас пойду соберу, — сказал он.

— Хорошо, — ответила Джулия.

Свен-Улоф направился к курятнику, Джулия пошла следом.

Он открыл зеленую дощатую дверь и ступил на земляной пол. Это было что-то вроде прихожей или предбанника. На деревянном столе лежали яйца, а на полу несколько белых перьев. Джулия осталась снаружи.

— Сейчас, возьму самых свеженьких, — сказал Свен-Улоф, открывая щелястую внутреннюю некрашеную дверь в куриные покои. На Джулию пахло теплом и птичьим духом. Она увидела деревянные полки на стенах и в общем-то больше ничего, потому что свет внутри не горел, там было темно, как в шахте. В воздухе висела пыль.

— А сколько у тебя кур? — поинтересовалась Джулия.

— Да сейчас не так чтобы шибко много, — ответил Свен-Улоф. —

Штук, наверное, пятьдесят... Не знаю, стоит мне их держать или нет, — посмотрим.

Было слышно, как он осторожно движется внутри, а потом раздалось негромкое кудахтанье.

— Я слышала, что Ламберт умер, — сказала Джулия.

— Что-что... Ламберт? Что да, то да. В восемьдесят седьмом преставился, — раздался из темноты курятника голос Свен-Улофа.

Джулия никак не могла взять в толк, какого черта он шарахается там, в потемках. Хотя, возможно, у него просто перегорела лампочка.

— Ты знаешь, я один раз встречалась с Ламбертом, — начала Джулия. — Но это давно было, много лет назад.

— Да ну? — спросил Свен-Улоф. — Мир тесен.

Смахивало на то, что, судя по голосу Свен-Улофа, он был не очень расположен говорить о своем покойном брате. Но выбора у Джулии не было, и ей пришлось продолжить:

— Не здесь, а в Стэнвике. Я там живу.

— Да ну? — по-видимому, только из вежливости бросил Свен-Улоф.

Джулия шагнула внутрь, поближе к темноте курятника. Да, действительно, воздух был не только пыльный, а еще и затхлый. Она услышала, как какая-то курица, нервически негодуя, захлопала крыльями. «Интересно, — подумала Джулия, — как они там: на насестах сидят или в каких-нибудь клетках?»

— Моя мама Элла позвонила Ламберту, — продолжала она, — потому что нам понадобилась помощь — найти одного пропавшего. Его три дня тогда уже не было, ни слуху ни духу, исчез без следа. Вот тогда Элла и заговорила про Ламберта... Она сказала, что он особенный, что он умеет находить вещи — так по крайней мере о нем рассказывали.

— Какая Элла? Элла Давидссон? — спросил Свен-Улоф.

— Да, она позвонила, и Ламберт из Лонгвика приехал прямо на следующий день. У него еще такой старый мопед был, с педалями, как у велосипеда.

— Ну да, он помогать никогда не отказывался, — согласился Свен-Улоф.

Джулия видела, как какая-то тень, наверное он, шевельнулась в темноте. Его негромкий низкий голос был едва слышен из-за того, что куры разволновались и одна за одной подавали голос. И в итоге кудахтали уже хором.

— Это точно, Ламберт находил вещи, он все во сне видел. Ложился, потом видел сон и находил. Но почему только вещи — он еще и воду умел

искать. Люди его часто просили определить место для колодца. Он брал ореховую ветку и показывал.

Джулия кивнула.

— У него с собой подушка была, когда он к нам приехал, — продолжила она. — Он сказал, что хочет ночевать в комнате Йенса. Он говорил, что важно, чтобы вокруг находились вещи пропавшего.

— Ну да, точно, это все для него было очень важно, — сказал Свен-Улоф. — Он всякие разные штуковины в снах и смотрел. Ну, ежели утонул кто, к примеру, или, скажем, у кого-то там что-то пропало. Но это ерунда, он ведь даже видел, что должно будет случиться. Он за несколько недель точно знал день, в который помрет. Он мне так заранее и сказал, что скоро умрет в своей комнате, в своей кровати, в полтретьего ночи. Будет у него сердечный приступ, в смысле, сердце остановится, а «скорая помощь» не успеет приехать. Так все и вышло. В точности как он сказал, и «скорая» не поспела.

— И что? — спросила Джулия. — У него это всегда получалось? Все в точности, как он говорил?

— Да нет, не всегда, — ответил Свен-Улоф. — Иногда он ничего не видел, а иной раз бывало так, что видеть-то он видел, но мучился потом и говорил, что не может вспомнить, что именно... А вот то, что имен он никогда не знал, так это понятно — как имя увидишь? Так что в этих видениях у него все безымянные были.

— А вот когда он видел, ну, я хочу сказать, когда он видел сны, тогда все точно сбывалось?

— Почти что всегда, потому люди ему верили.

Джулия сделала еще один шаг, ей хотелось рассказать, она была обязана объяснить.

— Тогда был уже вечер, а до того я три дня не спала. Твой брат приехал на мопеде, — негромко начала свою исповедь Джулия. — Той ночью я тоже глаз не сомкнула, лежала и слушала, как твой брат устраивается в комнате моего сына. Я очень хорошо запомнила звук пружин, заскрипевших на кровати Пенса. Потом стало опять тихо, а я все равно всю ночь лежала и слушала... Он проснулся и спустился вниз часов в семь, я уже в кухне сидела и ждала, что он скажет.

Ей ответили куры очередным приступом кудахтанья. Свен-Улоф молчал.

Джулия продолжила:

— Ламберт увидел про моего сына сон. Если бы он даже мне ничего не сказал, я бы все равно заметила по его взгляду, когда твой брат

спустился в кухню. Под мышкой он держал свою подушку. Он посмотрел на меня. Когда я спросила, получилось ли, Ламберт ответил, что видел сон про Йенса. Я хорошо помню, как грустно он на меня тогда смотрел... Я точно знаю, что он был готов и собирался рассказать мне, но я не хотела ничего слышать. Я накинулась на него, накричала и выставила за дверь. Йерлоф, мой папа, пошел его провожать до калитки, а я осталась в кухне, плакала и слушала, как твой брат уезжает. — Джулия сделала паузу и тяжело вздохнула. — Вот это и был тот самый и единственный раз, когда я видела твоего брата. Я до сих пор жалею...

Куры угомонились, в курятнике стало тихо.

— Ты говоришь, мальчик... — произнес из темноты Свен-Улоф, — это ты ту жуть имеешь в виду... Ну, я хочу сказать: историю про маленького мальчика, который пропал в Стэнвике.

— Да, этого мальчика звали Йенс. Он мой сын, — негромко ответила Джулия. Ей опять ужасно захотелось выпить. — Исчез, и до сих пор никто не знает, что с ним случилось.

Свен-Улоф молчал.

— Я хочу спросить, мне нужно знать... может быть, Ламберт потом говорил что-нибудь про то, что увидел тогда, когда ночевал у нас?

— Я пять яиц нашел, — послышался голос из темноты, — больше почему-то нет.

Джулии показалось, что Свен-Улоф не собирается отвечать на ее вопрос. Она тяжело вздохнула. «У меня ничего нет, — подумала она про себя. — У меня ничего нет, и я ничего не знаю». Ее глаза постепенно привыкли к темноте, и сейчас она видела Свен-Улофа: он стоял посередине курятника и смотрел на нее, прижимая к груди яйца.

— Ламберт наверняка что-то должен был рассказать тебе, Свен-Улоф, — продолжала Джулия. — Пусть не все, но хотя бы что-то про видение той ночью. Рассказывал?

Свен-Улоф кашлянул.

— Да, как-то он заговорил про это. Один раз он обмолвился про мальчика.

Джулия замерла и затаила дыхание.

— Ламберт тогда прочитал заметку в «Эландс-постен», — сказал Свен-Улоф, — тогда прошло аккуратно пять лет. Мы с ним завтракали, он читал газету. Ничего нового там не было.

— Ну а что там могло быть нового? — устало произнесла Джулия. — Никто ничего не нашел, и в общем-то писать было не о чем, а они все равно продолжали.

— Ну так вот, мы сидели на кухне, я газету первый прочитал, — продолжал Свен-Улоф, — а потом Ламберт. Я понял, что он видел заметку про мальчика, вот тогда-то я и спросил, что он про все это думает. Он помолчал, потом неторопливо сложил газету и сказал, что мальчик мертв.

Джулия закрыла глаза и кивнула.

— Что — в проливе утонул? — спросила она.

— Да нет, Ламберт сказал, что все случилось в другой стороне, на пустоши. Ну, то есть убили его на пустоши.

— Убили? — переспросила Джулия, почувствовав, как ее кожа покрывается мурашками, как будто какая-то ледяная волна окатила ее с головы до ног.

— Он сказал, что это сделал один человек. В тот же день, когда мальчик пропал. Мужчина, переполненный ненавистью. Там, на пустоши. А потом он положил мальчика в могилу, у стены.

Опять стало тихо. Откуда-то сбоку закудаhtала какая-то особо нервная курица.

— Вот и все, больше Ламберт ничего не рассказывал ни про мальчика, ни про того мужчину.

«Никаких имен, — вспомнила Джулия, — видения Ламберта были безымянными».

Свен-Улоф зашевелился, вышел из курятника, держа в горстях пять яиц. Он испуганно смотрел на Джулию, как будто боялся, что она его ударит. Джулия почувствовала, что ей чего-то не хватает, и поняла, что, оказывается, забыла, что надо дышать. Ну вот наконец она выдохнула.

— Теперь я знаю, — сказала она. — Спасибо.

— Тебе в коробку положить или как? — спросил Свен-Улоф.

Джулия поняла, что знала это раньше. Хотя, впрочем, и сейчас могла попробовать убедить себя, Ламберт ошибся, или — еще проще — Свен-Улоф взял и все это выдумал. Но что толку? Это бесполезно.

По пути домой из Лонгвика она остановилась и долго глядела сверху, с дороги, на пустой берег, где волны вырождаются в пену на урезе воды, ^[45] и плакала.

Да, она знала, и это знание было кошмаром. Время остановилось, она не чувствовала годы, словно прошло лишь несколько дней с момента исчезновения Йенса. Боль ее раненой души ничуть не ослабла, раны не затягивались и по-прежнему кровоточили. Но сейчас что-то изменилось. Понемногу, кажется, еще какой-то частью себя Джулия начала видеть сына мертвым. Так, наверное, и должно быть. Не сразу, а постепенно — иначе

это знание ее убьет. Ее сын умер, Джулия это понимала. Но она все равно хотела его увидеть, хотя бы тело. А если и это для нее недоступно, то знать наверняка, что с ним случилось. Поэтому она сейчас здесь.

Ветер срывал слезы с ее лица. Джулия еще немного постояла, потом опять забралась на велосипед и медленно поехала дальше. У каменоломни она наткнулась на Астрид, которая гуляла со своим Вилли. Она потащила Джулию к себе поужинать, ни словом, ни взглядом не показав, что заметила ее заплаканные глаза.

Астрид предложила свиные шницели, отварную картошку и красное вино. Джулия слегка поклевала и выпила, больше, чем надо. После третьего бокала мысль о том, что Йенс мертв, причем уже давным-давно, стала не такой мучительной. Она притупилась и зудела в груди тупой болью. Надежды больше нет — да в общем-то и не было. После того как прошли первые несколько дней после его исчезновения и не нашли ничего, ни малейших признаков того, что ее сын жив.

— Значит, ты сегодня была в Лонгвике? — спросила очень кстати Астрид, удачно прервав мрачные раздумья.

Джулия кивнула.

— Да, а вчера я ездила в Марнесс, — сказала Джулия быстро, чтобы избавиться наконец от мыслей о Лонгвике и о провидческих снах Ламберта Нильссона.

— Что, там что-нибудь случилось? — поинтересовалась Астрид, наполняя бокал Джулии.

— Да не особенно, — ответила Джулия. — Я ходила на кладбище, помянула маму, потом видела могилу Нильса Канта. Йерлоф почему-то хотел, чтобы я на нее посмотрела.

— А... ну да, та могила, — произнесла Астрид и подняла свой бокал.

— Я вот что никак не пойму, — сказала Джулия, — может, конечно, ты мне и не ответишь, но те немецкие солдаты, я имею в виду тех, которых убил Нильс Кант, — таких что, много на Эланде было?

— Вообще-то нет, насколько я знаю, — ответила Астрид. — Ну, человек сто, которым повезло живыми добраться до Швеции. Тогда их много от войны бежало, но по большей части они в Смоланде оказывались. Там не только немцы были. Немцы, те, понятно, хотели домой, в Германию, а вот с другими оказалось потруднее. Но тогда в Швеции все тряслись от страха перед Сталиным и слали их обратно в Советы. Трусливо и подло, по-моему. Ну ты же, наверное, про это читала?

— Да, кое-что, но это ведь все так давно было, — сказала Джулия.

Она поднапряглась и вытащила из школьных воспоминаний что-то

насчет беженцев из России. Но тогда, когда она про них читала, ей было в общем-то наплевать как на историю Швеции, так и на историю Эланда.

— А что ты потом в Марнессе делала? — задала очередной вопрос Астрид.

— Ну... пообедала с полицейским, с Леннартом Хенрикссоном.

— А-а, понимаю, хороший малый. Такой, как надо.

Джулия кивнула.

— Ты с Леннартом про Нильса Канта говорила? — опять спросила Астрид.

Джулия помотала головой, потом подумала и ответила:

— Да нет, я просто ему сказала, что была на могиле Канта, а больше мы про это и не говорили.

— Ну и хорошо, а еще лучше его при Леннарте вообще не поминать, — сказала Астрид, — для него это больное место.

— Больное место? — спросила Джулия. — Это еще почему?

— Старая история, — проговорила Астрид и отпила из своего бокала. — Леннарт, он ведь сын Курта Хенрикссона.

Она со значением посмотрела на Джулию, как будто бы это что-то должно было ей объяснить. Но Джулия в ответ лишь недоуменно помотала головой.

— Ну и что? — спросила она.

— Констебль из Марнесса, — взялась разьяснять Астрид, — ну, сельский участковый, как их теперь называют.

— Ну и что тут особенного?

— Да как сказать... Курт Хенрикссон должен был арестовать Нильса Канта за убийство немцев,^[46] — сказала Астрид.

Эланд, май 1945 года

Нильс Кант уродовал свой дробовик — он делал из него обрез. Он стоял, согнув спину, в душном дровяном сарае, забитом до потолка березовыми поленьями. Дрова были сложены неровно и, казалось, в любую секунду могли обрушиться и завалить Нильса. На широкой колоде лежала «хускварна» с почти отпиленными стволами; ногой он прижимал дробовик к колоде и орудовал ножовкой, держа ее двумя руками. Времени ушло довольно много, но дело продвигалось, хотя и медленно. Он почти справился со стволами и отвлекался только на то, чтобы отогнать мух,

которых в сарае была целая куча; они настырно пытались сесть на его залитое потом лицо.

Снаружи, во дворе, все было тихо, как в могиле. Вера находилась в кухне и приводила в порядок рюкзак Нильса. Казалось, в самом воздухе, теплом, как летом, витало какое-то напряженное ожидание.

Нильс все пилил и пилил, и наконец полотно ножовки преодолело последний миллиметр стали, стволы поддались и упали на каменный пол сарая с коротким звонким металлическим бряцанием.

Нильс поднял их и засунул в щель в поленнице пониже, чтобы не было видно, а ножовку спрятал под колодой. Потом он достал из кармана два патрона и зарядил обрез.

Он вышел из сарая и пристроил оружие в тени, возле двери.

Он готов.

Четыре дня прошло после пальбы на пустоши, и теперь все в Стэнвике знали о том, что случилось. На всей первой полосе вчерашнего номера «Эландс-постен» крупными буквами было напечатано: «Немецкие солдаты найдены мертвыми — с ними расправились выстрелами из дробовика». Заголовок выглядел таким же броским, как и три года назад, когда немецкий бомбардировщик сбросил бомбы на лес возле Боргхольма.

Заголовки врут — Нильс ни с кем не расправлялся, он вступил в перестрелку с двумя солдатами и в итоге победил.

Но, похоже, все считали по-другому. Накануне вечером Нильсу довелось побывать в поселке. Точнее, он проходил по дороге мимо мельницы и заметил, как на него посмотрели мельники. Нильс ничего им не сказал, но прекрасно знал, что они шушукуются за его спиной. Слух пошел, точнее, рассказы, сплетни и домыслы о том, что случилось на пустоши, расходились, как круги по воде от брошенного камня.

Нильс вошел в дом. Вера стояла неподвижно у кухонного стола, повернувшись к нему спиной, и смотрела в окно на пустошь. Нильс видел, как она напряжена. Для того чтобы высказать свои собственные опасения, у Нильса слов тоже не нашлось.

— Хороший сегодня день, — только и сказал он, — время пришло.

Вера кивнула, по-прежнему не поворачиваясь. Рядом с ней на столе стояли его рюкзак и небольшая дорожная сумка. Нильс подошел и взял их. Все это стало для него почти невыносимо, он чувствовал, что если попытается сказать что-нибудь еще, то просто разрыдается, поэтому лучше было молчать. Нильс повернулся и направился к двери.

— Ты должен вернуться обратно, Нильс, — произнесла его мать охрипшим голосом.

Он кивнул, не уверенный, видела она это или нет, и потянулся к своей синей кепке, висевшей на вешалке возле двери. В кепке была припрятана наполненная коньяком фляжка. Он положил ее в рюкзак.

— Время, — тихо сказал Нильс.

В бумажнике в рюкзаке у него были деньги на побег. Кроме того, мать дала ему двадцать крупных купюр. И сейчас, плотно свернутые в трубочку, они лежали в заднем кармане брюк.

В дверях он все же обернулся. Его мать стояла в кухне, повернувшись в профиль, по-прежнему не глядя на него. Может быть, у нее не хватало духу взглянуть на него. Она сцепила руки перед собой; длинные белые ногти впились в ладони; крепко сжатые губы подрагивали.

— Я тебя люблю, мама, — произнес Нильс. — Я вернусь.

Потом он быстро вышел и спустился по каменным ступеням крыльца во двор. Он остановился только совсем ненадолго, лишь для того, чтобы забрать обрез, обогнул дом и пошел через ясеневую рожицу.

Нильс знал, как можно выбраться из поселка незамеченным, что он, собственно говоря, сейчас и проделывал. Он шел и шел, перепрыгивал через коровьи лепешки, пробирался по узким тропинкам подальше от дороги, перебирался через каменные изгороди, время от времени приостанавливаясь — не услышит ли он шепчущие голоса за жужжанием насекомых.

Никем не замеченный, он выбрался на залитую солнцем пустошь.

Здесь, на воле, ему нечего бояться: никто не знал округу лучше Нильса. Быстро и легко он шагал по траве. Нильс был уверен, что первым сумеет заметить любого, прежде чем обнаружат его самого. Сейчас он шел почти прямо на солнце, как бы обходя по широкой дуге то место, где он встретил немецких солдат. Нильс не хотел видеть ни их тела, если они еще там остались, ни само место. Ему в общем-то и думать о них было неприятно: ведь это из-за них ему пришлось бросить маму и дом.

Вот ведь, солдаты мертвые, а заставили его все бросить.

— Ты должен держаться незаметно, — говорила ему мать накануне вечером. — Доберешься до Марнесса, там сядешь на поезд до Боргхольма, потом поплывешь на пароме в Смоланд. Дедушка Август встретит тебя в Кальмаре, ты должен делать все, что он скажет. И не забудь снять кепку, когда будешь его благодарить. Ни с кем другим не разговаривай и не возвращайся обратно на Эланд, пока здесь все не поутихнет. Но рано или поздно так и будет. Нам нужно только выждать.

Неожиданно Нильсу показалось, что он слышит приглушенный крик откуда-то сзади, и он остановился. Тихо, ничего не слышно, но на всякий

случай Нильс более осторожно стал пробираться между можжевельновыми кустами. Но все же ему приходилось идти быстро, поезд ждать не будет.

Через пару километров он выбрался на грунтовую дорогу, на ней откуда ни возьмись появилась какая-то телега. Но Нильс быстро сиганул в кусты и побежал, и, когда повозка, которую неторопливо тащила лошадь низко опустив голову, добралась до того места, где Нильс только что находился, его уже и след простыл.

Сейчас он был примерно в самой середине острова и думал о том, что прочитал в газете. Как полагали, по этой самой дороге и пробирались неделей назад немецкие солдаты, после того как отказал мотор их лодки и ее вынесло на берег к югу от Марнесса.

Нильс не должен был о них думать. Но у него перед глазами стояла шкатулка с драгоценными камнями, которую он забрал у солдат. Нильс как бы со стороны видел себя самого, как он закапывает шкатулку у жертвенного камня. Последние дни Нильс и Вера почти не выходили из дома; несколько раз Нильс был очень близок к тому, чтобы рассказать матери о своем трофее, но что-то останавливало его. Конечно, он расскажет, он обязательно выкопает шкатулку и покажет маме сокровище, но он решил подождать со всем этим до тех пор, когда опять вернется домой.

Еще через двадцать минут он увидел перед собой насыпь узкоколейки. Это был путь между Бёда и Боргхольмом. Нильс пошел вдоль насыпи к станции в Марнесс. Недалеко от поселка, вроде как какой-то особняк на отшибе, стояла двухэтажная деревянная железнодорожная станция. Точнее, станция и почта — и то и другое располагалось в одном здании. Сначала Нильс увидел стрелку, за которой раздваивались рельсы, и практически в ту же секунду — станцию.

Пути были пустые — его поезд еще не пришел.

Нильс и раньше ездил в Боргхольм на поезде, целых три раза, и знал, где надо платить за билет. Он вошел в здание вокзала, где все было тихо и спокойно, подошел к окошечку и попросил билет в одну сторону до города.

Мрачная дама в очках за железной решеткой в окошке подняла на него глаза, потом уткнулась в стол перед собой, выписывая Нильсу билет.

Он слышал, как ее ручка царапает по бумаге. Нильс напряженно ждал, он чувствовал, что его рассматривают, и украдкой огляделся. В станционном зале народу было не очень много, примерно с полдюжины. По большей части там сидели мужчины на деревянных скамейках в тщательно застегнутых костюмах. Некоторые поодиночке, кто-то группами, одни с сумками, другие без. Только у одного Нильса были при себе и

рюкзак, и дорожная сумка.

— Пожалуйста, последний вагон, место номер три.

Нильс взял билет, заплатил и вышел на перрон. Через несколько минут послышался резкий паровозный гудок, а потом появился и сам паровоз, медленно тащивший за собой три выкрашенных красной краской деревянных вагончика.

Мощь и сила чувствовались в черном, попыхивающем дымом железном чудовище, когда оно со скрипом затормозило у перрона.

Нильс двинулся к последнему вагону. Начальник станции что-то крикнул, двери открылись, и другие пассажиры пошли к поезду.

Нильс остановился на последней ступеньке, обернулся и просто посмотрел: они направились в другие вагоны.

Внутри оказалось темно и пусто. Нильс положил сумку на багажную полку, сел на обтянутое кожей сиденье, пристроил возле себя рюкзак и стал смотреть на пустошь. Поезд дернулся и тяжело, неспешно покатил. Нильс закрыл глаза и перевел дух.

С глухим лязганьем поезд стал замедлять ход, вагоны остановились.

Нильс открыл глаза, он ждал. Кроме него, в вагоне по-прежнему никого не было. Прошла минута, потом две. Что не так? Что-нибудь сломалось?

Снаружи на платформе кто-то кому-то что-то прокричал, и наконец поезд покатил снова. Он медленно набирал скорость, и Нильс видел, как станционное здание проплывает мимо и постепенно исчезает. Свежий воздух проникал внутрь вагона через щели в окнах. Это было приятно, как морской бриз на берегу в Стэнвике.

Нильс расслабился, его плечи медленно опустились. Он положил руку на свой рюкзак, открыл его и откинулся на сидение. Скорость нарастала, паровоз опять засвистел.

Неожиданно дверь в его вагон открылась. Нильс повернул голову.

Пожилой мужчина в черной шинели с блестящими пуговицами и форменной фуражке вошел внутрь. Полицейский. Он пристально смотрел на Нильса.

— Нильс Кант из Стэнвика, — произнес он; его лицо серьезное. Это не вопрос, но тем не менее Нильс автоматически кивнул.

Он сидел как пришпиленный к сиденью, а поезд несся через пустошь. Зелено-коричневый ландшафт, синее небо. Больше всего Нильсу хочется остановить поезд и выпрыгнуть, он хотел обратно, туда, к себе на пустошь. Но поезд ехал быстро, рельсы гремели, ветер свистел.

— Хорошо, — сказал мужчина в форме и тяжело опускается на край

сиденья напротив Нильса так близко, что их колени почти соприкасаются. Полицейский одернул свою шинель, застегнутую на все пуговицы. Из-под фуражки было видно, что у него на лбу проступили капли пота. Нильс внимательно посмотрел на него, ему показалось, что он его узнает. Ну да, Хенрикссон, участковый из Марнесса. — Нильс, — спросил Хенрикссон, как будто они тысячу лет знакомы, — ты едешь в Боргхольм?

Нильс медленно кивнул.

— В гости к кому-нибудь? — опять спрашивает Хенрикссон.

Нильс качает головой.

— А что ты там собираешься тогда делать?

Нильс ничего не ответил. Хенрикссон повернул голову, посмотрел в окно и произнес:

— Хочешь ты или нет, но мы поедем вместе, так что пока, может быть, поговорим немного?

Нильс ничего не ответил.

Полицейский продолжил:

— Когда мне позвонили и сказали, что ты на станции, я попросил немного подождать с отпращиванием, чтобы я тоже на поезд успел.

Он отвернулся от окна и опять уставился на Нильса.

— Понимаешь, какая штука, очень мне с тобой поговорить хотелось, про твои прогулки по пустоши...

Поезд опять замедлил ход, наверное, у какой-то станции между Марнессом и Боргхольмом. Нильс увидел за окном маленький деревянный дом, окруженный яблочными деревьями. Нильсу показалось, что он чувствует из-за окна домика запах блинов. Накануне вечером мать кормила его блинами, посыпанными сахаром. Нильс отвернулся от окна и посмотрел на полицейского.

— Пустошь... Да не о чем тут разговаривать, — произнес он.

— А мне вот так не кажется. — Хенрикссон достал из кармана носовой платок. — Я думаю, нам очень о многом стоит поговорить, Нильс. Да и не только я, многие так думают. Видишь ли, правда, она, как ни крути, всегда наружу выходит.

Полицейский спокойно встретил взгляд Нильса и неторопливо промокнул носовым платком пот с лица, потом наклонился вперед.

— Несколько человек из Стэнвика обращались к нам в последние дни, все говорили одно и то же: если мы хотим узнать, кто стрелял из дробовика на пустоши, то тогда должны поговорить с тобой, Нильс.

И опять в голове Нильса нарисовалась та самая картина. Он снова видел перед собой двух мертвых солдат, лежащих на пустоши, как они

уоставились застывшим взглядом в небо.

— Нет, — произнес Нильс и затряс головой, прогоняя воспоминания. В ушах зазвенело, поезд затормозил.

— Ты никого из чужих на пустоши не встречал, Нильс? — спросил участковый и убрал в карман платок.

Поезд остановился, вагоны вздрогнули и слегка загремели. Полминуты, минута — и они опять поедут дальше.

— Ну что, никто тебе не попадался?

Полицейский не отрываясь смотрел на Нильса, ожидая ответа. Нильсу казалось, что его взгляд прожигает насквозь.

— Мы, Нильс, нашли тела, — сказал Хенрикссон. — Это ты их застрелил?

— Я ничего не делал, — тихо произнес Нильс, его пальцы шарили внутри рюкзака.

— Что ты сказал? — переспросил полицейский. — Что у тебя там?

Нильс молчал. Рельсы опять загремели, паровоз засвистел; дрожащие пальцы Нильса по-прежнему шарили в рюкзаке. Рюкзак лежал на боку, открытым клапаном к Нильсу. Правой рукой он рылся в вещах.

Хенрикссон приподнялся с сиденья — наверное, даже до него дошло, что сейчас что-то произойдет. Опять послышался оглушительный паровозный свисток.

— Нильс, что ты...

Наконец пальцы Нильса ухватили обрез. Он нащупал курок, и оружие само собой задвигалось там, внутри.

Первый выстрел разворотил дно рюкзака; комок дрови ударился о сиденье рядом с Хенрикссоном, щепки взлетели до потолка. Полицейский вздрогнул, но остался на месте.

У него точно есть оружие.

Нильс быстро поднял изувеченный рюкзак и опять нажал на курок. Он даже не смотрел, куда стреляет. Рюкзак разодрало в клочья.

Второй выстрел достался полицейскому. Его тело с такой силой ударилось о сиденье, что-то треснуло. Потом он тяжело упал на бок, на изрешеченную выстрелами скамейку, и грохнулся на пол вагона.

Рельсы гремели, поезд ехал через пустошь.

Хенрикссон лежал на полу перед Нильсом, его руки подергивались. Нильс по-прежнему держал в руке обрез, он стряхнул с него ошметки рюкзака и встал.

«Ты должен сесть на поезд и ехать в Боргхольм», — слышит Нильс слова матери, но теперь ему с ее планом все ясно. Нильс огляделся: по-

прежнему за окном мелькал привычный пейзаж.

Там, снаружи, пустошь и солнце. Они остались и никуда не денутся.

Он повернулся и разворошил остатки рюкзака: испорченная и рваная одежда, носки, брюки, шерстяной свитер. Но там еще должен был быть маленький пакет с кула. Бумажник и фляжка с коньяком остались целы. Нильс снял крышку, быстро глотнул душистого коньяка и запихнул фляжку в задний карман. Стало намного лучше.

Деньги, свитер, фляжка, обрез и кула — больше взять было нечего, да и не надо. Сумку придется оставить.

Нильс переступил через неподвижное тело полицейского, открыл дверь и вышел на площадку между вагонами.

Поезд громыхал через пустошь. Ветер от быстрой езды заставил Нильса щуриться. Через окно другого вагона он мог заглянуть внутрь. К нему спиной сидел какой-то мужчина в черной шляпе. И шляпа и мужчина покачивались в такт движению поезда. Одежда в рюкзаке приглушила выстрелы, да и поезд громыхал, никто ничего не слышал.

Нильс открыл загородку сбоку, ноздри заполнил запах пустоши. Он видел, как внизу нескончаемым быстрым Потокон проносилась земля. Нильс сделал последний шаг вниз, на самую нижнюю ступеньку, посмотрел вперед, чтобы на что-нибудь не налететь, и потом прыгнул.

Нильс попробовал сгруппироваться, пока летел, чтобы приземлиться на согнутые ноги, но не успел и покатился кувырком. Он слышал, как гремел поезд, все вокруг вертелось колесом. Он проехался по земле, разбил лоб, хотя скорее всего должен был угодить под поезд. Наверное, его спасла насыпь.

Нильс приподнял голову, поезд уезжал. Задний вагон, из которого он только что выпрыгнул, становился все меньше и меньше.

Вскоре поезд исчез вдали. Стало тихо. Он смог. Он с этим справился.

Нильс медленно встал и огляделся. Он опять на пустоши, с дробовиком в руке.

Поблизости не было видно ни одного дома, ни одного человека. Одна лишь вечная земля и такое же вечное синее небо. Нильс свободен. Он быстро пошел по пустоши к западному побережью острова, ни разу не оглянувшись на железную дорогу.

Нильс свободен, и сейчас он должен пропасть.

Впрочем, он уже пропал.

— Вот такая вот мрачная история. В сумерках ее только и рассказывать, — тихо сказала Астрид. Когда она закончила свой рассказ о Нильсе Канте, бутылка вина уже опустела. То немного, что еще оставалось от солнечного света, постепенно исчезало за кухонным окном и сейчас превратилось в узкую багровую полосу над горизонтом.

— А полицейский, тот, что в поезде... он умер? — спросила Джулия.

— Он уже был мертв, когда кондуктор нашел его, — ответила Астрид. — Выстрел ему прямо в грудь попал.

— И это был отец Леннарта?

Астрид кивнула.

— Леннарту было, наверное, лет восемь, может, девять, когда все это случилось. Так что он не так много помнит, — продолжила Астрид и потом добавила: — Но это наверняка здорово на него подействовало... Я знаю, что он вообще ни с кем и никогда не говорит о смерти своего отца. Точнее, о том, как он умер.

Джулия посмотрела на свой бокал:

— Да, теперь я понимаю, почему он не хочет говорить и про Нильса Канта.

Может быть, из-за вина, но Джулию неожиданно охватило чувство не то солидарности, не то сопереживания, — в общем, какая-то общность между ней и полицейским из Марнесса. Он потерял отца, а она — сына.

— Правильно понимаешь, — сказала Астрид. — А представляешь, каково ему было, когда опять пошли слухи насчет того, что Нильс Кант жив. Для Леннарта это что нож острый.

Джулия подняла глаза и посмотрела на Астрид.

— А откуда взялись эти разговоры? — поинтересовалась она.

— А ты сама что, ничего не слышала?

— Нет. Но зато я видела могилу Канта в Марнессе; там и надгробие есть, и год, и...

— Сейчас, конечно, не так много народу осталось, кто помнит Нильса Канта. А те, кто помнит, уже старые. Но есть люди, которые считают, что, когда гроб сюда из-за моря привезли, то тела там не было — вместо него лежали камни.

— А Йерлоф как думает? — спросила Джулия.

— А он мне никогда этого не говорил, — ответила Астрид, — по

крайней мере, я от него этого не слышала. Но он из старых капитанов, а они в слухи не верят. А весь этот разговор насчет Нильса... сплетни. Вот тоже еще говорят, что видели Нильса Канта: он стоял у дороги осенью в тумане и что-то высматривал. Седой, бородатый... А еще его видели на пустоши. Дескать, он по-прежнему там бродит, точно так же, как когда был молодым. Нашлись и такие, которые заметили Канта в толпе на празднике в Боргхольме летом.

Астрид покачала головой:

— Я сама Кантова призрака не видела. Я думаю, он умер.

Астрид взяла бокалы и встала из-за стола. Джулия продолжала сидеть, она размышляла, что было бы, если бы ее мама была жива. Может быть, они вот так же сидели бы здесь, в Стэнвике, на кухне, и разговаривали. Хотя кто знает. Элла не любила распространяться насчет того, что думает.

Джулия вздрогнула. Она почувствовала, как совершенно неожиданно что-то теплое и мягкое дотронулось до ее щиколотки. Конечно, это был всего лишь фокстерьер Астрид Вилли, подобранный к ней под столом. Она опустила руку и стала поглаживать жесткую шерсть на загривке собаки, задумчиво глядя в окно на красные солнечные отсветы где-то там, над материком.

— Мне бы очень хотелось остаться здесь, — сказала она.

Стоявшая у раковины Астрид обернулась и посмотрела на Джулию.

— Ну и оставайся, — ответила она. — Куда тебе торопиться? Да и вообще, время еще детское, еще потрепемся.

Джулия покачала головой:

— Да нет, я не про то, я хочу сказать... мне хотелось бы остаться в Стэнвике.

Она действительно так думала. Может быть, дело было в вине, но сейчас она удивительно ярко видела свое детство: каждое лето, которое она провела здесь, в поселке, вносило какую-то ноту, и в итоге воспоминания о детстве зазвучали мелодией, слышной только самой Джулии. Это очень походило на народные эландские песни; многие из них она слышала здесь, дома, в Стэнвике. Остаться здесь, несмотря на горе, преследовавшее ее со дня исчезновения Йенса, несмотря на смерть Эрнста.

— А ты разве не можешь остаться? — спросила Астрид. — Ты же ведь, наверное, придешь на похороны Эрнста?

Джулия покачала головой:

— Мне машину надо сестре вернуть.

Аргумент был довольно слабый, и Джулия это прекрасно понимала. Ведь «форд» принадлежал ей в той же степени, что и сестре, но ничего

лучшего ей в голову в этот момент не пришло.

— Я уеду, наверное, завтра вечером. Ну, может быть, послезавтра.

Она встала из-за стола, правда, с трудом: после их с Астрид винной дегустации ноги не очень-то хотели слушаться.

— Спасибо тебе большое за ужин, Астрид, — поблагодарила Джулия.

— Тебе спасибо, было здорово, — сказала Астрид и широко улыбнулась, — надо обязательно еще посидеть, до того как ты уедешь. Если не получится, то потом, когда ты опять приедешь в Стэнвик.

— Обязательно, так и сделаем, — пообещала Джулия, похлопала Вилли на прощание и открыла дверь кухни.

Ночь еще не наступила, всего лишь ранний вечер, так что Джулии не надо было пробираться в крошечной темноте.

— Возвращайся ко мне, если забоишься темноты, — крикнула ей вслед Астрид. — Сейчас в Стэнвике остались только мы с тобой и еще Йон Хагман. А раньше три сотни душ жили, и церковь была, и даже общество трезвости, а по всему берегу сети сохли. А теперь только мы.

И прежде чем Джулия что-то ответила, Астрид закрыла дверь.

На свежем воздухе опьянение, которое Джулия чувствовала на кухне Астрид весьма отчетливо, быстро пропало. Во всяком случае, Джулии так казалось. Вечер выдался погожий, хотя и холодный. Слабенькие, но различимые огни поблескивали рядком вдаль, на материке, по другую сторону пролива. На эландском берегу тоже виднелись огни — свет в домах. Дома были очень далеко, днем Джулия их отсюда и не увидела.

Джулия шла, позвякивая в кармане ключами от дома Йерлофа. Через несколько сотен метров она перебралась через холм и вышла на дорогу. Она изо всех сил старалась идти твердо, широкими шагами. Она посмотрела на дом Веры Кант и подумала, удалось ли ей встретиться со своим любимым сыном до его смерти или нет.

Во дворе дома Веры, конечно, никого не было — только тени. Джулия пошла дальше, к летнему домику, отперла дверь и зажгла свет в прихожей.

Никаких теней, Йенс все еще находился здесь. Но только как воспоминание, потому что Йенс был мертв.

Джулия пошла в ванную, воспользовалась туалетом, потом приняла душ и почистила зубы.

Она закончила и пошла в гостиную, где заряжался мобильник. Джулия встала у широкого окна и набрала номер Йерлофа, он ответил после третьего гудка.

— Давидссон.

— Привет, это я.

Она не любила разговаривать с Йерлофом, если была нетрезвой, а сегодня ничего не поделаешь.

— Привет, — сказал Йерлоф. — Ты где?

— В доме, меня Астрид пригласила на ужин. Сейчас собираюсь в нижний дом, там и переночую.

— Хорошо. А о чем вы говорили?

Джулия немного подумала.

— Мы разговаривали о Стэнвике... и о том, что сделал Нильс Кант.

— А ты разве еще не прочитала это в книге, которую я тебе дал? — спросил Йерлоф.

— Я ее еще не дочитала, — ответила Джулия и поспешила поменять тему: — Когда мы поедем в Боргхольм?

— Я об этом думал, — сказал Йерлоф. — Вопрос в том, отпустят ли меня. Если дело так дальше пойдет, то мне понадобится письменное разрешение от Буэль, чтобы из комнаты выйти.

«Да, — подумала Джулия, — типичные шутки Йерлофа».

— Ну если ты все-таки получишь разрешение от Буэль, — сказала Джулия, — я приеду за тобой в половине десятого.

Она замолчала и почти прижалась лицом к оконному стеклу. Ей показалось, что там, снаружи, какой-то тусклый свет.

— Алло? — спросил Йерлоф. — Алло? Ты слушаешь?

— А в соседнем доме кто-нибудь живет? — спросила Джулия, глядя в темноту за окном.

— Ты про какой соседний дом?

— Веры Кант.

— Там больше двадцати лет никого не было. А что такое?

— Да не знаю.

Джулия щурилась, пытаясь что-то разглядеть в темноте. Теперь никакого света вроде и не было. И все же она могла поклясться, что только что видела свет в окне первого этажа дома Веры Кант.

— А кто сейчас владелец дома? — спросила она.

— Ну... дальние родственники — сводные сестры Веры Кант, насколько я знаю. Ну, во всяком случае, никто не рвется руки к дому прикладывать. Да ты ведь сама и дом, и двор видела. Вилла уже была не в лучшем виде в семидесятом, когда Вера умерла.

За окном было по-прежнему темно.

— Ну ладно, — сказал Йерлоф, — увидимся утром.

— И мы поедем к тому, кто похитил Йенса?

— Я этого никогда не говорил, — отрезал Йерлоф. — Я тебе только

обещал, что смогу найти того, кто послал мне письмо с сандалией.

— А это что, не одно и то же?

— Я так не думаю, — ответил Йерлоф.

— Ты можешь объяснить, почему?

— Обязательно, я так и сделаю в Боргхольме.

— О'кей, — сказала Джулия, которой расхотелось продолжать разговор. — Увидимся.

Она отключила мобильник.

Джулия медленно шла обратно по дороге мимо дома Веры Кант. Пустые тени лежали под разросшимися старыми деревьями во дворе. Джулия все время смотрела на большие окна виллы — везде темнота. Зброшенный дом черным кубом прорисовывался на фоне ночного неба. Если там кто-то прячется, то у Джулии была только одна возможность убедиться в этом — пойти туда... зайти в дом Веры и посмотреть самой.

Более идиотский поступок трудно было придумать, — Джулия прекрасно это понимала. Вилла Веры Кант — давно оставленный дом-призрак, но...

А если Йенс вошел в этот дом в тот день? А если он еще там?

«Иди ко мне, мама, иди сюда, забери меня...»

Нет, об этом даже не стоило и думать.

Джулия пошла дальше, к прибрежному дому, открыла дверь и тщательно заперла ее за собой.

Утро вторника выдалось серым, ветреным, и для Йерлофа оказалось непосильной задачей самому, без посторонней помощи, добраться до машины. Ему помог персонал. Йерлофу пришлось висеть и на Буэль, и на Линде, когда он брел от приюта к «форду» Джулии через площадку перед домом. Его настроение от этого ничуть не улучшалось.

Йерлоф чувствовал, как тяжело обеим женщинам практически тащить на себе его тяжелое и непослушное тело. Все, на что он сейчас был способен, — так это держать в одной руке трость, а в другой портфель и позволять, чтобы его тянули вперед.

Унизительно, но ничего не поделаешь. В иные дни он ходил безо всяких проблем, а иногда едва мог пошевелиться. А этот осенний день был какой-то особенно пронизывающе-холодный, и от этого ему становилось еще хуже. Но им с Джулией обязательно надо было ехать сегодня, потому что завтра — похороны Эрнста.

Джулия открыла дверцу машины, и Йерлоф рухнул на сиденье.

— Куда вы направляетесь? — спросила Буэль, стоя рядом с машиной. Ей всегда надо было за ним присматривать.

— Туда, — ответил Йерлоф, — в Боргхольм.

— К ужину вернетесь?

— Может быть, — произнес Йерлоф и закрыл дверцу. — Ну, поехали, — сказал он Джулии, надеясь, что она не станет комментировать отвратительное состояние, в котором она увидела его этим утром.

— Она, кажется, действительно за тебя волнуется, — начала Джулия, когда машина покатила прочь от дома. — Я хочу сказать — Буэль.

— Ну да, она главная, ее бы воля, так я бы там как приклеенный сидел, — сказал Йерлоф и добавил: — Я не знаю, слышала ты или нет, но на юге Эланда один пенсионер пропал... полиция его ищет.

— Я в машине по радио слышала, — сказала Джулия.

— Но мы же вроде сегодня на пустошь не собираемся.

Йерлоф покачал головой:

— Нет, как я и сказал, мы едем в Боргхольм. Нам с троими людьми встретиться надо, но не со всеми сразу — по очереди. Потому что кто-то из них послал мне сандалию Йенса. О нем ты, наверное, и хотела поговорить?

Джулия молча кивнула.

— А другие?

— Один из них мой приятель, — объяснил Йерлоф, — его зовут Ёста Энгстрём.

— Ну а третий?

— А это особый случай.

Джулия притормозила, когда они подъехали к стоп-сигналу перед шоссе.

— У тебя всегда полный мешок секретов, Йерлоф, — сказала она. — Ты что, от этого удовольствие получаешь?

— Вообще-то нет, — быстро ответил Йерлоф.

— А мне кажется, что да, — упрекнула Джулия, выезжая на главную дорогу к Боргхольму.

«Черт его знает, — подумал Йерлоф, — может, она и права». Он никогда серьезно не задумывался над тем, что им двигало.

— Это не для удовольствия, — сказал он, — и я не стараюсь казаться шибко умным. Но я всегда считал, что если рассказываешь о чем-то стоящем, то рассказывать надо так, как оно есть. У каждого рассказа есть свое время и свой ритм, а не так, как сейчас, — скорей, быстрее. В прежние времена время почему-то всегда находилось.

Джулия молчала. Они проехали мимо поворота на Стэнвик; через несколько сотен метров Йерлоф увидел на горизонте старое станционное здание. Туда в мае сорок пятого, уже после окончания войны, пришел Нильс Кант, пришел для того, чтобы потом застрелить в поезде участкового Хенрикссона.

Йерлоф восстанавливал в памяти последовательность событий. Сначала на пустоши убили двух немецких солдат, потом в поезде — полицейского, и итог: убийца в бегах. Сенсация, которая, если можно так сказать, конкурировала с прочими новостями, хотя события, сопровождавшие окончание Второй мировой войны, были драматичными.

Журналисты приезжали издали для того, чтобы разнюхать что-нибудь еще о «зверском преступлении на Эланде». В то время сам Йерлоф находился в Стокгольме, занимался формальностями, чтобы вновь начать мирную работу капитана торгового флота, и о «драме на Эланде» читал в «Дагенснюхетер». Были собраны многочисленные отряды полиции со всего юга Швеции для того, чтобы прочесать остров в попытке найти Канта, но казалось, что, выпрыгнув из поезда, он просто растворился в воздухе.

Теперь поезда по Эланду больше не ходили, сняли и сами железнодорожные пути, чтоб не пропадали зря. А Марнесская станция стала жилым домом — разумеется, чьей-то летней дачей.

Йерлоф проводил взглядом станцию и откинулся на сиденье. Прошло

несколько минут, и вдруг неожиданно в машине что-то стало настойчиво и противно пищать. Он встревоженно повертел головой, но Джулию пиканье, казалось, ничуть не беспокоило. Ну, конечно, она достала из сумки телефон, продолжая крутить баранку. Несколько минут она разговаривала, если можно так назвать короткие, односложные ответы, потом выключила телефон.

— Никогда не мог понять, как эти штуковины работают, — сказал Йерлоф.

— Ты о чем?

— Телефоны без проводов. Как их там называют, мобильные.

— Да очень просто: берешь, нажимаешь кнопки, а потом разговариваешь, — объяснила Джулия. Потом, чуть помедлив, добавила: — Лена звонила, привет тебе передает.

— Ага, здорово, ну и что ей было надо?

— Получить обратно машину, — коротко ответила Джулия, — вот эту самую, в которой мы едем. Она про это все время твердит. — Пальцы Джулии крепче сжали руль. — Черт, ведь машина наша общая. Но это ее почему-то не волнует.

— Ага, — протянул Йерлоф.

Взаимоотношения его дочерей сводились к сплошной череде конфликтов, острота которых подчинялась некоей синусоиде, или закономерности, которую Йерлоф не в силах был постичь. Если бы их мать была жива, может быть, она бы сообразила, что тут можно сделать, но что касается его самого, то Йерлоф, к сожалению, не имел ни малейшего понятия, как к этому подступиться.

Если можно рулить мрачно, то этим после телефонного разговора Джулия и занималась, а Йерлофу, как назло, никак не приходило в голову, что бы такое придумать, чтобы прервать это довольно тягостное молчание.

Минут через пятнадцать оживленного рыбьего диалога они подъехали к Боргхольму.

— Куда теперь? — спросила Джулия.

— Попить кофейку, — ответил Йерлоф.

В квартире Энгстрёмов на окраине Боргхольма было тепло и домашнему уютно. С балкона недорогого жилья Ёсты и Маргит открывался фантастический вид на руины средневекового замка. В самом низу находилась продолговатая пустая площадка, переходящая в уступчатый склон, густо заросший деревьями, и на самом верху — плато с развалинами. В девятнадцатом веке в Боргхольме было несколько

совершенно загадочных пожаров. Эпицентр одного из них находился именно здесь, в замке, поэтому все дерево внутри выгорело, окна остались без рам — просто большие черные дыры.

Выгоревшие окна замка всегда напоминали Йерлофу череп, смотрящий оттуда, с холма, пустыми мертвыми глазницами. Картина и впрямь выглядела мрачноватой, поэтому многие боргхольмцы не очень любили замок. По крайней мере, до того как он перешел в разряд одной из главных местных достопримечательностей, привлекавших туристов. В свое время эландцам пришлось построить этот замок, но, конечно, не для собственного развлечения, а по королевскому приказу. Для жителей острова это оказалась слишком тяжелая повинность — замок воздвигали их потом и кровью. Впрочем, это было довольно обычное дело: материковая Швеция всегда пыталась высосать Эланд насухо, как виноградину.

Джулия молча стояла у балконного окна и рассматривала руины, Йерлоф повернулся к ней и сказал, показывая на вершину скалы с замком:

— В каменный век имелся обычай сбрасывать оттуда, сверху, одряхлевших стариков. Во всяком случае, так говорят, но, конечно, никакого замка тогда и в помине не было. Впрочем, и домов для престарелых тоже...

В комнату вошла Маргит Энгстрём. В руках она несла поднос с кофейными чашками, на ней красовался желтый фартук с надписью: «Лучшая бабушка в мире».

— Летом они устраивают в руинах концерты. Тогда здесь бывает немного шумно, а так, по-моему, здорово жить у подножия замка.

Она поставила поднос на столик перед телевизором, налила всем кофе и потом принесла из кухни корзинку с булочками и пирожные.

Ёста, ее муж, был в белой рубашке, сером костюме и подтяжках и все время улыбался. Сколько Йерлоф его помнил, еще с морских времен, Ёста всегда был такой — радостный и довольный.

— Хорошо, что вы нас навестили, — сказал Ёста, вручая им чашки с дымящимся кофе. — Вы как, завтра в Марнессе будете? Мы-то туда точно поедем.

Ёста говорил о похоронах Эрнста. Йерлоф кивнул:

— Я приеду. Насчет Джулии не знаю. Может быть, ей придется вернуться в Гётеборг.

— А что с его домом станется? — спросил Ёста. — Что говорят-то?

— Ничего не говорят, пока еще до этого руки не дошли, — ответил Йерлоф. — Хотя вообще-то и к гадалке не надо ходить, чтобы узнать, что будет: летняя дача для его смоландских родственников. Не то что я считаю,

что на Эланде не нужны дачники, конечно, нужны... Ну вот так — дом Эрнста станет дачей?!

— Я понимаю, о чем ты. Это точно: приезжать — это одно. А тех, кто живет здесь все время, совсем мало осталось, — заметил Ёста и глотнул кофе.

— Нам-то тут, в городе, уютненько, — добавила Маргит, ставя нагруженное с горкой блюдо сладостей на стол, — всегда кто-нибудь есть по соседству. Мы еще и в комитете состоим по строительству Марнесской коммуны.

Ёста посмотрел на жену и ласково улыбнулся.

Джулия и Йерлоф недолго гостили у Энгстрёмов. С полчаса, может, чуть дольше.

— Ну так, — сказал Йерлоф, когда они усаживались в машину, припаркованную на улице перед домом, — теперь поезжай, пожалуйста, на Бадхусгатан. Там мы остановимся у автомастерской Блумберга, кое-что прикупим, потом двинемся дальше, к гавани.

Прежде чем завести автомобиль, Джулия посмотрела на отца и спросила:

— А зачем мы вообще сюда заезжали?

— Кофейку попили, вкусненького погрызли, — ответил Йерлоф. — Чем плохо? Да и потом, всегда приятно повидаться с Ёстой. Он же ведь тоже был капитаном и ходил на шхуне по Балтике — в точности как я. Нас, таких окаменелостей, теперь совсем мало осталось...

Джулия свернула на Бадхусгатан и поехала вдоль пустой улицы; на тротуаре не было ни одного человека, машин попало тоже совсем немного. Перед ними в самом конце улицы виднелось белое здание гостиницы.

— Сворачивай туда, — приказал Йерлоф и указал налево.

Джулия включила поворотник и свернула на заасфальтированную площадку возле таблички с надписью «Автомастерская Блумберга». За столбиком с надписью было невысокое здание — автомастерская и магазин по продаже подержанных автомобилей. Несколько относительно новых «вольво» удостоились чести красоваться в витрине. Но большинство машин стояли на площадке, у каждой за ветровым стеклом — написанная от руки бумажка с ценой машины и пробегом.

— Собирайся, пошли, — сказал Йерлоф, когда Джулия затормозила.

— Мы что, машину будем покупать? — спросила она.

— Да нет, — ответил Йерлоф, — просто заглянем ненадолго к Роберту

Блумбергу.

Промозглая утренняя сырость наконец выползла из него, да и кофе у Энгстрёмов помог согреться. Совсем боль не отпустила Йерлофа, но стала намного легче. Он уже довольно резво шел, опираясь на палку. Но Джулия все же опередила его и открыла дверь в мастерскую.

Брякнул колокольчик, и их окутал специфический запах моторного масла.

Йерлоф знал практически все о парусниках, но почти ничего — о машинах. Тонкие душевные движения двигателей всегда были для него тайной за семью печатями. Первое, что они увидели, войдя в мастерскую, — стоящий на бетонном полу полуразобранный поддомкращенный черный «форд» и разложенные вокруг него инструменты. Но машиной никто не занимался, вокруг не было ни души.

Йерлоф медленно прошел в глубь мастерской, где была маленькая контора, и заглянул внутрь.

— Добрый день, — сказал он парнишке, который сидел за письменным столом, уткнувшись в номер «Эландс-постен». Судя по замызганному синему комбинезону, это был механик. — Мы приехали из Стэнвика, и нам бы хотелось купить немного масла.

— Масла? Вообще-то мы его в другом помещении продаем, но я могу сбегать.

Парнишка поднялся из-за стола, он оказался неожиданно высоким и ширококостным. Наверное, это был сын Роберта Блумберга.

— Мы можем пойти с тобой, посмотрим заодно машины на продажу.

Он кивнул Джулии, и они двинулись следом за юным автолекарем в торговый зал. Здесь маслом не пахло, чистый пол был выкрашен белой краской, рядами стояли блестящие машины. Механик подошел к стеллажу «Предметы ухода за автомобилями», где стояли банки с аэрозолями и разная мелочевка.

— Обычное масло? — спросил он.

— Да, — сказал Йерлоф.

Он заметил, как из конторы торгового зала вышел пожилой и остановился в дверях в нескольких метрах от них. Он был почти такой же длинный и широкоплечий, как и механик, но его лицо расчерчивали багровые линии лопнувших сосудов.

Они были знакомы заочно и, соответственно, прежде никогда не разговаривали. Когда раньше Йерлофу требовалось что-нибудь для машины, он все покупал в Марнесе, но он прекрасно знал, кто такой Роберт Блумберг. Он приехал с материка и открыл мастерскую и

автомагазин году примерно в шестьдесят пятом. У Йона Хагмана были какие-то общие дела с Блумбергом, и Йон рассказывал про него Йерлофу.

Блумберг-старший молча кивнул Йерлофу, Йерлоф также молча ответил на приветствие. Он знал, что у Блумберга были раньше довольно серьезные проблемы с зеленым змием, а судя по лицу, может быть, и не только раньше, но, наверное, начинать разговор с этого был не самый лучший вариант для светской беседы.

— Вот, — сказал Блумберг-младший, достав с полки пластиковую канистру с моторным маслом.

Роберт Блумберг пошевелился и медленно пошел обратно в контору, на ногах он держался явно нетвердо, по крайней мере, так показалось Йерлофу.

— Да не нужно мне масло, — возмутилась Джулия, когда они опять оказались в машине.

— Запас карман не тянет. Ну и что ты думаешь про мастерскую?

— Мастерская как мастерская, они все одинаковые, — сказала Джулия, выезжая обратно на Бадхусгатан. — Только вот не похоже, что они там очень парятся.

— Поезжай к гавани, — приказал Йерлоф. — А Блумберги как тебе?

— А что я, по-твоему, должна была увидеть в них особенного?

— Я слышал, Роберт Блумберг много лет ходил в море, — сказал Йерлоф, — как говорится, моряк семи морей. И в Южной Америке тоже был.

— Ну и что?

Оба замолчали.

Гостиница в конце Бадхусгатан становилась все ближе. Йерлоф посмотрел на гавань и почувствовал, как всегда, когда он глядел на море, легкую грусть.

— Этот финал счастливым не назовешь, — произнес он.

— Ты о чем? — спросила Джулия.

— Понимаешь, тут какая вещь: очень многие истории, даже хорошие и интересные, заканчиваются несчастливо.

— Я думаю, самое главное — что они вообще заканчиваются, — сказала Джулия и посмотрела на отца: — А что ты вообще-то хотел этим сказать?

— Ну... Я, например, вот подумал об эландском мореходстве — все могло бы сложиться намного лучше.

Боргхольмская гавань была, естественно, больше, чем Марнесская и

Лонгвикская, но все равно не поражала величием. Несколько бетонных, пустых пирсов, ни одной рыбацкой лодки. На асфальтовой площадке поближе к воде лежал здоровый выкрашенный черной краской якорь, может быть в память о прежних временах.

— В пятидесятых годах здесь парусники рядами стояли, — сказал Йерлоф и посмотрел на серую осеннюю воду. — Вот в такие же дни кто грузился, кто разгружался. Народу вокруг полно было, пахло дегтем, олифой, а вот когда день был солнечный, да еще и ветерок, шхуны распускали паруса и выходили в море. Паруса не то что нынешние, не нейлон, а настоящие, из парусины. Синее небо и паруса — вот красотища...

Он замолчал.

— А когда это закончилось? Ну, когда корабли сюда перестали заходить? — спросила Джулия.

— Где-то в шестидесятых. Но дело скорее не в том, что сюда заходить перестали, а в том, что перестали уплывать отсюда. Практически у всех местных капитанов возникла одна и та же проблема: надо было менять парусники на более современные суда. Времена изменились, иначе очень трудно было тягаться с конкурентами с материка, а банки ссуды давать не хотели. Они, дескать, не верили в перспективы эландского судоходства. — Йерлоф помолчал и добавил: — И мне тоже ссуду не дали, как и всем остальным, поэтому я продал мою последнюю шхуну, мою красавицу... Потом я пошел на вечерние курсы, где готовили служащих, чтобы появилась возможность бывать дома зимой.

— А я вообще не помню, чтобы ты зимой бывал дома, — сказала Джулия тихо, — я вообще не помню, как ты дома появлялся.

Йерлоф быстро взглянул на дочь:

— Да нет, я как-то находился дома несколько месяцев. Я тогда подумывал стать океанским капитаном, но мне предложили конторскую работу в коммуне, и я остался. А вот Ион Хагман, он у меня штурманом был, он купил шхуну, когда я на берег сошел, и пару лет еще продержался. Последняя боргхольмская шхуна, она называлась «Прощай» — очень подходящее оказалось имя.

Джулия неторопливо продолжала вести машину. Пирсы оставались позади, рядом с гаванью появились большие деревянные особняки в обрамлении аккуратненьких заборчиков. Ближайшая к гавани вилла оказалась самой большой — длинный, выкрашенный белой краской дом, почти такой же, огромный, как гостиница у пристани.

Йерлоф приподнял руку:

— Останови здесь.

Джулия притормозила у тротуара, Йерлоф осторожно наклонился и открыл свой портфель.

— Эландские владельцы шхун были слишком упертые, — сказал он и вынул из портфеля коричневый конверт и увесистую книгу, которую прихватил с собой с письменного стола. — Мы могли бы скинуться и купить большое судно, но нам это было не по нраву: как же — один, дескать, ты сила, сам себе хозяин, так нам казалось. Вот и получилось, что на большое дело пороху не хватило.

Он протянул книгу дочери, ту самую, юбилейную «Торговые перевозки Мальма. Сорок лет» с символической черно-белой картинкой: большое моторное судно, плывущее прямо на солнце, через бескрайний океан.

— А это вот единственное исключение — «Торговые перевозки Мальма». Мартин Мальм был капитаном, единственным, у которого хватило сил и средств на большое судно. Он создал свою собственную, хотя и небольшую, флотилию, которая вышла в океан. Он заработал денег и на прибыль тоже купил корабли. Так что в конце шестидесятых годов Мартин стал одним из самых богатых людей на Эланде.

— Да ну?! — удивилась Джулия. — Вот здорово.

— Но здесь не все так просто: никто не понимает, откуда он взял стартовый капитал, — сказал Йерлоф. — Я-то ведь знаю, что он был такой же, как все мы, — типичный эландский капитан, ничем не лучше. — Он указал на книгу. — Весной к юбилею компании Мальма напечатали вот это, — добавил он. — Поверни книгу, я хочу тебе кое-что показать.

На задней стороне обложки был короткий текст, который говорил о том, что это юбилейное издание о наиболее процветающей эландской судоходной компании. Подтекстом — логотип: «Торговые перевозки Мальма». Над ним — силуэт — три летящие чайки.

— Посмотри на них, — сказал Йерлоф.

— Ну и что? — спросила Джулия. — Три нарисованные чайки, что здесь такого?

— А ты сравни-ка вот с этим, — ответил Йерлоф и протянул ей коричневый конверт. На нем была обыкновенная шведская марка, расплывшийся штемпель и адрес: «Капитану Йерлофу Давидссону, дом престарелых, Марнесс», написанный нетвердой рукой пляшущими буквами синими чернилами. — Кто-то оторвал верхний угол, но все-таки кое-что разглядеть можно. Вот тут осталась такая же чайка, вот, справа... Видишь?

Джулия посмотрела и потом медленно кивнула.

— А что это за конверт?

— В нем мне прислали сандалию, — пояснил Йерлоф, — ту самую.

Джулия быстро повернулась к нему:

— Ты же его выбросил? Ты при мне это сказал Леннарту.

— Ложь бывает черная, бывает серая, а эта, наверное, белая. Мне показалось, с него хватит и того, что он забрал сандалию. — И поспешил добавить: — Главное в том, что этот конверт фирмы «Торговые перевозки Мальма». И именно Мартин Мальм собственной персоной послал сандалию Йенса. Я в этом уверен и считаю, что звонил мне тоже он.

— Что? — удивилась Джулия. — Звонил тебе? Ты ничего об этом не говорил.

— Возможно, он мне звонил. — Йерлоф посмотрел на особняк. — Особенно нечего рассказывать. Просто кто-то звонил мне несколько вечеров подряд, и это началось как раз после того, как я получил сандалию. Звонивший все время молчал.

Джулия повертела конверт и посмотрела на отца.

— И что, мы сейчас его увидим?

— Надеюсь. — Йерлоф указал на большую белую виллу перед ними. — Мартин живет здесь.

Он открыл дверцу и выбрался на тротуар. На несколько секунд Джулия застыла, вцепившись в руль, потом тут же вышла из машины.

— А ты уверен, что он дома?

— Мартин Мальм всегда дома, — как-то странно ответил Йерлоф.

Холодный ветер с пролива обдал их сыростью. Йерлоф через плечо взглянул на море. Он не раз ломал себе голову над тем, каким чудом тогда, почти пятьдесят лет назад, этому черту Нильсу Канту удалось перебраться через пролив.

Смоланд, май 1945 года

Нильс Кант засел в кустах на материке и рассматривал через пролив Эланд. Отсюда он казался тонким известняковым обломком на горизонте, которому грустно, наверное, так же, как и ветру, со свистом касающемуся крон деревьев. На другой стороне пролива все было залито солнцем, деревья зеленые, длинные пляжи сверкали, как серебряные нити.

Это его остров, и Нильс обязательно туда вернется. Не сейчас, но очень скоро, при первой же возможности, он был уверен. Он знал, что за

содеянное его не простят очень и очень долго, и сейчас Эланд для Нильса, пожалуй, являлся самым опасным местом. И ведь он ни в чем, если разобраться, ни в чем не был виноват. Все произошло само собой, и Нильс просто не смог вмешаться в ход событий.

Толстый полицейский добрался до него в поезде и пытался сцапать, но не на того напал. Нильс оказался быстрее. «Самооборона, — шептал Нильс, глядя на свой родной остров, как будто бы разговаривая с ним. — Да, я застрелил его, но это была самооборона...»

Нильс замолчал и откашлялся. Слезы наворачивались ему на глаза, он с трудом сдержался, чтобы не разрыдаться.

Прошло двадцать часов после того, как он выпрыгнул из поезда на пустошь. Он невидимкой пробирался на юг острова, держась в самой глубине пустоши — здесь он чувствовал себя дома. Нильс старательно обходил подальше дороги, деревушки.

Не доходя километров десяти до Боргхольма, находилось одно место. В нем не было ничего особенно примечательного, кроме одного — это самое узкое место пролива. Пробираясь от дерева к дереву сквозь лес, Нильс подошел к воде. Ему повезло: он нашел порядком потрепанную рассохшуюся бочку из-под дегтя. У бочки была крышка, так что он смог сложить туда свои пожитки. В обнимку с бочкой Нильс сидел в лесу и дожидался темноты, потом он разделся, положил вещи в бочку и дотащил ее до холодной воды. Он вцепился в нее руками, распластавшись поверху, и поплыл, работая ногами, через пролив к черноте на горизонте. Там был материк.

Ему потребовалось не меньше двух часов, чтобы перебраться на другую сторону, но Нильсу опять повезло: поблизости не оказалось ни одной лодки, людей тоже не было, так что Нильса никто не видел. Когда он очутился в Смоланде, голый, с заледеневшими ногами, сил у него хватило только на то, чтобы вытащить вещи из бочки и заползти под ближайшее дерево. Потом он моментально провалился в сон.

Сейчас он проснулся отдохнувшим, хотя времени прошло, наверное, немного — было раннее утро. Нильс поднялся, ноги все еще ломило после заплыва, ну ничего не поделаешь — им опять предстояло поработать. Нильс понял, что он находился недалеко от Кальмара. А это опасно, ему надо держаться подальше от города. Наверняка в Кальмаре сейчас сновала куча полицейских патрулей.

Одежда Нильса высохла, он надел рубашку, свитер и ботинки и запихал бумажник в карман штанов. Деньги, которые дала ему мать, надо было беречь, потому что без денег Нильс никуда не спрячешься.

Обреза из «хускварны» при нем больше не было, он лежал на дне пролива. Когда Нильс находился примерно на полпути между Эландом и материком, он вытащил своего стального друга из бочки, подержал в руке обрезанные стволы, а потом бросил в воду. Вода сомкнулась — и «хускварна» исчезла.

Хотя патронов у него больше не оставалось, Нильсу все равно не хватало приятной тяжести оружия.

Он думал о своем растерзанном рюкзаке, сожалея и о нем тоже. Все его пожитки умещались в карманах брюк и маленьком узелке из носового платка — все, что он смог взять с собой.

Ярко светило резковатое утреннее солнце. Нильс двинулся на север. Он знал, куда ему идти, но путь предстоял не близкий и, по-видимому, займет большую часть дня. Нильс держался поближе к берегу, но обходил все поселки. Лесные тропки и тропинки он пересекал как можно быстрее, в один прыжок, — только среди деревьев он чувствовал себя в безопасности. Два раза ему встретились олени, они едва не натолкнулись на Нильса, потому что двигались тихо, почти так же, как он сам. Что касается людей, то их он слышал за несколько сотен метров и легко обходил.

Нильс неплохо себе представлял, где находится Рамнебю: они бывали там с матушкой, последний раз — прошлым летом. Ему не надо было заходить в саму деревню и даже обходить ее кругом: лесопилка, которой управлял и владел его дядя Август, была в глубине леса.

Нильс издали слышал надрывный визг пил, а потом почувствовал хорошо знакомый запах свежей древесины, перебивающий соленый аромат близкого моря.

Нильс осторожно выбрался из леса и затаился в тени большого сарая с тесом. Хотя Нильс и был здесь несколько раз, он не очень хорошо знал, где контора, а при нынешних обстоятельствах на людях ему лучше было не показываться. В нескольких сотнях метров от лесопилки находился дом дяди Августа, но там Нильс не хотел появляться тоже. В доме были дети, шофер, работники, любой из них мог настучать полиции, что видел Нильса. Поэтому он должен был ждать в сарае, поглядывая сквозь густой, пахучий, усыпанный цветущими гроздьями куст сирени, который как магнитом тянул к себе прорву всяких мелких насекомых.

Часы Нильса остановились, когда он переплывал залив, но он был абсолютно уверен, что прошло по меньшей мере минут тридцать прежде, чем он увидел хоть кого-то поблизости. Мимо сарая прошли три здоровых мужика. Наверное, работники лесопилки. Они над чем-то смеялись и не заметили его. Собственно, даже ни разу и не посмотрели в его сторону.

Нильс продолжал ждать.

Прошло еще немного времени, может быть, несколько минут. Наконец кто-то появился — парнишка, лет, наверное, тринадцати-четырнадцати, но почти такой же высокий, как сам Нильс. Его здоровенная кепка была надвинута на самый нос, руки чуть не по локти в карманах заляпанных маслом штанов.

— Эй, ты, — вполголоса позвал Нильс из-за куста. Наверное, у него получилось слишком тихо, потому что парнишка не отреагировал. — Эй, ты, в кепке, — позвал Нильс опять, уже чуть громче. Парнишка остановился и удивленно огляделся. Нильс медленно приподнялся и осторожно высунулся из-за куста. Он помахал рукой: — Я здесь.

Кепка изменил курс и подошел поближе к кусту. Он молчал и глядел на Нильса.

— Ты здесь работаешь, что ли? — спросил Нильс.

Кепка торжественно кивнул и подал голос:

— Ага, первое лето.

Прозвучало это довольно странно: во-первых, парнишка изъяснялся на кондовом смоландском диалекте, во-вторых, у него уже ломался голос.

— Хорошо, — сказал Нильс. Он очень старался выглядеть спокойным и дружелюбным. — Мне тут небольшая помощь нужна. Я хочу, чтобы ты привел сюда Августа Канта. Мне с ним до зарезу поговорить надо.

— Кого-кого, директора? — удивленно ахнул кепка.

— Ну да, директора Канта.

Он посмотрел в глаза парнишке и раскрыл ладонь. Между пальцами была зажата монета в одну крону.

— Ты ему только скажи, что здесь Нильс. Иди прямо в контору к директору, он должен прийти.

Кепка никак не прореагировал на имя Нильса, кивнул и взял монету, потом развернулся и неторопливо удалился. Судя по всему, монета сгнула в недрах его бездонных порток.

Нильс вздохнул и вернулся к прежней диспозиции за кустом сирени. Ну вот, теперь все сделано, сейчас придет дядя и позаботится о нем. А точнее, спрячет, пока все не затихнет. Наверняка ему придется просидеть здесь, в Смоланде, не высовываясь, до конца лета. Но ничего не поделаешь.

Нильс сидел и ждал. Ждать ему пришлось как-то уж слишком долго. Наконец послышались шаги, кто-то подходил к сараю. Нильс выдавил из себя улыбку, довольно дурацкую, поднялся и вышел из-за куста, но... это был не дядя Август, вернулся кепка.

Нильс смотрел на него.

— Что, его в конторе не было... директора Канта? — запинаясь, спросил он.

— Не-а, — мотнул головой парнишка, — сюда канать стрёмно.

— Чего стрёмно? — непонимающе переспросил Нильс.

— Во, от него, — сказал кепка. Он протянул Нильсу белый конверт.

Нильс взял его, повернулся спиной к посланцу с лесопильного олимпа и раскрыл: ни письма, ни записки — три купюры, сложенные пополам сотенные. Нильс закрыл конверт и обернулся.

— И это все? — спросил он.

Кепка кивнул.

— И что, директор ничего не сказал?.. Передать ничего на словах не хотел?

Парнишка покачал головой:

— Не-а, только это.

Нильс посмотрел на конверт. Деньги — все, что он получил. — Деньги для того, чтобы он бежал подальше. Намек более чем понятен.

Дяде не хочется с ним связываться.

Нильс вздохнул и поднял голову, но кепка уже уходил. Нильс видел, как он заходит за угол сарая.

Опять один, он должен сам о себе позаботиться.

Значит, надо бежать. Но куда?

Первое и главное — подальше от берега, потом — посмотрим.

Нильс огляделся: жучки жужжали, сирень пахла, все вокруг зеленое, радостное, светлое, — наступало лето. На северо-востоке синими бликами переливалось море.

Он должен вернуться обратно. Да, за ним охотятся. Может быть, они даже считают, что им удастся его выследить. Пускай. Нильс обязательно вернется. Эланд его остров, его владения.

Нильс последний раз посмотрел на море, повернулся к нему спиной и моментально затерялся в зелени леса.

К белому особняку Мартина Мальма уступами поднималась широкая дорожка, выложенная белыми известняковыми плитами. Джулия смотрела на виллу и почему-то думала о доме Веры Кант в Стэнвике. Оба дома были большими, но только этот свежевыкрашен, ухожен, обжит. Но все же кто зажег свет в доме Веры Кант? Джулия все время возвращалась к одной и той же мысли: действительно ли она видела свет или ей только это показалось.

Джулия держала под руку Йерлофа, они открыли тяжелую железную калитку и стали медленно подниматься по неровным плитам. Джулия подумала: «Интересно, кто из нас кого поддерживает, я Йерлофа или наоборот?» Ей было здорово не по себе, она нервничала, потому что для себя решила, что сейчас встретится с убийцей Йенса. Если Йерлоф прав, а судя по всему, это так, то, раз именно Мартин Мальм послал сандалию, значит, он и есть тот самый человек.

Каменная дорожка заканчивалась несколькими деревянными ступенями. Они вели к массивной двери красного дерева с металлической табличкой с красиво выгравированной надписью: «Мальм». В двери было окошечко из цветного стекла, еще ниже — ручка механического звонка в форме маленького ключа.

Йерлоф взглянул на Джулию:

— Ну как, готова?

Джулия кивнула и протянула руку к звонку.

— Я тебе должен сказать одну вещь, — произнес Йерлоф. — У Мартина инсульт был, с ним не угадаешь: иногда он хорошо себя чувствует, иногда ему совсем плохо. Ну, примерно как у меня. Если нам повезет, то тогда мы сумеем с ним поговорить, а сели нет...

— О'кей, — бросила Джулия. Она чувствовала, как быстро бьется ее сердце.

Она крутанула ключик, и внутри виллы послышался приглушенный перезвон. В дверном окошечке промелькнула тень, потом дверь открылась. Перед ними стояла молодая женщина лет двадцати — двадцати пяти, она была небольшого роста и светловолосая. Женщина вопросительно посмотрела на неожиданных посетителей.

— Привет, — сказала женщина.

— Добрый день, — ответил Йерлоф. — Мартин дома?

— Да, но мне кажется, что он не...

— Мы старые друзья, — быстро перебил ее Йерлоф, — меня зовут Йерлоф Давидссон, я из Стэнвика, а это моя дочь. Нам бы хотелось повидать его.

— О'кей, я должна спросить.

— Прошу прощения, а мы можем подождать внутри? — попросил Йерлоф. — Здесь довольно холодно.

— Да, конечно.

Она посторонилась, пропуская их внутрь. Джулия помогла Йерлофу перебраться через порог. Она поддерживала отца под руку, потому что мраморный пол прихожей оказался довольно скользким. Стены были обшиты темными деревянными панелями со множеством фотографий новых и старых кораблей: три двери вели в разные части дома. Здесь же, в прихожей, начиналась лестница на второй этаж.

— Ты родственница Мартину? — спросил Йерлоф, когда они закрывали дверь.

Девушка покачала головой.

— Я медсестра из Кальмара, — ответила она, подходя к средней двери, чтобы открыть ее.

Джулия попыталась было посмотреть, что там внутри, но ей помешала тяжелая темная портьера.

Они с Йерлофом молча стояли и ждали. Обстановка этого большого дома со всеми этими закрытыми дверями как-то не располагала к беседе. Здесь была особенная тишина, почти церковная, когда слышен малейший звук. Джулия напрягла слух, и ей показалось, что кто-то ходит по второму этажу. Средняя дверь опять открылась, вернулась медсестра.

— Мартин сегодня не очень хорошо себя чувствует, — сказала она негромко, — к сожалению, он устал.

— Вот как, — произнес Йерлоф, — жалость-то какая. Мы уже, наверное, года два не виделись.

— Обязательно приезжайте, но в другой раз, — ответила медсестра.

Йерлоф кивнул:

— Конечно, обязательно, но мы сперва позвоним.

Он пошел к двери, и Джулия, хотя и неохотно, последовала за отцом. После теплого дома холодноватый осенний воздух показался им еще холоднее. Джулия молча шла рядом с Йерлофом, открыв калитку, она оглянулась и посмотрела на особняк.

В широком окне второго этажа она заметила бледное лицо — ее настойчиво рассматривала пожилая женщина. Она стояла там, наверху, и,

казалось, пристально изучала их обоих. Джулия открыла рот, собираясь спросить Йерлофа, кто это такая, но он уже подходил к машине. Ей пришлось быстро отойти от калитки, чтобы открыть отцу дверцу машины.

Когда Джулия обернулась и опять посмотрела на виллу, в окне уже никого не было.

Йерлоф поерзал, удобнее устраиваясь на сиденье, и посмотрел на часы — полвторого.

— Наверное, нам надо немножко перекусить, а потом сделаем небольшой крюк, заедем в «Сюстембулагет» — я парням в доме престарелых обещаю горячего прикупить. Как тебе такая программа, пойдет?

Джулия сидела, постукивая пальцами по рулю, и потом изрекла:

— Алкоголь — яд.

Они пообедали в одном из нескольких открытых зимой боргхольмских ресторанов, где блюдом дня было спагетти. Ресторан почти пустовал, но, когда Джулия попыталась завязать разговор насчет их посещения Мартина Мальма, Йерлоф вместо ответа молча помотал головой и занялся едой. После обеда Йерлоф настоял на том, что сам оплатит счет. Потом они заехали в «Сюстембулагет», Йерлоф закупил там две бутылки полынной крепкой, бутылку яичного ликера и шесть банок немецкого пива. «Неужели на опохмел?» — подумала Джулия, неся все эти сокровища к машине.

— Ну что, поехали домой? — сказал Йерлоф, когда они снова сели в машину.

Он произнес это уж слишком, по мнению Джулии, беспечно, как будто бы они ездили сюда развлекаться. Ее это вывело из себя, она выместила раздражение на несчастном «фордике», безжалостно переключив вторую скорость на первую прямо перед поворотом.

— И ничего не было, — сказала она, когда они остановились на красный свет недалеко от Боргхольма.

— А что ничего?

— Впустую съездили. Ни черта мы не узнали сегодня.

— Ну как сказать. Для начала мы с тобой сделали великое дело: попили кофе и поели отличных пирожных у Маргит и Ёсты. Потом я наконец посмотрел вблизи на Блумберга-старшего, и потом, нам удалось...

— Ну и на кой черт тебе все это понадобилось? — спросила Джулия.

Йерлоф помолчал, а потом выдал исчерпывающий ответ:

— Как тебе сказать, были причины.

У Джулии от злости перехватило дух.

— Пора бы тебе, папа, мне хоть что-нибудь рассказать, — упрекнула она, сдерживаясь изо всех сил и глядя прямо перед собой в ветровое стекло. Сейчас у нее было единственное желание: остановиться, открыть дверцу, вынуть из машины дорогого папочку и дать ему хорошего пинка, а еще лучше — отвести туда, где пропал тот, другой, маразматик, пускай погуляют. Джулию переполняло омерзительное чувство, что ее используют, и что еще хуже — втихаря.

Йерлоф продолжал молчать, как партизан, потом все же снизошел и сказал:

— Эрнста Адольфссона летом осенило. Теория у него такая проклюнулась: Эрнст считал, что мой внук, он же твой сын Йенс, тогда в тумане ни к какому морю не спускался, а пошел в другую сторону, на пустошь. Эрнст считал, что там Йенс и встретился с убийцей.

— И кто это был?

— Возможно, Нильс Кант.

— Как Нильс Кант?

— Ну да, покойный Нильс Кант. Все знают, что он тогда уже десять лет как помер и лежал в могиле... Да ты сама его надгробие видела. Но прошел, понимаешь, слух...

— Я знаю, — сказала Джулия, — Астрид об этом говорила. Но откуда взялись эти слухи?

Йерлоф вздохнул:

— Был в Стэнвике почтальон... Эрик Анлунд. Вышел он, понимаешь, на пенсию и начал интересные вещи рассказывать: мне, Эрнсту, да в общем-то всем в поселке, кто слушать хотел, насчет того, что Вера Кант получала открытки без обратного адреса.

— Ну и что?

— Когда все это началось, я не знаю, — продолжил Йерлоф, — но, как Анлунд рассказывал, открытки ей приходили из разных мест в Южной Америке в пятидесятых-шестидесятых годах. Каждый год — по несколько открыток, и всякий раз без обратного адреса.

— Они приходили от Нильса Канта? — спросила Джулия.

— Очень даже возможно. По крайней мере, это самое простое и естественное объяснение. — Йерлоф повернулся и посмотрел на пустошь. — Ну а потом все было, как все знают, да теперь и ты: Нильс прибыл домой в гробу и его похоронили в Марнессе.

— Да, я знаю.

Йерлоф посмотрел на дочь:

— Но штука-то в том, что открытки продолжали приходить и после

похорон — из-за границы и, как и раньше, без обратного адреса.

Джулия глянула на отца:

— Это правда?

— Думаю, что да. Эрик Анлунд приносил открытки Вере, и он боялся, что они продолжали приходить ей и после смерти Нильса.

— И из-за этого народ в Стэнвике верит, что Кант жив?

— Ну да, а чему удивляться? Люди любят посудачить в сумерках о том о сем. Но Эрнст-то треплом не был и на сплетни всегда плевал, а в это он верил.

— Ну а ты сам что думаешь?

Йерлоф помедлил.

— Я как апостол Фома: поверю, если будут доказательства, а я их пока не нашел.

— А для чего тебе понадобилось встречаться с Блумбергом? — спросила Джулия.

Йерлоф вновь помедлил с ответом, он боялся показаться выжившим из ума.

— Йон Хагман считает, что Роберт Блумберг, может быть, и есть Нильс Кант, — произнес он наконец.

Джулия посмотрела на него.

— Ну и ну, — сказала она потом. — Но, похоже, ты так не считаешь?

Йерлоф медленно покачал головой:

— Не очень сходится, хотя у Йона и были довольно веские аргументы. К примеру, Блумберг был моряком, как я, он вырос в Смоланде и еще подростком ушел в море помощником судового механика, много лет он пропал неизвестно где... лет двадцать или тридцать. Может быть, даже больше. Потом в конце концов вернулся и переехал на Эланд, после женился, появился ребенок. Я думаю, что его сына мы там, в мастерской, и видели.

— Ну и что тут такого загадочного?

— Ну, в общем-то да, хотя есть тут кое-что примечательное: очень уж долго его не было. Йон где-то раскопал довольно интересные вещи про Блумберга: дескать, его за пьянку списали с судна где-то в Южной Америке, и вроде как там он окончательно опустился. Пил по-черному, а потом случайно встретил какого-то шведского капитана, и тот и привез его обратно.

— Ну и что? Разве один Блумберг переехал на Эланд? Таких много.

— Ну да, сюда их не одна сотня перебралась.

— И что, Йон во всех видит Нильса Канта?

— Нет, конечно. Я вот, например, считаю, что Блумберг совсем на Нильса не похож. Но иногда бывает так, что видишь то, что хочешь. Вот, например, моя мама, ну, твоя бабушка Сара, она как-то в молодости гнома встретила... Может, ты помнишь, она рассказывала про серого человечка?

— Да, я слышала. Но зачем тебе...

Йерлоф прервал ее и продолжил:

— Как она говорила, все это случилось весной, когда она развешивала белье на берегу. Если не ошибаюсь, Кальмарский пролив находится рядом с Грэнхёгеном — и вдруг она услышала у себя за спиной быстрые шаги, и из леса вприпрыжку появился он... Мужичок ростом не больше метра, весь в сером. Он ничего не сказал и пронесся прямо к проливу, мимо Сары, на нее даже и не глянул. А когда до воды добежал, то не остановился... Мама ему кричать стала, а он бежал дальше, прямо в воду, потом его волной накрыло, и он пропал и больше не появлялся, как будто никогда и не было.

Джулия только кивнула, она помнила эту мрачную историю. Может быть, даже самую необычную, которую когда-либо слышала от своих эландских родственников.

— Да, гном, который сам себя и убил, — сказала она, — такое, конечно, не каждый день увидишь.

— Ясное дело, что эта история не может быть правдой, — продолжал Йерлоф, — но я в нее верю. Потому что я знал маму, думаю, она видела что-то совершенно материальное или, может быть, какой-то феномен, которого она посчитала гномом. И в то же время я прекрасно понимаю, что никаких гномов и троллей нет.

— В наше время они, как бы сказать, не очень часто попадают, — подбирала слова Джулия.

— Да, — медленно проговорил Йерлоф, — и Нильсы Канты тоже. О нем никто не говорит, его никто не видит, полиция давно сдала его дело в архив, он лежит на Марнесском кладбище под надгробием, — каждый может пойти и посмотреть. И вопреки всему этому куча народу на Северном Эланде действительно верит, что Нильс все еще жив. Во всяком случае, те, что постарше, частенько его вспоминают.

— А ты как считаешь? — опять спросила Джулия.

— Я считаю, что надо разобраться и навести порядок во всех странностях, связанных с Нильсом Кантом.

— А я больше всего хочу найти моего сына, — тихо сказала Джулия, — я сюда для этого и приехала.

— Да, я понимаю, — произнес Йерлоф, — но разные истории, они как разные жизни. Иной раз даже сходятся.

— Нильс Кант и Йенс?

Йерлоф кивнул:

— Я уже знаю тех, кто принимал в этом участие. И за это надо сказать спасибо Мартину Мальму.

— Как это так?

— Так он же мне сандалию Йенса послал. И попробуй догадаться, на чьем судне привезли в Швецию гроб с телом Нильса Канта.

— На корабле Мальма? Но откуда ты это знаешь?

— Тут все просто. Я сам находился в гавани, когда пришел корабль с гробом. Похоронная контора Марнесса занималась этим делом.

Джулия напряженно обдумывала услышанное. Они все ближе и ближе подъезжали к ответвлению на Марнесс, она притормозила и свернула.

— Но мы же так и не смогли поговорить с Мартином сегодня?

— Да, не получилось, но ты на его дом посмотрела, — сказал Йерлоф. — Как я тебе и объяснил, у Мартина сегодня был плохой день, но раньше или позже все сложится, мы с ним обязательно поговорим. Может быть, на следующей неделе.

— Вряд ли я смогу так долго ждать, — торопливо ответила Джулия. — Я должна ехать в Гётеборг.

— Ну, как скажешь. Когда ты едешь?

— Я, ну... Не знаю. Скоро, может быть, завтра.

— Завтра в Марнесской церкви будут отпевать Эрнста, в одиннадцать часов.

— Я не знаю, приду или нет, — честно ответила Джулия, выезжая на парковку перед Марнесским приютом. — Я же ведь Эрнста не знала. Конечно, то, как он умер, настоящая трагедия, и я по гроб жизни буду помнить то утро, когда его нашла... Но я его совсем не знала.

— Но ты все-таки постарайся и приходи, — посоветовал Йерлоф, открывая дверцу машины.

Джулия тоже вышла, чтобы помочь отцу. Она взяла пакет с «топливом» для молодцов из дома престарелых и портфель Йерлофа.

— Спасибо, — поблагодарил Йерлоф. Он стоял, опираясь на трость. — Мне сейчас почти совсем хорошо.

— Увидимся, — сказала Джулия, проводив отца до лифта. — Спасибо.

— За что?

— За сегодняшний день.

Она вернулась на парковку, забралась в автомобиль и через стеклянные двери видела, как открылся лифт и Йерлоф зашел внутрь. Все в порядке, он не упал.

Потом Джулия завела двигатель и опять выехала на дорогу. Она собиралась в Марнесс купить что-нибудь из еды, а потом ехать в Стэнвик, чтобы переночевать.

Медленно надвигались сумерки. Было двадцать минут пятого. Обычные люди, те, кто ежедневно ходил на работу, сейчас уже возвращались домой.

Но этот закон не для всех. Когда Джулия проезжала мимо конторы участкового Марнесса, она увидела в окне свет.

Джулия остановилась возле продуктового магазина купить молоко, хлеб и яйца. На ее счете оставалось не так много денег, а следующая выплата из страховой кассы ожидалась только через неделю. С этим она ничего не могла поделать, лишь воспринимать как неизбежность.

Когда Джулия вышла из магазина, она опять посмотрела на контору участкового: свет все еще горел. Она подумала о Леннарте Хенрикссоне и вспомнила рассказ Астрид. Вот и Леннарту тоже пришлось пережить трагедию в своей жизни.

Джулия стояла и смотрела на свет в окне, потом она положила еду в багажник, заперла машину, пересекла улицу, поднялась по ступенькам и постучала в дверь участка.

— Я винила маму, — сказала Джулия, — она пошла прилечь после обеда и заснула.

Она поморгала, чтобы слезы не застилали глаза, и продолжала:

— А еще больше — папу... Потому что Йерлоф... Потому что он пошел вниз, к морю, заниматься своими сетями. Если бы он был дома, Йенс никогда бы не ушел. Он очень любил дедушку. — Джулия всхлипнула и вздохнула. — И я обвиняла их много лет, но на самом деле во всем виновата я: это я оставила Йенса и поехала в Кальмар. У меня было свидание, хотя отлично понимала, что ни для него, ни для меня все это несерьезно — выброшенное время, он даже не пришел.

Она помолчала и заговорила опять:

— Это был отец Йенса... Микаэль. Мы тогда уже разошлись, и он жил в Сконе,^[47] но сказал, что сядет на поезд и приедет, чтобы встретиться со мной. Я думала, что, может быть, нам стоит попробовать снова, но Микаэль так и не появился. — Джулия опять всхлипнула. — Так что нечего удивляться тому, что Микаэль даже не пытался помочь, когда пропал Йенс, он с места не двинулся из своего Мальмё... Но больше всех виновата я.

Леннарт тихонько сидел по другую сторону стола и слушал. Он был из тех, кого называют благодарными слушателями, по крайней мере Джулия так думала. Леннарт дал ей возможность выговориться. Только после того, как Джулия замолчала, он сказал:

— Да никто не виноват, Джулия. Это, как мы называем такие вещи в полиции... цепочка случайностей, ставших причиной несчастного случая.

— Ну да, — произнесла Джулия, — если только это был несчастный случай.

— Что ты хочешь этим сказать? — удивился Леннарт.

— Я... я... а если предположить, что, когда Йенс вышел из дому, он наткнулся на кого-то и этот кто-то....

— Кто? — спросил Леннарт. — Кто такое мог сделать?

— Я не знаю, какой-нибудь сумасшедший, маньяк. Ты же полицейский и знаешь о таких вещах намного больше, чем я.

Леннарт задумчиво покачал головой:

— Ну, в таком случае этот кто-то должен был быть совсем не в себе. Но из неоткуда такие не появляются, так что почти наверняка он и раньше сталкивался с полицией. Никого похожего тогда на Эланде вообще не было.

Можешь мне поверить, мы проверяли всех, кого хоть в чем-то можно заподозрить... Мы обыскивали дома, подняли старые дела...

— Я знаю, вы сделали все, что могли.

— В полиции мы думали, что он пошел к воде. Там же до моря совсем близко — несколько сотен метров. А тогда в таком плотном тумане оступиться и упасть в воду было плевое дело. Много народу утонуло в Кальмарском проливе, и их так никогда и не нашли. Такое часто бывало раньше, случается теперь, да и в будущем, наверное, будет то же самое. — Леннарт помолчал. — Тебе же ведь трудно об этом говорить. Мне, наверное, не стоит...

— Да нет, ничего страшного, — тихо сказала Джулия. Она немного подумала, а потом добавила: — У меня и в мыслях не было приезжать сюда осенью, чтобы опять со всем этим столкнуться. Но вышло так, как вышло. Я приехала к Йенсу и начала... стала понимать, что обратно он не вернется.

Она взяла себя в руки, сосредоточилась и очень серьезно произнесла:

— Я должна жить дальше.

Был вечер вторника. Джулия собиралась на минутку заглянуть к Леннарту, но вышло по-другому. Было видно, что Леннарт собирался заканчивать работу, но Леннарт тоже задержался.

— На сегодня у тебя уже больше нет дел? — спросила Джулия.

— Вообще-то есть, но позже. Я вхожу в муниципальную комиссию по строительству, и у нас сегодня официальная встреча. Но это не раньше половины восьмого.

Джулия собралась было спросить, какую партию представляет Леннарт, но не захотела рисковать. Могло оказаться, что они политические противники. Потом ей приспичило спросить у Леннарта, женат он или нет, но здесь она рисковала бы еще больше: ответ на этот вопрос мог ей совсем не понравиться.

— Мы можем заказать пиццу из «Моби Дика», — предложил Леннарт. — Как, присоединишься?

— Само собой, — ответила Джулия.

В маленьком полицейском участке была кухня. Она разительно отличалась от безликой, сугубо официальной конторы — в ней царил домашний уют: шторы, красные плетеные коврики на полу, картины на стенах. Рядом с начищенной без единого пятнышка раковиной сверкала столь же тщательно отдраенная кофеварка. В углу стоял журнальный столик и кресло; Джулия и Леннарт там и перекусили, когда доставили заказанную пиццу с ветчиной.

За едой они разговорились, и в результате вышло так, что Леннарту она поведала свои горести и печали.

Потом Джулия так толком и не могла вспомнить, кто из них разоткровенничался первым. Но почти не сомневалась, что она.

— Я должна жить дальше, — снова сказала Джулия. — Если Йенс погиб в проливе, я должна принять это и смириться. Такое и раньше случалось, это ты правильно заметил. — После небольшой паузы она добавила: — Только вот есть одна вещь: Йенс довольно сильно боялся воды, ему на берегу даже играть не нравилось. Так что иногда я думаю о том или, может быть, просто убеждаю себя, что он пошел в другую сторону, на пустошь. Да, понимаю, это звучит странно, но... и Йерлоф также считает.

— Мы пустошь тоже прочесали, — тихо ответил Леннарт, — мы тогда всю округу осмотрели.

— Я знаю, я вот пытаюсь вспомнить... Мы тогда встречались? — спросила Джулия. — Я хочу сказать: мы с тобой?

Полицейские, понаехавшие в тот день и задававшие Джулии бесконечные вопросы об исчезнувшем Йенсе, были безмянной чередой стершихся от времени лиц. Они спрашивали, она механически отвечала. Кто они, не играло никакой роли, лишь бы нашли Йенса. Много позже она поняла, что некоторые полицейские, судя по их вопросам, исходили из подозрений или, по крайней мере, не исключали того, что она сама по какой-то неизвестной причине, может быть, в припадке безумия, убила своего сына и где-то спрятала тело.

Леннарт покачал головой:

— Нет, мы с тобой не встречались... и не разговаривали. С тобой контактировали другие мои коллеги, с тобой и твоей семьей. А я, я тебе уже говорил об этом, занимался поисками, собрал добровольцев в Стэнвике, и они весь вечер прочесывали берег. Сам я сел в служебную машину и объездил все дороги вокруг Стэнвика и пустошь, но Йенса мы так и не нашли... — Леннарт замолчал и вздохнул. — Жуткие были дни, по крайней мере для меня. Мне пришлось однажды столкнуться с чем-то подобным, но не по службе. Это личное. Мой папа... — Он опять замолчал.

— Я кое-что об этом знаю, Леннарт, — осторожно начала Джулия. — Астрид Линдер рассказала мне о том, что произошло с твоим папой.

Леннарт кивнул и опустил глаза.

— Да, это не секрет, — произнес он.

— Я знаю про Нильса Канта, — сказала Джулия. — А ты... сколько тебе было лет, когда это случилось?

— Восемь. Мне было восемь лет, — ответил Леннарт, упорно рассматривая пол. — Я только начал учиться в Марнесской школе. Это был один из последних дней учебы. Уже перед самыми каникулами, красивый такой день, солнечный. Я радовался, что вот-вот начнутся каникулы. А потом вдруг по школе пошли разговоры насчет того, что в поезде по пути в Боргхольм произошла стрельба и что кого-то из Марнесса убили... Но никто толком ничего не знал. А после уроков я пришел домой. Там была мама, почему-то пришли ее сестры. Они долго сидели молча, и в конце концов мама мне рассказала о том, что случилось. Тогда я и узнал...

Леннарт молчал, казалось, он погрузился в давние воспоминания. Джулия попробовала представить, как это было. Встать на его место, увидеть все глазами восьмилетнего мальчика, которым тогда был Леннарт.

— А что, полицейские никогда не плачут? — осторожно спросила она.

— Да нет, — сказал Леннарт, — но мы чуть лучше, чем другие, умели скрывать свои чувства. Нильс Кант, я понятия не имел, кто это такой, был на десять лет старше меня, мы никогда не встречались, хотя и жили всего в нескольких километрах друг от друга. И вдруг оказывается, что он застрелил моего папу.

Леннарт и Джулия помолчали.

— А потом, что ты думал о нем потом? — спросила Джулия. — Я хочу сказать, я понимаю, как ты ненавидел Канта...

Она много раз размышляла над тем, что бы сама сделала, если бы встретила убийцу Йенса. Но в итоге так ничего и не надумала. Джулия не знала.

Леннарт вздохнул и посмотрел в темное окно, выходящее на другую сторону здания.

— Да, я ненавидел Нильса Канта. Страшно ненавидел, всей душой, и при этом я его боялся, особенно по ночам. Я не мог заснуть, потому что опасался, вдруг Нильс Кант вернется на Эланд для того, чтобы убить меня, а заодно и маму. — Он помолчал. — Довольно много времени понадобилось, чтобы я хоть немного успокоился.

— Кое-кто поговаривает, что он жив. Ты об этом слышал?

Леннарт посмотрел на Джулию:

— Кто жив?

— Нильс Кант.

— Жив? Этого просто не может быть.

— Ну да, я тоже думаю, что...

— Кант не может быть жив, — сказал Леннарт и подцепил кусок пиццы. — Кто это говорит?

— Да я тоже считаю, что такого не может быть, — выпалила Джулия, — но Йерлоф все время упоминает Нильса. Ну, я хочу сказать — все время, пока я здесь. Мне даже кажется, что он пытается убедить меня в том, что Нильс Кант виновен в исчезновении моего сына. И в тот день Йенс встретил Канта, несмотря на то что он тогда уже десять лет как лежал в могиле.

— Нильс Кант умер в тысяча девятьсот шестьдесят третьем году, — сказал Леннарт. — Осенью шестьдесят третьего в Боргхольмскую гавань привезли гроб. — Он говорил не поднимая глаз. — Я не знаю, хорошо это или плохо, но так все и было. Полиция Боргхольма вскрывала гроб, я это точно знаю. Все было сделано очень тихо, никакой огласки. Может быть, из-за Веры Кант, чтобы избежать скандала. Она ведь была заметной фигурой: куча денег, много земли... Но тем не менее гроб вскрыли.

— И что, там было тело?

Леннарт кивнул:

— Да, и я его видел. Конечно, мы проделали это не совсем официально, но когда гроб доставили...

— На одном из кораблей флотилии Мальма? — уточнила Джулия.

Леннарт снова кивнул:

— Да, по-моему, так. Это тебя что, Йерлоф просветил? — продолжал он, не дожидаясь ответа на свой вопрос: — Я тогда был новоиспеченным констеблем. После пары лет в Вексшё я служил в Марнессе. Я попросил, чтобы меня отправили в Боргхольм на вскрытие гроба. Для меня это было очень важно — не по служебным причинам, скорее по личным. Но коллеги меня поняли. Гроб лежал на складе. За ним должны были приехать из похоронного бюро, точнее, ящик, внутри которого находился гроб, и при нем документы со всеми печатями из какого-то шведского консульства в Южной Америке. — Леннарт помедлил и снова заговорил: — Один из полицейских вскрыл крышку. В общем, там лежало тело Нильса Канта, полуразложившееся, покрытое слизью, там даже плесень была. С нами был врач из Боргхольмской больницы, он констатировал, что, судя по этим особенностям, Нильс утонул в соленой воде. И еще сказал, что с уверенностью можно утверждать, будто тело в воде пробыло довольно долго, потому что рыбы начали...

Казалось, Леннарт опять ушел в себя, но тут он, к счастью, посмотрел на стол и вспомнил, что они ели пиццу.

— Извини за эти подробности.

— Да ничего страшного. Но откуда вы знаете, что это был Кант? Отпечатки пальцев или что-нибудь такое?

— Сравнивать было не с чем. Отпечатков пальцев Нильса Канта у полиции не имелось, зубной карты тоже. Но все же его удалось идентифицировать по старой ране на левой руке. Когда Кант работал на каменоломне в Стэнвике, у них там случилась драка, и Нильс сломал несколько пальцев. Я это сам слышал от свидетелей в Стэнвике. Та же самая травма была и на теле в гробу. Это и стало решающим доказательством. Дело закрыли.

Некоторое время на кухне воцарилась тишина, потом Джулия решила нарушить молчание и спросила:

— А что ты тогда почувствовал? Я имею в виду, когда смотрел на тело Канта?

Леннарт задумался.

— Да вообще-то ничего особенного. Я мечтал встретиться с живым Кантом. Покойника к ответу не призовешь.

Джулия понимающе кивнула. Ей была нужна помощь Леннарта, и она собиралась попросить его об этом.

— А ты когда-нибудь был в доме Кантов? — спросила она. — И я хотела еще узнать: моего Йенса полиция там искала?

Леннарт покачал головой.

— А почему мы должны были искать его там?

— Я не знаю, только пытаюсь понять, куда мог пойти Йенс. Если, предположим, он не ходил к морю и не пошел на пустошь, то тогда он вполне мог оказаться в одном из соседних домов. А вилла Веры Кант всего ведь метрах в двухстах от нашего дома...

— А зачем ему туда вообще было идти? Но даже если предположить, что это было так, то почему он там остался?

— Я не знаю, может быть, он забрел куда-нибудь не туда, упал или... — проговорила Джулия, думая при этом: «А кто знает, может быть, сама Вера Кант была такой же сумасшедшей, как и ее сын».

«Может быть, ты действительно забрел туда, Йенс, а потом Вера заперла дверь».

Джулия быстро и громко, заглушая свои мысли, добавила:

— Да, это все очень маловероятно... Но, может, мы туда заглянем? Посмотрим, что и как, я хочу сказать, вместе.

— Заглянем? Ты хочешь пойти в дом Кантов? — удивился Леннарт.

— Ну да, только посмотрим — и все. Мне бы очень хотелось сделать это до того, как я уеду домой в Гётеборг. Я собираюсь ехать завтра, — пробормотала Джулия, чувствуя недоверчивый взгляд Леннарта. Наверное, ей стоило упомянуть о свете, который она видела в окне дома. Но сама

Джулия не была в этом уверена и хотя и с трудом, но удержалась от упоминания. — Ведь это же не будет преступлением — зайти в пустой дом? И ты ведь полицейский. Ты можешь заходить куда захочешь?!

Леннарт покачал головой:

— У нас очень жесткие правила. Конечно, я участковый, у моей работы есть своя специфика, и иногда я могу — и даже приходится — действовать по обстоятельствам, но...

— Да нас же никто не увидит, — перебила Джулия, — в Стэнвике же почти никого нет. А все дома вокруг особняка Веры Кант — летние дачи. В это время там никто не живет.

Леннарт посмотрел на часы:

— Я должен ехать на заседание.

Джулия отметила для себя, что по крайней мере он не сказал «нет» в ответ на ее просьбу.

— А потом?

— Ты хочешь повернуть все это сегодня вечером?

Джулия кивнула.

— Там поглядим, — сказал Леннарт, — наши посиделки могут затянуться. Я тебе позвоню, если мы закончим рано. У тебя мобильник есть?

— Да, пожалуйста, позвони мне.

На кухонном столе она заметила карандаш. Джулия оторвала кусочек картонной упаковки от пиццы и нацарапала свой номер. Леннарт засунул обрывок в нагрудный карман и встал из-за стола.

— Сама только не вздумай ничего предпринимать, — сказал он и серьезно посмотрел на нее.

— Конечно нет, — пообещала Джулия.

— Я когда последний раз проезжал мимо дома Веры Кант, мне показалось, что он вот-вот рухнет.

— Я понимаю, что мне нельзя идти туда одной.

А если Йенс был все же там, один в темноте? Сможет ли она когда-нибудь себе простить, что не пошла туда его искать?

Когда они вышли из полицейского участка, улицы в Марнессе совершенно опустели, окна бутиков — темными, был открыт только один магазинчик возле площади. Воздух оказался холодный. Наверное, было где-то около нуля градусов. Леннарт захлопнул дверь и запер ее.

— Значит, сейчас ты поедешь в Стэнвик? — спросил он.

Джулия кивнула.

— Ну, может, попозже увидимся.

— Может быть. — Джулия сменила тему: — Леннарт, а тебе удалось что-нибудь узнать насчет сандалии?

Леннарт удивленно поднял брови и недоуменно посмотрел на нее:

— К сожалению, нет. Точнее, пока еще нет, я ведь не сам этим занимаюсь. Я ее послал в Линчэпинг, в криминалистическую лабораторию. Ответа пока не было. Да и не могло быть, я свяжусь с ними на будущей неделе. Но заранее тебя предупреждаю: многого ожидать не стоит. Во-первых, прошло слишком много времени, а во-вторых, даже ты не уверена, это та самая или...

— Я понимаю... совершенно не обязательно, что это сандалия моего сына.

Леннарт кивнул:

— Ладно, Джулия, пока.

Он протянул руку. После их откровенного разговора такое прощание показалось Джулии немного формальным и обезличенным, но Джулия не очень привыкла обниматься с малознакомыми людьми и просто пожала руку Леннарта.^[48]

— Пока, спасибо за пиццу.

— Да не за что. Я позвоню после заседания.

Несколько секунд Леннарт продолжал смотреть Джулии в глаза, но что, собственно, он этим хотел сказать, она так и не поняла. Потом Леннарт развернулся и ушел.

Джулия направилась через улицу к машине. Она медленно выехала из центра Марнесса, миновала дом престарелых, где сейчас, наверное, Йерлоф пил вечерний кофе, и потом двинулась дальше — мимо церкви и кладбища.

Интересно, Леннарт Хенриксон женат или холостяк? Джулия не знала, а спросить так и не решилась.

По пути в Стэнвик она размышляла, не слишком ли загрузила Леннарта своими проблемами и переживаниями. Но ей было хорошо оттого, что она выговорилась. А кроме того, появились кое-какие соображения насчет новой теории Йерлофа, о которой он рассказал после поездки в Боргхольм. Насчет того, что убийца Йенса лежит после инсульта в своей шикарной вилле возле Боргхольмской гавани, а убийца участкового Хенрикссона — Нильс Кант — жив-здоров и торгует поблизости машинами. А ведь именно эти гипотезы вместе с ней проверял отец. Конечно, все это выглядело совершенно невероятным, и поверить было, мягко говоря, трудно.

Ну и что? В таких делах стыдиться нечего. Но Джулии казалось, что соображения Йерлофа ни к чему их не привели. Перспектива по-прежнему представлялась туманной.

Нечего ей тут делать, можно ехать домой.

Джулия решила для себя, что поедет обратно в Гётеборг на следующий день. Но сначала надо сходить на похороны Эрнста Адольфссона, потом попрощаться с Йерлофом и Астрид, а после обеда — домой. Там она и попробует изменить образ жизни: пить меньше вина и не злоупотреблять таблетками. Закроет наконец больничный и как можно скорее опять выйдет на работу. Она перестанет цепляться за прошлое и прекратит мыкаться по дорогам, ведущим в никуда. Она станет жить обычной жизнью и будет спокойно смотреть в будущее. Она вполне может вернуться сюда весной, повидаться с Йерлофом. Ну и, может быть, даже с Леннартом.

Сбоку от дороги показался первый дом в Стэнвике, Джулия притормозила. Она остановилась перед домом Йерлофа, вышла из машины в темноту, перерезанную светом автомобильных фар, открыла ворота и въехала во двор. Джулия собиралась переночевать в своей комнате последнюю ночь на острове. Побывать напоследок в окружении хороших и плохих воспоминаний.

Джулия вошла в дом и включила свет. Потом она опять вышла наружу и спустилась вниз, в прибрежный домик, взять зубную щетку и остальные вещи, которые там оставила, включая бутылки с вином, привезенные из Гётеборга, и, против своих собственных ожиданий, даже не откупорила.

Ее как магнитом тянуло к дому Веры Кант, чернеющему слева от нее, но Джулия героически шла по дороге, даже не поворачивая головы. Она посмотрела только на освещенные окна дома Астрид Линдер и туда, где был дом Иона Хагмана, и пошла дальше, к прибрежному домику.

Джулия собрала вещи, а потом вдруг заметила старую газовую лампу, которая традиционно висела в окне.^[49] После недолгих колебаний Джулия сняла лампу с крючка и прихватила ее с собой в верхний дом, на всякий случай.

На обратном пути она все же не удержалась и посмотрела на дом Веры, полузакрытый кронами разросшихся деревьев, здоровенный, темный и мрачный. Ничего похожего на свет там не было.

Джулия припомнила слова Леннарта: «Мы там никогда не искали».

И что действительно полиции было там делать? С какой стати можно было подозревать Веру Кант в том, что она похитила Йенса?

А если, Нильс Кант прятался там, в доме? Если Вера скрывала сына,

если Йенс вышел на дорогу в тумане, когда пошел к морю, остановился возле калитки Веры Кант, открыл ее и вошел внутрь?..

Нет, это все надумано.

Джулия подошла к дому. Она включила отопление и зажгла свет во всех комнатах, потом достала бутылку вина из сумки и в честь своего последнего вечера на Эланде открыла ее и налила полный бокал красного вина. Джулия выпила залпом и тут же налила следующий и отнесла в гостиную. Теплая волна распространилась по телу.

Если Леннарт рано закончит свои дела в Марнессе и потом позвонит... и тогда Джулия попросит его приехать сюда. А согласится ли он идти в дом, где вырос убийца его отца, хотя бы даже и ненадолго?

Это было какое-то болезненное наваждение, навверное, передавшееся Джулии от Йерлофа: она непрестанно думала о Нильсе Канте.

Гётеборг, август 1945 года

Первое лето после окончания мировой войны выдалось светлым, теплым и преисполненным радостных ожиданий. В Гётеборге, большом, почти столичном городе, наступали новые времена, шло большое строительство — сносили старые деревянные дома. Бродя по городу, Нильс Кант повсюду видел бульдозеры и экскаваторы.

«Мир на земле», — читал Нильс на уже слегка пожелтевших плакатах на стенах домов в центре города. Был август. Через несколько дней Нильс купил «Гётеборг-постен» и прочитал заголовок на первой странице: «Атомная бомба. Сенсационная веха в истории человечества». Японии пришлось капитулировать, американская атомная бомба положила войне конец. «Должно быть, действительно мощная штуковина эта бомба, если она целый город разворотила», — говорили люди в трамвае. Но когда он сам посмотрел на фотографию в газете, на облако чуть ли не до неба, он почему-то совершенно неожиданно вспомнил навозную муху, ползущую по руке мертвого солдата.

Лично для Нильса мир не значил ровным счетом ничего. Его по-прежнему разыскивали.

Была вторая половина дня, приближался вечер. Нильс стоял под деревом в маленьком парке на окраине города и смотрел на прыща в костюме, который шел к нему через улицу быстрым шагом.

Нильс и сам был в темном костюме, который приобрел в магазине

подержанной одежды в Хага. Как раз то, что надо: не новый, но и не потрепанный. В другом магазине он купил шляпу и носил ее надвинув на глаза. Нильс перестал бриться и отрастил бороду. Борода была густая, темная. Он сам каждое утро подстригал ее ножницами, стоя перед зеркалом в своей маленькой комнате дома для холостяков в Майорна.

Насколько он знал, имелась только одна его фотография, да и та шести- или семилетней давности. Да и то на групповом школьном снимке. Нильс стоял в заднем ряду, надвинув на глаза кепку. Фотография была не очень четкой, и в общем-то Нильс не знал, есть она у полиции или нет. Но все же на всякий случай изменил внешность.

Улица позади парка подходила к гавани и считалась одной из самых мрачных улиц в Гётеборге, пыльная, замусоренная, с ветхими некрашеными покосившимися домами, сбившимися в кучку, как будто они подпирали друг друга, чтобы не развалиться. Она очень подходила новому бородатому Нильсу Канту, с прилизанными волосами, в подержанном костюме. Хотя Нильс и выглядел бедновато, ничего подозрительного в его внешности не было. По крайней мере, Нильс надеялся, что не похож на преступника.

Многое случилось после его бегства с Эланда, но две вещи стали самыми главными в его новой жизни: быть невидимым и непримечательным.

Нильсу было очень трудно уйти от моря: отсюда, с берега, виднелся его родной остров. Он околачивался вблизи лесопилки дяди Августа до тех пор, пока на третий день не заметил возле конторы полицейскую машину. Нильс снялся с места и пошел на запад. Прямо в самую гущу леса. Он привык к долгим переходам за время своих странствий по пустоши. Нильс легко ориентировался по солнцу и интуитивно чувствовал направление.

Весь июль день за днем он прошагал, перебираясь с места на место, совершенно ничем не выделяясь. Он был одним из многих молодых людей, которые оставили родные места ради больших городов и новых возможностей, появившихся после войны. Нильс не вызывал ни подозрений, ни любопытства. Да, и очень немногие его видели. Нильс избегал дорог, стараясь идти через лес, ел ягоды, пил воду из родников, спал под деревьями или находил какой-нибудь сарай, если шел дождь.

Иногда ему попадались дикие яблони; время от времени Нильс пробирался на крестьянские дворы и крал яйца или молоко. Кула от мамы Веры он доел на третий день.

В Хускварне он провел несколько часов. Нильсу хотелось посмотреть

на город, где был сделан его дробовик, но он так и не сумел найти оружейный завод, а спросить не решился. Хускварна показалась ему почти таким же большим городом, как Кальмар, а соседний Йончёпинг^[50] — еще больше.

Хотя одежда Нильса пропахла потом и лесом, на улицах было слишком много народу, и всем было на все наплевать. Нильс не привлекал внимание.

Он осмелился даже поехать в ресторане и купить новые ботинки. Пара хороших башмаков стоила тридцать одну крону, но деньги у Нильса были, те, что дала его мама, а потом его кассу пополнил еще и дядя Август. Конечно, он потратился, но ботинки являлись вещью совершенно необходимой. И, несмотря ни на что, Нильс позволил себе зайти в кабачок возле железной дороги и заказал большой бифштекс, кружку светлого пива и рюмочку грёнштедтского коньяка. Стоило это все две кроны шестьдесят три эре,^[51] — дорого, конечно, но Нильс считал, что он заслужил это после своего долгого одинокого странствия.

Подкрепившись вкусной едой, Нильс оставил Йончёпинг и пошел дальше на запад через леса Вестергётланда^[52] и дальше. Ему понадобилось несколько недель, чтобы добраться до побережья.^[53]

Гётеборг — второй по величине город в Швеции, — это Нильс выучил еще в школе. Гётеборг оказался огромным: квартал за кварталом высоченных домов на берегах Гёты,^[54] сотни машин на улицах и прорва народу. Сначала Нильс с трудом привыкал к тому, что вокруг него столько людей. Он буквально впадал в панику. Вопреки всем своим инстинктам, ему оказалось очень трудно ориентироваться и он несколько раз заблудился. На улицах, прилегавших к порту, он услышал иностранную речь: там были моряки из Англии, Дании, Норвегии, Голландии. Нильс видел, как корабли отходят от пирса и плывут вдаль, в чужие страны. Или, наоборот, медленно входят в порт, причаливают, и как потом с них выгружают заморские товары. Первый раз в своей жизни он попробовал банан. Он был почти черный и немножко подгнил с одного конца, но все равно вкусный — настоящий банан из Южной Америки.

Все в порту казалось очень большим — даже каким-то гипертрофированно громадным — в сравнении с эландскими гаванями. Ряды кранов, как вымершие доисторические животные, дотягивались до самого неба, попыхивая плотным серым дымком; портовые буксиры вытягивали в открытое море огромные белые атлантические лайнеры. Парусники в Гётеборгском порту были редкостью — сплошь современные

моторные суда.

Нильс приходил сюда, сидел у воды, смотрел на корабли и думал о бананах в Южной Америке. В своей облезлой комнатенке в доме для холостяков он старался появляться как можно реже. Точнее, приходил туда очень поздно, а уходил очень рано. Конечно, там было не так плохо, если сравнивать с ночевками под деревьями, когда его непрерывно жрали комары. Но когда он лежал в кровати, Нильсу все время казалось, что он в тюрьме. Стены давили на его, не давали спать, и ему все время слышались шаги полицейских на лестнице.

Однажды ночью дверь открылась и в комнату вошел участковый Хенриксон. Он был в форме, насквозь пропитавшейся кровью. Призрак поднял руку, указывая на Нильса:

— Ты меня убил, Нильс. Наконец-то я тебя нашел.

Нильс выскочил из кровати, стуча зубами от страха. В комнате никого не было.

Из Гётеборга он послал матери черно-белую открытку с изображением маяка Винга.^[55] Нильс опустил открытку в почтовый ящик и представлял себе, как она через всю страну попадет в Стэнвик. Он не написал ни строчки, а уж тем более обратного адреса. Может быть, конечно, стоило написать, что он свободен, что с ним все в порядке и он на западном побережье. Но Нильс не решился. Он подумал, что открытки с символом Гётеборга будет вполне достаточно.

Прыщ в костюме уже шел по парку, ему было, наверное, столько же лет, сколько и Нильсу. Звали обормота Макс.

В первый раз Нильс увидел его три дня назад, в маленькой кафешке у порта. Макс сидел в углу кафе через два столика. Трудно было его не заметить. Он курил сигареты из золотого портсигара и излишне громко разговаривал с официанткой, владельцем кафе и другими посетителями, демонстрируя свой гётеборгский диалект. Похоже, это был завсегдатай. Все его называли Макс. Время от времени кто-нибудь заходил с улицы в кафе и присаживался за столик Макса. Это были разные люди — молодые, пожилые, но одно у них было общим: все они разговаривали с Максом очень тихо. Как ни странно, самого Макса тогда тоже не было слышно. Да и все эти беседы сводились к быстрому обмену несколькими фразами, после чего посетитель обычно уходил.

Макс чем-то торговал. Это было ясно. Но он ничего не передавал посетителям, поэтому Нильс предположил, что он торгует советами и связями. Так что, около часа понаблюдав за деятельностью Макса, Нильс поднялся, подошел к его столику в углу и сел рядом, не называя своего

имени. При ближайшем рассмотрении оказалось, что Макс намного моложе, чем он сам, даже физиономия еще прыщавая. Но взгляд цепкий, и слушал Нильса он очень внимательно.

Нильс испытывал довольно странное чувство: он даже не был уверен, сможет ли разговаривать с незнакомцем. Практически он по-настоящему ни с кем не говорил, наверное, месяца два. Но все получилось, Нильс сказал, что ему нужен хороший совет и что он просит об услуге. Макс слушал и кивал.

Потом немного подумал и сказал:

— Два дня.

Это было время, нужное ему для того, чтобы выполнить просьбу Нильса.

— Ты получишь двадцать пять крон, — пообещал ему Нильс.

— Тридцать пять звучит намного приятнее, — тут же сказал Макс.

Нильс подумал.

— Тридцать — и баста.

Макс кивнул и наклонился к нему.

— Нам не стоит больше здесь встречаться, — прошептал он. — Мы пересечемся в одном парке... Хороший парк, я туда иногда захожу.

Потом он сказал адрес, встал из-за столика и быстро исчез.

И вот теперь Нильс стоял в парке и ждал. Он пришел заранее, по крайней мере за полчаса до встречи, прошелся кругом, чтобы убедиться, что в парке все спокойно, и отметил для себя два пути отхода, если что-нибудь пойдет не так. Нильс не называл своему новому знакомому своего имени, но почему-то был уверен, что Макс быстро просек, что Нильса разыскивает полиция.

Макс шел прямо к нему, не оглядываясь, и, судя по всему, никаких сигналов никому не подавал. Собственно, Нильс уже в этом убедился, но осторожность никогда не мешает. Он пристально смотрел на Макса, который остановился перед ним.

— «Селеста Хорайзон», — сказал он, — это твой корабль.

Нильс кивнул.

— Она англичанка. — Макс присел на валун между деревьями, достал сигарету из своего шикарного портсигара. — Капитан — датчанин, зовут Петри. Ему вообще-то до лампочки, кто заползет на борт, лишь бы денежку заплатили.

— Тогда, я думаю, договоримся, — ответил Нильс.

— Они сейчас грузят лес. Отваливают через три дня, — сообщил

Макс, выпуская колечко дыма.

— А куда?

— В Восточный Лондон.^[56] Там они разгрузятся и потом отправятся в Южную Африку, в Дурбан,^[57] за углем. После Дурбана — в Сантос, там ты и сможешь сойти на берег.

— Я хочу в Америку, — перебил его Нильс, — в Соединенные Штаты.

Макс пожал плечами:

— Сантос — это в Бразилии, южнее Рио-де-Жанейро. Тоже Америка, хотя и Южная. Найдешь себе там какой-нибудь корабль.

Нильс обдумал его слова. Значит, Сантос, Южная Америка. Ну что, для начала совсем не плохо. Там, на месте, посмотрим, куда отправиться перед тем, как вернуться в Европу.

Нильс кивнул:

— Хорошо.

Макс быстро поднялся и протянул руку.

Нильс отсчитал ему прямо на ладонь пять тяжелых двухкроновых монет.

— Я сначала должен встретиться с этим твоим Петри, — сказал он, — потом получишь остальное. А сейчас объясни, как мне его найти.

Макс усмехнулся:

— Ты у нас будешь бичом.

Нильс непонимающе посмотрел на него, и Макс пришлось разъяснять:

— Ну как тебе сказать, бичи — это в общем-то портовая шваль, они появляются в гавани рано утром и берутся за любую работу. Кто-то работу получает, кто-то нет. Так что завтра рано утрачком ты затешишься к ним и постарайся, чтобы тебя взяли на «Селесту Хорайзон».

Нильс кивнул. Макс ссыпал монеты в карман.

— Меня зовут Макс Реймер, — наконец представился он. — А тебя?

Нильс ничего не ответил. Он ведь заплатил, какие еще могут быть вопросы? Кровь запульсировала у него в голове. Старая болезнь, которая, похоже, медленно, но верно возвращалась к Нильсу.

Макс улыбнулся. Похоже, он ничуть не обиделся.

— Я так думаю, что ты из Смоланда, — сказал он и затушил сигарету. — Говоришь на смоландском диалекте.

Нильс по-прежнему молчал. Он прикидывал, стоит кокнуть Макса или нет. По сравнению с Нильсом Макс был хилый, так проблем бы не возникло. Врезать сейчас по роже, придушить, а потом камешком по

темечку для надежности. А затем где-нибудь тут в парке и закопать. Нильс припомнил, что, кажется, видел подходящее место. А потом? А если кроме Хенрикссона к нему по ночам еще и эта морда прыщавая являться станет? Ну его к черту. Пусть еще побегает.

— Будешь слишком много спрашивать — вычту, — всего лишь позволил себе сказать Нильс, повернулся и пошел в сторону порта.

Леннарт так и не позвонил.

Джулия прождала его несколько часов.

За это время Джулия допила бутылку. С ее опытом это не составило особого труда. Еще раньше она окончательно решила для себя, что обязательно войдет в дом Веры Кант и появится Леннарт или нет особой роли не играло.

Какое-то время Джулия размышляла, стоит ей позвонить Йерлофу и рассказать о своих планах, но пришла к выводу, что не стоит. Убить время было абсолютно нечем. Она везде прибралась, все перемыла, собрала вещи. Джулия не находила себе места. Помимо всего прочего ей стало любопытно.

Темнота и тишина, казалось, наваливаются изнутри на стены дома и давят на нее. Без четверти десять, подогретая вином, Джулия в конце концов решилась.

Она надела еще один свитер, толстые носки, ботинки, потом набросила пальто. В гардеробе в прихожей она нашла старую коричневую вязаную шапочку, натянула ее на уши, а потом вдруг посмотрела в зеркало. Картина была так себе, но Джулии показалось, что после разговора с Леннартом морщин у нее на лице стало меньше.

Может быть, и так, а возможно, все дело в вине.

Джулия положила в карман мобильник, взяла лампу и выключила в доме свет. Теперь она была готова.

Вечер выдался ясным, холодным, ветра совсем не чувствовалось, только шевелящиеся ветки деревьев говорили о том, что он есть. Джулия вышла на дорогу. Темнота сомкнулась вокруг нее, но вдалеке, за проливом, она видела перемигивающиеся огоньки.

Через несколько десятков метров она остановилась и прислушалась. Все замерло. Ни малейшего звука.

Стэнвик казался пустыней, только ее шаги шуршали по траве, когда Джулия пошла к дому Веры Кант.

Перед домом она еще раз остановилась. Когда-то покрашенная белой краской калитка виднелась в темноте и, как обычно, была закрыта. Джулия медленно протянула руку, дотронулась до холодной железной ручки. Она заржавела и поддавалась с трудом.

Джулия нажала еще раз, сильнее. Калитка скрипнула, но не

открылась. В конце концов Джулия поставила лампу на землю, придвинулась вплотную к калитке, взялась за нее обеими руками и стала раскачивать. С противным скрежетом калитка приоткрылась сантиметров на двадцать, но потом напрочь застряла. Но сейчас уже можно было пролезть.

Вино помогло Джулии: она не боялась темноты, точнее, боялась, но не очень.

Вокруг дома росли высокие деревья, поэтому по всему двору громоздились тени. Здесь было намного темнее, чем на дороге. Какое-то время Джулия постояла на месте, чтобы привыкли глаза. Постепенно она стала различать детали вокруг себя. Ступеньки через сад, как обычно на Эланде, выложенные известняковыми плитами, вели куда-то дальше, как будто молчаливо приглашая ее. Круглая заплесневелая крышка колодца, засыпанная листьями, едва заметная в разросшейся траве; по другую сторону колодца стоял длинный деревянный сарай с покосившейся крышей. Больше всего он походил на неудачно поставленную палатку, которую вот-вот сдует ветром.

Джулия осторожно шагнула в темный двор, потом еще раз прислушалась и сделала еще один шаг. Ей было очень трудно решиться двигаться дальше. И тут у нее в кармане заверещал мобильник. Джулия быстренько нашарила в кармане телефон. Ей казалось неимоверно важным, чтобы он перестал пищать как можно скорее, как будто она боялась кого-то побеспокоить или разбудить. Вот он наконец. Джулия нажала на кнопку.

— Алло.

— Алло... Джулия, — услышала она спокойный голос Леннарта.

— Привет, — сказала она и постаралась, чтобы ее голос звучал обыденно. — Ты где?

— Я все еще на заседании, — ответил он, — и мы еще не закончили... На сколько это еще затянется, не знаю. Но потом я собирался ехать домой.

— О'кей, — сказала Джулия и сделала еще два шага вперед, переступая с плиты на плиту. Теперь она видела угол дома Веры Кант. — Хорошо, я понимаю...

— Завтра утром похороны, а мне еще надо пару часов поработать, — продолжал Леннарт, — похоже на то, что я не смогу сегодня приехать в Стэнвик.

— Да ничего, я понимаю, — быстро проговорила Джулия, — мы тогда это дело как-нибудь в другой раз провернем.

— Ты что, не дома? — спросил Леннарт.

В его голосе послышалась некоторая подозрительность, но Джулия с

легкостью, как бывало обычно, когда она врала напропалую, произнесла:

— Да я тут гуляю. Ничего особенного, решила проветриться перед сном.

— А-а... Ну тогда увидимся завтра в церкви.

— Да, я приеду.

— О'кей. Спокойной ночи.

— До скорого. Спокойной ночи.

В трубке щелкнуло, голос Леннарта пропал. Джулия опять была совершенно одна, но сейчас она чувствовала себя намного лучше: она знала — Леннарт не приехал не потому, что не захотел, а потому, что не смог.

Шагов через шесть дорожка перед ней закончилась и началась широкая лестница, тоже каменная. За ней виднелась белая деревянная дверь и застекленная веранда, в которую, судя по всему, какой-то столяр вложил всю свою душу. А потом постарались дождь и ветер.

Вилла вблизи казалась еще больше. Она высилась перед Джулией, как какой-нибудь замок. Чернота оконных проемов заставила Джулию вспомнить о выгоревших средневековых руинах в Боргхольме.

«Ты там, Йенс?»

Но даже темнота не могла скрыть, в каком состоянии был дом. Стекла по обе стороны двери — выбиты, остатки краски лохмотьями свисали с рам. На веранде было темно, как в погребе. Джулия медленно шагнула вперед с последней ступеньки лестницы. Она прислушалась. А почему, собственно говоря, она крадется? И почему почти что шептала, когда разговаривала с Леннартом по телефону?

Она понимала, что это просто глупо — пытаться не шуметь, когда никто тебя не слышит, но вопреки логике продолжала делать это. Она сошла с лестницы и вся сжалась.

Джулия попробовала рассуждать как Йенс, чувствовать как Йенс, представить, что могло бы быть, если бы Йенс пришел сюда в тот день. Итак, он зашел во двор Веры Кант. А набрался бы он смелости подняться по лестнице, подойти к двери и постучать? Кто знает, возможно.

Железная ручка на двери веранды смотрела вниз, как будто бы кто-то держал ее изнутри. «Похоже, что дверь заперта», — подумала Джулия. Она даже не стала пытаться дергать ручку. А потом заметила, что все гораздо проще, чем ей кажется: отсутствовал кусок косяка, и язычок замка держал дверь чисто символически. Так что надо было просто открыть дверь и войти внутрь. Значит, кто-то уже опередил Джулию, и этот кто-то взломал дверь, чтобы войти в дом Веры Кант.

А может быть, это был обыкновенный вор? Они обычно появляются здесь зимой, чтобы пошарить в пустующих во внесезонье домах. Наверняка их мог заинтересовать необитаемый дом, где когда-то жила одна из самых богатых женщин на Эланде.

А может быть, здесь был кто-нибудь еще?

Джулия медленно протянула руку и дотронулась до двери. Дверь не поддавалась. Джулия попыталась понять почему. Когда она посмотрела вниз, то увидела там вбитый клинышек.

Кто-то позаботился о том, чтобы взломанная дверь не качалась на ветру и не привлекала внимание. А зачем это могло понадобиться обыкновенному вору? Стал бы он так поступать?

Нет.

Джулия постучала по клинышку носком ботинка, сначала с одной стороны, потом с другой, затем вытянула. Железные петли недовольно заскрипели, но дверь открылась. Темнота за дверью заставила Джулию еще больше нервничать, но сейчас она не могла просто повернуться и уйти.

Кроме того, оказалось, что и логика может иногда хоть на что-то сгодиться. Джулия поняла, что тот, кто здесь побывал, прикрыл дверь снаружи, а не изнутри, — значит, в доме его уже не было. Если только в доме не имелось другого выхода.

Джулия на цыпочках переступила порог дома Веры Кант. Внутри было так же холодно, как и снаружи, и темно, а воздух совершенно неподвижен, как в какой-нибудь пещере. Джулия ничего не видела, но потом вспомнила, что у нее в руке лампа. Как ни странно, она взяла с собой и спички. Джулия достала коробок, приподняла стекло и зажгла лампу. Сначала появилась широкая тускло-красная полоска, которая по мере того, как лампа разгоралась, превратилась в яркий, почти белый язычок. Джулия опустила стекло. Лампы вполне хватало, чтобы вычертить на пустой веранде светлый, слегка сероватый круг, за которым притаилась темнота.

Она подняла лампу и прошла через веранду к двери внутрь дома. Она была прикрыта, но не заперта. Джулия двинулась дальше.

Прихожая Веры оказалась узкая, длинная; давным-давно выцветшие обои в цветочек на стенах, такая же пустая, как и веранда. Джулия совсем бы не удивилась, увидев здесь стоячую вешалку с пальто и шубами Веры или ряды маленьких дамских туфель. Но здесь ничего не было — только между стенами и потолком плотная, как занавески, паутина.

В прихожей оказалось четыре двери, все закрытые.

Джулия подошла к одной из них, в конце прихожей, и открыла ее.

Она очутилась в крохотной комнатке. Наверное, метр на метр, не

больше, тоже пустой, за исключением нескольких стеклянных банок на полу и плесени. Кладовка.

Джулия аккуратно закрыла за собой дверь и открыла следующую.

Это была кухня Веры, довольно большая. Пол кухни был застелен коричневым линолеумом. В середине комнаты он заканчивался, а дальше начинался полированный камень. Там, на каменном основании, стояла у стены, как какой-нибудь трон, здоровенная железная плита. Прямо напротив — два окна, выходящие на заднюю сторону дома. Джулия подумала, что их дом где-то там, за деревьями, всего в двухстах метрах. От этого ей стало легче. Она почувствовала себя менее одинокой и переступила порог.

Стену слева от нее пересекала узкая деревянная лестница. Ступени круто поднимались вверх, на второй этаж. В пропыленном воздухе чувствовался характерный запах сухой зелени. Кучками на полу лежали дохлые мухи и пыль.

Должно быть, здесь Вера Кант стояла, глядя на булькающие кастрюли, и именно отсюда в тот прекрасный весенний день после войны ее сын Нильс уходил, спрятав в своем рюкзаке обрез.

Обещал ли он ей вернуться?

Под лестницей оказалась полуоткрытая дверь. Когда Джулия подошла ближе и заглянула внутрь, она увидела ступеньки, уходящие вниз и в сторону, — наверное, погреб.

Погреб — вполне подходящее место, с которого стоит начать поиски.

Спрятанное мертвое тело. А может быть, все-таки не стоит? Или стоит?

Джулия все же решилась.

В кармане пальто она чувствовала тяжесть мобильного. Номер Леннарта сохранился в памяти телефона, и она могла позвонить ему в любой момент. Слабое утешение, но лучше, чем ничего.

Джулия пригнулась, чтобы пройти в низкую дверь. Перед собой она держала лампу.

Ступени лестницы были вырублены из толстых пластин дерева. Внизу, у ее начала, виднелся плотно утрамбованный земляной пол. Он влажно поблескивал в свете лампы.

Но что-то было не так.

Джулия спустилась ниже, чтобы разглядеть получше. Она наклонила голову, чтобы не удариться о низкий потолок, и посмотрела вниз.

Пол в погребе был разрыт. Землю у самой лестницы не трогали, но кто-то оставил после себя большие и маленькие ямки вдоль каменных стен

погреб. Джулия заметила лопату, прислоненную к лестнице, как будто бы тот, кто здесь копал, вышел ненадолго перекусить и вот-вот вернется обратно.

Джулия заметила, что пол подвала пересекают высохшие следы сапог.

Вырытая земля была уложена вдоль стен аккуратным валиком. Поодаль стояли два доверху заполненные мешка. Похоже, кто-то работал очень методично и старался перекопать весь погреб. Что здесь происходило? Кто это был? Кому понадобилось перекапывать погреб Веры Кант?

Джулия попятилась. Она поднималась по лестнице так тихо, как только могла. Джулия остановилась в кухне и прислушивалась, затаив дыхание.

По-прежнему ничего, все тихо.

Ей очень хотелось позвонить Леннарту, но она боялась, что кто-то ее услышит или увидит.

Она осторожно вытащила из кармана мобильник. Короткими осторожными шагами она прошла через кухню, одновременно набирая номер Леннарта. Большой палец ее руки замер на кнопке вызова.

Если что-то случится, тогда она нажмет кнопку, если...

Джулия попробовала убедить себя в том, что Йенс сейчас вместе с ней, в этом темном мрачном доме, пусть даже мертвый, убедить себя в том, что он просит ее найти его. Это немного помогло, и Джулия двинулась дальше.

Комки пыли, как испуганные крысы, беззвучно отлетали от ее ботинок и затихали у стен. Линолеум закончился, за ним было каменное основание, на котором стояла плита, Джулия пошла дальше.

Сердце бешено стучало. Она ступила на первую ступеньку лестницы на второй этаж.

Дерево заскрипело под ее весом, но очень тихо, почти неслышно. Правой рукой с зажатым в ней мобильником Джулия придерживалась за перила и стала подниматься вверх, касаясь левым плечом стены. Прочная каменная кладка успокаивала Джулию своей надежностью. Хотя она старалась держать лампу повыше, света все равно явно было недостаточно. Когда под Джулией начинала скрипеть очередная ступенька, она старалась шагнуть на следующую, и как можно быстрее.

Впереди и сзади нее было одинаково темно. На половине лестницы Джулия остановилась, отдышалась и еще раз прислушалась. Потом пошла дальше. Лестница закончилась. Джулия увидела арку и кусочек деревянного пола и осторожно отправилась дальше.

Пройдя через арку, она оказалась в коридоре. Он был такой же узкий,

как и прихожая под ним. По обеим сторонам коридора — закрытые двери. Страх и решимость боролись в ней, и Джулия остановилась.

Левая дверь или правая? Джулия чувствовала, что если она не сделает этот простой выбор прямо сейчас, сию секунду, то потом вообще не сможет сдвинуться с места. Она выбрала левую стену коридора, не понимая почему. Скорее всего, потому, что ей показалось, что там не так темно. Она направилась по коридору, давя пыль и дохлых мух.

На стене она заметила светлые квадраты — следы когда-то висевших здесь картин. Джулия дошла до конца коридора, открыла дверь и приподняла лампу.

Комната перед ней оказалась маленькой, но не совсем пустой, хотя в ней тоже не было никакой мебели. Джулия шагнула через порог и тут же остановилась, потому что увидела что-то темное, лежавшее у единственного окна комнаты.

Она точно знала, что это не человек. Приглядевшись, она поняла, что это мешок, свернутый вроде кокона. Рядом с мешком на стене она обнаружила какие-то бумажки.

Джулия подошла ближе, чтобы рассмотреть получше. Бумажки оказались старыми, пожелтевшими и были пришпилены булавками к обоям. Это оказались вырезки из газет.

«На пустоши найдены убитые немецкие солдаты, тела изрешечены дробью», — прочитала Джулия на одной. На другой было написано: «По всей стране идет охота за убийцей полицейского».

А потом третья, не такая желтая и менее старая: «В Стэнвике бесследно исчез мальчик».

С черно-белой фотографии на третьей вырезке на нее глядел и беспечно улыбался маленький мальчик. Джулия ощутила хорошо знакомое ей отчаяние. Чувство, которое обрушивалось на нее всякий раз, когда она видела фотографии сына. Там еще были и другие заметки, но Джулия не стала их читать. Она посмотрела, нет ли в комнате чего-нибудь еще, и вышла.

Джулия остановилась. Свет от ее лампы упал на дверь с другой стороны коридора. Теперь она оказалась распахнута. Хотя раньше дверь была прикрыта, Джулия это хорошо помнила, а теперь виднелся порог и за ним темнота. И этот пыльный мрак просто оглушал.

Комната не была пустой. Джулия чувствовала, что кто-то там внутри ждет. Старая женщина, сидящая на стуле у окна.

Там была ее спальня, холодная, полная одиночества, ожидания и горечи. Женщине надоело быть одной, кто-то должен был разделить ее

одиночество, но Джулия застыла в коридоре как замороженная.

Оттуда, из темноты, она услышала скребущий звук. Женщина поднялась со стула, и вот теперь она медленно шла к двери. Тяжелые шаги раздавались все ближе...

Надо было опрометью бежать.

Дрогнувший язычок света в лампе привел Джулию в чувства, она быстро повернулась. Скорее отсюда, к лестнице, и вниз.

Ей казалось, что она слышит наверху шаги. Она чувствовала спиной холод старческого тела, причем очень близко.

«Он обманул меня!»

Комок ненависти, яростной, жесткой, как камень, ударил ей в спину. Джулия слепо шагнула в темноту, промахнулась мимо ступеньки, теряя равновесие, замахала руками, выронила мобильник, лампу и рухнула вниз.

До пола кухни оставалось еще три или четыре метра. Она услышала, как об пол ударилась лампа, потом телефон, и успела подумать, что она следующая. Она изо всех сил стиснула зубы, потому что сейчас ей будет больно, очень больно.

В день похорон Эрнста Адольфссона Йерлоф внезапно проснулся в предрассветных сумерках. Йерлофа разбудило ощущение того, что его откуда-то сбрасывают на пол. Все тело болело так, как будто бы это происходило наяву.

Из-за волнения и стресса опять дал о себе знать синдром Шёгрена, и, чтобы попасть на похороны, Йерлофу понадобится инвалидное кресло.

Синдром Шёгрена всегда накатывал совершенно неожиданно, привыкнуть к нему было нельзя. Йерлоф много раз пытался смириться, но ничего не выходило.

После завтрака он констатировал:

— Я опять оказался в детском стульчике.

— Ты скоро встанешь на ноги, Йерлоф.

Мария, которая ухаживала за ним в этот день, поправила маленькую подушку за его спиной, разложила опоры для ног в инвалидном кресле и поставила на них ноги Йерлофа, обутые в лакированные ботинки.

С помощью Марии Йерлоф все-таки сумел облачиться в свой единственный вычищенный и отутюженный черный костюм. Он купил его для похорон, когда умерла его жена Элла. Потом ему пришлось надевать костюм еще раз двадцать — на похороны друзей и родственников, которые покоились здесь же, на Марнесском кладбище.

Он знал, что рано или поздно в этом же самом костюме ему придется последний раз побывать на Марнесском кладбище, но уже не в качестве зрителя, а главного действующего лица.

Йерлоф надел или, точнее говоря, на него надели серое пальто, замотал шею шерстяным шарфом и надвинул на уши кепку. Температура в этот мрачный день в середине октября опустилась ниже нуля.

— Ну как вы, готовы? — спросила Буэль, выглянув из канцелярии. — Сколько вы там пробудете?

Старый привычный вопрос.

— Все зависит от того, в ударе сегодня пастор Хёгстрём или нет, — ответил Йерлоф.

— Мы потом можем разогреть твой обед в микроволновке, — сказала Буэль, — если захочешь.

— Спасибо, — поблагодарил Йерлоф, который сильно сомневался, что похороны Эрнста раззадорят его аппетит.

Он подумал, что Буэль со своей манией все контролировать, наверное, тихо радуется, что Шёгрен свалил Йерлофа и усадил в инвалидное кресло. Теперь присматривать за Йерлофом было сущим пустяком. Но ничего, скоро он опять будет в норме и встанет на ноги, когда чуть-чуть отпустит. Йерлофу необходимо было снова встать на ноги, чтобы найти убийцу Эрнста.

Мария натянула на руки перчатки и взялась за ручки кресла-каталки.

Итак, в путь. Сначала в лифт, потом на улицу, на холод. Вниз по пандусу, а затем дальше, на парковку. Замерзшая земля похрустывала под колесами кресла, когда они свернули на пустую дорогу, ведущую к церкви.

Йерлоф стиснул зубы. Он чувствовал себя совершенно беспомощным. Ничего удивительного: что хорошего, когда тебя кто-то волочит в инвалидном кресле, а ты пытаешься расслабиться и сделать вид, что ничего особенного не происходит.

— Мы не опаздываем? — спросил он.

Вопрос был не праздный. Марии понадобилось много времени, чтобы облачить Йерлофа в костюм.

— Да нет, не очень, — сказала Мария, — слегка. Но это я виновата... Хорошо еще, что церковь недалеко.

— Ну да, здорово экономим на перевозке, — мрачно пошутил Йерлоф.

Мария вежливо посмеялась.

Йерлофа это порадовало: не все помощницы в Марнесском приюте понимали, что главная обязанность молодых — смеяться, когда они, старики, вспоминают о том, что у них есть чувство юмора.

Они подъезжали к церкви. Йерлоф наклонил голову, пытаясь защитить лицо от колючего ветра, налетевшего с пролива. Это тоже была своего рода встреча со старым знакомцем. Настырный и сильный зюйд-вест^[58] очень подходил, чтобы идти бейдвиндом. Тогда он нес корабль почти прямо на север, вдоль шведского побережья, до самого Стокгольма.

Но в такой день, как этот, в море лучше было не выходить: волны будут захлестывать палубу и холод скоро затянет все судно ледяной коркой. Хотя Йерлоф и провел на берегу уже больше тридцати лет, он по-прежнему чувствовал себя капитаном. Ни один моряк не любил выходить в море в такое время.

Когда они катили мимо автобусной остановки, послышался перезвон. Они уже были совсем рядом — в конце дорожки виднелась церковь.

Звон казался каким-то тоскливым, одиноким и разносился по всей округе. Невольно Мария зашагала в такт бою.

В принципе Йерлоф ничего не имел против похорон. Он рассматривал

это как ритуал, дань умершему и тем, кто по нему горюет. Фактически он попрощался с Эрнстом неделю назад, когда они с Йоном и Джулией были в каменоломне. Тоска по другу смешивалась с горем по своей жене Элле, и он понимал, что не забудет ни жену, ни друга, пока жив. И в то же время у Йерлофа появилось неприятное чувство, что душа Эрнста не упокоилась в мире и что он молчаливо ждет, пока Йерлоф соберет все кусочки головоломки, которую Эрнст оставил после своей гибели.

На маленькой площадке перед церковью была припаркована по меньшей мере дюжина машин. Йерлоф поискал глазами красный «форд» Джулии, но не нашел его, однако заметил «вольво» Астрид Линдер и подумал, что они с Джулией приехали вместе.

Шпиль церкви тянулся к серому небу. Белая Марнесская церковь была построена в девятнадцатом веке, почти тысячу лет на этом месте строили церкви. Это была третья. Ее сложили, когда ее средневековая предшественница обветшала.

Они быстро проехали через широкие каменные ворота в церковный двор. Там Мария слегка притормозила. В дверях самой церкви она потянула кресло на себя, приподняв передние колеса, чтобы можно было въехать через низкий порог.

Как только они оказались внутри, Йерлоф тут же снял кепку. У входа было пусто и темно, но дальше стояло много одетых в черное людей. Слышались негромкие разговоры, служба еще не началась.

Многие повернулись и посмотрели на Йерлофа, когда его катили по церкви. Он понимал, каким слабым и беспомощным, наверное, выглядит в глазах людей, и знал, что они правы: он и был слабым и беспомощным. Но на голову он пока не жаловался. У него было такое чувство, что некоторые из присутствующих пришли на похороны только для того, чтобы посмотреть, кто из окружающих окажется в гробу следующим. «Но если вы думаете, что это я, — размышлял Йерлоф, — то развлекайтесь лучше сейчас, веселее не будет». Он обязательно скоро встанет на ноги и будет ходить опять.

В проходе показалась узкая белая рука и помахала ему откуда-то с одной из скамеек впереди. Это была Астрид Линдер. В четвертом ряду оказалось свободное место. Она словно не замечала, что Йерлоф в кресле-каталке.

Мария остановилась. С ее помощью Йерлоф встал из кресла и сел на скамью рядом с Астрид.

— Ты ничего не пропустил, — прошептала Астрид ему на ухо. — Все ужасно тоскливо.

Йерлоф лишь кивнул, он посмотрел еще раз на скамейку и понял, что Джулии там нет.

Мария пристроила кресло-каталку где-то сзади, и тут же разговоры затихли. Под высокими церковными сводами певчий затянул поминальный псалом. Насколько Йерлоф помнил, его исполняли на всех похоронах, на которых он присутствовал. Он слушал музыку и незаметно оглядывался. По большей части сейчас в церкви находились старики — человек сто. Лишь немногим было меньше пятидесяти.

Убийца Эрнста тоже был здесь. Он затаился среди пришедших на похороны, — Йерлоф в этом практически не сомневался.

Рядом с Астрид сидел ее брат Карл, последний начальник Марнесской железнодорожной станции. Потом, когда в середине шестидесятых железную дорогу закрыли, он торговал железом. Сейчас Карл был на пенсии. Рядом с Карлом он увидел Аксея Монссона. Того самого, который отправил в дорогу поезде Нильсом Кантом. В тот день после войны Карл был еще мальчишкой. Он работал на станции посыльным. Он рассказывал Йерлофу, будто видел, как билетерша Маргит позвонила в полицию и шепотом сообщила, что разыскиваемый Нильс Кант только что купил билет до Боргхольма. Карл тогда заметил и участкового Хенрикссона, который появился несколько минут спустя и, несмотря на свое заметное брюшко, резво промчался по перрону, чтобы успеть на поезд, в который сел с подозреваемым.

Наверное, Карл был единственным из живых эландцев, кто видел Нильса Канта вблизи. Но когда однажды Йерлоф спросил, как, собственно, Кант выглядел, Карл в ответ только покачал головой — у него была плохая память на лица.

Дальше на скамейке сидели еще несколько марнесских пенсионеров. Председатель Народного дома Берт Линдгрэн. В свое время он был моряком и в пятидесятых-шестидесятых годах плавал на океанских судах. Рядом с ним — ловец угрей Улоф Хоканссон, дальше — Карл Лундстед, полковник из Кальмара, он поселился на своей даче в Лонгвике, когда вышел на пенсию.

Ничего необычного в том, что пенсионеры переезжали в Марнесс, не было, но в то же время Йерлоф понимал, что здесь стало слишком много стариков. А вот то, что действительно требовалось, — так это новые рабочие места и молодые работники.

Органная музыка затихла. Пастор Оке Хёгстрём, который служил в Марнессе уже лет десять, встал перед усыпанным розами белым гробом. В руках он держал большую Библию в коричневом кожаном переплете. Он

внимательно оглядел сквозь свои круглые очки собравшихся и произнес:

— Мы собрались здесь сегодня для того, чтобы попрощаться с нашим другом каменотесом Эрнстом Адольфссоном... — Пастор сделал паузу, поправил очки и начал службу, произнося вопрос вопросов: — Кто, кроме души в человеке, знает, что есть в человеке?

«Первое послание Павла к коринфянам, глава вторая», — подумал Йерлоф.

— Мы, человеки, так мало знаем друг о друге, — вещал пастор. — И лишь Господь знает все. Он видит все наши горести и печали, и в Его воле дать нам вечное блаженство.

Откуда-то сзади по церкви разнесся старательно приглушаемый кашель.

Йерлоф прикрыл глаза. Он слушал, кивая в такт. Потом пропели псалом 113 про розы. Йерлоф тоже изо всех сил старался подпевать. Потом настал черед общей молитвы, затем фраза из Библии и псалом.

Да, Йерлоф попрощался с Эрнстом еще там, у его дома близ каменоломни. Но, несмотря ни на что, он чувствовал, его горе все усиливается, когда он увидел, как шестеро мужчин встали с места при последних звуках органной музыки и подошли к гробу, чтобы нести его. Среди них был его друг Ёста Энстрём из Боргхольма и Бернхард Колльберг, который много лет держал магазинчик в деревне Сольбю, к югу от Стэнвика, и часто привозил Эрнсту продукты. Остальные были смоландскими родственниками Эрнста.

Йерлоф и сам хотел быть сейчас среди них, чтобы подставить плечо под гроб Эрнста. Но вместо этого ему пришлось, когда все остальные уже поднялись, сидеть и ждать, пока Мария подкатит инвалидное кресло.

— Мне кажется, я сейчас смогу идти сам, — сказал ей Йерлоф. Но она, казалось, его не слышала.

Мария помогла ему опять забраться в каталку, и, когда с этим делом было покончено, Астрид похлопала Марию по плечу.

— Я помогу Йерлофу, — заверила она и решительно взялась за ручки кресла.

Мария с сомнением посмотрела на Астрид, которая была на голову ниже ее и щупленькая, как воробей. Но Йерлоф одобрительно улыбнулся и успокоил ее:

— Все нормально, мы справимся, Мария.

Мария кивнула, и Астрид покатила кресло к двери. Ее брат Карл шел рядом.

— Йон вон там, — сказала она.

Йерлоф повернул голову и увидел, как Йон Хагман и его сын выходят из церкви.

Йерлоф опять застегнул пальто. На церковном дворе было по-прежнему холодно и ветрено. Когда он возился с пуговицами, то почувствовал в кармане что-то плоское. Он вспомнил, что взял с собой бумажник Эрнста. Йерлоф вытащил его из кармана и спросил Астрид:

— Ты мою дочь сегодня видела?

— Сегодня нет, — ответила Астрид. — Но она вроде бы собиралась ехать домой в Гётеборг. Я, когда проезжала мимо, ее машины тоже не заметила.

— Понятно, — произнес Йерлоф.

Значит, все-таки Джулия уехала. Могла бы по крайней мере прийти на похороны и хотя бы позвонить и попрощаться с ним. Но Джулию уже не изменишь. Йерлофу и так повезло: она задержалась на Эланде намного дольше, чем планировала. И хотя они не смогли далеко продвинуться в своем расследовании, ее приезд, как считал Йерлоф, пошел ей на пользу. Ничего, он скоро позвонит ей в Гётеборг.

— Это что, деньги Эрнста? — спросила Астрид.

Йерлоф кивнул.

— Я их должен передать его смоландским родственникам, — объяснил он.

Бумажник и все его содержимое были в полном порядке, за исключением билетика в музей древесины Рамнебю. Он сейчас лежал в письменном столе Йерлофа.

— Ты молодец, Йерлоф, — похвалила Астрид.

— Всему свое место, — сказал он, — ничего нельзя оставлять на потом.

Они медленно катили вперед мимо хорошо знакомых надгробий. Здесь была похоронена Элла. Ее могильный камень был красивый, большой. Там имелось достаточно места для того, чтобы вырезать потом ниже имя самого Йерлофа.

Свежевыкопанная могила Эрнста была в одном ряду с захоронениями других жителей Стэнвика. Люди стояли вокруг нее полукругом, и Астрид, раздвигая их коляской, подвезла Йерлофа поближе. Он сидел и смотрел на глубокую яму в земле прямо перед каталкой. Земля была черная, холодная. И если в нее упадешь, то уже наверняка никогда не выберешься. У него не было ни малейшего желания оказаться там, как бы ни донимал его Шёгрэн.

Шестеро несших гроб остановились у могилы и потом осторожно начали опускать его в землю. Йерлоф посмотрел по сторонам и заметил

еще несколько знакомых лиц. Бенгт Нюберг, журналист из «Эландс-постен», стоял по другую сторону могилы. Но на этот раз без камеры. Йерлоф попробовал вспомнить, как долго он живет в Марнессе и работает в газете. Выходило, что лет пятнадцать или двадцать. Как и многие другие, Нюберг переехал на Эланд с материка. Рядом с ним стоял Эрьян Гранфорс. У него как-то, вспомнил Йерлоф, со двора пропали коровы. Эрьян тоже пришел отдать последнюю дань уважения Эрнсту.

Рядом с Гранфорсом под руку стояла пара Линда и Гуннар Лунгер, владельцы отеля в Лонгвике. Они вполголоса о чем-то разговаривали. Возможно, затевали какое-нибудь новое строительство для отдыхающих. Рядом с Лунгерами стоял Леннарт Хенрикссон, полицейский. Сегодня он надел черный костюм, а не форму.

Йерлоф опять посмотрел на могилу. Что хотел от него Эрнст? Что ему еще надо сделать? Когда этой осенью Эрнст приехал навестить Йерлофа, он несколько раз заговаривал о Нильсе Канте и маленьком Йенсе. Как будто обе тайны прорисовались и прояснились у него в голове, и он был близок к разгадке, как никто другой.

Со временем Йерлоф приучил себя к мысли, что Йенс бесследно исчез, так же как привык к потере Эллы.

Эрнст приехал в Марнесский приют, чтобы поговорить с Йерлофом, в начале сентября. Он тогда привез с собой тяжелую книгу в красивом переплете.

— Она тебе раньше попадалась, Йерлоф? — спросил Эрнст.

Йерлоф тогда покачал головой и наклонился посмотреть. Это была юбилейная книга о фирме «Торговые перевозки Мальма». Йерлоф прочитал в «Эландс-постен», что книга вышла месяцем раньше, но он ее еще не читал.

— Ты же вроде знаешь Мартина Мальма, — сказал Эрнст. — Здесь его старая фотография конца пятидесятых, он тут на семейной лесопилке Кантов.

— Я не настолько хорошо знаю Мартина, — ответил Йерлоф и с интересом взял в руки книгу. — Мы по большей части в портах встречались, когда были капитанами.

— А потом, после того как остались на берегу?

— Довольно редко: три, может быть, четыре раза. На встречах бывших капитанов во время праздничных ужинов.

— Ужинов? — удивился Эрнст.

— Ну да, в Боргхольме.

— А ты знаешь, откуда Мартин взял деньги на свой первый океанский

корабль? — задал вопрос Эрнст.

— Нет... не знаю, понятия не имею. Потом, семья, родственники?!

— Да, но не его семья и не его родственники. Деньги дали Канты.

— Это что, в книге написано? — спросил Йерлоф.

— Нет, я об этом слышал, — объяснил Эрнст. — Посмотри на эту фотографию: Август Кант стоит и обнимает Мартина. Ничего не замечаешь?

— Да нет, — сказал Йерлоф.

Странно, но так и было. На снимке директор Август Кант с мрачным, серьезным лицом стоял, положив руку на плечо не менее мрачного Мартина Мальма. Интересная фотография, даже скорее странноватая.

Эрнст тогда не захотел больше говорить, но он наверняка, знал что-то еще. Просто решил не рассказывать. Что-то он такое увидел или услышал, что натолкнуло его на новые мысли. Поэтому, наверное, он и поехал в музей в Рамнебю и что-то там искал, но с Йерлофом не поделился. И через несколько недель после этого у него была назначена в каменоломне встреча с каким-то загадочным человеком. Может быть, из-за того, что Эрнст сумел раскопать что-то важное, о чем, к сожалению, Йерлоф не имел ни малейшего понятия.

— Ты не хочешь сказать ему последнее прощай, Йерлоф?

Вопрос Астрид оторвал Йерлофа от мыслей, не дававших ему покоя. Он покачал головой.

— Нет, я уже попрощался, — ответил он.

Последние розы были брошены на крышку гроба Эрнста. Похороны завершились. Гости пошли к дому собраний рядом с церковью, чтобы помянуть усопшего.

— Тебе сейчас не помешает кофейку попить, — сказала Астрид.

Она откатила кресло от могилы, развернула, и они поехали по дорожке. Несмотря на то что Шёгрен все еще давал о себе знать, Йерлоф все же повернул голову, посмотрел через кладбище на дальнюю могилу у самой стены.

На могилу Нильса Канта.

Кто же в ней лежит на самом деле?

Пуэрто-Лимон, октябрь 1955 года

Город у воды. Темный, шумный, пропахший гнилью и собачьей мочой.

Нильс Кант повернулся к нему спиной. Он сидел за шатким столом на веранде портового кабака «Каса Гранде». Перед ним стояла бутылка вина, и он смотрел на море. Карибское море возле берегов Коста-Рики. Вонь от гниющих водорослей оказалась ничуть не лучше смрада на узких улицах города, здесь по крайней мере море — дорога отсюда.

Днем он часто приходил на пирс и наблюдал за переливающимися в лучах солнца волнами. Море — это дорога в Швецию. Если будет достаточно денег, то море приведет Нильса домой.

За это стоило выпить. Он поднял кружку и сделал большой глоток терпкого красного вина, чтобы забыть обо всех препятствиях, которые выстроились между ним и домом. Деньги у него почти закончились. Два дня в неделю он грузил бананы и масло в гавани, но того, что он за это получал, хватало на еду и жилье. Ему бы надо было работать больше, но он не очень хорошо себя чувствовал.

— *Estoy enfermo,*^[59] — бормотал он, глядя в ночь.

У Нильса часто болел живот и разламывалась голова, руки дрожали.

Сколько кружек он выпил здесь, на веранде «Каса Гранде», за Швецию, за Эланд, за Стэнвик и за свою мать Веру. Невозможно сосчитать. Этот вечер в баре был таким же, как все другие. За одним лишь исключением: сегодня Нильсу исполнилось тридцать. Но в общем-то праздновать ему было особенно нечего. Он это знал и поэтому чувствовал себя от этого еще хуже.

— *Quiero regresar a casa,*^[60] — шептал он в темноте.

Постепенно он научился говорить по-испански и немного по-английски.

Нильс находился в бегах уже больше десяти лет, если считать с того самого момента, когда он пробрался на борт грузовоза «Селеста Хорайзон» в Гётеборгском порту первым послевоенным летом. На борту судна он забрался в чулан, тесный как гроб, если только бывают гробы из стали.

С тех пор ему несколько раз доводилось плавать до берегов Южной Америки на старых грузовых судах. Но «Селеста» оказалась чем-то особенным: хуже корабля Нильсу не попадалось. Казалось, на корабле не было ни одного сухого места: пропиталось влагой и морской солью, повсюду — вода, отчего все покрылось ржавчиной. Вода плескалась под ногами, капала сверху. Больше месяца Нильс не видел света, потому что его чулан был ниже ватерлинии.^[61] Он почти оглох от ударов волн, сотрясавших весь корабль.

Двигатели грохотали круглые сутки. Нильс лежал на полу чулана

полумертвый от морской болезни, и часто перед ним являлся участковый Хенриксон. Он молча стоял рядом с ним, черная кровь текла из его развороченной груди. Тогда Нильс закрывал глаза и хотел только одного: чтобы корабль налетел на мину. Хотя война закончилась, но в море было полно мин. Капитан Петри несколько раз напоминал об этом Нильсу. Он также не забыл сказать о том, что если корабль пойдет ко дну, то Нильс будет последним, кто войдет в спасательную шлюпку.

Во время погрузки в Англии ему пришлось безвылазно торчать в своем чулане две недели. Он почти сошел с ума от одиночества, пока в конце концов они не вышли в Атлантику.

В море рядом с Бразилией Нильс видел альбатроса. Огромная птица свободно и беспечно кругами парила вокруг корабля. Нильс счел это хорошим знаком и решил пожить какое-то время в Бразилии. Он без сожаления оставил «Селесту Хорайзон» и психа капитана Петри.

В гавани Сантоса он первый раз увидел бомжей. Их вид наполнил все существо Нильса ужасом. Не успела «Селеста Хорайзон» причалить, как они уже толпились на пирсе. Они брели неверными шагами, все в лохмотьях, с пустыми взглядами.

— Бомжи, — сказал шведский моряк с презрением — он стоял у релингов рядом с Нильсом — и добавил: — Если будут слишком близко подходить, бросай в них углем.

Бомжи были отбросами общества. Бывшие моряки из Европы, которые, оказавшись на берегу, ушли в запой. А их корабли отчалили без них. Или их списали с судна и оставили на суше.

Нильс не был бомжем, он мог себе позволить жить в гостинице. Он пробыл в Сантосе несколько месяцев. Он пил вино в барах — роскошь, бомжам совершенно недоступная, бродил по белоснежным пляжам за городом, учился испанскому и португальскому. Но говорил редко, только по необходимости. Он немного похудел, но по-прежнему выглядел внушительно. Его даже ни разу не пробовали ограбить. И Нильс постоянно тосковал по дому, по Эланду. Каждый месяц он посылал открытку без обратного адреса матери, чтобы она знала, что с ним все в порядке.

На испанском торговом судне он отправился дальше, в Рио. Там было больше людей, больше нищих, больше богатых, больше жирных тараканов и больше бомжей, причем и в порту, и на пляжах. И все повторилось опять. Он бродил без цели, тосковал по дому, пил вино и в конце концов оказался на другом корабле просто, чтобы убраться оттуда. В качестве платы ему пришлось драить палубу и мыть на борту посуду.

Город за городом складывались в длинный ряд: Буэна-Вентура, Ла-

Плата, Вальпараису, Канарал, Панама, Сан-Мартин. Там было полно французов и голландцев. А в Гаване на Кубе — американцев. И каждый последующий город оказывался ничем не лучше того, который остался позади.

Как только Нильс оказывался в новом месте, он тут же слал открытку матери. Он ничего не писал, но все же Вера могла понять, что Нильс жив и думает о ней. Нильс старался вести упорядоченную жизнь: не тратил деньги на женщин и обходился без скандалов и драк.

Он хотел добраться до Соединенных Штатов и получил место на французском корабле, который плыл в развеселую Луизиану. Улицы Нового Орлеана были освещены теплым золотистым светом из баров. Но он не мог оставаться в Америке, потому что у него не было шведского паспорта. Конечно, если заплатить, то проблема бы решилась. Но у Нильса не было такой возможности. Он опять сел на корабль и поплыл обратно, на юг.

Мысль о возвращении в Южную Америку не очень его радовала, и перебираться через границу там тоже становилось все труднее. Поэтому он сошел на берег в Коста-Рике, в портовом городе Лимон, и остался там.

Он прожил в Лимоне больше шести лет. Город между морем и джунглями. В парящем тропическом лесу за городом находились банановые плантации. Там росли азалии, большие, как яблони, но Нильс туда не ходил. Ему не нравилось, он тосковал по пустоши. Джунгли пахли как старая компостная куча и душили его, а прямые улицы Лимона при каждом дожде заливало, и они превращались в клоаку.

Дни, недели, месяцы неслись чередой, нанизываясь друг на друга.

После того как Нильс прожил в Лимоне год, он в первый раз написал матери настоящее письмо, в котором немного рассказал о том, что с ним случилось, и дал ей свой адрес.

Пришел ответ и немного денег. Нильс написал снова. Он умолял мать помочь: попросить дядю Августа. Нильс хотел вернуться обратно. Он пробыл вдали от Эланда больше десяти лет. Какое наказание может быть хуже? Если кто-то и мог переправить Нильса домой, так это был дядя Август. У его матери Веры имелся характер и сила воли, но она никогда не смогла бы сама организовать его возвращение.

Прошло время, и вот теперь Нильс сидел с конвертом на столе рядом с кружкой вина. На конверте черными чернилами был написан его адрес в Лимоне и шведская почтовая марка в сорок эре. Письмо было отправлено из Швеции три недели назад. Там имелся чек на двести долларов. Нильс перечитывал письмо снова и снова.

Оно оказалось от дяди Августа из Рамнебю в Смоланде. Он услышал

от своей сестры Веры, что Нильс в Латинской Америке и что он хочет домой.

«Ты не можешь вернуться домой, Нильс, никогда».

Так написал дядя Август. Эта фраза все время стояла у Нильса перед глазами. Письмо короткое, всего одна страница. По сути, там было несколько вежливых, ничего не значащих фраз и то, самое короткое, предложение, которое Нильс перечитывал снова и снова: *«Ты не можешь вернуться домой, Нильс, никогда»*.

Нильс пытался забыть эти слова, но у него не получалось.

Он посмотрел на них еще и еще раз, казалось, что участковой Хенриксон стоит у него за спиной и улыбается, повторяя: «Никогда, Нильс».

Он налил себе в кружку красного вина. Комары, здоровенные, как шведская монета в одну крону, зудели над пляжем, блестящий таракан полз по деревянному полу. Из темноты возле бара слышался громкий смех, на грязных улицах города трещали мотоциклы — тишины в Лимоне не бывало. Нильс, закрыв глаза, пил. Мир кружился перед ним, он был болен.

— *Quiero regresar a casa*, — шептал он в темноте.

Никогда.

Нильсу исполнилось всего тридцать, он еще был молодой. Он решил, что не должен слушать дядю Августа, а вместо этого еще раз написать матери, просить ее, умолять — она о нем позаботится.

«Ты можешь вернуться домой, Нильс» — это те слова, которые он ожидал увидеть в письме матери. И он надеялся, что так оно и будет.

Йерлоф восседал в кресле-каталке, они ехали через кладбище. Йерлоф размышлял. Судя по всему, Эрнст что-то подозревал и у него с кем-то была назначена встреча. Но Эрнст умер. Что же он все-таки раскопал?

Что это была за встреча? Деньги? Но Эрнст никогда особенно деньгами не интересовался, по крайней мере насколько известно Йерлофу. Он был вполне доволен своей работой в каменоломне. Денег от продажи скульптур туристам хватало и на еду, и на содержание дома, он сумел даже кое-что подкопить.

Что же все-таки произошло? И почему Эрнст не захотел рассказывать Йерлофу о своей новой теории об исчезновении Йенса?

И еще вот это: скульптура, которую он вырезал и назвал камнем Канта. Что он хотел этим сказать, что это означало?

Йерлоф до бесконечности мог ломать себе голову и пытаться ответить на эти вопросы, но все его раздумья шли по одному и тому же замкнутому кругу. Но все же он поймал себя на том, что все время исходит из одной и той же предпосылки: Нильс Кант жив, он каким-то образом сумел инсценировать свою смерть, а на самом деле благополучно вернулся в Швецию под другим именем. Так, по крайней мере, думал Йерлоф. И в этом случае любой, кто пытался докопаться до правды, был для Канта опасен.

— Ты готов, Йерлоф? — спросила Астрид, когда они подъехали к дому для собраний. — Он кивнул. — Ну, тогда заезжаем, — сказала она, крепче ухватившись за ручки, чтобы вкатить Йерлофа наверх по пандусу.

Часть людей уже разъехалась, но все же внутри было не протолкнуться. Многие спрашивали Йерлофа, как он себя чувствует, но после третьего по счету участливого вопроса Йерлоф опустил ноги на пол и заставил себя встать. Он хотел показать всем, что, несмотря на боли, может ходить. Что он не инвалид.

Астрид откатила кресло-каталку в сторону. Йерлоф стоял, опираясь на палку, и разговаривал со знакомыми. Слава богу, что Ёста Энгстрём из Боргхольма не был озабочен здоровьем Йерлофа, а еще лучше то, что Маргит не наблюдалось поблизости, когда Йерлофа вдруг качнуло и он едва устоял на ногах. Они неспешно разговаривали о событиях этой осени, и в конце Йерлоф рассказал, что думает о смерти Эрнста.

— Ты что, хочешь сказать, что это не несчастный случай? — спросил

Ёста.

Йерлоф покачал головой.

— Так тогда получается... Это что, убийство?

— Его кто-то толкнул в каменоломню, да еще и скульптуру сверху сбросил, — разъяснил Йерлоф. — И я, и Ион — мы оба так думаем.

Йерлоф боялся, что его поднимут на смех, но Ёста воспринял все совершенно серьезно.

— И кто же такое мог сделать? — спросил он.

Йерлоф опять покачал головой:

— Хороший вопрос.

В этот момент подошла поздороваться Маргит Энгстрём. Они пожали друг другу руку, и он медленно побрел дальше.

Он остановился рядом с Бенгтом Ньюбергом из «Эландс-постен», который, как обычно, пытался выудить какие-нибудь новости.

— Сейчас, как я слышал, в Марнесском приюте не хватает персонала. Это верно? Вы довольны обслуживанием?

Что на это можно было ответить? Йерлоф поймал себя на мысли, что все из присутствующих чего-то от него хотят. Не успел он подойти к накрытому столу, как его перехватил Гуннар Лунгер из Лонгвика. Он приехал на похороны с женой. Как обычно, он сразу приступил к делу.

— Мне еще шесть надо, Йерлоф, — сказал владелец отеля. — Тебе дочь не говорила? Она была у нас на днях в гостинице в Лонгвике. Я ее попросил передать тебе привет и еще шесть штук заказал.

Понятное дело, речь шла о моделях парусников в бутылках.

— А полок-то хватит? — спросил Йерлоф.

— Ничего, новые повесим, — быстро ответил Гуннар. — А вообще я их планировал в окнах поставить, в новой части ресторана.

Он вытащил из кармана блокнот и ручку с рекламной надписью «Лонгвик: отличные цены и прекрасный отдых», написал несколько цифр, вырвал листок и протянул его Йерлофу.

— Вот цены, за каждый корабль.

Йерлоф посмотрел на листок. Он не испытывал бурной радости оттого, что ему приходится иметь дело с заселившимся в Лонгвике семейством Лунгер. Это являлось чистой воды эксплуатацией трудящихся, но четырехзначная цифра сулила достаточно денег на содержание домов в Стэнвике по крайней мере в течение года.

— У меня готово два корабля, — произнес он тихо, — остальные я сделаю... Наверное, к весне закончу.

— Хорошо, меня устраивает, я их покупаю. Приезжай как-нибудь к

нам, в Лонгвик, пообедать.

Гуннар пожал Йерлофу руку, его жена Линда улыбнулась, и они пошли дальше. Наконец Йерлоф смог подойти к возделенному столу с горячим кофе и поесть морковного пирога.

Там уже стояли Астрид и Карл. Йерлоф осторожно сел и получил свой кофе, там он увидел, как с другой стороны прямо напротив него за стол садится Леннарт Хенриксон.

— Ну вот, все закончилось, — обратился полицейский к Йерлофу.

Йерлоф кивнул.

— Но легче, конечно, не стало.

— Да, точно. А твоя дочь... она здесь?

— Нет, она в Гётеборг уехала.

— Когда, вчера?

Йерлоф мотнул головой:

— Нет, думаю, сегодня утром.

Леннарт посмотрел на него и спросил:

— А она разве не заезжала с тобой попрощаться?

— Нет, но меня это не особенно удивляет.

Он мог бы еще добавить, что они с Джулией не имели счастья быть особенно близки друг к другу — и раньше, и сейчас, в ее нынешний приезд на Эланд. Но Йерлоф был почти уверен, что Леннарт это и сам вычислит.

Леннарт помолчал, глядя на свою кофейную чашку, у него на лбу появилась озабоченная морщинка, пальцами он барабанил по столу.

Потом он посмотрел на Йерлофа:

— Но ты абсолютно уверен, что она уехала?

— Астрид мне сказала, что машины Джулии во дворе не было.

Астрид кивнула в подтверждение:

— Да, пусто. Машины я не видела, и дом на берегу закрыт. Ты знаешь, где это, Карл?

Брат Астрид кивнул.

— Ну а с тобой она попрощалась? — спросил Леннарт.

Йерлоф никак не мог понять, что это он так забеспокоился.

— Ну как сказать, — ответила Астрид, — на такие вещи часто времени не хватает...

— Я должен ей позвонить, — быстро сказал Леннарт. — Как ты думаешь, Йерлоф?

— Само собой. У тебя что, к ней какое-то дело?

— Да нет, — ответил Леннарт и достал мобильник.

— У тебя есть ее номер? — спросил Йерлоф.

— Да, — заверил Леннарт, нажимая кнопки на своем телефоне. — Я только хочу узнать, где она. Она мне сказала, что хотела, может быть...

Он замолчал и прижал телефон к уху.

— Мобильники для меня — полная загадка, — прошептала Астрид Йерлофу. — Как они вообще работать могут.

— Понятия не имею, — ответил Йерлоф и обратился к Леннарту: — Ну что там?

Леннарт закрыл телефон.

— Абонент недоступен, там только автоответчик. — Он посмотрел на Йерлофа и добавил: — Но, может быть, телефон просто выключен... Ну, чтобы не беспокоили.

— Наверняка Джулия так и сделала, — согласился Йерлоф. — Она сейчас едет по Смоланду.

Леннарт медленно кивнул, но казалось, что он не вполне удовлетворен ответом. Он еще побарабанил пальцами по столу, потом поднялся.

— Вы уж меня извините. Я... мне надо ехать. Я должен проверить одну вещь.

Он взял свою чашку и встал из-за стола, Йерлоф посмотрел ему вслед. Леннарт торопливо шел к выходу. Что же за такие общие дела, о которых он ничего не знает, появились у его дочери и Хенрикссона? Но в это время по всему залу послышалось побрякивание чашек, которые аккуратно ставили на блюдца, по полу скрипнул стул, и кто-то встал.

К своему удивлению, Йерлоф увидел, что это был Йон Хагман. Они оба: и он, и его сын Андерс — выглядели очень непривычно в черных костюмах.

Йон откашлялся, его лицо было красным от волнения, пальцы нервно теребили пиджак. Потом он начал поминальную речь.

— Да... — начал он. — Я... мне раньше не доводилось... Я вообще-то не очень... Я хотел только сказать кое-что про моего и вашего друга Адольфссона и про наш Стэнвик. Теперь там станет еще тише и еще темнее...

Примерно через час Йерлоф вернулся в Марнесский приют — его подбросили Маргит и Ёста — и смог отдышаться. Буэль, как и обещала, подогрела ему обед. В пустом обеденном зале на одном из столов Йерлоф заметил «Эландс-постен». Он прочитал заголовок на первой полосе: «Пропавший старик найден мертвым».

Ну вот, еще одна печальная новость. В статье говорилось, что старик, который вышел погулять из своего дома на юге Эланда неделю назад, был найден в кустах на пустоши. Он замерз до смерти.

Газета сообщала, что у полиции нет никаких оснований подозревать какой-либо злой умысел. Старик был плох и впал в маразм, он заблудился менее чем в километре от деревни, где прожил всю свою жизнь.

Йерлоф не знал покойника, но все же почему-то это известие показалось ему дурным знаком.

После обеда он сидел в своей комнате, попивая кофе, и вышел только к ужину. На ужин были эландские крупяные драники, но явно недосоленные, и мяса в них оказалось маловато — и в подметки не годились тем, что обязательно, хотя бы раз в месяц, готовила ему покойная Элла. Но Йерлоф все-таки съел их.

— После того как я ушла, все было нормально? — спросила Йерлофа Мария, накладывая ему на тарелку драники.

— Ну да, — ответил Йерлоф.

— Значит, Эрнст Адольфссон теперь в земле? — скорее не спросила, а констатировала Майя Ньюман, сидевшая по другую сторону стола.

Йерлоф подумал о том, что она вообще-то тоже из Стэнвика, хотя и не жила там лет сорок. Он кивнул:

— Да, теперь Эрнст покоится рядом с церковью.

Он взял вилку и начал есть и, как обычно, поблагодарил Господа за то, что у него здоровые зубы и даже вроде паршивец Шёгрэн, кажется, угомонился.

— А гроб был красивый? — спросила Майя.

— Да, очень. Белый, деревянный, полированный такой.

— А мне бы хотелось себе из красного дерева, — протянула Майя, — если, конечно, он не слишком дорогой... А если не из красного дерева, тогда все равно какой — можно и в дешевом, а потом кремировать.

Йерлоф вежливо кивнул и тотчас поперхнулся драниками, и только он было собрался заметить, что кремация, конечно, дело хорошее... как кто-то дотронулся до его плеча. Это Буэль.

— Тебя к телефону, Йерлоф, — тихо сказала она.

Он повернул голову:

— Что, прямо посреди ужина?

— Да, это очевидно важно. Леннарт Хенрикссон звонит... из полиции.

Йерлоф внезапно почувствовал озноб, студёный ком, вслед за которым всегда приходил Шёгрэн, чтобы мучить его кости. Стресс всегда провоцировал приступы ревматизма.

— Я сейчас подойду, — ответил он.

Джулия. Почти наверняка это насчет Джулии — должно быть, плохие новости. Йерлоф медленно поднялся.

— Ты можешь поговорить по телефону на кухне, — сказала Буэль.

Он пошел туда, налегая на палку. В кухне было пусто, красный пластмассовый телефон висел на стене. Йерлоф снял трубку.

— Давидссон, — ответил он.

— Йерлоф... это Леннарт. — Ни малейшего веселья в голосе Леннарта не слышалось.

— Что, что-нибудь случилось? — спросил Йерлоф, хотя заранее был уверен в ответе.

— Да, Джулия... Она не уехала в Гётеборг.

— А где она? — Йерлоф затаил дыхание.

— Там, в Боргхольме, в больнице.

— Насколько все плохо?

— Паршиво, но могло быть еще хуже. Она сильно побилась, ей наложили гипс... Я туда сегодня вечером съезжу и заберу ее.

— А что случилось? — спросил Йерлоф. — Куда ее понесло?

Леннарт помедлил, вздохнул и сказал:

— Она вчера вечером вошла в дом Веры Кант и упала со второго этажа. Да нет, ты не пугайся, по лестнице. Она была немного... ну, как тебе сказать, взволнована. Джулия утверждает, что в доме кто-то есть — там живет Нильс Кант.

Джулия очнулась от сна от странного звука — неподалеку что-то скрежетало. Еще через несколько секунд она более или менее очухалась и вспомнила, что она в Стэнвике, в особняке Веры Кант.

Она замерзла. От боли Джулия чувствовала себя вялой и обессиленной. Ночь, проведенная на полу, показалась очень долгой. Время от времени она впадала в забытие и видела последнее лето с Йенсом, когда солнце не переставая светило над Эландом и осень казалась бесконечно далекой.

Потом она увидела пыльный грязный пол веранды и поняла, что наступил день.

Около входной двери опять послышался скрежет, потом она открылась. Кто-то громко позвал:

— Джулия!

Эхо гулко отскочило от потолка.

Чьи-то руки приподняли ее голову и подложили под шею свернутую куртку или свитер.

— Ты меня слышишь, Джулия? Очнись.

Она повернула свое разбитое лицо к потолку. Джулия видела только левым глазом, правый не открывался.

Это был успокаивающий голос Леннарта. Она узнала его прежде, чем разглядела. Раньше она видела его только в форме, а сейчас Леннарт был в черном костюме и сверкающих ботинках. Она заметила на них сухие листья со двора Веры Кант. Но Леннарта, похоже, это ничуть не занимало.

— Я тебя слышу, — ответила Джулия.

— Хорошо, — сказал Леннарт устало, без намека на раздражение. — Тогда доброе утро.

— Я сюда вошла и здесь... упала с лестницы, — начала объяснять Джулия слабым голосом и приподняла голову. — Это было глупо.

— Йерлоф сказал, что ты уехала домой, — начал объяснять Леннарт, — а я подумал, что ты могла пойти сюда.

Джулия лежала на веранде. Ночью она смогла доползти до нее после того, как очнулась на полу кухни среди обломков мобильного телефона и лампы. Ей повезло: горючее из разбитой лампы растеклось и загорелось, но попало на каменную плиту, и пожар не начался.

Когда она попробовала подняться, у нее ничего не получилось: правая

нога болела так, как будто бы кто-то воткнул в нее раскаленную спицу. Тогда она начала медленно ползти к двери, хотя бы лишь для того, чтобы выбраться из кухни. Она доползла до темной веранды и еще раз попробовала подняться; она слышала, как снаружи шелестит ветер, но у нее не было сил выбраться из дома. Она осталась лежать у двери, до смерти боясь услышать шаги, приближающиеся к ней из глубины дома.

— Глупо, — повторила Джулия, — очень глупо.

— Не думай сейчас об этом, мне надо было сюда приехать вечером, но заседание...

Леннарт замолчал, и Джулия почувствовала его руки под своими плечами, он осторожно пробовал ее приподнять.

— Ты можешь встать? — спросил Леннарт.

Джулия надеялась, что он не заметит, что она вчера пила. Она почувствовала во рту омерзительный привкус, какой бывает после похмелья.

— Я не знаю... Я, кажется, сломала... ногу.

— Ты уверена?

Джулия коротко кивнула:

— Я ведь медсестра.

Будучи медсестрой, Джулия смогла поставить себе диагноз еще до того, как поползла к выходу из кухни: перелом или трещина в запястье, сломанная ключица и, возможно, также перелом правой ноги.

Что касается ноги, то она не совсем была уверена: сильный ушиб, трещина или перелом. Джулии несколько раз попадались пациенты, которые по нескольку недель хромали и пребывали в полной уверенности, что скоро с ними все будет в порядке, несмотря на перелом.

Джулии стало интересно, на что сейчас похоже ее лицо: трудно было судить, но наверняка что-то ужасное. Наверное, крови еще из носа натекло, потому что носом она тоже ударилась.

— Попробуй приподняться, Джулия, — сказал Леннарт.

Джулии нравилось то, что он спокоен.

— Прости меня, — благодарно ответила она.

— За что «прости»?

Леннарт держал ее, приподняв над полом.

— Извини, что я сюда без тебя пошла.

— Не думай об этом, — опять повторил Леннарт.

Но Джулия не хотела молчать, она должна была все сейчас объяснить.

— Я искала Пенса, потому что видела вечером свет в окне. И я подумала... что он здесь живет.

— Живет? Кто живет?

— Нильс... — сказала Джулия, — Нильс Кант, сын Веры. У него на втором этаже спальный мешок лежит, я это видела, и старые вырезки.

— Ты идти можешь? — перебил ее Леннарт.

— Он еще в погребке копал... Я только не знаю зачем. А вдруг он там Пенса зарыл? А ты что думаешь, Леннарт, он его там спрятал?

— Ну-ка, давай теперь двигаться.

И Леннарт медленно повел ее к двери, потом наружу, на холодный ветер, и дальше вниз по ступенькам. Это было нелегко, Джулия не могла ступить на правую ногу, но Леннарт все время ее поддерживал.

Когда они вышли на выложенную плитками дорожку, Джулия увидела темно-зеленый автомобиль, стоявший возле калитки.

— Это твой, Леннарт? — спросила она.

— Да.

— А у тебя разве нет служебной машины?

— Это моя собственная... Я сегодня был на похоронах.

— А... ну конечно.

«Похороны Эрнста», — только сейчас вспомнила Джулия.

Старую проржавевшую калитку было так же трудно открыть, как и накануне вечером. Так что Леннарту пришлось на время оставить Джулию постоять на одной ноге, пока он достаточно широко не сдвинул дверцу, чтобы они могли пройти вдвоем. Джулия с большим трудом забралась в машину, как будто она была девяностолетней старухой.

— Леннарт, — быстро сказала она, прежде чем он закрыл дверцу машины, — может быть, ты все же зайдешь в дом и посмотришь? Я должна быть уверена, что... что я все это действительно видела. Я хочу сказать, на втором этаже и в погребке.

Он посмотрел на нее несколько секунд, потом кивнул.

— Я полагаю, что ты остаешься здесь? — спросил он.

Она кивнула.

— А у тебя... у тебя есть пистолет?

— Пистолет?

— Ну да... если сейчас там... там, в доме. Я, конечно, так не думаю, но...

Леннарт выдавил улыбку:

— Пистолета у меня с собой нет, только карманный фонарь. Да ничего страшного, Джулия, я справлюсь. Подожди, я скоро вернусь.

Потом он захлопнул дверцу и достал из багажника фонарь. Джулия видела, как он идет по двору и исчезает за разваливающимся деревянным сараем.

В машине было тихо. Она вздохнула и осторожно откинулась на спинку сиденья, рассеянно глядя на дорогу и серое море за ней.

Леннарт вернулся довольно быстро. Он отсутствовал минут пять, от силы, может быть, десять.

Джулия начала беспокоиться в ту же самую секунду, как он ушел, и почувствовала большое облегчение, когда увидела, что Леннарт подходит к калитке. Он открыл дверь водителя, сел, посмотрел на Джулию, кивнул и сказал:

— Ты была совершенно права — там кто-то был, причем совсем недавно.

— Да, — начала Джулия, — и я думаю, что...

Леннарт быстро поднял руку.

— Но не Нильс Кант, — перебил он ее. Потом он положил перед ней на приборную доску что-то маленькое. — Я это нашел в погребе, там их на полу несколько штук было.

Это была доза снуса, ^[62] самая обычная, одноразовая.

— Значит, там кто-то снус жевал, — сказала она.

— Да, кто бы там ни был, это снусач, — констатировал Леннарт и повернул ключ зажигания. — Ну а сейчас поехали в Боргхольм.

В Боргхольмской больнице с Джулии ножницами срезали одежду и тут же вкололи обезболивающее. Пришел молодой врач и спросил, что с ней случилось.

— Случайное падение ночью, в темноте, — объяснил Леннарт, который стоял в дверях смотровой комнаты и уже собирался уходить. — Все случилось в Стэнвике.

— На берегу?

Леннарт едва заметно помедлил с ответом, потом кивнул и сказал:

— Да, на берегу.

Леннарт вышел, и врач начал прощупывать ее спину, живот, руки и ноги, потом медсестра сделала рентген. А после ей наложили холодный мокрый гипс. Джулия не протестовала, она была хорошо знакома с этой процедурой и хотела только одного: чтобы вся эта канитель поскорее закончилась.

Ее занимали более важные вещи, Джулии было над чем подумать. Она не сомневалась, что увиденное в доме Веры Кант являлось очень важным.

Нильс Кант был жив. Он не умер, а жил в старом доме своей матери, в точности как в жутком фильме Хичкока. ^[63] Он там прятался, и, когда Йенс

вошел в дом, Канту пришлось его убить. Если только они не встретились в тумане на пустоши — Нильс Кант всегда любил там бродить.

Джулия не хотела оставаться в больнице. Ее мобильник разбился, и ей пришлось попросить телефон. Она позвонила в Стэнвик Астрид. Джулия рассказала о том, что с ней случилось, и попросила ее об одолжении.

Астрид сказала, что Джулия может пожить у нее и что она будет только рада компании.

Примерно через час вернулся Леннарт, чтобы забрать ее.

Молодой врач еще раз осмотрел гипс и сказал:

— На берегу надо быть очень осторожной, особенно ночью, когда темно, там полно камней, — и пожал ей на прощание руку.

— У тебя что, дела в городе были? — спросила Джулия, когда они ехали обратно в Стэнвик.

— Я заезжал в полицейское управление, — ответил Леннарт. — У меня в Марнессе слабенький компьютер, а у них мощные, так что я поехал туда, посмотрел старые дела и ввел информацию в базу данных. — Он оторвался от дороги и посмотрел на Джулию. — Помимо всего прочего насчет взлома в Стэнвике.

— Ой, — испугалась Джулия.

— Да нет, это не про тебя, — быстро успокоил ее Леннарт. — Я сообщил только о том, что кто-то взломал виллу Кантов и спал там. Ты там вообще никогда не была, пожалуйста, постарайся это запомнить. Теперь послушай, как было дело. Ночью ты увидела там свет, а на следующий день позвонила мне и заявила об этом. Понятно?

Джулия посмотрела на Леннарта.

— О'кей, — сказала она, — а потом я споткнулась и упала на берегу.

— Точно, — подтвердил Леннарт.

Он подъехал к повороту на Стэнвик.

— Но я по-прежнему считаю, что Нильс Кант был там, — тихо произнесла Джулия, — я не верю, что он умер.

— Ты можешь думать все, что угодно, — сказал Леннарт. — Кант мертв.

Но Джулия заметила — или ей показалось — тревогу в глазах Леннарта.

Пуэрто-Лимон, март 1960 года

Солнце спряталось, и на восточный берег Коста-Рики надвинулась темнота. В сумеречных тенях на берегу у подножия веранды бара «Каса Гранде» кто-то глухо закашлялся, а потом засвистел что-то себе под нос — радостную, веселую мелодию. Она звучала то громче, то тише, почти в такт плеску волн прибоя, ритмично накатывающегося на берег. Из бара слышался смех и звон посуды.

Далеко на самом горизонте бесшумно полыхнули молнии, и только потом, спустя время, раздался звук. Где-то там, может быть, на другом краю Карибского моря, была гроза. Наверное, она двигалась сюда, к берегу.

Нильс Кант сидел на веранде за своим обычным столиком. И, как всегда, один. У него над головой покачивались маленькие красные фонарики. Он посмотрел вниз на свой полупустой стакан красного вина и потом залпом допил его.

Какой это по счету за сегодняшний вечер? Шестой, седьмой?

Он не помнил, да это и не имело никакого значения. Вообще-то сегодня он не собирался пить больше пяти стаканов, но неважно. Он решил заказать еще один. Перестать пить? Зачем? Для этого не имелось ни одной причины.

Он поставил на стол пустой стакан и посмотрел на левую руку: она была красная и разбухшая. За последний год, наверное, от солнца у него постоянно воспалялась кожа — и на руках, и на ногах появлялись прыщи, гнойники. Они болели, потом лопались, и каждое утро Нильс просыпался в пятнышках крови, а на подушке лежали пучки волос. У него на голове появилась плешь. Это из-за солнца, из-за жары, из-за влажности. Нильс разваливался, и с этим ничего нельзя было сделать.

Что ему оставалось, кроме как продолжать пить? Уже несколько лет он пил только дешевое вино, потому что где-то с середины пятидесятых мать присылала денег все меньше.

Она написала ему, что семейная каменоломня закрыта, ее пришлось продать. Лотом, сколько осталось денег, ни слова. А дядя Август за много лет так и не чиркнул ни строчки.

Нильс ни разу не сделал никому ничего плохого с тех пор, как оставил Эланд. Но по-прежнему по ночам время от времени он видел возле своей кровати участкового Хенриксона. Тот стоял, истекая кровью, и улыбался. Единственное слабое утешение было в том, что сейчас это случалось реже, чем раньше.

Нильс взял стакан и наклонился. Он хотел встать, чтобы пойти за очередной порцией, и в эту самую секунду понял, что знает мелодию, которую кто-то насвистывал в темноте у веранды.

Он застыл и прислушался.

Ну да, он слышал эту мелодию много лет назад. Ее часто крутили по радио во время войны. У мамы Веры было много пластинок, и эта песня тоже была.

Привет вам, веселые братья...

Веселая, разудалая песня. Нильс не помнил, как она называлась, но зато наизусть знал слова:

«Здорово», — мы скажем в ответ,
Пора нам домой возвращаться
На юг, там, где дом, там, где свет

Нильс не слышал ее с тех пор, как бежал из Стэнвика. Шведская песня. Нильс встал, подошел к перилам веранды, осторожно перегнулся и посмотрел вниз, в темноту: до земли было метра три-четыре.

Тени, только тени.

Нет, кто-то сидел внизу, на песке, прямо у опоры веранды.

— Халло, — тихо позвал Нильс по-шведски.^[64]

Свист внизу прекратился.

— Здорово, — раздался из темноты низкий голос.

Глаза Нильса привыкли к темноте, и теперь он более отчетливо видел того, кто сидит внизу. Мужик в шляпе перестал свистеть, но с места не сдвинулся.

Нильс подошел к лестнице на другом конце веранды. Едва он сделал первый шаг, как на него упали первые холодные капли начинающегося проливного дождя. Он положил руку на перила и начал спускаться, неловко переступая нетвердыми ногами.

Наконец он почувствовал под подошвами своих кожаных сандалий мягкий и все еще теплый песок.

Нильс просиживал вечер за вечером на веранде уже около десяти лет, но никогда прежде не спускался ночью на темный пляж. Здесь могли быть здоровые, как собаки, голодные крысы.

Он осторожно пошел вперед, хватаясь за толстые балки опор, поддерживающих веранду. Ответившее ему ночное видение сидело совсем близко, утонув в шезлонге, который можно было по дешевке взять напрокат

в магазинчике в сотне метров отсюда.

Нильс подошел поближе. Нет, ему не почудилось: мужик был в рубашке с закатанными рукавами, какая-то хреновина вроде соломенной шляпы надвинута на лицо и напевал себе под нос ту же мелодию, что и прежде.

Скажи еще раз, мы плывем домой.

Нильс шагнул еще ближе и остановился. Он старался стоять ровно, но его покачивало, и непонятно, от чего больше: от вина или от волнения.

— Добрый вечер, — послышалось из шезлонга.

Нильс откашлялся.

— Ты... ты из Швеции? — выдавил он наконец.

Простые шведские слова теперь казались ему чужими — так давно он их не слышал.

— А что, разве не слышно? — спросил мужик. На долю секунды блеснувшая вдали молния осветила его.

За время вспышки Нильс успел посмотреть на светлое лицо шведа. Через несколько секунд со стороны моря послышался отдаленный раскат грома.

— Я подумал, что будет лучше, если ты спустишься ко мне сюда, где темно, а не наоборот, — сказал швед.

— Что? — не поверил своим ушам Нильс.

— Я тебя искал в городе, дома тебя не было. Мне хозяйка сказала, что чаще всего по вечерам ты бываешь здесь, в баре. Ну да, с развлечениями у них, в Коста-Рике, слабовато. Что тут еще делать, сидеть и пить.

— Что тебе надо? — спросил Нильс.

— Плохой вопрос, Нильс, неправильный. Скорее — что тебе надо?

Нильс ничего не ответил, ему вдруг показалось, что он раньше этого человека где-то видел.

Но где? Может, в Стэнвике.

Он не мог вспомнить.

Швед положил руку на подлокотник шезлонга и встал. Он посмотрел на море, а потом — прямо в глаза Нильса.

— Ты хочешь поехать домой, Нильс? — спросил он. — Домой, в Швецию, на Эланд?

Нильс медленно кивнул.

— Ну, тогда я могу это устроить, — ответил швед. — Выдадим тебе,

как на тарелочке, новую жизнь.

— Пойми меня правильно, Йерлоф, я тебя ни в чем не упрекаю, — неторопливо говорил Леннарт, — но в результате твоя дочь верит, что Нильс Кант вовсе не умер и живет в старом доме Веры. Ты ее убедил в том, что Кант схватил ее сына на пустоши.

Была вторая половина дня, приближался вечер. Йерлоф сидел за своим письменным столом в Марнесском приюте. Он старался не смотреть на Леннарта, а упорно, как нашкодивший школьник, разглядывал пол.

— Ну ты в общем-то в чем-то, наверное, прав, — сказал он наконец. — Но я никогда не говорил, что Нильс прячется в Верином доме. Но вот насчет того, что он может быть жив...

Леннарт только вздохнул. Он стоял посередине комнаты, на этот раз, как обычно, в форме и смотрел на Йерлофа. Он приехал в дом престарелых, чтобы сказать, что с Джулией все в порядке после того, как ей наложили гипс и обработали ссадины в Боргхольмской больнице, и сейчас она в Стэнвике у Астрид.

— Как она себя чувствует? — тихо спросил Йерлоф.

— Трещина в правой ноге, сломано запястье, ключица, было сильное кровотечение из носа, сотрясение и синяки, — доложил Леннарт, опять вздохнул и добавил: — Как я уже сказал, могло быть хуже: она себе и шею могла свернуть. Хотя, с другой стороны, могло быть и лучше... Если бы она плюнула на все это дело и вообще не заходила в дом Веры Кант.

— Ее что, теперь привлекают, — спросил Йерлоф, — за взлом?

— Нет, — сказал Леннарт, — я, по крайней мере, не собираюсь. Владельцы дома тоже вряд ли.

— Ты с ними разговаривал?

Леннарт кивнул:

— Мне повезло, я дозвонился до племянника Веры в Вексшё, как раз перед тем, как сюда ехать. Нильсу он приходится кузеном... Сам он не был в Стэнвике уже много лет и сказал мне, что никто из родственников тоже сюда не ездил. Смоландская родня Веры считаются владельцами виллы, но у них нет абсолютно никакого желания ею заниматься.

— Я подозревал что-нибудь такое, — произнес Йерлоф. Потом он покачал головой, посмотрел на полицейского и сказал: — Я никогда не говорил Джулии, что уверен, будто Нильс Кант жив, Леннарт. Я рассказал ей только то, что есть такие, которые верят в это.

— А кто именно? — спросил Леннарт.

— Ну, скажем, Эрнст, — ответил Йерлоф. Он не стал упоминать Йона Хагмана, чтобы привлечь к нему внимание полицейского. — Эрнст Адольфссон верил в это, как и в то, что именно Кант убил Йенса на пустоши. Эрнст пытался убедить меня...

Леннарт устало посмотрел на Йерлофа.

— Частные сыщики, — перебил он его. — Обязательно находятся люди, которые убеждены, что лучше, чем мы, полицейские, знают, как надо расследовать преступления.

Йерлофу очень хотелось найти подходящую к месту шутку, но, как назло, в голову ничего путного не приходило.

— Но все же кое-что интересное есть. Не домыслы, а факт — в доме Веры Кант действительно кто-то был, — продолжил Леннарт.

Йерлоф заинтересованно посмотрел на полицейского.

— Как так? — спросил он.

— Дверь взломана, и этот неизвестный оставил следы на втором этаже: вырезки, пришпиленные к стене, старый матрац и спальный мешок. А погреб весь перерыт.

Йерлоф задумался.

— А ты обыскал дом?

— Да так, осмотрелся, — ответил он. — У меня тогда другая забота была — поскорее отвезти твою дочь в больницу.

— Спасибо. Как ее отец, я тебе очень благодарен.

— После того как я оставил ее у Астрид, я заходил в дом Веры Кант перед тем, как ехать сюда. Джулии повезло: лампа, которую она уронила, разбилась о каменный пол, а вот если бы попала на стену, все бы полыхнуло.

Йерлоф кивнул.

— Ну что там насчет погреба? — спросил он. — Там что-то выкапывали или, наоборот, закопали?

— Трудно сказать. Мне кажется, скорее выкапывали или просто зачем-то рыли.

— Что-то я никогда не слышал, чтобы обыкновенные воры в погребах копали, — произнес Йерлоф, — а тем более с ночевкой оставались.

Леннарт с тем же усталым выражением на лице посмотрел на него.

— Ну вот, ты опять играешь в Шерлока Холмса.

— Да нет, это только мысли вслух. И вот что я думаю...

— Ну и что же? — неторопливо спросил Леннарт.

— Я — так прикидываю, что там, на вилле, побывал кто-то из

Стэнвика.

— Йерлоф...

— Здесь, у нас, тихо, никто не помешает, делай что хочешь. Ты это тоже прекрасно знаешь. Кто тебя увидит? Вокруг почти никого нет.

— Подписываюсь под каждым словом. Ну и что? — сказал Леннарт.

— Но есть одна вещь, которую люди всегда замечают, — это чужих. Ты только представь себе: в Стэнвике появляется чужая машина, и из нее вылезает человек с лопатой, потом он спокойненько идет в дом Веры Кант. Как ты себе это представляешь? Даже в Стэнвике его бы обязательно заметили. А все прошло шито-крыто, никто ничего не заподозрил.

Леннарт задумался.

— А по-настоящему, кто там сейчас живет, я хочу сказать, круглый год? — задал он вопрос.

— Немногие, можно по пальцам пересчитать.

Леннарт помолчал некоторое время и потом сказал:

— Мне может понадобится твоя помощь, Йерлоф, — и быстро добавил: — Но меня не интересуют домыслы, мне нужны факты. Я кое-что нашел в погребке. — Он запустил пальцы в карман формы. — Я нашел пакетики со снусом в погребке у окна и под лестницей, все использованные. Очень сомнительно, что они от Веры Кант остались.

Пакетик со снусом был упакован в прозрачный пластик. Одновременно Леннарт вынул свой блокнот.

— Я снусом не балуюсь, — заверил Йерлоф.

— Я знаю, но, может быть, ты вспомнишь, кто в Стэнвике его употребляет?

Йерлоф немного подумал и потом кивнул. Не было никакого смысла пытаться скрывать от полиции очевидные вещи, все равно они рано или поздно докопаются.

— Я знаю только одного.

И потом он назвал Леннарту имя. Полицейский записал его в блокнот и кивнул.

— Спасибо за помощь.

— Если ты собираешься ехать к нему, то возьми лучше и меня с собой.

Леннарт открыл было рот, собираясь что-то возразить, но Йерлоф быстро проговорил:

— Я нормально себя сегодня чувствую. Я уже хожу, и с головой у меня в порядке. Но если он увидит нас вместе, то ему будет спокойнее и он расскажет больше, — я в этом уверен.

Леннарт вздохнул:

— Ну тогда давай надевай пальто, пойдём прокатимся.

— Хорошо ты сказал, Йон, я имею в виду на похоронах Эрнста.

Йерлоф сидел за столом напротив Йона в его маленькой кухне в Стэнвике. Йон промолчал и только кивнул в ответ. Он откинулся на спинку стула, потом качнулся вперед. Йона разбирало любопытство, — Йерлоф это ясно видел. Почему — было нетрудно понять, ведь за столом находился еще и третий — Леннарт Хенрикссон. За окном кухни совсем стемнело, хотя пробило лишь без четверти шесть. Пакетик со снусом лежал на столе.

— Ну и что вы хотите здесь наскрести? — спросил Йон.

— Наскрести... — протянул Леннарт и пожал плечами. — Но если это снус Андеша, то мне хотелось бы с ним поговорить. Потому что тогда выходит, что он ночевал в доме Веры Кант, копал в погребке и оставил после себя кучу вырезок про Нильса Канта и Йенса Давидссона. И есть еще один вопрос, мне бы тоже очень хотелось получить на него ответ: где находился Андеш в тот день, когда пропал маленький Йенс?

— Андеш вам для этого не нужен, — заверил Йон. — Я могу и сам сказать.

— Хорошо, — сказал Леннарт. Он достал блокнот и ручку. — Тогда рассказывай.

— Он был здесь, — быстро ответил Йон.

— Где здесь, в Стэнвике?

Йон кивнул.

— Следовательно, и ты находился тоже здесь. Ты можешь подтвердить его алиби на тот день?

Йон пожал плечами:

— Много лет прошло, я не очень хорошо помню. Но вечером мы точно были там, на берегу, и искали вместе со всеми, вдвоем. Я хорошо помню.

— И я, — подтвердил Йерлоф.

Наверное, многие события того дня и вечера Йерлоф успел позабыть, но эту картину он очень ясно видел перед собой до сих пор: Йон и его сын, которому тогда, должно быть, было лет двадцать, бок о бок шли вдоль берега.

— Вечером, это понятно, — сказал Леннарт. — А после обеда что делал Андеш?

— Да не помню я, — бросил Йон, — дома его, по-моему, не было, но я уверен: он не подходил к дому Йерлофа. — Йон посмотрел на друга. — Андеш не злой, Йерлоф.

Йерлоф кивнул:

— Я в этом не сомневаюсь.

Леннарт продолжал записывать.

— Во всяком случае нам надо с ним поговорить. Твой сын здесь?

— Нет, он сейчас в Боргхольме, уехал туда вчера после похорон.

— Он что, там живет?

— Да, у своей мамы, но чаще здесь, у меня. У него полное право поступать так, как он хочет. Он не водит машину, поэтому поехал на автобусе.

— А сколько ему сейчас лет?

— Сорок два.

— Сорок два... и живет у родителей? — удивился Леннарт.

— Ну и что, разве это преступление?

Йон махнул рукой, показывая большим пальцем куда-то себе за плечо:

— И у него здесь свой собственный дом, прямо за моим.

— Мне кажется, — осторожно начал Йерлоф, — что Андеш несколько отличается от других. Мы же можем так сказать, Йон? Он хороший, вежливый, работающий, но немного другой.

— Я пару раз встречал Андеша, — сказал Леннарт. — По-моему, нормальный малый, совершенно вменяемый.

Йон поднял голову и, глядя прямо перед собой, произнес:

— Андеш сам по себе, он много думает и не любит говорить ни с другими, ни со мной. Но в нем нет ничего плохого.

— Так, адрес, — перебил его Леннарт.

Йон назвал номер дома и квартиры на Чёпмансгатан, Леннарт записал.

— Хорошо, — сказал он, — не будем тогда больше тебе надоедать, Йон. Поедем обратно в Марнесс.

Последняя фраза была обращены скорее к Йерлофу, потому что тому стало казаться, что он тоже полицейский и при исполнении.

Чувство оказалось очень неприятным. Йерлоф заметил, как во время разговора в глазах Йона появился ужас оттого, что Их Величество Власть, которая кружила где-то высоко, как ворон, высматривающий добычу, заметила его самого и его единственного сына и больше уже в покое не оставит.

— Мой сын не злой, — повторил Йон, хотя Леннарт уже шел к двери.

— Тебе нечего бояться, Йон, — тихо попытался успокоить друга Йерлоф, стараясь, чтобы это прозвучало убедительно. — Поговорим попозже, давай вечером созвонимся. Хорошо?

Йон кивнул, не отрывая взгляда от Леннарта, который стоял в дверях и ждал.

— Пойдем, Йерлоф, — сказал он.

Это прозвучало как приказ, Йерлоф больше не чувствовал себя полицейским, а скорее дрессированной собачкой. Он послушно поднялся и вышел вслед за Леннартом. Вообще-то ему очень хотелось заехать к Астрид и повидать дочь, но решил, что в другой раз.

Йерлоф подошел к своей комнате. Его мускулы дрожали от напряжения больше, чем обычно, да и ноги ломило как-то особенно сильно — день выдался тяжелый. Леннарт подвез его к самым дверям приюта.

Через дверь Йерлоф услышал телефонный звонок и подумал, что, наверное, не успеет подойти и снять трубку. Но телефон все трезвонил.

— Давидссон.

— Это я.

Звонил Йон.

— Как ты там? — спросил Йерлоф и тяжело опустился на кровать.

Йон молчал.

— Ты с Андешем разговаривал? — продолжил Йерлоф.

— Да, я позвонил в Боргхольм и поговорил с ним.

— Хорошо. Тебе, наверное, не стоило ему рассказывать насчет того, что полиция хочет...

— Ты опоздал, — перебил его Йон. — Я ему сказал, что у меня была полиция.

— Так, — произнес Йерлоф, — а он что?

— Да ничего, слушал.

В трубке все стихло.

— Йон... мы, наверное, оба знаем, что Андеш был в доме Веры Кант и что-то искал в погребе, — начал Йерлоф. — Там ведь находились солдатские сокровища, ценности, которые были у них с собой, когда они оказались на Эланде. Люди про это все время говорили.

— Да, — согласился Йон.

— Драгоценности, которые забрал Нильс Кант после того, как их убил.

— Андеш много лет об этом вспоминал, — сказал Йон.

— Он их никогда не найдет, — заверил Йерлоф, — я это точно знаю.

И он опять замолчал.

— Нам надо съездить в Рамнебю, — продолжал Йерлоф, — там есть лесопилка и при ней музей древесины. Мы можем отправиться туда завтра.

— Нет, только не завтра, — быстро сказал Йон. — Мне надо в Боргхольм — забрать Андеша.

— Ну тогда на следующей неделе, когда музей будет открыт, —

предложил Йерлоф. — А потом, после Рамнебю, мы можем задержаться в Боргхольме и посмотреть, как себя чувствует Мартин Мальм.

— Конечно, — сказал Йон.

— Мы теперь обязательно найдем Нильса Канта, Йон, — пообещал Йерлоф на прощание.

Время подходило к девяти. В коридорах Марнесского приюта было тихо и пусто. Опираясь на палку, Йерлоф стоял перед дверью комнаты Майи Ньюман. Оттуда не слышалось ни малейшего звука. Над глазком был приклеен стикер с надписью от руки: «Будьте добры, пожалуйста, стучите». «Истину, истину говорю я вам, я есть дверь в овчарню», — процитировал Йерлоф. Он помедлил, потом поднял руку и постучал.

Чуть погодя Майя открыла дверь. Несколькими часами раньше они виделись за ужином; на Майе было то же самое желтое платье и белая блузка.

— Добрый вечер, — сказал Йерлоф, расплываясь в улыбке. — Я тут проходил мимо, и захотелось ненароком взглянуть, дома ты или нет.

— Привет, Йерлоф.

Майя улыбнулась и кивнула, но Йерлоф заметил, как помимо всех прочих у нее на лбу появилась еще одна морщинка. Наверное, от удивления — его визит был неожиданным.

— Я могу войти? — спросил он.

Немного помедлив, она кивнула и сделала шаг назад, пропуская его в комнату.

— У меня не прибрано, — сказала Майя.

— Да ничего, пустяки, — заверил Йерлоф.

Опираясь на палку, он медленно вошел в комнату, которая оказалась так же тщательно вылизана, как и тогда, когда он был здесь в прошлый раз. Темно-красный персидский ковер закрывал почти весь пол, на всех стенах — картины и фотографии.

Какое-то время Йерлоф к Майе не заходил. У них были отношения; они начались через несколько месяцев после того, как Йерлоф переселился в Марнесский приют, и закончились примерно через год, когда боли из-за синдрома Шёгрена стали слишком сильными. Потом их отношения перешли в дружбу. Они оба были родом из Стэнвика, оба остались одинокими после долгих лет брака. Им было о чем поговорить.

— Ты хорошо себя чувствуешь, Майя? — спросил Йерлоф.

— Ну да, со здоровьем все в порядке.

Майя подвинула стул к маленькому коричневому чайному столику у

окна, Йерлоф с благодарностью сел. Майя тоже присела. Оба помолчали.

Йерлофу пришлось хоть как-то начать беседу.

— Майя, я только хотел спросить. Может быть, ты расскажешь мне про одну вещь. Мы как-то раз об этом с тобой раньше разговаривали... — Он опустил руку в карман, достал маленький белый конверт, который Джулия отдала ему неделю назад. — Моя дочь нашла это письмо на кладбище за надгробием Нильса Канта, — сказал Йерлоф. — Я знаю, ты это написала и оставила там. Но я не об этом хочу спросить, я хочу только узнать...

— Мне нечего стыдиться, — проговорила Майя быстро.

— Совершенно нечего, — согласился Йерлоф, — я не...

— Нильсу никогда не доставались лучшие цветы, — сказала Майя, — их всегда получал мой муж... Я сначала подходила к могиле Хельге и только потом к могиле Нильса.

— Это хорошо, — согласился Йерлоф. — На каждую могилу обязательно должен кто-то приходить. Но я не об этом хотел спросить, я про другое... Я помню, как-то раз ты мне рассказывала о том, что встретила Нильса Канта на дороге у пустоши. В то же день, когда он... ну, приложил руку к тем немецким солдатам.

Майя внимательно посмотрела на него и кивнула.

— Я это по нему заметила, — объяснила она. — Нильс ничего не сказал, но я видела, что что-то случилось... но он не захотел рассказать, что. Я попробовала с ним заговорить, но Нильс сбежал от меня обратно на пустошь.

— Я понимаю, — произнес Йерлоф, сделал паузу и продолжил, осторожно подбирая слова: — И ты вроде упомянула, что он тебе тогда что-то дал.

Майя не отводя взгляда смотрела на Йерлофа, потом снова кивнула.

— Я только хотел спросить, может быть, ты можешь мне показать, что это такое? — продолжал Йерлоф. — И еще одна вещь: рассказывала ты об этом кому-нибудь еще?

Майя сидела не шелохнувшись и смотрела на него.

— Никто ничего не знает, — ответила она коротко. — И это что-то мне Нильс вовсе не дал, я это что-то взяла сама.

— Извини, не понял.

— Я ничего не получала от Нильса, — объяснила Майя, — я это взяла и много раз казнила себя за это.

— Пакет, — сказал Йерлоф, — ты вроде говорила, что это был пакет.

— Я пошла за Нильсом — молодая была и любопытная, может быть,

даже слишком... Я спряталась за можжевельным кустом и следила за Нильсом. Ты знаешь, рядом со Стэнвиком есть жертвенный камень, он направился туда.

— Горка такая из камней, да? Что он там делал?

Майя немного помолчала. Похоже, сейчас она была где-то далеко, наверное, в прошлом. Наконец она ответила:

— Он копал землю.

— Он что, что-то прятал? Это был пакет?

Майя посмотрела на него и сказала:

— Нильс умер, Йерлоф.

— Похоже, что так.

— Это так, — подтвердила Майя. — Никто в это не верит, а я знаю, иначе он бы объявился, по крайней мере у меня.

Йерлоф кивнул.

— Ты достала пакет, когда Нильс ушел?

Майя покачала головой:

— Нет, я побежала домой. Я его потом достала, позже... когда он вернулся домой.

Йерлофу потребовалось некоторое время, чтобы сообразить, что она хочет сказать.

— Ты имеешь в виду... вернулся домой в гробу?

Майя опять кивнула:

— Я пошла на пустошь и выкопала это.

Она медленно поднялась со стула, расправила ладонями юбку и пошла к телевизору, который стоял в углу комнаты. Йерлоф продолжал сидеть, он лишь повернул голову и следил за ней.

— Это было осенью, году, кажется, в шестьдесят шестом — в общем, года через два после похорон Нильса, — сказала Майя через плечо. — Хельге находился в поле, дети были в школе. Ну вот, я взяла с собой садовый совок и пластиковый пакет, заперла дом и пошла на пустошь.

Йерлоф видел, как Майя медленно достает с одной из полок под телевизором синюю деревянную шкатулку с красными розочками. Йерлоф ее и раньше видел. Это была старая фамильная шкатулка. Майя подошла с ней к чайному столику и поставила перед Йерлофом. Она продолжала свой рассказ:

— Я перешла через главную дорогу и потом, наверное, где-то через полчаса подошла к пустоши. Я быстро нашла то, что осталось от жертвенного камня, и постаралась точно припомнить, где копал Нильс... В конце концов у меня получилось.

Она открыла крышку шкатулки. Йерлоф увидел ножницы, наперсток, катушки ниток и подумал о тех временах, когда ему ничего не стоило самому вдеть нитку в иголку. Потом Майя подняла двойное дно и отложила его в сторону. На самом дне Йерлоф увидел что-то небольшое, завернутое в кусок льна: плоская коробочка или шкатулочка, может быть, портсигар в пятнах старой ржавчины. Во всяком случае, Йерлоф надеялся, что это ржавчина.

— Вот, все здесь.

Майя подняла коробочку и протянула ее Йерлофу. Йерлоф услышал, как внутри что-тобрякнуло.

— Я могу открыть? — спросил он.

— Делай с ней все, что хочешь, Йерлоф.

Там не было никакого замка; Йерлоф осторожно открыл.

В коробочке сверкали драгоценные камни.

Как-то не верилось, что это всего лишь стекляшки или какая-нибудь бижутерия. Почему-то сразу было видно, что это драгоценные камни. И еще там лежал крест, точнее, распятие. Йерлоф, конечно, не считал себя экспертом, но, похоже, и распятие тоже было из чистого золота.

Йерлоф закрыл крышку, потому что у него появилось сильное искушение достать камни из шкатулки и покатавать их между пальцами.

— Ты кому-нибудь еще про свою находку рассказывала? — спросил он.

— Мужу, — ответила Майя.

— А ты не знаешь, он никому не говорил?

— Нет, — заверила Майя. — Но вообще-то, если бы такое случилось, он от меня бы это не скрывал. У нас секретов не было.

Йерлоф ей верил: Хельге вообще был молчун. Но неизвестно почему и откуда по Эланду поползли слухи, что убитые Нильсом солдаты перебрались через Балтику не с пустыми руками и что у них были с собой драгоценности. Сам Йерлоф об этом тоже слышал. Так же, впрочем, как и Йон и Андеш Хагманы.

— Так что, ты их все время в шкатулке прятала? — удивился он.

Майя кивнула:

— Я до них вообще не дотрагивалась, они ведь были не мои. — И добавила: — Но как-то раз я попробовала передать их матери Нильса Вере.

— Что ты говоришь? Когда это было?

Майя села на стул рядом с ним, и Йерлоф обратил внимание, что их колени соприкасаются.

— Это случилось через несколько лет, в конце шестидесятых. Хельге

услышал, что Вера Кант продает всю свою землю на берегу, потому что у нее проблемы с деньгами. И тогда я подумала, что должна отдать ей камни.

— Ты к ней приходила? — спросил Йерлоф.

Майя в который раз кивнула:

— Я доехала до Стэнвика и вошла во двор Веры... Было лето, жарко. Поэтому когда я поднялась по ступенькам, то увидела, что дверь открыта настежь. Ноги у меня дрожали, потому что я боялась Веры до чертиков, как и многие... — Майя ненадолго замолчала, потом продолжила: — В доме играла музыка: радио или, может быть, граммофон. И еще я услышала голоса. Она была не одна.

Йерлоф затаил дыхание.

— Она много лет держала помощницу по дому, так что, возможно, это была...

— Нет, двое парней, — перебила его Майя. — Из кухни слышались два мужских голоса: один что-то бубнил, а другой говорил громко и уверенно. Ну, почти как капитан на палубе.

— Ты кого-нибудь из них видела? — спросил Йерлоф.

— Нет-нет, — быстро ответила Майя. — Я застыла в дверях, и получилось, что подслушивала, хотя и случайно... Потом я постучала посильнее, чтобы наверняка услышали. Тогда голоса стихли, и тут же появилась Вера. Она закрыла за собой дверь кухни и вышла на веранду. Для меня это было каким-то шоком: вернуться в поселок и увидеть ее опять — столько лет прошло. Она стала такой худющей и сморщенной, как высохшее яблоко, но, как и прежде, казалось, что она всех в чем-то подозревает. Вера посмотрела на меня, как будто я была воровкой или еще какой-нибудь дрянью, и спросила: «Что вам угодно?»^[65] Какая там приветливость, она даже не поздоровалась. Я совсем растерялась. Камни лежали у меня в кармане, но я так и не смогла их оттуда достать. И представляешь себе, начала лепетать какую-то чушь про Нильса, пустошь... В общем, глупость полную. Вера накричала на меня и выставила, а потом вернулась на кухню. А я поехала домой. Через несколько лет Вера умерла.

Йерлоф кивнул. Вера умерла прямо на той же самой лестнице, с которой упала Джулия.

— А ты не слышала, о чем они говорили? Ну, те мужчины?

Майя покачала головой:

— Разве что буквально несколько слов перед тем, как постучать. Что-то такое насчет тоски. Это сказал тот, с громким голосом, дескать, кто-то о чем-то скучает. Сейчас, попробую вспомнить: «И вы, вы же оба тоскуете

друг по другу» — по-моему, так.

Йерлоф задумался.

— Но, может быть, это были какие-нибудь родственники Веры, — предположил Йерлоф, — ее родня из Смоланда?

— Возможно, — сказала Майя.

Оба замолчали. У Йерлофа больше не осталось вопросов. Ему скорее надо было обдумать то, о чем он узнал.

— Ну так, — произнес он и протянул руку, чтобы осторожно похлопать Майю по плечу, но она немного наклонилась, и его пальцы оказались у нее на щеке.

И остались там, как будто по своей собственной воле, и сами же зашевелились и погладили лицо Майи. Она закрыла глаза. Йерлоф поерзал и поднялся.

— Ну так, — повторил он, — я больше, я больше... не смогу.

— Ты уверен? — спросила Майя и открыла глаза.

Йерлоф горестно кивнул:

— Слишком сильные боли.

— Но ничего, Бог даст — весной отпустит, — сказала Майя.

— Да, — протянул Йерлоф и заторопился. — Спасибо, Майя, что рассказала. Все останется между нами, ты меня знаешь.

Майя по-прежнему продолжала сидеть у чайного столика.

— Я рада, что рассказала, Йерлоф, — ответила она.

Йерлоф вдруг заметил, что он все еще держит коробочку с драгоценностями в левой руке, и положил ее обратно на столик. Но Майя подняла коробочку, достала из нее распятие и протянула ее Йерлофу.

— Возьми, — сказала она. — Я больше не хочу к ним прикасаться, пусть лучше побудут у тебя.

— Хорошо, как скажешь.

Йерлоф попрощался, неуклюже раскланявшись, и вышел из комнаты Майи, положив коробочку в карман брюк. Она была тяжелой, холодной и слабо побрякивала, когда он брел по пустому коридору.

Йерлоф вернулся в свою комнату и закрыл дверь. У него не было обыкновения запираяться, но на этот раз он запер замок.

«Трофей, — подумал он, — солдаты всегда искали трофеи. Где они раздобыли драгоценные камни? Сколько народу погибло из-за них?»

А куда ему все это положить? Йерлоф огляделся, у него шкапулок с двойным дном не водилось.

В конце концов он подошел к книжной полке. На одной из полок внутри бутылки мчался парусник, бриг Хульса «Синяя птица» в свое

последнее плавание. Йерлоф полагал, что, наверное, так он выглядел той штормовой ночью у Бохуслана. «Синяя птица» плыла прямо на береговые скалы.

Йерлоф поднял бутылку с парусником и вынул пробку, потом он открыл коробочку и не торопясь, аккуратно пересыпал камни внутрь. Он легонько потряс бутылку, чтобы они легли ровнее. Вот так, хорошо. Если, конечно, не искать специально, в бутылке с моделью они выглядят как рифы, о которые бриг скоро разобьется.

Пусть полежат, потом посмотрим.

Йерлоф поставил корабль обратно и спрятал пустую коробочку за книгами на самой нижней полке.

Оставшуюся часть вечера перед тем, как лечь спать, он часто поглядывал на бутылку с парусником. Когда он поймал себя на мысли, что смотрит туда раз, наверное, двенадцатый, а может, и пятнадцатый, Йерлоф начал понимать, почему Майя с такой легкостью отдала ему драгоценности.

Этой ночью к нему опять вернулся его старый кошмар капитанских времен.

Йерлофу снилось, что он стоит на палубе у релингов, а корабль медленно скользит по Балтике где-то между северной оконечностью Эланда и островом Уаксен. Тихо, ветра нет. Йерлоф смотрит на гладкую как зеркало воду. До самого горизонта — только море, никакой суши... А потом он опускает глаза вниз и видит старую мину, оставшуюся после войны.

Ее едва видно. Она почти полностью скрыта водой. Большой черный ком, заросший ракушками. На торчащих во все стороны рожках взрывателей висят водоросли.

Сворачивать уже поздно. Все, что может сделать Йерлоф, — так это просто стоять и смотреть, как медленно, но неотвратимо сближаются судно и мина.

Он с криком проснулся, подскочив на кровати, в темноте своей комнаты Марнесского приюта за долю секунды до того, как прогремит взрыв.

Воскресное утро. Джулия сидела, откинувшись на спинку стула, в гостиной у Астрид. Рядом стояли костыли. Она смотрела в окно: там ее старшая сестра Лена и ее муж Ричард забирали ее «форд».

Джулии, можно сказать, повезло: она и так пользовалась машиной на две недели дольше, чем планировалось. Но теперь все, хорошего понемножку. Однако сейчас это Джулию ничуть не огорчало: с переломами за руль все равно не сядешь.

Лена и Ричард приехали в субботу на Эланд, они навестили Йерлофа, попили вместе в Марнесе кофе и прибыли в Стэнвик, чтобы переночевать в главном доме. Утром они прибыли с кратким, но официальным визитом к Астрид Линдер, и после церемонии обмена приветствиями тут же выяснилось, что они, оказывается, собираются забрать Джулию и отвезти ее обратно в Гётеборг.

Разумеется, высоким гостям и в голову не пришло проинформировать Джулию о своих планах. Она вообще и понятия не имела о том, что Лена и Ричард собираются приехать. И для Джулии было полнейшей неожиданностью увидеть, как их темно-зеленый «вольво» въезжает во двор Астрид. Если бы знать заранее, можно было бы сбежать. Хоть и на костылях, но сейчас было слишком поздно.

— Наше вам здравствуйте! — с преувеличенной радостью заорала Лена, вваливаясь в дом Астрид. Она бросилась обнимать сестру, и Джулия почувствовала, как перелом в ключице отдает в темечке. — Ну, как ты? — спросила Лена и посмотрела на костыли.

— Теперь вроде ничего, — ответила Джулия.

— Папа позвонил и рассказал о том, что случилось. Очень, очень печально... Но ты должна мыслить позитивно, Джулия, могло быть хуже. — Вот, собственно, и все, что ее сестрица изволила сказать насчет переломов, и продолжила тарыхтеть: — Но как это мило со стороны Астрид, что она позволила тебе пожить здесь! Ведь, право же, это очень любезно.

— Астрид настоящий ангел, — ответила Джулия.

Это была чистая правда: ангел в образе Астрид жил в безлюдном Стэнвике, хотя даже и ему, по собственному признанию, было здесь одиноко. Астрид уже давно овдовела, а ее единственный ребенок, дочь, работала врачом в Саудовской Аравии и приезжала домой только два раза в

год: на Иванов день^[66] и Рождество.

Судя по молчанию Ричарда, ему сказать вообще было нечего. Он удостоил Джулию кивком и переминался с ноги на ногу, нетерпеливо поглядывая на свои шикарные «Ролекс», и даже не расстегнул куртку. Да и без слов стало понятно: Ричард хотел только одного — поскорее забрать машину, привезти ее обратно, чтобы его дочь, не дай бог, не осталась без собственного транспорта.

Астрид предложила кофе и печенье, Лена непрерывно трещала, как спокойно и тихо в Стэнвике в октябре, когда нет туристов. Ричард восседал, словно проглотив аршин, рядышком с благоверной и молчал. Джулия смотрела в окно на полускрытый деревьями дом Веры Кант и думала.

— Хорошо, спасибо огромное, но нам пора собираться, — сказала Лена после кофе, — нам еще до дома ехать и ехать.

Лена занялась посудой, а Ричард помог Астрид: он снял старую прохудившуюся доску на задней стороне дома и прибил новую.

Джулия ничем помочь не могла, она просто сидела и смотрела. Она была покалеченной, безработной и бездетной. Но все равно, пусть и со скрипом, но жизнь двигалась дальше.

— Очень мило, что вы приехали, — изрекла она.

Лена кивнула.

— Мы сразу же решили, что поедem сюда и привезем тебя домой. Ты теперь водить не можешь.

— Спасибо, — сказала Джулия, — но мне не нужна помощь, я хочу остаться.

Лена ее, естественно, не слушала и продолжала триндеть: — Мы с тобой поедem на «форде», а Ричард поведет «вольво». — И вытряхнула гущу из кофейника. — Мы остановимся в Рюдахольме и пообедаем, там такая миленькая маленькая гостиница с ресторанчиком.

— Я не могу уехать домой без Йенса, сейчас я должна его найти.

Лена оторвалась от посуды и посмотрела на Джулию:

— Извини, не расслышала, что ты сказала? Ты же не...

Джулия помотала головой и перебила сестру:

— Лена, я прекрасно отдаю себе отчет в том, что Йенс мертв. — Она спокойно смотрела ей в глаза. — Он умер. Сейчас я в этом уверена, но речь не о том. Я хочу его найти, выяснить, где он.

— Да-да, все в порядке, все нормально. И папе очень нравится, что ты здесь. Хорошо, хорошо, все нормально.

«Да уж лучше, чем пить вино и жрать таблетки перед телевизором в Гётеборге», — подумала Джулия. И в ту же секунду она физически

почувствовала, как все выкинутые из жизни годы тяжело рухнули на нее. И этот груз тоски и бесконечных переживаний об исчезнувшем сыне с легкостью перевешивал те, по сути, очень краткие, счастливые и светлые моменты, когда Йенс был с ними. Черная бездонная дыра, куда она провалилась на годы, когда надо было жить.

Но теперь она освободилась. Немного, но освободилась.

В конце концов к чему мы все приходим? Что нас ждет, когда мы состаримся? Разве может быть что-нибудь лучше спокойного местечка, которое ты с чистым сердцем можешь назвать домом — точнее, почувствовать домом, окруженное людьми, которые тебе нравятся. Места вроде Стэнвика с его ангелом Астрид. И Йерлофом, и Леннартом, — Джулия любила всех их.

И Джулия знала, что, наверное, даже и ее старшая сестра хочет того же самого.

— Да, все нормально, — повторила она, — увидимся в Гётеборге.

Полчаса спустя Ричард сел в свой здоровенный темно-зеленый «вольво», а Лена забралась в маленький «форд».

Она нагнулась и помахала через боковое окошко Джулии, а потом они оба уехали. Сначала Ричард и, следом за ним, старшая сестра.

Джулия вздохнула.

Через несколько минут в прихожей зазвонил телефон, но Джулия подумала, что на своих костылях не успеет ответить.

— Я подойду, — сказала Астрид. Джулия услышала, как она поднимает трубку. Потом Астрид крикнула ей из прихожей: — Это из полиции, Джулия... Тебя, Леннарт звонит.

Внутри дома было проще, удобнее и — самое главное — быстрее передвигаться с одним костылем. Второй только мешал, и Джулия рванула в прихожую. Она взяла трубку.

— Это я, Джулия.

— Как себя чувствуешь? — спросил Леннарт.

— Заживает потихоньку, просто нужно время... Астрид за мной ухаживает.

— Хорошо, — сказал он. — У меня кое-какие новости есть... Хотя, может быть, ты уже и слышала.

— Вы что, нашли Нильса Канта? — спросила Джулия. Ей показалось, что Леннарт вздохнул.

— Нет, я хотел сказать, что в погребке копалось совсем даже не привидение. Йерлоф тебе не рассказывал?

— Да мы вообще-то не успели поговорить, — ответила Джулия.

— Твой отец помог найти любителя снуса, — объяснил Леннарт, — ну ты знаешь, снус, который мы нашли в доме Веры.

— Ну и кто это такой был?

— Андеш Хагман.

— Андеш Хагман? — удивилась Джулия. — Ты хочешь сказать — тот самый, из кемпинга, сын Йона?

— Точно так.

— А ты уверен?

— Сам он в этом еще не признался, потому что мы не смогли с ним поговорить. Мы его еще не нашли. Но все указывает на него.

— Значит, это не Нильс Кант там ночевал?

— Нет, — сказал Леннарт, — всегда всему есть простое объяснение, Джулия. Андеш Хагман живет совсем недалеко от дома Веры, и в темноте ему ничего не стоило незаметно пробраться в дом Кантов.

— А почему он копал?

— Да есть кое-какие соображения на этот счет. Я кое-что надумал, и коллеги в Боргхольме помогли, — сказал Леннарт и спросил: — А ты Андеша знаешь? Вы общались, когда ты жила в Стэнвике?

— Нет, он был моложе меня... лет на пять, может, на четыре, — ответила Джулия, которая с большим трудом вспомнила, каким тогда был Андеш.

Она вытащила из памяти довольно неотчетливый образ сильного молчаливого застенчивого парнишки. И насколько Джулия помнила, Андеш всегда был сам по себе, работал в отцовском кемпинге и сторонился праздников, танцев, вечеринок и тому подобного.

— Его судили за драку, — продолжил Леннарт. — Ты это знала?

— За драку?

— В кемпинге двенадцать лет назад был скандал. Андеш вышел из себя и отделал одного малого из Стокгольма. Я сам тогда ездил в кемпинг вечером и арестовал его. Андеша признали виновным, и он возместил ущерб пострадавшему.

Они помолчали несколько секунд.

— Его что, в чем-нибудь подозревают, вы его разыскиваете?

— Да нет, в розыск его не объявляли, но мы действительно хотим его найти для того, чтобы поговорить... и получить от него объяснение, что он делал в доме Веры Кант. В любом случае он взломал ее дом. Это называется незаконное проникновение в чужое жилище.

«И меня с ним заодно», — подумала Джулия.

— А про Йенса вы не собираетесь у него спрашивать? Где был Андеш, когда исчез Йенс?

— Возможно, — произнес Леннарт. — А что, надо?

— Я не знаю.

Джулия не могла вспомнить, видел хоть раз Андеш Хагман ее сына или нет, но решила, что очень даже возможно, что и видел. Летом они часто ходили к пристани купаться, а оттуда рукой подать до кемпинга — вся пристань как на ладони. Йенс там целыми днями носился по берегу, а Андеш, может быть, стоял наверху и смотрел. Кто его знает!

— Судя по всему, он сейчас в Боргхольме, мы скоро выясним, где именно, — сказал Леннарт. — Если будет что-нибудь интересное, я тебе позвоню.

Йерлоф звонил Джулии сразу же после того, как узнал, что случилось. Но она скомкала разговор и постаралась закончить его как можно быстрее. Джулии было стыдно. Чем больше она думала о том, как вломилась в дом Веры Кант после того, как ей взбрело в голову, что там спрятали Йенса, тем больше ей становилось не по себе.

Наконец утром в понедельник раздался звонок в дверь.

Йон Хагман привез Йерлофа в Стэнвик. Джулия в прямом смысле докостыляла до двери, потому что была в доме одна, и открыла. Астрид уехала в Марнесс за покупками.

Йон остался в машине, Джулия видела, что он сидит за рулем, погруженный в свои мысли.

— Я только хотел заглянуть, посмотреть, как ты, — сказал Йерлоф. Он стоял, опираясь на трость, и переводил дух: он сам прошел двадцать метров от машины до дома.

— Я действительно нормально себя чувствую, не беспокоюсь, — заверила Джулия, покачиваясь на костылях. — Вы далеко с Йоном собрались?

— В Смоланд, — коротко ответил Йерлоф.

— А когда обратно вернетесь?

Йерлоф рассмеялся:

— Буэль спросила то же самое. У нее, по-моему, мания: с утра до вечера я должен сидеть в своей комнате. Вернемся, наверное, сегодня к вечеру... Может быть, даже заглянем к Мартину Мальму. Вдруг ему стало лучше.

— Это насчет Нильса Канта, да? — спросила Джулия.

— Может быть и так, увидим, — ответил Йерлоф.

Джулия кивнула. Если Йерлоф не хочет говорить больше, то спрашивать бесполезно.

— Я слышала про Андеша Хагмана и что ты рассказал про него полиции.

— Да, я назвал его имя... У Йона, конечно, это великой радости не вызвало, но рано или поздно все равно бы выплыло, тут ничего не поделаешь.

— Они хотят только поговорить с ним, — сказала Джулия. — Я точно не знаю, но похоже, что полиция в Боргхольме может возобновить расследование — про Йенса.

— Ага... Но я так думаю, что если это насчет Андеша, то пустой номер. Да и Йон, конечно, так же думает. Ложный след, как говорится.

— А ты что, знаешь, где не ложный?

— Нас, старых маразматиков, полиция не слушает. Все наши идеи кажутся им слишком сумасшедшими. Что, кроме дури, может прийти нам в голову? Так что сидим и помалкиваем.

— Но вы же хотите помочь? За это надо только поощрять.

— Ну да, — бросил Йерлоф и открыл дверь. — Делаем, что можем.

— Тогда удачи, — сказала Джулия. — Продолжай в том же духе, не сдавайся.

Ее реплика прозвучала иронически, хотя сама Джулия этого не хотела да и не заметила. Она поймет это позже, когда увидит Йерлофа в следующий раз — умирающим.

— Ну пока, увидимся, — ответил Йерлоф.

Свидад-де-Панама, апрель 1963 года

Панама, государство вокруг канала, Панама-Сити. Небоскребы и тут же рядом облезлые покосившиеся лачуги. Машины, автобусы, мотоциклы, джипы, метисы, банкиры, нищие, военная полиция, жужжащие мухи, толпы потных американских солдат на улицах. Повсюду воняет бензиновой гарью, гнилыми фруктами и жареной рыбой.

Каждый день Нильс бродил по узким раскаленным улицам города, ноги гудели.

Он пытался найти шведских моряков.

В Коста-Рике их не было, во всяком случае, Нильсу они там никогда не попадались. Чтобы найти шведов, он и приехал сюда, в Свидад-де-Панама.

Поездка на автобусе заняла шесть часов. За последние два года Нильс приезжал сюда уже в пятый раз.

Канал соединяет два океана, и корабли выстраиваются в очередь для того, чтобы сократить путь, а не плыть вокруг мыса Горн. Матросы часто сходили на берег размять ноги. Некоторые оставались и становились бомжами.

Он искал нужного человека среди оставленных и забытых матросов. Они собирались в порту, когда причаливало судно с севера или когда пастыри Скандинавской церкви раздавали еду. В остальное время Нильс продолжал поиски — в барах, магазинах, он искал среди тех, кто пил все, что содержит алкоголь: от дешевого колумбийского рома до спирта, который эти люди добывали из крема для обуви.

Пятая поездка. На второй вечер он шел по растрескавшемуся бетонному тротуару по кварталу недалеко от шведской церкви и заметил в арке смутную покачивающуюся фигуру. Там кто-то сидел на корточках с бутылкой. Церковь. Тихие голоса, люди, стоящие на коленях, приступы кашля, храп и вонь блевотины.

Нильс остановился перед ним.

— Ты там как?

Нильс говорил по-шведски, потому что если человек по-шведски не понимал, то на него и время тратить не стоило.

— Че? — спросил бомж.

— Я поинтересовался: у тебя все в порядке?

— Ты че, из Швеции?

Глаза у шведа были скорее тоскливые и потерянные, чем пьяные. Лицо заросло бородой, но еще не очень обрюзгло, и морщины вокруг глаз казались неглубокими. Этот швед еще не спился окончательно. Выглядел он примерно лет на тридцать пять, почти что возраст Нильса.

Нильс кивнул:

— Я родом с Эланда.

— Эланд? — радостно удивился бомж и закашлялся. — Эланд, надо же, во дерьмо... А я из Смоланда... В Ньюбру родился.

— Мир тесен, — сказал Нильс.

— Да вот, теперь здесь... я шлюзование^[67] пропустил.

— Да ну, надо же, какая неприятность.

— Да, в прошлом году. Опоздал... на судно. Шлюзоваться должны были два дня. Ну, значит, пошли на берег, потом в баре поскандалили, пил, помню, прямо из горлышка.

Бомж снизу вверх посмотрел на Нильса, в его глазах зажегся интерес.

— Слушай, а деньги у тебя есть?

— Может, и есть.

— Поставь мне тогда, а? Лучше виски... Я знаю где.

Ерзая спиной по стене, бомж попробовал подняться и застрял где-то на полпути: ноги его не держали.

— Но, может, я схожу за бутылкой, — предложил Нильс, — и мы выпьем вместе. Сиди и жди здесь, понял?

Бомж кивнул, окончательно сполз вниз и опять уселся на корточках.

— Трубы горят, — пробормотал он, — купи хоть что-нибудь.

— Ладно, — пообещал Нильс и, не глядя бомжу в глаза, и добавил: — Гора с горой, а человек с человеком. Может, еще и скорешимся.

Пять недель спустя. Пуэрто-Лимон. Английский квартал Ямайка — таун.

На вывеске было написано «Гостиница „Тикан“», но гостиницей это можно было назвать с изрядной натяжкой. Особенно впечатлял ресепшн: растрескавшаяся доска на двух хилых ножках, на ней замызганная, засиженная мухами книга для записи постояльцев. По наружной стене дома лестница вела на второй этаж, там находились крошечные комнаты для жильцов. С другой стороны улицы Нильс слышал, как кто-то громко говорил, разумеется, по-английски.

Неторопливо, практически бесшумно он поднялся по лестнице. Ему навстречу спустился здоровенный жирный таракан. Нильс прошел через узкую веранду на втором этаже. Там было четыре двери. Он постучал во вторую от лестницы.

— Да, сэр, — крикнули оттуда.

Нильс вошел.

Он уже в третий раз встречался со шведом, который обещал ему помочь вернуться домой.

Швед сидел в жаркой комнате гостиницы на хлипкой кровати. На шведе только штаны, с торса стекал пот. В руке он держал стакан. На бюро рядом с кроватью всюду старался жужжащий вентилятор.

С некоторых пор Нильс начал думать, что тот с Эланда. Швед никогда не рассказывал, откуда он родом, но Нильс очень внимательно прислушивался к тому, как он говорит, и, как ему показалось, заметил слабый эландский диалект.

Нильс был совершенно уверен в том, что швед хорошо знает Эланд. Интересно, видел он его когда-нибудь там или нет?

— Заходи, заходи.

Швед улыбнулся и показал на бутылку местного рома, на бюро.

— Как, Нильс, выпьешь?

— Нет.

Нильс закрыл за собой дверь. Он практически бросил пить.

— Чудесный городишко Лимон, Нильс, — проговорил швед. Нильс сделал вид, будто не слышит сарказма в его голосе. — Я сегодня побродил по округе и совершенно случайно наткнулся на настоящий бордель. Если не знать, никогда не догадаешься: заходишь — обыкновенный бар, а за ним — комнаты. Такие бабы! Но мне, конечно, лишние приключения не нужны, хотя там только скажи... Ну, я выпил и двинул оттуда.

Нильс коротко кивнул и прислонился спиной к закрытой двери.

— Я тут кое-кого присмотрел, — произнес он, — хороший кандидат.

Ему все еще непривычно было говорить по-шведски, неудивительно — отвык за восемнадцать лет за границей. Он даже начал забывать слова.

— Он тоже из Смоланда.

— Да ну, хорошо, — сказал швед. — А где нашел? В Панама-Сити?

Нильс снова кивнул:

— Я его с собой привез... у них тут теперь на границе построже стало. Пришлось заплатить, но ничего, сработало. Он теперь в Сан-Хосе, я ему нашел там дешевую гостиницу. Паспорт он давно потерял, но мы запросили новый в шведском посольстве.

— Хорошо, просто замечательно. Как его зовут?

Нильс покачал головой.

— Никаких имен, — отрезал он. — Ты-то свое не называешь.

— Ты можешь спуститься вниз и прочитать его на ресепшне, — ответил швед. — Я его собственноручно записал в журнале для постояльцев. Обязательная, понимаешь, процедура.

— Я видел, — сказал Нильс.

— Ну и что?

— Фритьоф^[68] Андерссон.

С довольной миной швед кивнул.

— Можешь звать меня Фритьоф, я не возражаю.

Нильс снова покачал головой:

— Я говорил про твое настоящее имя.

— А вот это совсем не важно, — произнес швед и пристально посмотрел на Нильса. — Хватит с тебя и Фритьофа.

— Может быть. — Нильс медленно кивнул. — Тогда оставим до лучших времен.

Швед взял простыню за край и промокнул лоб, а потом вытер пот и на

груди.

— Нам с тобой надо кое-что обсудить. Я собираюсь...

— Тебя действительно мама послала? — перебил Нильс.

— Да я тебе уже сказал.

Казалось, он очень не любил, когда его прерывали.

— Ну тогда она должна была передать с тобой письмо.

— Да будет тебе письмо, но позже, — успокоил Фритьоф. — Ты же получил деньги, верно? Ну и откуда они, по-твоему, взялись? От твоей матери. — Он поднял стакан и сделал глоток. — Нам сейчас о другом поговорить надо... Я через два дня отплываю домой. Так что на какое-то время связь прервется. Но когда все будет сделано — ты понимаешь, о чем я, — я вернусь. И это будет последний раз. Сколько тебе времени понадобится, как ты считаешь?

— Ну... недели две, наверное. Он же должен паспорт получить, потом сюда переехать, — объяснил Нильс.

— Хорошо, — бросил Фритьоф. — Тебе все надо сделать как надо, аккуратненько, без сучка без задоринки. Так что глаз с него не спускай. Тогда сможешь наконец вернуться домой.

Нильс снова кивнул.

— Ладненько, — сказал Фритьоф и опять промокнул лицо.

Внизу на улице кто-то смеялся, мимо протарахтел мотоцикл. Нильс хотел поскорее выйти из этой пропахшей потом комнаты.

— Что ты чувствуешь? — спросил швед, наклонился и с интересом посмотрел на Нильса.

— Что чувствую? — переспросил Нильс.

— Да, что-то мне любопытно стало, — улыбнулся Фритьоф Андерссон, — так, из чистого любопытства, Нильс... Что чувствуешь, когда убиваешь?

Йерлоф и Йон переехали через пролив по Эландскому мосту, миновали Кальмар и двинулись дальше на север вдоль смоландского побережья. Во время поездки они почти не разговаривали.

Йерлоф думал в основном о том, что для него все труднее и труднее выбираться из Марнесского приюта. Буэль устроила ему этим утром настоящий допрос насчет того, куда он собрался, зачем, на сколько. И в итоге сказала, что, наверное, он слишком здоров, чтобы жить в доме для престарелых.

— На Северном Эланде очень много стариков, которым трудно передвигаться, и им бы очень хотелось получить здесь комнату, Йерлоф. Приоритетный вопрос, кого выбрать, для нас всегда очень важен. Нам все время приходится решать. И я сильно сомневаюсь, не ошиблись ли мы в твоём случае.

— Делай что хочешь, — ответил Йерлоф и ушел, постукивая тростью.

Неужели у него действительно нет права на то, чтобы за ним ухаживали? Он, который зачастую без посторонней помощи и десяти метров пройти не мог. Буэль по-хорошему, наверное, радоваться бы надо, что он иногда на свежий воздух выбирается со старыми друзьями вроде Йона. Что тут плохого? Разве он не прав?

— Значит, Андеш пустился в бега? — наконец произнес Йерлоф. Они уже были всего в нескольких километрах от Рамнебю.

— Да, — ответил Йон. Он всегда строго придерживался ограничений скорости, и теперь за ними выстроилась длинная очередь из машин.

— Я так полагаю, ты объяснил Андешу, что его полиция разыскивает? — спросил Йерлоф.

Йон помолчал и потом кивнул.

— Я не думаю, что это очень удачная мысль, — сказал Йерлоф. — Полицейские очень обижаются, когда с ними не хотят разговаривать.

— Он только желает, чтобы его оставили в покое, — вступился за сына Йон.

— Я очень сомневаюсь, что это удачная мысль, — повторил Йерлоф.

Йон опять промолчал, потом спросил:

— Ты разговаривал с Робертом Блумбергом, когда был в Боргхольме на прошлой неделе? Ну, тем самым, который машины продает?

— Я его видел, — ответил Йерлоф, — в его магазине. Но мы не

общались... Да и в общем-то что я мог ему сказать?

— Это может быть Кант? — спросил Йон.

— Ну, если ты так вопрос ставишь... Мне так не кажется. Очень уж маловероятно, чтобы кто-нибудь вроде Нильса Канта мог вернуться из Южной Америки под новым именем и потом ухитриться раствориться в Боргхольме и жить совсем другой жизнью.

— Ну да, — протянул Йон, — может быть.

Через несколько минут они проехали мимо желтой таблички с надписью «Рамнебю». На часах было без четверти одиннадцать. Рядом прогромыхал тяжело нагруженный лесовоз, пахнуло свежеспиленным деревом.

Йерлоф раньше никогда не бывал в Рамнебю, все как-то не получалось. Мимо проезжал, это да. Сам по себе поселок был не больше Марнесса. Они быстро проехали через него и свернули к лесопилке.

К лесопилке вела закрытая стальная калитка, рядом — парковка, Йон поставил там машину. Йерлоф взял с собой портфель, потом они подошли к широкой калитке и позвонили. Из-под динамика под кнопкой звонка слышалось потрескивание.

— Алло, — сказал Йерлоф, не уверенный в том, куда ему обращаться: к кнопке звонка, динамику под ней или просто в воздух. — Алло... Мы бы хотели посмотреть музей. Вы не могли бы открыть?

В динамике все затихло.

— Они тебя слышали? — прошептал Йон.

— А черт его знает.

Йерлоф услышал у себя за спиной карканье. Он повернулся и посмотрел: на березе возле парковки сидела пара ворон, они снова закаркали. Йерлоф решил, что каркают они как-то по-другому, не так, как на Эланде. Наверное, у ворон тоже есть диалекты.

Потом он увидел, как изнутри к калитке подходит старик в кепке и черной куртке с капюшоном. Двигался он так же «шустро», как и сам Йерлоф. Старик нажал на кнопку со своей стороны, и калитка открылась.

— Хеймерссон, — сказал старик и протянул руку.

Йерлоф последовал его примеру.

— Давидссон, — представился он.

Потом очередь дошла до Йона.

— Хагман.

— Нам бы в музей, — настойчиво повторил Йерлоф. — Я вчера звонил...

— Да, я в курсе, — ответил Хеймерссон и повернулся показать

дорогу. — Хорошо, что вы позвонили. Вообще-то на самом деле музей открыт только летом. Но если предупредить заранее, то все можно устроить.

Они шли по территории фабрики, именно фабрики. Йерлоф ожидал увидеть здесь снующих туда-сюда работников в комбинезонах и кепках, пропахших насквозь свежеспиленным лесом, штабеля досок. По крайней мере, так раньше выглядели лесопилки. Ничего подобного: вокруг были только асфальтовые дорожки и площадки между большими серыми зданиями из стали и алюминия с надписями через весь фасад: «Рамнеблю Тимбер».

— Я здесь работаю сорок лет, — пояснил Хеймерссон. — Мне пятнадцать лет было, когда начал. Так и остался. Такие вот дела... А теперь за музеем присматриваю.

— Мы родом из того же поселка, что и владельцы. Они там в свое время жили, — сказал Йерлоф, — на севере Эланда.

— Владельцы? — спросил Хеймерссон.

— Ну да, семья Кант.

— Нет, они больше не владельцы. Они продали семейное предприятие в конце семидесятых, когда умер директор Кант. Теперь владельцы Рамнеблю — канадский лесной концерн.

— А прежний владедец, Август Кант, — спросил Йерлоф, — вы с ним встречались?

— Спрашиваете... — хмыкнул старик и улыбнулся, как будто бы вопрос показался ему забавным. — Я с ним виделся каждый день. Ну вот, пришли. Здесь раньше была контора.

Над дверью бывшей конторы висела деревянная табличка с надписью: «Музей древесины». Хеймерссон открыл замок, вошел и включил свет.

— Ну вот... как говорится, добро пожаловать. Это вам обойдется в тридцать крон. — И он направился к деревянной стойке с огромным старинным кассовым аппаратом.

Йерлоф заплатил за двоих и получил два квитка, как две капли воды похожие на тот, который он нашел в бумажнике Эрнста Адольфссона. И они пошли дальше собственно в музей.

Он оказался совсем небольшим: всего лишь две комнаты и соединяющий их короткий коридор. В середине комнаты стояли всевозможные пилы, старые распиловочные машины. На стенах были развешаны фотографии — по большей части черно-белые, в застекленных рамках, с аккуратно наклеенными пояснительными надписями. Йерлоф молча бродил среди них и рассматривал групповые снимки пильщиков и

лесорубов и фотографии шхун с грудями теса на палубе.

— Там еще другие снимки есть, поновее. Он в следующей комнате, — сказал у него из-за спины Хеймерссон.

— Хорошо, — отозвался Йерлоф. Ему хотелось побродить здесь одному, и он заметил, что и Йон, похоже, прикидывает, как бы избавиться от гида.

— Наш первый компьютер тоже там выставлен, — продолжал экскурсию Хеймерссон. — Это прогресс... Всеми пилами сейчас управляют компьютеры. Я не понимаю, как это все происходит, но работает.

— Да, интересно.

Йерлоф рассматривал фотографии.

— Рамнебю экспортирует обработанную древесину даже в Японию, — не унимался Хеймерссон. — Вы, эландцы, с японцами-то, наверное, никогда дел не имели?

— Нет, — согласился Йерлоф, — с японцами не доводилось. — И добавил: — Но пол в соборе Святого Павла в Лондоне выложен нашим камнем.

Хеймерссон ничего не ответил, Йерлоф решил сменить тему.

— Один наш друг приезжал сюда в прошлом месяце — Эрнст Адольфссон.

— С Эланда?

Йерлоф кивнул.

— Он каменотес и был в музее в середине сентября.

— Ну да, я это очень хорошо помню, — сказал Хеймерссон. — Я для него специально музей открывал, так же как и для вас. Очень оказался приятный человек. Он мне еще рассказывал, что живет на Эланде. Но родом отсюда, из поселка.

— Из Рамнебю? — спросил Йерлоф.

— Он здесь вырос, а потом переехал на Эланд.

Для Йерлофа это было новостью. Он никогда не слышал, чтобы Эрнст упоминал о своей родной деревне.

Он прошел чуть дальше и наконец увидел это: фотографию Мартина Мальма и Августа Канта. Лесопилка, пристань и групповой снимок рабочих; на переднем плане Мальм и Кант. «Дружеская деловая встреча на пирсе лесопилки, 1959 год», — сообщал машинописный текст под фотографией. Хотя на снимке что-то похожее на улыбку можно было найти только у одного-единственного человека. Все остальные, включая Мартина и Канта, довольно мрачно пялились в объектив камеры.

«Тысяча девятьсот пятьдесят девятый год. А потом, через несколько лет, Мартин Мальм купил свое первое большое судно», — отметил Йерлоф.

Это была большая фотография, намного больше, чем в книге. Рука на левом плече Мартина виднелась совершенно отчетливо. По меньшей мере это можно расценивать как дружеский знак. Самому Йерлофу никогда в голову не приходила мысль положить руку на плечо Мартина Мальма. Он был не из тех людей, которые располагают к фамильярности. Но в случае с Августом Кантом все казалось по-другому.

— Это один из наших друзей, — сказал Йерлоф, указывая на Мартина. — Капитан с Эланда.

— Вот как, — произнес Хеймерссон, прозвучало это без особого интереса. — Здесь раньше в свое время парусников было не протолкнешься... Лес возили на Эланд. У вас там с деревом-то не очень.

— В том-то и беда, что у нас было очень много леса, но его вырубил подчистую во благо Родины и отправили на материк, — возразил Йерлоф. Он опять показал на снимок: — А вот здесь — это Август Кант, верно?

— Директор Кант, да.

— Племянник у него довольно известный, — заметил Йерлоф, — Нильс Кант.

— А, этот, ну да. Убийца полицейского. О нем много говорили, в газетах тоже писали. Но он вроде как умер. Сбежал за границу, там и помер, да?

— Ну да, — сказал Йерлоф. — А до того он здесь не появлялся?

— Я так думаю, что директор не шибко жаловал Нильса, — начал Хеймерссон, — он о своем племяннике никогда не говорил. Так что и другие, если директор был поблизости, тоже Нильса не поминали.

— А может быть, это из-за того, что он знал, где Нильс? — спросил Йерлоф.

— Как сказать, может быть и так. Нильс приходил сюда, когда сбежал с Эланда после убийства полицейского.

— Да ну, приходил сюда? И что, встречался со своим дядей?

— Да я не знаю, но он околачивался здесь какое-то время, люди его в лесу видели, — сказал Хеймерссон и ткнул пальцем в фотографию. — Вот здесь Гуннар, мы тогда оба подмастерьями числились. Он божился, что встретил Нильса и деньги для него получил. Но Гуннар много насчет чего божился... Вот что я точно помню — это то, что полиция приезжала. Потому что кто-то им сообщил, что здесь был Нильс Кант. Полицейские караулили здесь несколько дней, ждали, наверное, что он покажется. Все, конечно, немного нервничали... но работу мы свою не бросали. А убийцы

этого и след простыл, куда-то подевался.

Йерлофу показалось, что он как наяву видит Нильса Канта. Как тот крадется вдоль стены вокруг здания конторы, подобравшись с другой стороны площадки, как пригибается и потом осторожно заглядывает в окно, высматривая своего дядю Августа.

— А вы с нашим другом Эрнстом, случайно, вот про эту фотографию с пристани не говорили?

Хеймерссон помолчал, подумал немного и наконец произнес:

— Ну да, было дело. Он перед ней остановился, а потом спросил у меня про имена.

— Имена? — спросил Йерлоф. — Кого? Рабочих?

— Ну да, и я ему назвал, ну всех, кого вспомнил. Такие вещи с годами, конечно, забываются. Вот, например, я сейчас не могу...

— А мне вы бы не могли их сейчас назвать? — перебил его Йерлоф. Он достал из портфеля блокнот и карандаш.

— А чего ж, могу, — отозвался Хеймерссон. — Так, значит, посмотрим. Слева...

Имен первых трех в ряду Хеймерссон не помнил. И неудивительно, это были моряки, но остальных Йерлоф старательно записал: Пер Бенгтссон, Кнут Линдквист, Андеш Окергрэн, Клайес Фриселль, Гуннар Йоханссон, Ян Экендаль, Микаэль Ларссон. Потом Йерлоф посмотрел на список — ни одно из имен ни о чем ему не говорило. Он по-прежнему не понимал, что тут так заинтересовало Эрнста.

Хеймерссон безразлично пошел дальше по коридору в соседнюю комнату. Там было продолжение музея.

— Вот здесь наш первый компьютер... Здоровый, как дом. Раньше они все были такие.

Йерлоф вежливо кивал. Хеймерссон рассказывал ему о технологическом прогрессе и развитии лесной промышленности. По большей части это была статистика и описание машин.

— В самом деле, очень интересно, — произнес Йерлоф. — Огромное спасибо.

— Всегда пожалуйста, — ответил Хеймерссон. — Очень приятно, когда интересуются деревообработкой. — Он вышел вслед за ними на асфальтированную площадку и указал на здания из стали: — У нас как раз недавно появилась новая рентгеновская установка для определения качества древесины. Вы, может, хотите ее тоже посмотреть?

Йерлоф краем глаза заметил, как Йон быстро качнул головой. С него, похоже, и древесины было достаточно.

— Большое спасибо, — поблагодарил он, — но боюсь, что это для нас уже сложновато. Мы, наверное, лучше спустимся к гавани и посмотрим на нее.

— Гавань? — удивился Хеймерссон. — Но я бы не стал ее так называть. Она же мелкая, большое судно сюда и зайти не сможет. У нас вся транспортировка на грузовиках.

— Но нам все же хотелось бы взглянуть, — сказал Йерлоф.

— Да пожалуйста. Тогда я музей запираю.

И в самом деле: ни о какой гавани и речи быть не могло. Йерлоф это понял, как только они спустились метров, наверное, на сто и подошли к воде. От пирса мало что осталось. Асфальт растрескался, и даже массивные гранитные кубы, из которых был сложен мол,^[69] расползлись со временем в стороны, между глыбами виднелись широкие просветы.

От пирса на несколько десятков метров в воду уходил деревянный причал. Он явно нуждался в ремонте. «У них что, на ремонт досок не хватает?» — подумал Йерлоф. К причалу была привязана старая плоскодонка. Она одиноко покачивалась на воде, наверное, поджидая своего владельца — когда тот наконец придет и заберет ее, пока не ударили морозы.

С суши дул зверски холодный ветер. На горизонте черной полоской виднелся Эланд. Побережье Смоланда, конечно, было очень красивое, со всеми своими островками и бухточками, но Йерлоф почувствовал, что уже скучает по Эланду.

— Наверное, вот здесь шхуна Мартина Мальма и грузилась, — предположил он.

— Ну да, судя по снимку, так, — заметил Йон.

Больше смотреть здесь было не на что. И хотя на Йерлофе было зимнее пальто, его пробирал холод. У него не возникло ни малейшего желания идти с пирса на причал на самый ветер, и, когда Йон повернулся, явно собираясь возвращаться, Йерлоф сделал то же самое.

На обратном пути Йерлоф остановился и посмотрел на площадку между зданиями лесопильной фабрики: по-прежнему пусто, ни одной живой души. И тут, совершенно неожиданно, в долю секунды его осенило. Это противоречило всякой логике. Но откуда-то из подсознания появилась мысль, он даже толком не успел додумать до конца:

— Все началось здесь.

— Что? — спросил Йон.

— Да, все началось здесь: Нильс Кант, Йенс и... Мой внук умер из-за того, что пошло отсюда.

- Откуда отсюда? Из Рамнебю?
- Ну да. Все началось на лесопилке.
- Откуда ты это взял?

— Я знаю, — сказал Йерлоф и сам понял, как глупо это звучит. Поэтому ему пришлось продолжить: — Когда Нильс пришел сюда... он должен был встретиться со своим дядей Августом. И они наверняка до чего-то договорились.

Но то прозрение, которое только что ощущал Йерлоф, куда-то пропало. Он что-то упустил.

— Ну что, поехали домой? — спросил Йон.

Йерлоф медленно кивнул, и они пошли дальше.

Йерлоф один сидел в машине Йона. Она стояла возле каменного дома на тихой безлюдной Лармгатан в центре Кальмара. По дороге домой Йон захотел ненадолго заехать в город, чтобы повидать свою сестру Ингрид.

Йерлоф размышлял: дала ли хоть что-нибудь поездка в музей? Но ни малейшей уверенности у него в этом не было.

По другую сторону улицы открылась дверь дома, Ингрид снимала там квартиру. Появился Йон. Он подошел к машине и распахнул дверцу.

— Как она, как самочувствие? — спросил Йерлоф.

Йон ничего не ответил, завел двигатель, и они выехали на улицу. Они пересекли Кальмар и выехали на шоссе к Эланду. Йон продолжал молчать. Когда они уже проезжали по мосту через пролив, Йерлоф не выдержал и спросил:

— Что не так? Что случилось? У Ингрид что-нибудь?

Йон мотнул головой:

— Полиция схватила Андеша. Они там в обед были и увели его.

— Где? — не сразу понял Йерлоф. — У Ингрид?

Йон кивнул:

— Да, Андеш был у своей тети. Он там прятался, а сейчас они его арестовали.

— Арестовали его, ты уверен? Что ты говоришь? Полиция арестовывает только тех, кого они...

— Ингрид сказала, что они просто вошли, — перебил Йон, — вошли и сказали, что он должен следовать с ними в Боргхольм. Ингрид спросила зачем, а они даже не стали ей отвечать.

— А ты знал, что он уехал в Кальмар? — спросил Йерлоф.

Йон не ответил и лишь кивнул в очередной раз.

— Я тебе утром уже говорил, — медленно произнес Йерлоф, — что

это не самая лучшая идея — скрываться от полиции, когда они хотят с тобой поговорить. Это выглядит подозрительно.

— Андеш им не верит, — объяснил Йон. — Тогда, в кемпинге, он попытался прекратить скандал и уговорить этого стокгольмца. Не он начал, а обвинили Андеша.

— Я знаю, — сказал Йерлоф, — это неправильно, несправедливо. — Он немного подумал, а потом очень осторожно спросил: — Но если, предположим, полиция считает, что Андеш может иметь какое-то отношение к исчезновению моего внука, и хочет с ним об этом поговорить... Есть хоть что-нибудь, я хочу сказать, хоть малейшие основания на это? Никто, кроме тебя, так хорошо не знает Андеша... Ты сам хоть раз его заподозрил?

Йон покачал головой:

— Андеш, он простой.

— Что, так-таки прямо и ни разу? — спросил Йерлоф.

— Да было как-то, — протянул Йон, — Андешу тогда было лет, наверное, тринадцать. Он засел в кустах у пристани и подглядывал за девочками, которые переодевались. Ну я его застукал и сказал, чтобы он больше никогда так не делал. Он и не делал.

Йерлоф кивнул.

— Ну что тут скажешь, не велик грех, — проговорил он.

— Он простой, — повторил Йон, — а они его все равно арестовали.

Они переехали через мост, который вдруг показался Йерлофу длиннее, чем обычно, и вернулись на Эланд. Йерлоф немного подумал, посмотрел на продуваемую ветром пустошь, кивнул и сказал:

— Ну, тогда поехали в Боргхольм. Я должен наконец поговорить с Мартином Мальмом. Он знает, что случилось на самом деле.

— Не я буду разговаривать с Андешем Хагманом, — сказал Леннарт Джулии, когда они подъезжали в полицейской машине к Боргхольму. — Должен приехать старший инспектор из Кальмара. Он специалист в таких делах.

— А Андеша долго будут допрашивать? — спросила Джулия и посмотрела на Леннарта.

В честь визита в город Леннарт надел новую зимнюю куртку на теплой подкладке, с полицейской эмблемой на рукаве.

— Я думаю, не стоит называть это допросом, — быстро заметил Леннарт, — скорее разговором или беседой. Андеша не арестовали. Он даже не считается задержанным, для этого нет никаких оснований. Но если он признает, что действительно взломал дом Веры Кант и у него хранились те, старые, вырезки, тогда, естественно, возникнут вопросы, касающиеся твоего сына. В таком случае посмотрим, что Андеш скажет в этой связи.

— Я пыталась вспомнить... интересовался когда-нибудь он Йенсом, — сказала Джулия, — но ничего похожего так и не пришло в голову.

— Ну и хорошо, не стоит начинать всех во всем подозревать.

Леннарт позвонил во вторник утром, когда они с Астрид пили кофе. Он поделился новостью о том, что Андеша Хагмана нашли в Кальмаре и привезли в Боргхольм. Примерно через полчаса он приехал на своей служебной машине, чтобы забрать Джулию. Она была благодарна Леннарту, что он с самого начала держал ее в курсе расследования, или как там это называлось. Но при этом нервничала, потому что не знала, что ждет впереди.

— Мы что, одной комнате сидеть будем? — спросила она. — Мне кажется, что не...

— Да нет, конечно, — успокоил Леннарт, — только Андеш и старший инспектор Никлас Бергман.

— А у вас есть там такое прозрачное зеркало или, может быть, телекамера?

Она замолчала на полуслове, когда заметила, что Леннарт смеется.

— Да нет, ничего похожего. Ты американских сериалов насмотрелась, когда свидетели опознают подозреваемых через окошко с односторонней прозрачностью и прочие завлекательные штуки. Конечно, иногда мы

пользуемся и видеокамерами, но на самом деле не так часто. В Стокгольме, конечно, такое часто бывает, но не здесь.

— Ты веришь, что это мог быть он? — спросила Джулия, когда они остановились у первого светофора при въезде в Боргхольм.

Леннарт покачал головой:

— Я не знаю, но мы с ним обязательно должны поговорить.

Улица, где располагалось полицейское управление Боргхольма, находилась совсем недалеко от въезда в город. Леннарт остановил машину на парковке и открыл бардачок. Джулия смотрела, как он что-то ищет среди бумаг, визитных карточек и пакетиков с жевательной резинкой.

— Здесь это нельзя забывать, — пояснил он. — Я не думаю, что понадобится, но оставлять не надо.

Он вытащил пистолет в черной кобуре. На коже было вытиснено: «Глок». Леннарт быстро прицепил его к портупее и подождал, пока Джулия выберется со своими костылями из машины. Потом они направились в здание полиции.

Джулии пришлось довольно долго ждать в кафетерии полицейского управления Боргхольма.

В углу стоял телевизор, и Джулия поймала себя на том, что тупо уставилась в экран и смотрит ту же самую американскую программу «Телешоп», что и дома, в своей квартире в Гётеборге. Сейчас она не понимала: неужели ей действительно это было когда-то интересно.

Было почти два часа, когда в комнату вошел Леннарт.

— Ну все, закончили, — сказал он, — по крайней мере на этот раз. Ты не хочешь съездить куда-нибудь перекусить?

Джулия кивнула, стараясь не выдать, насколько ей любопытно: наверняка Леннарт расскажет обо всем в подходящей обстановке. Она взяла костыли, и они пошли к выходу.

— А Андеш здесь останется? — спросила она, когда они вышли на холодную Стургатан.

Леннарт покачал головой:

— Он поехал домой в свою квартиру в Боргхольме.

Он старался идти помедленнее, подлаживаясь под ковыляющую по тротуару Джулию. Она пыталась двигаться побыстрее, но холод был зверский, пальцы заledenели. Вдруг Леннарт добавил:

— Или это квартира его матери — я точно не знаю. Он обещал никуда не уезжать на тот случай, если нам понадобится еще с ним побеседовать... А как насчет китайской кухни, ты не против? А то мне пицца уже

осточертела.

— Только если недалеко идти, — ответила Джулия.

Леннарт повел ее в китайский ресторан рядом с Боргхольмской церковью.

Народу в ресторане оказалось немного. Джулия и Леннарт сняли куртки и сели за столик у окна. Джулия смотрела на белое здание церкви и вспоминала теплое лето. Она была здесь на конфирмации^[70] и влюбилась тогда в одного мальчика, которого звали... Как же его звали? Тогда это казалось ей очень важным, а сейчас она даже имени не помнила.

— Но что же все-таки Андеш делал на вилле? — тихо спросила Джулия, когда они заказали еду. — Он про это сказал?

— Да, он говорит, что бриллианты искал, — ответил Леннарт.

— Что, бриллианты?

Леннарт кивнул и посмотрел в окно.

— Старая история, слухи ходили, и я тоже про это слышал. Дескать, немецкие солдаты, которых убил Нильс Кант, были не с пустыми руками. Поговаривали про драгоценные камни. Вот Андеш и додумался, что Нильс их в погребе припрятал. Ну и взялся копать. Копал, копал, но так ничего и не нашел, — сказал Леннарт и добавил: — Так он, во всяком случае, говорит. Из него слова клещами вытягивать приходится.

— А как насчет вырезок? — поинтересовалась Джулия.

— Они были в шкафу, он их там нашел и повесил. Андеш считает, что их хранила Вера. — Леннарт посмотрел на Джулию. — Знаешь, что он еще сказал? Он говорит, что чувствовал поблизости Веру. Там, в доме, что она приходила в дом. Ну, в смысле как привидение.

— А, — все, что и смогла произнести Джулия по этому поводу. Ей не хотелось рассказывать, что она чувствовала то же самое. Ночью она не пошла бы туда ни за какие деньги.

У Джулии оставался еще один вопрос, но она не знала, стоит ли спрашивать. Но как раз перед тем, как им принесли еду, Леннарт начал сам:

— Андеш говорит, что он в тот день вообще не видел твоего сына и ничего о нем не знает. Его прямо спросили, и он объяснил, что практически весь день просидел дома, а потом появился этот туман. Он говорит, что было сыро и ничего не видно. А позже он услышал, что случилось, и пошел помогать искать твоего сына. — Никлас Бергман, ну, тот, кто разговаривал с Андешем, считает, что он говорит правду. Похоже на то, что он ничего не пытается утаить ни насчет взлома дома Веры Кант, ни про это дело с твоим сыном, — добавил Леннарт.

Джулия кивнула.

— Так что, мне кажется, он тут ни при чем и мы ничего нового не выяснили. Может, откуда-нибудь и всплывет что-нибудь еще. Но к Андешу это отношения не имеет.

Джулия опять кивнула. Она посмотрела на свои руки и сказала:

— Я хочу попробовать начать жить дальше... а не закапываться в прошлом. У меня это раньше не очень хорошо получалось, но этой осенью кое-что изменилось. Стало немного, но полегче. Я, наверное, смирилась и могу теперь оплакивать его как мертвого, а раньше не могла. — Она посмотрела на Леннарта. — Как мне кажется, это хорошо, что я приехала на Эланд... Повстречалась с папой, познакомилась с тобой.

— Я действительно очень рад это слышать, — произнес Леннарт. — Мне это все знакомо, я сам тоже надолго застрял в прошлом. Наверное, слишком надолго. — Он помолчал и продолжил: — Иногда мне бывало чертовски плохо, до тех пор пока я не понял, что месть не приносит ни счастья, ни удовлетворения. Надо жить дальше. В будущее смотреть очень трудно, но мне кажется, что только так и надо.

— Да, — тихо согласилась Джулия, — лучше оставить мертвых в покое.

Пуэрто-Лимон, июль 1963 года

Нильс стоял на песчаном пляже под названием «Плайя Бонита» на окраине Лимона. Все вино было выпито, пирушка заканчивалась. За вечер он уговорил две бутылки красного чилийского вина, но, вопреки собственным ожиданиям, был абсолютно трезв.

Народу сегодня на «Плайя Бонита» оказалось совсем мало. Почти все уже давно разъехались.

Не считая Нильса, там оставались еще двое. Две темные тени на фоне светлого песка. Рядом догорал костерок. Они что-то тихо напевали, гоготали над своими дурацкими шутками, положив руки на плечи друг друга. Одной из этих теней был швед, которого Нильс знал как Фритьофа Андерссона, второй — его жертва. Иногда Нильс называл его про себя смоландцем, но чаще всего просто Пьянь. Алкаш, он и есть алкаш.

Пьянь считал, что в Коста-Рике намного лучше, чем в Панаме. Он много раз жалел, что не приехал сюда раньше. Он говорил, что Лимон фантастический город. Как, впрочем, и о том, что ему здесь хорошо и совсем не хочется домой.

Нильс тогда сказал ему, что он может оставаться здесь сколько захочет. Ведь это Нильс помог Пьяни перебраться в Коста-Рику. Он позаботился о том, чтобы тот хоть на какое-то время протрезвел и получил временный паспорт в посольстве в Панама-Сити вместо того, что он оставил на своем последнем судне. Потом он посадил Пьянь на поезд до Сан-Хосе. Нильс нашел ему комнату в дешевом отеле рядом с вокзалом и дал Пьяни немного денег на вино и еду, а потом стал дожидаться Фритьофа Андерссона.

Пьянь был ему очень благодарен, утомительно благодарен. Ну еще бы: он наконец нашел нового друга, который все понимал и за которого готов был отдать жизнь.

Слушая речи Пьяни, Нильс молча кивал и улыбался. Он хотел только одного: чтобы Фритьоф наконец вернулся, причем как можно скорее, и помог. Фритьоф Андерссон был уже близко... Нильс не собирался набиваться в друзья к этому шведу. Он подавлял Нильса. Впрочем, Фритьоф походил на него самого. Нильс хотел домой, на Эланд. Фритьоф обещал все организовать. Но, конечно, недаром...

На юг, там, где дом, там, где свет.

Все, что было нужно Фритьофу, — так это спрятанные драгоценные камни.

У Нильса возникли такие подозрения. Фритьоф несколько раз заводил разговор о камнях, и он знал, что тогда, после войны, Нильс сделал на пустоши.

— Значит, они издалека приплыли, те немцы? — спросил Фритьоф. — А верно, что говорят: они с собой на Эланд драгоценности привезли? Ну те, что на войне раздобыли... Куда они девались? Что ты с ними сделал, Нильс?

Он задавал много вопросов, но Нильс подозревал, что этот, как он себя называл, Фритьоф уже знает почти все ответы.

Нильс ответил на его вопросы, коротко, односложно, но так и не сказал, где спрятал камни. Это его сокровища. Его единственная награда. Нильс столько лет прожил практически без денег, что заслужил ее.

Довольно скоро Пьяни стало скучно в его маленькой комнате в Сан-Хосе, но Нильсу необходимо было удержать его там до приезда Фритьофа. Дня через три говорить им стало больше уже не о чем. А потом еще неделю они просто сидели и вместе пили в комнате гостиницы. Снаружи, с улицы,

жарило солнце, вокруг валялись пустые бутылки.

Наконец самолет Фритьофа приземлился, и он заявился в гостиницу, широко улыбаясь из-под больших солнечных очков. Пьянь слегка очухался, но так толком и не понял, откуда взялся новый швед и что ему надо. Но Фритьоф быстренько заказал еще вина, и пирушка продолжилась. Фритьоф пел, смеялся, шутил, но ни на секунду не переставал контролировать ситуацию. Он внимательно изучал Пьянь.

Через день после прилета Фритьофа Нильс ехал на поезде обратно в Лимон. Он вернулся в свою маленькую комнату, заплатил хозяйке за жилье, а потом остриг волосы, так же коротко, как у Пьяни. Потом он пошел в свой обычный бар возле порта, кивая всем беднягам, которые уже никогда не смогут выбраться из Лимона. Он пил вино и старался, чтобы его видели несколько вечеров подряд — и здесь, и на скользких улицах — пьяным, по крайней мере с виду.

— Echa,^[71] — сказал он и поблагодарил всех. И рассказал хозяйке и нескольким барменам, что скоро уезжает на север, задержится, наверное, в «Плайя Бонита». Но вернется скоро, дня через два. К нему должен приехать один шведский друг.

— Echa, — повторял Нильс. — Hasta pronto.^[72]

В свой последний день в Лимоне Нильс поднялся на рассвете, оставил в ящике кухонного стола немного денег и большую часть вещей, взял с собой немного одежды, еду, бумажник и письмо от Веры. Потом он оставил Лимон, навсегда. Он миновал рынок, где торговцы уже раскладывали рыбу, — немые и безымянные свидетели его возвращения домой. И прошел дальше, мимо железнодорожной станции и еще дальше, на север, прочь из города. Он направился на встречу с Фритьофом Андерссоном.

Он не убегал — Нильс возвращался домой. В первый раз почти за двадцать лет Нильс чувствовал: он на пути домой, на Эланд.

Массивную дверь особняка Мартина Мальма на сей раз открыла не молоденькая медсестра. В дверях стояла пожилая женщина с длинными седыми волосами в блузке и светлых брюках. Йерлоф сразу же узнал ее — жена Мартина Анн-Бритт.

— Добрый день, — сказал Йерлоф.

Женщина застыла в дверях. Ни одна черточка на ее бледном лице не шевельнулась. Кажется, она его не узнала.

Йерлоф переложил трость и сказал, протянув руку:

— Йерлоф Давидссон из Стэнвика.

— Ах да, Йерлоф, — произнесла она, — конечно. Ты был здесь на прошлой неделе вместе с женщиной.

— Это моя дочь.

— Я смотрела на вас со второго этажа, но когда спросила Ильву, то она так и не вспомнила, кто приходил.

— Конечно, бывает, — сказал Йерлоф. — Просто захотелось немного поговорить с Мартином о старых временах, но время оказалось неподходящее. Как он сегодня, лучше?

Йерлоф чувствовал, как ледяной ветер с пролива гуляет у него по спине, и постарался не стучать зубами. Для него было бы сейчас очень кстати оказаться в теплом доме.

— Сегодня тоже немногим лучше, — ответила Анн-Бритт Мальм.

Йерлоф понимающе кивнул.

— Но все-таки немного лучше? — спросил он. При этом он себя чувствовал коммивояжером, который пытается что-то всучить хозяйке дома. — Як нему ненадолго.

Наконец Анн-Бритт отступила от двери.

— Посмотрим, как он, — сказала она, — заходи.

Перед тем как последовать за Анн-Бритт, Йерлоф оглянулся и посмотрел на улицу.

Йон сидел в машине, Йерлоф кивнул ему и объяснил:

— Похоже, что я попаду к Мартину, так что возвращайся через полчаса.

Йон поднял над рулем руку в знак того, что понял Йерлофа, завел мотор и уехал.

Йерлоф вошел внутрь, в тепло, и его постепенно перестало колотить.

Он поставил свой портфель на каменный пол большой прихожей и снял пальто.

— На улице почти зима, — сказал он Анн-Бритт.

Она лишь молча кивнула. Было совершенно очевидно, что она не склонна вести светскую беседу.

Анн-Бритт открыла дверь в дальнем конце прихожей, Йерлоф шел следом.

За дверью оказалась большая комната — гостиная. Воздух спертый, застоявшийся, пропахший сигаретами. Окна выходили на задний двор виллы, но темные портьеры были задвинуты. С потолка свисала хрустальная люстра, закутанная белым покрывалом. В двух углах гостиной стояли облицованные кафелем печи, в третьем — телевизор; он был включен. По экрану почти неслышно, потому что звук был приглушен, носились забавные человечки, — показывали мультики.

«Семейка Флинстоунов».

Перед телевизором стояло кресло-каталка. В нем сидел Мартин Мальм, наполовину укутанный пледом. Его лысая голова была испещрена темными возрастными пятнами; надо лбом — старый светлый рубец; голова тряслась.

Вот он, Мартин Мальм, собственной персоной. Тот, кто прислал Йерлофу сандалию Йерлофа.

— К тебе гость, Мартин, — объявила Анн-Бритт.

Голова старого судовладельца дернулась, он оторвался от телевизора и посмотрел на Йерлофа.

— Добрый день, Мартин, — поприветствовал Йерлоф. — Как ты себя чувствуешь?

Трясущийся череп Мальма опустился на пару сантиметров — это был кивок.

— Как оно, ничего? — спросил Йерлоф.

Мальм опять мотнул головой, на сей раз это было отрицание.

— Не очень? Я вообще-то тоже. Но, наверное, мы это заслужили.

Йерлоф помолчал. На экране телевизора Фред Флинстоун прыгнул в свою машину и исчез в облаке пыли.

— Ты кофе хочешь, Йерлоф? — спросила Анн-Бритт.

— Нет, спасибо, не стоит беспокоиться.

Йерлоф очень надеялся, что она останется вместе с ними в гостиной. Но, похоже, зря. Анн-Бритт повернулась, держась за ручку двери, посмотрела на Йерлофа так, как будто умела читать мысли, и сказала:

— Я вас оставлю на некоторое время.

С этими словами она вышла и закрыла за собой дверь. Казалось, после ее ухода в гостиной стало еще тише.

Йерлоф постоял несколько секунд и потом подошел к одному из стульев, стоявших у стены. Стул был в нескольких метрах от Мартина, но Йерлоф понимал, что ему будет тяжело подтащить его поближе, поэтому просто сел.

— Ну так, — произнес он, — теперь мы можем немного поговорить.

Мартин смотрел на него не отрываясь.

Йерлоф обратил внимание, что в гостиной ничто не напоминало о морском прошлом хозяина — в отличие от увешанной фотографиями судов прихожей или комнаты самого Йерлофа в Марнесском приюте. Никаких судовых фотографий, никаких морских картин, компасов и тому подобного.

— Ты по морю не скучаешь, Мартин? — спросил Йерлоф. — Я вот скучаю, даже в такой холодный ветреный день, когда лучше сидеть дома. Вот, я свой портфель сохранил. — Он поднял его. — В капитанские времена я в нем судовые документы хранил, да он и сейчас почти как новый. Я тебе одну вещь хотел показать... — Йерлоф раскрыл портфель и достал юбилейную книгу судовой компании Мальма. — Ты, наверное, сразу ее узнал... Я в эту книгу часто заглядывал и прочитал много интересного про твои суда и плаванья, Мартин. Но вот эта фотография, по моему, особенная. — Йерлоф открыл книгу и нашел страницу со снимком в Рамнебю. — Вот здесь, — сказал он. — Кажется, это конец пятидесятых, как раз перед тем, как ты свой первый океанский корабль купил.

Он посмотрел на Мартина Мальма и понял, что сумел пробудить в старом моряке интерес. Мальм глядел, на фотографию, и Йерлоф заметил, что его правая рука шевельнулась, как будто бы он пытался поднять ее и на что-то показать.

— Узнаешь себя? — спросил Йерлоф. — Конечно, узнаешь. А шхуну? Ведь это вроде «Амелия»? Мы обычно рядом швартовались в Боргхольме — твоя «Амелия» и мой «Морской рыцарь».

Мартин Мальм посмотрел на фотографию, но ничего не сказал, он тяжело дышал, так, будто ему не хватало воздуха.

— А место ты помнишь, где вас фотографировали? Я-то сам чаще возил машинное масло в Оскархамн, когда ходил в Смоланд, а это вроде как южнее, верно?

Мартин ничего не ответил, он продолжал, не отрывая взгляда, смотреть на фотографию, которую показывал ему Йерлоф. Стоящие на причале у лесопилки люди смотрели со снимка на Мальма, и Йерлоф заметил, что голова Мартина опять задергалась.

— Это ведь лесопилка в Рамнебю, правильно? Под этой фотографией подписи нет, но мне Эрнст Адольфссон сказал — он место узнал. Когда эта фотография была сделана, мы все жили одной жизнью. У каждого из нас была своя шхуна, и мы плавали, чтобы более или менее сводить концы с концами...

Йерлоф опять указал на фотографию:

— А вот здесь сам владелец лесопилки Август Кант, брат Веры Кант из Стэнвика. Ну, Августа ты же вроде хорошо знаешь, верно? У вас же там какие-то общие дела имелись?

Мартин попробовал подняться из кресла-каталки, чтобы подойти ближе к Йерлофу. По крайней мере, ему так показалось, потому что плечи Мартина приподнялись, он чаще задыхался, и на подставках кресла шевельнулись его ноги. Он продолжал смотреть на снимок, потом открыл рот.

— Фрр-шов, — произнес он неразборчиво.

— Извини, не расслышал. Что ты сказал, Мартин?

— Фрр-шов, — повторил Мальм.

Йерлоф озадаченно посмотрел на Мартина и закрыл книгу. Что же такое сказал Мартин? Было вроде похоже на «фритюр», может быть, «дядьев».

А может быть, это было имя?.. Риттьоф?

Или, может быть, Фриттьоф?

Пуэрто-Лимон, июль 1963 года

Нильс нетерпеливо ждал уже более получаса. Он стоял, повернувшись спиной к пляжу, в темноте под пальмами. Вокруг зудели комары. Он отмахивался от них и думал об Эланде. О том, как было здорово бродить по пустоши свободным и беспечным. Нильс все время прислушивался, но с берега не доносилось ни звука.

Наконец он услышал шуршание приближающихся шагов по песку.

— Понадобилось время, но сейчас он спит, — сказал Фриттьоф.

— Хорошо.

Нильс пошел следом за Фриттьофом обратно на пляж. Возле мерцающего костерка, как мешок с углем, валялся Пьянь. Голова лежала на песке, в руке — бутылка.

— Ну давай, приступай, — приказал Фриттьоф.

— Кто, я?

— Именно ты. — Фритьоф пристально посмотрел на Нильса. — Я свою работу сделал: держал в чувствах этого алкаша всю дорогу. Тебе придется заканчивать.

Нильс посмотрел на Пьянь, но не сдвинулся с места.

— Он никто и ничто, Нильс, — сказал Фритьоф. — Он нужен только нам.

Нильс по-прежнему стоял не шевелясь.

— Ты что думаешь, из-за него в ад попадешь? — спросил Фритьоф.

Нильс покачал головой.

— Ничего подобного, — продолжал Фритьоф. — Ты сможешь поехать домой.

— Я уже попал, — сказал Нильс.

— Куда?

— В ад. Ад здесь, — проговорил Нильс.

— Понял, — усмехнулся Фритьоф. — Так пора тебе из него выбираться.

Нильс устало кивнул, наклонился и приподнял Пьянь. Тот что-то бормотал, но не сопротивлялся. Нильс потащил его по песку подальше от костра, поближе к черноте моря.

— Акул поберегись, — предупредил Фритьоф у него за спиной.

Вода была теплая, волны длинные, широкие, но слабые. Нильс спиной зашел прямо в Карибское море и потащил с собой Пьянь.

Неожиданно тот зашевелился. Пьянь закашлялся потому, что пена залила ему лицо. Он начал сопротивляться. Нильс стиснул зубы, продолжая пятиться дальше. Он прошел еще метра два, пока вода не дошла ему до пояса, и потом толкнул Пьянь вниз. Он держал Пьянь под водой и, закрыв глаза, считал: раз, два, три... Пьянь барахтался изо всех сил, пытался высунуть голову из воды. Но Нильс удерживал его под водой, думая об Эланде и продолжая считать: «Сорок восемь, сорок девять, пятьдесят».

Ему казалось, что прошел по меньшей мере час, прежде чем тело Пьяни перестало трепыхаться в воде. Но Нильс все еще находился настороже и по-прежнему удерживал его. Он хотел быть уверенным, что вся жизнь до последней капли оставила Пьянь. Нильс надеялся, что если прождет так достаточно долго, то внутри тела ничего не останется, и тогда, может быть, Пьянь не будет приходить к Нильсу по ночам, как полицейский Хенрикссон.

— Ну что, готово? — крикнул ему Фритьоф с пляжа.

— Да.

— Молодец, Нильс.

Фритьоф зашел в воду, наклонился над Пьянью, приподнял его руку, потом отпустил — рука безжизненно упала.

— Хорошая работа.

Нильс молчал, он неподвижно стоял на месте. Его окатывали волны. Фритьоф потащил тело Пьяни к берегу. И тут Нильс неожиданно вспомнил своего младшего брата Акселя.

«Это был несчастный случай, Аксель, я не хотел».

Нильс чувствовал смерть. Ему необходимо было убить мертвецов, чтобы вернуться обратно. Собственно, Пьянь был тоже уже покойником.

Фритьоф выбрался на пляж, вытер лоб рукавом и перевел дух.

— Хорошо, дело сделано, — сказал он и повернулся к Нильсу. — Ну а теперь давай рассказывай.

— Рассказывать что?

Нильс неторопливо брел по воде и остановился перед Фритьофом.

— Про клад, который ты спрятал. Где он, Нильс?

Тело Пьяни лежало между ними на песке. Нильс чувствовал превосходство Фритьофа. Он зависел от него, но тем не менее не собирался сдаваться.

— Так как же тебя все-таки зовут, Фритьоф Андерссон, по-настоящему?

Тот ничего не ответил.

— Если ты привезешь меня домой, — сказал наконец Нильс, — тогда я достану клад.

— Понадобится еще время, — произнес Фритьоф, отмахиваясь от комаров. — Я все организую, но нужно время. Все по порядку: сначала тело должны привезти на Эланд... чтобы похоронили и все о тебе забыли, и вот только потом ты приедешь домой. Понимаешь?

Нильс кивнул. Фритьоф носком ботинка толкнул лежащее между ними тело Пьяни.

— Нам теперь надо затащить его опять в воду, покорежить ему чуток физиономию и притопить на дне, чтобы его рыбки с крабиками погрызли. Потом ни один черт разницы между вами не заметит.

Фритьоф указал на маленький мешок Пьяни возле костра.

— Не забудь его паспорт взять. Иначе ты в Мексику никаким чудом не попадешь.

— А потом? Ты обратно сюда вернешься?

— Ты остановишься в Мехико-Сити. А я вернусь сюда где-нибудь через неделю, вытащу покойничка, уберу свои следы и поеду в твой Лимон.

Буду ходить и спрашивать, где мой шведский кореш Нильс. Лучше всего, конечно, было бы, чтобы кто-нибудь еще тело случайно нашел. Ну а если нет, тогда мне и этим придется заниматься.

Нильс начал раздеваться.

— Пора поменяться одеждой.

Фритьоф внимательно посмотрел на него:

— Что-нибудь еще? Ты ничего не забыл?

Нильс стянул с себя рубашку.

— Ты про что?

Фритьоф молча ткнул в левую руку Нильса, показывая на два его скрюченных пальца. Потом опустился на колени, взял руку Пьяни, отпустил ее на песок, а затем встал и ударил каблуком ботинка по среднему и безымянному пальцам. Сначала один раз, потом еще, до тех пор пока не послышался отчетливый хруст.

— Вот так, — произнес Фритьоф, достал из кармана носовой платок и пригнул сломанные пальцы к ладони Пьяни. — В скорости вас родная мать не отличит.

Нильс молча наблюдал. Этот малый, Фритьоф, все время его опережал. Когда он это спланировал? И почему сам Нильс не подумал про пальцы?

Нильс прислушался: все было тихо.

— Сними с него брюки, я их у огня высушу, потом наденем на него мои вместе с моим бумажником, — сказал Нильс.

Все, что он хотел, — это вернуться домой, в Стэнвик, чтобы все это наконец счастливо закончилось.

А остальное было уже не важно. Даже то, что он сейчас в аду.

— Мы же ведь оба старики, — говорил Йерлоф Мартину Мальму. — Мы прожили жизнь, что нам теперь делать — только вспоминать. Я последнее время много думал...

Он посмотрел в глаза Мартину. Они сидели друг напротив друга в пустой гулкой гостиной; на экране телевизора Фред Флинстоун колошматил какого-то каменным топором.

Йерлоф все еще держал в руке юбилейную книгу компании Мальма.

— Твоя фирма была совсем небольшой, когда сделали эту фотографию, — начал он. — Я это знаю, моя собственная была не больше. Тебе принадлежало несколько парусников, которые перевозили камень, лес и всякую обычную мелочовку здесь, по ближней Балтике. Также, как и все мы. А потом вдруг, года через три или, может, четыре, ты купил свое первое стальное судно и начал ходить в Европу и через Атлантику. Мы, конечно, с нашими парусниками какое-то время побрыкались. Пока правила насчет минимального экипажа и максимально допустимой загрузки не стали слишком жесткими. Ссуды от банка, чтобы купить большие суда, мы так и не получили. — Йерлоф продолжал смотреть в глаза Мальму. — Но где же ты деньги-то раздобыл, Мартин? Ты же ведь, вроде нас всех, едва концы с концами сводил. Да и в банке тебе тогда тоже ничего не светило.

Лицо Мартина дрогнуло, но он продолжал молчать.

— Откуда денежки, Мартин? — спросил Йерлоф. — Уж не от владельца ли лесопилки Августа Канта из Рамнебю?

Мартин смотрел на Йерлофа, его голова дернулась.

— Что, нет? А мне так кажется, что оттуда.

Йерлоф опустил руку в свой портфель, поставил его на пол, взялся за палку и встал. Затем медленно подошел к телевизору и остановился перед Марином.

— Я думаю, что тебе заплатили. Тебе, Мартин, заплатили за то, что ты из Южной Америки привез домой убийцу — Нильса Канта... племянника Августа.

Голова Мартина качнулась — сначала вперед, потом назад, он открыл рот:

— Ее-рра Ант, Ее-рра Ант.

— Вера Кант, — произнес Йерлоф. Он немного лучше начал понимать Мартина. — Значит, это была мать Нильса. Она-то уж точно хотела, чтобы

ее сын вернулся домой. Но заплатил все же, наверное, ее брат Август? Сначала дал тебе денег за перевозку гроба с телом на Эланд, чтоб его похоронили в Марнессе и все поверили в смерть Нильса Канта. А потом через несколько лет по-тихому ты переправил домой самого Нильса.

Он продолжал стоять перед Марином, и тому пришлось смотреть на Йерлофа снизу вверх, откинув голову.

— Нильс вернулся домой, скорее всего, наверное, в конце шестидесятых, а потом притаился где-нибудь на Эланде. Хотя особенно ему прятаться-то было без нужды: кто его мог узнать через двадцать пять лет? Он наверняка и мать свою навещал и так же, как и раньше, бродил по пустоши.

Йерлоф посмотрел вниз на человека в инвалидном кресле.

— Я думаю, что тогда, в сентябре, Нильс встретил маленького мальчика, который заблудился в тумане. Моего внука Йенса. — Йерлоф опустил глаза и посмотрел в пол. — И что-то случилось, что-то пошло не так, — продолжал он, — и Нильс чего-то испугался. Я, например, в отличие от некоторых, не считаю, что Нильс был законченным злодеем и сумасшедшим. Скорее, наверное, он был импульсивным и легко выходил из себя. Нильс испугался, и поэтому умер Йенс. — Йерлоф вздохнул. — А потом... что было потом — ты знаешь лучше. Я думаю, Нильс пришел и попросил тебя о помощи. И вы вместе закопали тело где-то на пустоши. Ну одну вещь ты сохранил. — И Йерлоф протянул Мартину коричневый конверт фирмы Мальма. — Ты сохранил сандалию Йенса и прислал ее мне два месяца назад в этом конверте. — Йерлоф сделал паузу, потом спросил: — Почему ты это сделал? Тебе что, исповедаться захотелось?

Мартин посмотрел на конверт, и его губы опять зашевелились:

— Мальчик... ольха...

Йерлоф кивнул, хотя ничего не понял. Он вздохнул, вернулся к стулу, медленно сел, чтобы перевести дух, долгим взглядом посмотрел на Мартина и задал вопрос:

— Ты убил Нильса Канта, Мартин? — Вопрос Йерлофа остался без ответа, и он заговорил сам: — Я думаю, что да... Мне кажется, из-за того, что Нильс Кант был для тебя слишком опасен. И хотя, конечно, я не могу это доказать, но я уверен, что этот шрам на лбу оставил тебе он.

Йерлоф наклонился и неторопливо положил книгу и конверт в свой старый портфель. Ну вот и все, его выступление можно было считать законченным.

На книжной полке у стены стояли семейные фотографии в рамках с улыбающимися детьми.

— Наши дети, Мартин, — произнес Йерлоф, — мы должны быть готовы к тому, что нас забудут. Конечно, хотелось бы, чтобы помнили все то хорошее, что мы сделали в своей жизни. Но так бывает не всегда.

Йерлоф очень устал, дело сделано — пора уходить. Мартин Мальм тоже, похоже, совершенно обессилел: он обвис в своем инвалидном кресле и больше не пытался заговорить.

Йерлофу казалось, что в гостиной стало темнее и очень душно, как будто бы из нее куда-то подевался весь воздух. Он медленно поднялся.

— Ну так, Мартин, позволь тебе сказать «спасибо». Все, что мог, ты сделал... Может, я еще вернусь.

Йерлоф и сам понял, что его последняя фраза прозвучала несколько угрожающе, но, наверное, в определенной степени так оно и было. Он уже шел через гостиную, когда открылась дверь в прихожую: Йерлоф увидел бледное лицо Анн-Бритт Мальм. Он слабо улыбнулся ей.

— Мы тут немного поговорили, — сказал он.

Хотя назвать разговором все это можно было лишь с большой натяжкой: по сути, говорил лишь Йерлоф. И едва ли он получил хоть один ясный ответ.

Он прошел мимо жены Мартина Мальма. Она закрыла дверь в гостиную.

— Большое спасибо за все, — поблагодарил Йерлоф и кивнул ей.

— Это я ее тебе послала, — сказал Анн-Бритт.

Йерлоф остановился. Женщина указывала на край коричневого конверта, видневшегося из незакрытого портфеля.

— У Мартина рак печени, — начала Анн-Бритт, — ему недолго осталось.

Йерлоф застыл на месте. Он не знал, что сказать, потом посмотрел на конверт.

— Откуда ты... — он откашлялся, — куда надо отправить?

— Мартин мне дал конверт летом, — сказала Анн-Бритт, — сандалия уже лежала внутри. Он сам написал твое имя, надо было только отправить.

— Это ты мне звонила? — спросил он. — После того как я сандалию получил, кто-то мне звонил... Звонил и молчал.

— Ну да, я хотела спросить... про сандалию, — объяснила Анн-Бритт Мальм. — Зачем Мартин сделал все это и что она такое означала. Но я боялась... боялась узнать, что Мартин что-то сделал с твоим ребенком.

— Не с ребенком, — устало поправил ее Йерлоф, — Йенс был моим внуком. Но я и сам не знаю, что означает сандалия.

— И я тоже. Это было... — Она замолчала... — Мартин ничего не

рассказывал, когда ее достал, но я... но мне почему-то показалось, что он ее держал на всякий случай, вроде как страховка. Может такое быть?

— Страховка? — удивился Йерлоф.

— От кого-то другого, — сказала Анн-Бритт. — Я не знаю.

Йерлоф посмотрел на нее и спросил:

— А Мартин когда-нибудь говорил про Кантов. Я хочу сказать, про семью Кант?

Анн-Бритт, не глядя на Йерлофа, помедлила и кивнула:

— Ну да. Но ничего особенного. Он говорил, что у них общие дела... Ведь это же Вера Кант дала денег Мартину на корабль.

— Вера из Стэнвика? — спросил Йерлоф. — Разве не Август?

Анн-Бритт покачала головой:

— На первый большой корабль Мартин получил деньги от Веры Кант из Стэнвика. Я хорошо знаю, что эти деньги ему были очень нужны.

Йерлоф только кивнул. У него оставался еще один вопрос, а потом он оставит этот большой мрачный дом.

— Когда Мартин дал тебе конверт, к нему никто не приезжал. Ну, перед этим, я хочу сказать?

— У нас не так часто кто-нибудь бывает, — сказала Анн-Бритт.

— Возможно, здесь побывал кое-кто из Стэнвика, — произнес Йерлоф. — К примеру, один старый каменотес Эрнст Адольфссон.

— Эрнст? Да, конечно, — ответила Анн-Бритт. — Мы у него несколько раз кое-что покупали. А вот теперь и он умер. Да, он приходил сюда, навещал нас... Но мне кажется, это было раньше. Тоже летом, но раньше.

«Эрнст, Эрнст, и здесь ты меня опередил», — подумал Йерлоф.

— Спасибо, — поблагодарил он и взялся за пальто. Сейчас оно казалось ему намного тяжелее, как какие-нибудь доспехи. — Что, Мартина скоро в больницу увезут?

— Нет, никакой больницы, — сказала Анн-Бритт, — врачи приходят сюда.

Снаружи на крыльце холодный ветер тотчас окутал Йерлофа, отчего он даже покачнулся. Он очень устал. Вдобавок заморосил дождь. Йерлоф прикрыл глаза, заранее готовясь бороться с холодом на пустой улице, но в ту же секунду увидел машину Йона.

Йон молча кивнул ему, когда тот открыл дверцу и забрался на пассажирское сиденье.

— Получилось, — произнес Йерлоф.

— Хорошо, — сказал Йон.

И только тогда Йерлоф увидел, что кто-то сидит на заднем сиденье — широкоплечая фигура, которая каким-то чудом умудрялась оставаться совершенно незаметной за спиной Йона. Это был его сын Андеш.

— Я тут на квартиру заезжал, — начал Йон. — Андеш был дома, они его отпустили.

— Ну и хорошо. Здорово, Андеш.

Сын Йона кивнул.

— И хорошо, что полиция тебе поверила. Как ты считаешь?

— Ну да, — буркнул Андеш.

— Теперь ты, наверное, дом Веры Кант за версту обходить станешь, или как?

— Ага. — И Андеш качнул головой. — Там привидение.

— Слышал я про это, — сказал Йерлоф. — А тебе что, страшно не было?

— Не-а, — ответил Андеш. — Она в своей комнате сидела.

— Она? Ты хочешь сказать — Вера?

Андеш кивнул:

— Горюет она.

— Горюет?

— Ну да, потому что ее обманули.

— Вот как. Горюет, значит, — произнес Йерлоф. И он подумал о двух мужских голосах, которые Майя Ньюман слышала из кухни Веры Кант. Может быть, один из них принадлежал Мартину Мальму?

Дождь продолжал накрапывать, и Йон включил «дворники».

— Я тут подумал, что немного побуду с Андешем в Боргхольме, — сказал Йон. — Заедем к его матери на квартиру кофейку попьем. Ты, само собой, тоже.

— Нет, извини. Мне обратно надо ехать, — отказался Йерлоф, — а то Буэль наверняка истерику закатит.

— Ну да, — как бы согласился Йон.

— Доеду до Марнесса на автобусе, — быстро сказал Йерлоф, — вроде бы есть подходящий в полчетвертого.

— На остановке посмотрим, — сказал Йон.

Йерлоф молча сидел и размышлял, пока они ехали по Боргхольму. Как обычно, у него появилось такое чувство, что он упустил что-то важное, когда был у Мартина Мальма. Задавал не те вопросы и не получил нужных ответов. Наверное, ему пора все записывать.

— Мартин больше не может разговаривать, — произнес он и вздохнул.

— Ну да, — невпопад ответил Йон.

Когда машина свернула направо к площади, Йерлоф повернул голову, потому что неожиданно увидел в окне на противоположной стороне улицы Джулию. Она была в ресторане у церкви вместе с Леннартом Хенрикссоном. Йерлоф совсем не удивился, увидев их вместе. Как показалось Йерлофу, Джулия с Леннартом была очень спокойной. Йерлоф подумал об этом, когда они миновали окно ресторана, — может, не очень счастливой, но спокойной. Да и Леннарт тоже смотрелся пободрее. Не как обычно, и это тоже было хорошо.

— Значит, на автобусе поедешь? — спросил Йон.

Йерлоф кивнул.

— Не беспокойся, я нормально сейчас себя чувствую, — заверил он. Это, конечно, было не совсем правдой, но во всяком случае идти он мог. — И вообще, мы должны поддерживать общественный транспорт. Это наш долг. А то, глядишь, они, не дай бог, и автобусы перестанут пускать.

Йон свернул к старой боргхольмской станции. В свое время там был вокзал. Сюда и приехал Нильс Кант, а после убийства полицейского спрыгнул с поезда и пропал, так и не доехав до места. Поезда по Эланду давно не ходили. Теперь здесь останавливались автобусы и такси.

Они подъехали к станции, Йон обошел вокруг машины, чтобы открыть дверцу.

— Спасибочки, — поблагодарил Йерлоф и, кивнув на прощание Андешу, с трудом, покачиваясь, выбрался из машины. Они с Йоном пошли к автобусу.

День был очень утомительным, и Йерлофу пришлось напрячь все силы, чтобы идти прямо и уверенно к автобусам позади станции. Но, хотя ему приходилось бороться со своей слабостью, Йерлоф все-таки держался. Дождь стал сильнее. Автобус на Бюкселькрук, который ехал через Марнес, уже стоял на остановке, водитель сидел внутри и читал газету.

Йерлоф остановился возле автобусной двери.

— Ну, во всяком случае, с этим закончено, — сказал он, — что могли, мы сделали. А насчет Мартина — ему придется жить с тем, что он натворил, столько, сколько ему отпущено.

— Ну да, — буркнул Йон.

— Я вот тут... — начал Йерлоф, — Риттьоф... Не слышал, может, был у Мартина Мальма такой знакомец?

Йон покачал головой и переспросил:

— Риттьоф?

— Ну да, или, может быть, Фриттьоф, — сказал Йерлоф, — Риттьоф

или Фритьоф.

— Не слышал, — ответил Йон. — Это важно?

— Да нет, наверное, не очень.

Йерлоф молча постоял рядом с Йоном несколько секунд. Два коротко остриженных подростка в черных куртках с капюшонами одним прыжком вскочили в автобус, даже не взглянув на двух стариков.

Йерлоф подумал, что в общем-то не играет особенно большой роли, найдет он убийцу или нет. Что изменится? Жизнь шла своим чередом, и вообще — кому какое дело до какого-то Эланда?

Он вдруг как-то потерял ко всему интерес. Наверное, кризис поствоьмидесятилетнего возраста.

— Спасибо тебе за все, — сказал он Йону. — Я, когда доеду, обязательно позвоню.

— Давай, жду.

Йон держал трость, пока Йерлоф медленно взбирался по ступенькам автобуса. Потом Йерлоф взял трость, заплатил шоферу и сел справа у окна. Он смотрел вслед Йону, как тот идет обратно и садится в свою старую машину.

Йерлоф откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и услышал, как тихонько заворчал двигатель автобуса. Медленно и плавно, как судно от причала, автобус отъехал от станции.

«Риттьоф или Фритьоф? — думал Йерлоф. — И какая-то встреча в Рамнебю. Том самом Рамнебю, где вырос Эрнст. Риттьоф или Фритьоф?» Насколько знал Йерлоф, на Эланде никого с таким именем не было.

— Нет, я не женат, — сказал Леннарт, — и никогда не был.

— А дети есть? — спросила Джулия.

Леннарт покачал головой:

— Детей тоже нет. — Он посмотрел на свой полупустой стакан с водой. — Конечно, у меня в жизни были серьезные отношения. Мы почти десять лет прожили вместе. А пять лет назад все закончилось... Она сейчас живет в Кальмаре, и мы по-прежнему друзья. — Он слегка улыбнулся. — А после этого я в основном трачу силы на дом и сад.

— Северный Эланд, наверное, не самое лучшее место, — произнесла Джулия, — я хочу сказать — для того, чтобы кого-то встретить.

— В том смысле, что выбор здесь небольшой? — угадал ее мысли Леннарт, по-прежнему улыбаясь. — Ну а как в Гётеборге, получше?

— Да не знаю, — сказала Джулия. — Я, по-моему, давно никого не пытаюсь найти. — Она отпила глоток воды и продолжила: — У меня тоже были серьезные отношения, и, наверное, дольше, чем у тебя... Я про отца Йенса — Микаэля Неугомонного. А потом, после того, все закончилось, ну ты понимаешь, о чем я.

Леннарт кивнул.

— Да, не так все просто, тут решительность нужна, — констатировал он.

Джулия согласилась.

— А сейчас ты что собираешься делать? — спросил Леннарт. — Останешься на Эланде?

— Не знаю, может быть... — сказала Джулия, — вообще-то меня по-настоящему ничего в Гётеборге не держит. И Йерлоф не очень хорошо себя чувствует. Он-то, конечно, не очень любит, когда за ним приглядывают, но я считаю, что ему это необходимо.

— Я точно знаю, что на Северном Эланде медсестер не хватает, — произнес Леннарт и посмотрел на нее. — И мне бы очень хотелось, чтобы ты...

Занудное однотонное попискивание прервало его на полуслове. Джулия даже вздрогнула. Это подал голос пейджер на ремне Леннарта.

— Ну вот, опять я им понадобился, — пробормотал он.

— Что-нибудь важное? — спросила Джулия.

— Да нет, обычная летучка. Короткий инструктаж в управлении. — Он

поднялся. — Ладно, пойду заплачу.

— Давай пополам, — предложила Джулия.

— Нет-нет. — Леннарт решительно отмахнулся. — Я тебя сюда привел, мне и платить.

— Спасибо, — поблагодарила Джулия.

Как обычно, с деньгами у нее было туго.

— Может быть, мы встретимся... скажем... — Леннарт посмотрел на часы, — без четверти четыре в участке. Я тогда уже освобожусь. Вместе из Боргхольма домой поедем.

— Хорошо.

— Может быть, ты хочешь посмотреть, как я живу? Дом у меня небольшой и у самой воды, недалеко от Марнесса. Каждый новый день начинается с того, что из воды поднимается солнце. Можно сказать, сплошная романтика.

— С удовольствием, — согласилась Джулия.

Они расстались у входа в ресторан. Леннарт быстро зашагал к зданию полиции, а Джулия медленными прыжками направилась к Кунгсгатан заглянуть в магазины. На этой неделе распродаж, к сожалению, не предвиделось, но по крайней мере можно было поглядеть, что есть на витринах.

Она проковыляла мимо табачного магазина^[73] и автоматически прочитала крупные буквы заголовков: «Тяжелое происшествие на шоссе Е-22. Никто из погибших не опознан», «Короле опять повезло», «Вся праздничная телепрограмма», «Ты выигрывал в бинго?». Ни один ее не заинтересовал.

Джулии было сейчас хорошо, несмотря на сломанную ногу. Она почти была счастлива. Счастлива, потому что они с Йерлофом стали ближе друг к другу. Счастлива, что они расстались с Леной по крайней мере как добрые знакомые. И счастлива потому, что Леннарту, похоже, нравилась ее компания.

Радовалась Джулия и тому, что полиция отпустила Андеша Хагмана. С трудом верилось, что кто-то в Стэнвике имел какое-то отношение к исчезновению ее сына. Проще и, наверное, лучше было бы считать, что Йенс спустился к берегу и в тумане его никто не заметил. Наверное, он хотел перебороть свой страх перед морем и начал прыгать у воды по камням, а потом поскользнулся.

Сейчас Джулия могла поверить и в это.

Йончёпинг, апрель 1970 года

— Небольшая, конечно, но все-таки отсюда Веттерн^[74] видно, — сказал домовладелец, показывая на окно. — Кухонная мебель и кровать входят в плату.

В маленькой комнате было хорошо слышно, как он пыхтит и отдувается. Лифт в доме был сломан, и ему пришлось попотеть, поднимаясь на пятый этаж. На нем — костюм, из-под которого торчало брюхо.

— Хорошо, — кивнул потенциальный квартиросъемщик.

— Здесь еще и хорошая парковка есть.

— Спасибо, но у меня нет машины.

Для того чтобы посмотреть всю квартиру, едва ли потребовалось больше чем пять минут. На самом деле даже меньше. Комната и кухня в самом конце Зеленой улицы в южной части Йончёпинга.

— Я беру квартиру на полгода, может быть, дольше.

— Что, разъездная работа и без машины?

— Обычно я езжу поездом или автобусом, — ответил клиент. — Какое-то время побуду, наверное, здесь. Дирекция в любой момент может отозвать обратно домой.

Нильс потихонечку привыкал к своему новому имени и новой жизни. Он медленно превращался в другого человека, а его прежнее «я» уходило куда-то вглубь. Но полностью не исчезло. Было похоже на то, что свою прошлую жизнь он сложил на хранение в какую-то коробку и накрыл крышкой. Новый облик дал ему свободу: у него имелся личный номер, паспорт, с которым он без проблем пересекал границу. Но, несмотря на это, все это казалось каким-то ненастоящим. Так было и в Коста-Рике, так же он чувствовал себя в Мексике. Потом, когда жил на окраине Амстердама, равно как и последние полгода, которые он провел в почти пустой квартире в Бергшёне рядом с Гётеборгом. Там Нильс иногда просыпался в холодном поту оттого, что ему казалось, будто он опять в жаркой Коста-Рике.

— Могу я поинтересоваться: сколько вам лет? — спросил домовладелец.

— Сорок четыре.

— Самый лучший возраст.

— Да, может, и так.

Когда Нильс попытался узнать, когда же он наконец сможет поехать домой на Эланд, Фритьоф ответил ему довольно уклончиво:

— Самая большая ошибка в таком деле — спешка.

Они разговаривали по телефону. Это было три недели назад; связь оказалась не очень хорошая, в трубке трещало.

— Спокойно, Нильс, наберись терпения. Гроб уже в Марнессе, закопан на кладбище, могила травой поросла, твоя мама туда цветы приносит. Она тебя ждет.

— Как она, нормально?

— Ну да, вполне. — Фритьоф сделал паузу и продолжил: — Но она, оказывается, открытки получала, интересные такие. Сначала из Коста-Рики, потом из Мексики, из Голландии. Ты про это ничего не знаешь?

Нильс, конечно, знал, Все эти годы он посылал матери письма и открытки. Но всегда был очень осторожен.

— Я никогда не писал обратного адреса, — сказал он.

— Хорошо. Она была рада, — произнес Фритьоф, — но теперь пошел слухок, что, дескать, Нильс Кант жив. Я не про полицию. Им на сплетни начхать, а вот в Стэнвике поговаривают. Поэтому тебе нельзя торопиться, понимаешь меня?

— Да, но что будет, когда я вернусь домой на Эланд?

— Ну да, конечно, что будет, — пробормотал Фритьоф совершенно безразличным тоном. — Что будет? Ты вернешься домой к матери. Но сначала мы с тобой пойдем за кладом, не правда ли?

— Мы уже об этом говорили: если я вернусь домой, то покажу клад.

— Хорошо, нам только надо дождаться подходящего случая, — сказал Фритьоф.

— И когда это будет?

Но Фритьоф уже повесил трубку.

Фритьоф Андерссон, которого наверняка звали как-то по-другому, повесил трубку, потому что счел, что разговор окончен. У Нильса появилось такое ощущение, что и он сам для Фритьофа уже законченное дело, завершённый проект. Он покойник и похоронен на Марнесском кладбище.

— Плата вносится заранее, — сообщил домовладелец.

— Нормально, — ответил Нильс, — я могу заплатить прямо сейчас.

— О расторжении договора надо предупреждать за месяц.

— Договорились.

Нет, Нильс не покойник, он собирается домой. И этот мужик, который

называет себя Фриттьфом, здорово ошибается, если думает по-другому.

Автобус катил в Марнесс. Йерлоф сидел у окна и размышлял. Он немного задремал на отрезке между Боргхольмом и Чёпингсвиком, но проснулся, когда они поехали через пустошь, и теперь думал.

Побывав у Мартина Мальма, ему удалось выяснить намного больше, чем он рассчитывал. Но с другой стороны, что именно? Сплошные догадки и гипотезы, которые он никогда не сможет доказать. В общем-то ничего неожиданного он не узнал. Но теперь по крайней мере он хоть в чем-то был уверен.

Что ж, можно просто попытаться жить дальше, как будто ничего не произошло. Он будет собирать модели парусников, ездить к Йону на кофе, читать некрологи в газете и смотреть, как за стенами Марнесского приюта наступает зима.

Но выкинуть все из головы и забыть — слишком трудно. Было над чем поразмыслить.

Он опять достал юбилейную книгу компании Мальма, которая теперь заметно обтрепалась по краям. Йерлоф открыл ее на странице с фотографией на пристани в Рамнебю и в очередной раз посмотрел на снимок Мартина Мальма и Августа Канта, стоящих рядом перед группой рабочих с мрачными лицами.

Он думал о том, что ему рассказала Анн-Бритт Мальм. Вовсе не Август Кант, а, оказывается, Вера дала Мартину деньги на его первое океанское судно. Другими словами, это означало, что Вера заплатила Мальму за возвращение Нильса.

Но если, предположим. Август Кант не хотел иметь ничего общего со своим племянником или, может, даже считал, что тому лучше навсегда остаться в Южной Америке, тогда что же означала эта фотография? Свидетельство если не дружбы, то по крайней мере какой-то договоренности и взаимопонимания между Мартином Мальмом и Августом. Рука Канта на плече Мартина...

А действительно ли это рука Августа? Йерлоф пригляделся. Большой палец был не с той стороны. Так не может быть.

Он пристально вглядывался в фотографию до тех пор, пока у него не заболели глаза и ее черно-белые контуры не начали расплываться. Тогда он пошарил в портфеле, достал очки для чтения, водрузил их на нос и посмотрел снова. Они не очень помогли; Йерлоф снял очки и, держа их как

увеличительное стекло, приблизил к фотографии. Бледные лица работников стали больше, но рассыпались на черно-белые точки.

Йерлоф поводил очками над снимком, рассматривая руку на плече Мальма. Вот она: дружески лежит себе у шеи судовладельца. Но теперь Йерлоф ясно увидел, что-то, что должно быть правой рукой Августа Канта, на самом деле было левой рукой. Так чья же это рука? Кто за ней?..

Йерлоф посмотрел на улыбающиеся лица на фотографии. И тут он наконец увидел, должно быть, то самое, что сумел разглядеть Эрнст.

— Чтоб меня распяли, — сказал он. Поминать все крест Христа было очень старым проклятием. Очень давно, наверное, лет семьдесят назад, мама услышала эти слова от Йерлофа и строго-настрого запретила это повторять. Он и не делал этого, а сейчас не удержался.

Для пущей уверенности он достал свой блокнот, перелистал несколько страниц, нашел список имен, которые он записал в музее в Рамнебю, и перечитал.

— Чтоб меня... — снова ругнулся Йерлоф.

Несколько секунд ему казалось, что он просто сошел с ума. Ничего себе открытие. Потом он оторвался от блокнота, поглядел вокруг и напомнил себе, что на самом деле ничего особенного не произошло. Он в автобусе и возвращается в Марнесс. Но туда они еще не приехали. Они находились где-то южнее Стэнвика, и как раз в тот момент, когда он посмотрел в окно, автобус миновал табличку с надписью: «Кемпинг, 2 км».

Автобус скоро будет в Стэнвике. Йерлоф просто обязан рассказать Йону о своем открытии. Он быстро поискал красную кнопку остановки по требованию и нажал.

Когда автобус медленно начал притормаживать у остановки в сотне метров от поворота к Стэнвику, Йерлоф положил юбилейную книгу и очки обратно в портфель и поднялся. Его ноги дрожали.

Средняя дверь с шипением открылась, Йерлоф спустился по ступенькам и вышел из автобуса на холод и ветер. Шёгрен снова дал о себе знать, но умеренно. Терпеть было можно.

Дверь у него за спиной закрылась, и автобус поехал дальше. Йерлоф оказался один на автобусной остановке. По-прежнему лил дождь. Раньше здесь был деревянный навес со скамеечкой, где можно спрятаться от дождя, пока сидишь и ждешь автобуса. Но сейчас — ничего.

Глуховатый звук автобусного мотора затих вдали. Йерлоф огляделся: вокруг — ни души. Он застегнул верхнюю пуговицу пальто и посмотрел на желтую табличку указателя у поворота на Стэнвик.

Осторожно, все время оглядываясь по сторонам, он перешел дорогу —

не хватало еще попасть под машину. Но никаких машин и в помине не было. Дорога была совершенно пустая. Йерлоф довольно быстро прошел пятьдесят метров до поворота, но, когда свернул на дорогу к Стэнвику, холодный ветер подул ему прямо в лицо, и дело пошло медленнее.

Метров, наверное, через двести он остановился на обочине, потому что внезапно вспомнил, что в Стэнвике Йона Хагмана нет. Он остался в Боргхольме. Йерлоф стоял у дороги и шурил глаза от ветра. Как он мог об этом забыть? Они же попрощались с Йоном на автобусной станции, наверное, меньше чем полчаса назад. Но после того как Йерлофа осенило насчет фотографии из Рамнебю, у него все напрочь вылетело из головы.

Но может быть, все-таки в Стэнвике есть кто-нибудь? Джулия, скорее всего, еще не вернулась, но Астрид должна быть дома. Она почти всегда дома. Так или иначе, ничего другого ему не оставалось, как идти в Стэнвик. До Марнесса он не доберется.

Он чувствовал, что идти ему теперь намного тяжелее: холод донимал, несмотря на пальто, ветер продувал насквозь и накидывался со всех сторон. Йерлоф брел, наклонив голову.

Он начал считать шаги: один, два, три. После двадцать пятого он поднял голову и посмотрел вперед. Но полоска вдаль, там, где заканчивалась пустошь и начинался поселок, не стала ближе.

В первый раз Йерлоф заволновался. Он почувствовал себя пловцом, который, не подумав, решил переплыть холодное озеро, но, не проплыв и половины, обессилел. Он не мог вернуться к шоссе, но и продолжать двигаться вперед было не менее трудно.

Неожиданно левая нога подвернулась, и он едва не упал в придорожную канаву. С трудом, помогая себе палкой, он все-таки устоял и в этот момент услышал звук — отдаленный шум мотора.

Машина, и она едет из Стэнвика.

Когда машина подъехала ближе, Йерлоф увидел, что она большая и блестящая. Темно-зеленый «ягуар». «Ягуар» не проехал мимо Йерлофа. Машина затормозила, и слегка тонированное боковое стекло автоматически поехало вниз. В окне показалось лицо с седой бородой.

— Алло, — крикнул довольный жизнью голос.

Йерлоф сразу узнал его обладателя — Гуннар Лунгер из Лонгвика.

Каждый раз, когда им доводилось встречаться, владелец отеля заводил разговор о новых моделях кораблей, и особого счастья от встречи с ним Йерлоф не испытывал. Но, несмотря ни на что, он понимал, что деваться ему некуда.

Йерлоф усталым жестом поднял руку и сказал:

— Добрый день, Гуннар.

Ветер почти заглушил его голос, и он сделал шаг вперед.

— Привет, Йерлоф, — крикнул Лунгер из машины. — И куда же это ты собрался?

Вопрос был довольно дурацкий. Соответственно только таким мог быть и ответ. Но тем не менее Йерлоф кивнул, указывая на поселок, и на полном серьезе ответил:

— Туда, в Стэнвик.

— Что, повидать кого-нибудь?

— Да вроде. — Йерлофа качнуло ветром. — Астрид.

— Астрид Линдер? — спросил Лунгер. — Да, похоже, ее нет дома. Я, когда мимо проезжал, света не видел.

— Да ну?!

Если и Астрид в Стэнвике не было, то тогда там вообще никого, и ему остается только одно: ждать, пока ветер с моря не заморозит его до смерти. А завтра полиция найдет его холодное застывшее тело тоже, может быть, под каким-нибудь кустом. Он подумал и сказал Лунгеру:

— Гуннар, а не подвезешь меня в Марнесе? Может быть, ты мимо поедешь?

— Конечно... я как раз собирался в скобяной отдел заглянуть.

— Точно?

— Да точно, точно.

Лунгер наклонился и открыл дверцу.

— Давай запрыгивай.

— Ты меня выручил.

Йерлоф медленно забрался в машину и пристроил портфель и трость.

Внутри оказалось тихо и очень тепло. Отопление было включено, наверное, на полную, из вентиляторов дул теплый воздух. Желтая куртка Лунгера была расстегнута, и, хотя Йерлоф все еще не согрелся, он тоже расстегнул свое пальто.

— Ну ладно, поехали, — сказал Лунгер, — вперед, в Марнес.

Он нажал на педаль газа, и большой автомобиль так рванул с места, что Йерлофа прижало к сиденью.

— Ты не очень торопишься, Йерлоф? — спросил Лунгер.

Йерлоф покачал головой:

— Да нет, но мне бы лучше...

— Хорошо, тогда мы успеем кое-что посмотреть.

Они уже подъезжали к шоссе. Там по-прежнему было пусто. Лунгер повернул, но на юг, а не на север.

— Я вообще-то не думаю, что... — начал Йерлоф, но Лунгер перебил его:

— Ну а как дела с моделями?

— Хорошо, — сказал Йерлоф, хотя за всю минувшую неделю до них не дотронулся. Даже ни разу и не вспомнил. — Заезжай ко мне в Марнесс, если выберешь время до Рождества, и посмотришь...

Лунгер кивнул. Они ехали по шоссе недолго, наверное, несколько сотен метров, потом он опять повернул. Это была узкая каменистая дорога без указателя, которая петляла между вспаханými полями и старой каменной стеной. Дорога шла куда-то на восток, похоже, к морю.

— Я вот только подумал... не слишком поздно сделать у них корпуса красными? — спросил Лунгер. — Если получится, будет очень красиво.

— Почему же нет, можно сделать. — Йерлоф кивнул и спросил: — Гуннар, а куда мы вообще-то едем?

— Да недалеко, скоро будем на месте.

Потом он замолчал, и они продолжали медленно катить по узкой дороге. Все, что Йерлофу оставалось делать, — так это смотреть на монотонное движение «дворников» по ветровому стеклу.

Он поглядел вниз на подставку между сиденьями. Там лежал мобильник Гуннара — черный, с серебряными краями и очень маленький, такой ему раньше не попадался. Наверное, наполовину меньше, чем был у Джулии.

— Так куда же мы все-таки едем, Гуннар? — спросил он тихо.

Лунгер ничего не ответил. Казалось, что он больше не слышит Йерлофа. Он смотрел прямо перед собой на подмокшую дорогу и объезжал выбоины и камни, слегка поворачивая руль. Он улыбался.

Йерлоф почувствовал, как его лицо покрывается потом.

Он должен что-то сказать, что-нибудь такое непринужденное, какую-нибудь вежливую, ни к чему не обязывающую фразу. Ну, скажем, спросить у Гуннара, как обстоят дела с гостиничным бизнесом. Но Йерлоф устал, мозги не работали, в голове пусто, и сегодня совсем неподходящее время для светских бесед.

В конце концов, помолчав, он все же задал вопрос:

— А ты когда-нибудь был в Южной Америке, Гуннар?

По-прежнему улыбаясь, Лунгер покачал головой:

— К сожалению, нет. — И добавил: — За все время я только до Коста-Рики и добрался.

Эланд, сентябрь 1972 года

Синий «вольво» ехал по высоко поднятому над водой новому мосту. На пассажирском сиденье — Нильс Кант. Он смотрел в окно на Кальмарский пролив. Уже была вторая половина дня. Над водой висела пелена, над проливом собирался густой туман, готовый вот-вот накрыть остров.

— Туман вечером будет, — проговорил он.

— Мы на это надеялись, — сказал с соседнего водительского сиденья Фритьоф.

— Мы? — спросил Нильс. — Вас что, несколько?

Фритьоф кивнул:

— Ты с ними скоро встретишься.

Нильс не хотел сейчас об этом думать. Он пытался выкинуть все из головы. Опять посмотрел на воду и как наяву увидел себя там, внизу, в заливе, как он, совсем молодой, еще и двадцати нет, плывет с острова на материк.

Как ему только удалось так долго продержаться в холодной воде? Сейчас Нильсу было сорок шесть, и он едва ли смог проплыть и сотню метров.

Эландский мост оказался огромным, многие сотни, а может быть, тысячи тонн стали и бетона, несколько километров настоящего широкого шоссе над водой. Нильс никогда и представить себе не мог, что что-нибудь подобное свяжет его родной остров с материком.

— А сколько этому мосту лет? — поинтересовался он.

— Совсем новый, — ответил Фритьоф.

Он был очень неразговорчив. Накануне вечером в Йончёпинге он пришел к Нильсу, принес ему темную, неброскую одежду, заставил натянуть пониже черную вязаную шапку, и они отправились. Едва ли Фритьоф за все время произнес хоть слово.

Веселый и очаровательный Фритьоф Андерссон, который разыскал его в Коста-Рике больше десяти лет назад, куда-то исчез, его не стало в тот самый момент, когда Пьянь из Смоланда утонул возле Лимона. После того вечера Фритьоф обращался с Нильсом как с какой-нибудь собачкой, гонял его между городами и странами, снимал дешевые крохотные квартирki или комнатки в общежитиях для холостяков в самых паршивых кварталах и избегал Нильса, связываясь с ним только по телефону раз или два в год.

Накануне вечером перед отъездом на Эланд Фритьоф опять начал

болтать про клад. Куда, дескать, Нильс его спрятал, что это за место и не на вилле ли? Нильс только мотал головой, а потом наконец сказал:

— Я его на пустоши зарыл, возле Стэнвика, рядом с жертвенным камнем. Вместе туда поедем и заберем.

Фритьоф кивнул:

— Хорошо, так тогда и сделаем.

Нильс очень долго ждал этой поездки. И вот они здесь, почти приехали.

— Я теперь из дома никуда, — сказал Нильс Фритьофу.

Он закрыл глаза, когда они переезжали мост и ехали уже по острову мимо Ферьестадена.^[75] Вот наконец он опять на Эланде.

— Я теперь никуда из дома, — повторяет он. — Я буду жить у мамы, меня никто не увидит, я уж постараюсь.

Он делает паузу и спрашивает:

— Как она себя чувствует... Вера? Нормально?

— Ну да.

Фритьоф Андерссон коротко кивнул и нажал на газ, когда они выехали на дорогу к Боргхольму.

Нильс видел, что многое изменилось на Эланде с тех пор, когда он был здесь в последний раз: больше зелени, кустов и деревьев. Вместо узкой грунтовой дороги к Боргхольму теперь шло широкое шоссе, почти такое же, как мост через пролив. Железную дорогу, пересекавшую весь остров с севера на юг, должно быть, разобрали, потому что, когда Нильс смотрел на пустошь, он больше не видел рельс. Не было больше и ветряных мельниц. Раньше они стояли рядами и ловили своими крыльями ветер с залива. Ему казалось, что людей на острове тоже стало меньше. Хотя он заметил много новых домов у воды.

Нильс кивком указал на них и спросил:

— Кто там живет?

— Это летние дачи, — ответил Фритьоф. — Дачи тех, кто заколачивает деньги в Стокгольме, а потом покупает дома здесь, на Эланде. Они садятся в машины, едут по мосту сюда летом позагорать и возвращаются обратно — опять деньги заколачивать. Зимой здесь дачников не бывает: слишком холодно и тихо.

Фритьоф говорил это скорее сочувственно, как будто и сам думал так же.

Нильс ничего не ответил. Скорее всего, Фритьоф был прав насчет дачников. Потому что почти все машины, которые встречались на дороге, ехали в противоположном направлении — с острова на материк. Лето

закончилось, наступила осень.

Развалины замка во всяком случае остались на месте. Они по-прежнему выглядели так, будто бы всегда смотрели пустыми провалами окон на Боргхольм с вершины замковой скалы.

Когда они проезжали мимо замка и находились уже почти в городе, округу начал затягивать туман. Фритьоф поехал медленнее, и вскоре они свернули на маленькую парковку возле самого Боргхольма. До замка было рукой подать. Фритьоф остановил машину, ничего не объясняя.

— Ну вот, приехали, — произнес он. — Я тебе уже говорил, у нас будет компания.

Он открыл дверцу машины и махнул рукой. Нильс оглянулся: кто-то медленно шел по дороге. Лет ему, похоже, было около пятидесяти, одет в толстый серый шерстяной свитер, габардиновые брюки и блестящие кожаные ботинки, скорее всего, дорогие. Он подошел, кивнул Фритьофу и сказал:

— Вы что-то задержались.

На неизвестном была шляпа, надвинутая на глаза, в руках ничего, только наполовину выкуренная сигарета. Он затаился последний раз, щелчком отбросил сигарету, внимательно огляделся и потом приблизился к машине.

— Нильс, я думаю, тебе сейчас лучше перебраться на заднее сиденье, — тихо сказал Фритьоф. — На всякий случай. Так будет безопасней, когда мы поедем через Стэнвик.

Потом он вышел из машины. В конце парковки стояла телефонная будка. Нильс видел, как Фритьоф быстрым шагом подошел к ней. Он опустил монету, набрал номер и перебросился с кем-то короткими фразами.

Нильс тоже вышел из машины, посмотрел, как дорого одетый мужчина затоптал сигарету и оглядел его. Он даже не поздоровался. Просто молча уселся на переднее сиденье.

Нильс вернулся в машину не сразу. Он отошел в сторону на несколько метров. Он испытывал удовольствие оттого, что на свободе и снова на острове.

На своем острове.

Неожиданно на дороге появилась машина, за ней еще одна. Нильс видел бледнеющие за ветровыми стеклами лица. Они смотрели на него. Нильс проводил их взглядом. Машины скрылись в тумане.

— Давай обратно! — раздраженно крикнул Фритьоф.

Он уже вернулся и стоял около машины.

Нильс побрел назад, открыл заднюю дверцу и услышал, как тот, на

переднем сиденье, тихо спрашивал:

— Ну как, Гуннар, все нормально?

Потом он быстро огляделся и нервно и подозрительно посмотрел на Нильса, как будто бы сказал что-то лишнее.

Гуннар, который все время называл себя Фритьофом, тоже повернулся и ухмыльнулся.

— Сейчас это уже не имеет значения, можно уже назвать и настоящие имена, — сказал он. — Меня зовут Гуннар, а это Мартин. На заднем сиденье — Нильс Кант. Но мы же ведь доверяем друг другу, верно?

— Конечно. — Нильс кивнул и захлопнул дверь.

Значит, Фритьофа в итоге звали Гуннар, и Нильс вдобавок совершенно был уверен, что где-то его уже видел. Но только никак не мог вспомнить, где.

— Ну что, поехали в Стэнвик, — произнес Фритьоф-Гуннар.

Они опять выехали на дорогу, через Боргхольм и дальше на север. Нильс бывал здесь и раньше, округа была ему знакома. Но туман стал совсем густым, видимость почти нулевая.

Все вокруг было уже совсем серым. Гуннар знал, что будет туман, он на это рассчитывал. Именно поэтому он и выбрал этот день для возвращения Нильса домой. Интересно, на что еще он рассчитывал?

Возле Чёпингсвика Гуннар включил противотуманные фары и сбавил скорость. Нильс смотрел на проплывающие мимо дорожные указатели, знакомые названия эландских поселков. Но сильнее всего его трогало другое: поля, трава, начинающиеся у самой дороги и теряющиеся в тумане каменные изгороди.

Пустошь — его владения. Куда ни посмотри, везде она — такая же огромная и красивая, какой он ее помнил. Насыщенная тяжелыми серо-коричневыми красками.

Нильс опять дома.

Никто в машине не разговаривал. Прошла еще четверть часа в полном молчании, и наконец Нильс заметил указатель, который он так долго ждал, — «Стэнвик», а под ним большую стрелку с надписью «Кемпинг».

Теперь дорога в поселок была заасфальтирована, а в Стэнвике появился кемпинг. Интересно, когда его построили?

Они проехали мимо поворота. Гуннар притормозил.

— Мы поедem с другой стороны, — сказал он. — Там движение меньше, и не надо ехать через поселок.

Через несколько минут они повернули и проследовали мимо пункта для сбора молока. Он находился у самой дороги, теперь пустой и явно

заброшенный. Когда Нильс видел его последний раз, он весь был заставлен бидонами с молоком, которые привозили туда фермеры. А сейчас все поросло белым мхом и, похоже, вот-вот должно развалиться.

За двадцать пять лет Эланд здорово изменился, но эта дорога осталась почти такой же, какой ее помнил Нильс, — узкая, извилистая, по-прежнему грунтовая. Вокруг никого и ничего. Только густая трава на обочинах и пустошь за ней.

«Вольво» медленно ехал дальше, и через несколько сотен метров Гуннар остановился. Он повернулся и посмотрел на Нильса. Потом то же самое сделал Мартин. Они оба уставились на него. Гуннар пристально, как удав, разглядывал Нильса. Мартин хотя бы моргал.

— Ну вот, — мрачно произнес Гуннар, — мы наконец привезли тебя в Стэнвик. А теперь пойдем к жертвенному камню выкапывать твой клад. Как договаривались.

— Я сначала хочу повидать маму, — сказал Нильс, глядя на Гуннара.

— Нильс, Вера никуда не денется, — произнес он, — она может еще чуток подождать. Так оно будет лучше. Скоро стемнеет, и нас точно никто не увидит, когда мы пойдем в поселок. Как ты считаешь?

— Нам еще камни надо поделить, — выпалил Нильс.

— Само собой. Но для начала мы их еще должны достать.

Нильс внимательно разглядывал его еще несколько секунд, потом посмотрел в окно. Туман уже был густой, как вата. Вдобавок наступали сумерки.

Он кивнул. Нильс должен был отдать Гуннару и Мартину половину драгоценных камней. А потом они будут в расчете.

— Нам что-нибудь понадобится, чтобы выкопать камни, — негромко сказал он.

— Ну конечно. У нас лопаты и кирка в багажнике. Мы об этом подумали, не беспокойся.

Но Нильс тем не менее беспокоился, и сильно. Он был совсем один, против двоих мужчин. В точности как Пьянь тогда, на темном пляже Карибского моря. Хотя, конечно, разница была: Пьянь доверял своим новым друзьям, а вот Нильс нет.

Гуннар не стал оставлять машину у дороги. Он притормозил возле узкого проема в каменной стене и въехал туда. Дорога осталась позади. Машина медленно покатила дальше, прямо по пустоши. Под колесами шуршала трава.

Нильс обернулся, но увидел только туман. Дорога домой исчезла.

Йерлоф молча сидел рядом с Гуннаром Лунгером. Они ехали неизвестно куда в противоположную сторону от Марнесса. Йерлоф попробовал осторожно заговорить с Гуннаром, но ничего не получилось. Лунгер никак не реагировал. Все, что Йерлоф мог сейчас сделать, — так это выпрямиться на сиденье и расстегнуть свое зимнее пальто. А еще лучше снять его совсем, потому что в машине было очень жарко — настоящие тропики. Наверное, как-то можно было подрегулировать отопитель у каждого сиденья, но он не знал как. Все здесь было автоматизировано, сплошная электроника. А Гуннар помогать Йерлофу, похоже, не собирался.

Они почти доехали до восточного побережья острова. Машина медленно переехала через невысокую насыпь, примерно метр вверх и несколько метров в ширину. Слегка изгибаясь, она тянулась, пока хватало взгляда, в обе стороны. Йерлоф сразу понял, что это такое. Здесь раньше проходила эландская железная дорога — по всему острову, прямо через пустошь, а потом в один прекрасный день компания шведских железных дорог ее демонтировала.

Он посмотрел на свои часы: было почти пять.

— Знаешь, Гуннар, — сказал он спокойно, — мне пора обратно: в Марнесском приюте скоро забеспокоятся, куда я подевался.

Лунгер кивнул.

— Может, и забеспокоятся, — ответил он, — но вряд ли сообразят искать тебя здесь. Или ты думаешь по-другому?

Слова Лунгера прозвучали настолько угрожающе, что Йерлоф отодвинулся от него и взялся за ручку двери.

«Ягуар» ехал довольно медленно, и можно было попробовать выскочить из машины. И, если повезет, даже ничего не сломать, а потом, если повезет еще раз, добраться до шоссе до темноты. Но пассажирская дверца не хотела открываться — Лунгер запер ее дистанционным управлением.

— Гуннар, я хочу выйти, — произнес он как можно решительнее, как настоящий капитан, которым он когда-то был.

— Мы скоро приедем, — ответил Лунгер, продолжая крутить баранку.

Они проехали по старому ржавому решетчатому настилу в промежутке между двумя каменными стенами, и наконец показалось море.

Серая масса воды неторопливо шевелилась и сейчас казалась особенно безбрежной и холодной.

— Зачем ты это делаешь, Гуннар? — спросил Йерлоф.

— Чистой воды импровизация. Я ничего не планировал заранее. Я ехал следом за автобусом из Боргхольма, потом он остановился, и я увидел, как ты пошел в Стэнвик. Дальше все очень просто: я обогнул Стэнвик, проехал через поселок и подхватил тебя. — Лунгер ехал совсем медленно, он повернул голову и спросил: — Что ты сегодня делал у Мартина Мальма, Йерлоф?

Йерлоф почувствовал себя подследственным на допросе и попробовал потянуть время.

— У Мартина? — переспросил он. — Ты вообще-то про что?

— Ни про что, а про кого. Я про тебя и Иона Хагмана. Вы приехали к дому Мартина, ты вошел внутрь, а Йон ждал в машине снаружи.

— Ну да, и что? Мы с Мартином немного поговорили... как два старых моряка, — сказал Йерлоф и в свою очередь спросил: — А ты-то как об этом узнал?

— Анн-Бритт Мальм позвонила мне по мобильному, пока ты сидел с Мартином и ворошил прошлое. Понимаешь, что-то она забеспокоилась насчет странных визитеров в последнее время... Сначала один бывший моряк Эрнст Адольфссон, а потом ты появляешься второй раз за последние несколько недель. Довольно примечательно. Систему не улавливаешь, прямо набег какой-то.

— Значит, вы с Анн-Бритт одна шайка-лейка, — произнес Йерлоф устало.

Лунгер кивнул:

— Фактически мы с Мартином давние деловые компаньоны, но сейчас с ним даже и поговорить толком нельзя. Анн-Бритт занимается делами фирмы и постоянно со мной советуется. Кто, как не старый друг и компаньон, может дать хорошую подсказку?

Йерлоф откинулся на спинку сиденья. Притворяться и делать вид, что он ничего не понимает, бесполезно. Все было ясно как божий день.

— Компаньоны, — протянул он. — Ну да, конечно. И, как я понимаю, довольно давние, скажем, с конца пятидесятых.

Он опустил руку в портфель и опять достал оттуда памятную книгу компании Мальма.

— Я показывал эту фотографию Мартину и сам много раз на нее глядел... Но мне много времени понадобилось, чтобы понять, что она на самом деле означает.

— Даже так, — сказал Лунгер, объезжая рощицу низких ильм.^[76] До моря оставалось метров сто. — Но сейчас ты наконец докопался до истины?

Йерлоф кивнул:

— Два человека, два хозяина стоят на пристани в Рамнебю — фабрикант Август Кант и капитан Мартин Мальм. Тут же несколько моряков и рабочие с лесопилки. На первый взгляд кажется, что Август дружески положил руку на плечо Мартина. — Йерлоф помолчал и продолжил: — Но только на первый взгляд.

Все совсем не так. Это не рука Августа Канта, а того, кто стоит позади Мартина Мальма на пристани. Я это разглядел и понял, когда ехал в автобусе.

— Одна паршивая фотография, а говорит больше, чем тысяча слов, — заметил Лунгер и затормозил. — Как там говорится: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Теперь берег находился прямо перед ними, а поодаль луг, заросший желтой травой. Капли дождя колотили и по земле, и по воде. Дождь был очень холодный, в любую секунду готовый перейти в снег.

— И этого малого, который стоит позади Мартина Мальма, звали Гуннар Йоханссон. Он работал на лесопилке, а потом поменял фамилию, — сказал Йерлоф. — Я прав?

— Прав, но не совсем. Я тогда был не рабочим, а бригадиром у Канта, и я действительно поменял фамилию на Лунгер, когда переехал на Эланд.

Он выключил мотор. Стало очень тихо. Был слышен только перестук дождевых капель и посвистывание ветра.

— Этой фотографии вообще не должно было здесь быть, — произнес Лунгер. — Анн-Бритт ее где-то нашла, а я об этом узнал, когда книгу уже напечатали. Но меня смогли узнать только двое: ты и Эрнст Адольфссон. Первым, конечно, Эрнст. Он меня еще по школе помнил...

— Да, я недавно случайно узнал, что он, оказывается, вырос в Рамнебю, — сказал Йерлоф. — Мне тебя признать было, конечно, намного труднее. Но я вот что хочу спросить...

Йерлоф прекрасно понимал, что все закончится очень скоро. Лунгер убьет его, точно так же, как он убил Эрнста. Йерлоф продолжал говорить, пытаясь выиграть хоть немного времени.

— ...Я хотел спросить, коль скоро ты был бригадиром на лесопилке, наверняка слышал всякие истории про Нильса, злодея-племянника Августа Канта. И что у тебя тогда и появились мысли насчет...

— Вообще-то я с ним встречался, — перебил его Лунгер.

— С кем, с Нильсом Кантом?

— Ну да, с Нильсом. — Гуннар кивнул. — Сразу после войны я начал работать подмастерьем на лесопилке, и Нильс заявился туда. Он сбежал с Эланда от полиции. Нильс затаился в кустах, и я ему попался на глаза. Он попросил меня позвать директора Канта. Я так и сделал. Но директор не хотел ничего о нем знать. Август Кант дал мне пять сотенных, чтобы я отдал их Нильсу. Ну, чтобы тот исчез. Две сотенных я прикарманил, три отдал Нильсу. — Лунгер улыбнулся своим воспоминаниям. — А потом остаток лета я на эти две сотенные жил как король.

— И ты, наверное, тогда отчетливо понял, что на Нильсе Канте можно заработать? — спросил Йерлоф и посмотрел на дождь за окном.

— Ну да, — ответил Лунгер, — тогда я не понял только одно: сколько именно можно заработать. Глупый был, не сообразил. Я считал, что, может быть, мне обломится несколько тысяч. Да и интересно было на халяву через Атлантику сплавать, чтобы забрать Нильса домой. Ну, конечно, когда все уляжется. Ну вот, и когда меня Август бригадиром на лесопилке сделал, я ему это так все прямо и выложил. Август мне четко дал понять, что нет, объяснил, что он совершенно не заинтересован перетаскивать эту паршивую овцу обратно в Швецию.

Он поднял руку и нажал на кнопку возле руля, в дверце Йерлофа щелкнуло.

— Ну вот, теперь открыто, — сказал Лунгер, — выходи.

Йерлоф остался в машине.

— Ну ты не хотел сдаваться, — добавил он и посмотрел на Гуннара, — получив от ворот поворот полный от Августа, решил попробовать с матерью Нильса. Поехал к Вере в Стэнвик и предложил ей, наверное, то же самое. Естественно, Вера Кант согласилась. Я прав?

Гуннар Лунгер вздохнул, как терпеливый папаша, которого донимает непоседливое надоедливое дитя. Он смотрел сквозь ветровое стекло на море впереди.

— Спасибо Вере. Благодаря ей я открыл для себя красоту Эланда и полюбил его. Я в первый раз сюда приехал летом тысяча девятьсот пятьдесят восьмого, переправился на пароме через пролив до Стурарёр, потом сел на поезд и поехал на север. Железную дорогу уже собирались тогда убрать, да и эландское судоходство доживало свое. Можно сказать, было на последнем дыхании. Многие тогда думали, что и всему Эланду скоро придет конец... Но я случайно услышал интересный разговор в поезде насчет того, что, возможно, здесь построят длинный мост через весь пролив, так что эландцы в любую погоду спокойно смогут ездить на

материк. Ну и, конечно, с материка сюда тоже наверняка поедут.

— Да. Те, что побогаче, конечно, — заметил Йерлоф.

— Золотые слова. — Лунгер вздохнул и продолжил: — Ну вот, в конце концов я доехал до севера Эланда и посмотрел на все это: солнце, пляжи, вода и почти никаких туристов. Тут же у меня мысли по этому поводу появились. Я тогда еще даже до дома Веры Кант не успел добраться. — Он вздохнул. — Постучал я в дверь. Вера была дома одна в своей здоровенной вилле, переживала очень, скучала по своему сыну, и мы с ней переговорили.

— Одинокая, значит, и несчастная, но очень богатая.

— Не настолько, как можно было подумать, — сказал Лунгер. — Каменоломня уже практически не работала, да и братец ее Август подсуетился: наложил лапу на семейную лесопилку в Смоланде.

— Но ведь у нее было много земли, — заметил Йерлоф, — возле самого берега.

Йерлоф думал о том, как ему предстоит умереть: есть у Лунгера оружие или он выберет из миллиона эландских камней какой-нибудь поувесистей и без затей проломит Йерлофу голову. Так же, как он, наверное, поступил с Эрнстом.

— Да, ты прав, — согласился Лунгер, — у Веры было действительно много земли. Я даже уверен, что никто в Стэнвике по-настоящему и не представлял, насколько много — и к югу, и к северу. Тогда она, конечно, мало что стоила, потому что никто ею не занимался. Но если бы нашелся подходящий человек, взялся за дело, например, продал дачникам... — С этими словами Гуннар начал застегивать свою куртку. — В те годы здесь всего несколько дач было, но я-то понимал, что появятся новые — и много. Гостиница понадобится и ресторан, а после того, как построят мост, цены взлетят.

— Лонгвик тебе, значит, от Веры достался.

— Мне ничего не досталось. — Лунгер покачал головой. — Я купил всю ее землю, и купил совершенно законно. Тогда, конечно, ее земля стоила пустяки. Да и то деньги мне пришлось призанять у Веры, но все документы в полном порядке.

— Мартин Мальм тоже занимал у Веры на свое первое крупное судно?

— Точно. Мы встретились, когда Мартин привез для распилки лес в Рамнебю, — сказал Лунгер и кивнул. — Мне был нужен подходящий помощник... чтобы привез домой гроб Нильса Канта из-за границы, а потом и самого Нильса. Пришлось, разумеется, потянуть время и повременить с его приездом, иначе Вера перестала бы продавать мне

землю. Я это отлично понимал. — Довольный собой, он улыбнулся Йерлофу. — Ну давай, пошли.

Лунгер открыл свою дверь. Йерлоф посмотрел сквозь ветровое стекло: он видел пустынный берег. Ветер пригибал к земле пожухшую траву.

— А что здесь такого особенного? — спросил он.

— Да в общем-то ничего, — ответил Лунгер и вышел из машины. — Сам увидишь.

— Давай, Йерлоф, выскакивай.

Гуннар Лунгер захлопнул свою дверцу, быстро обошел вокруг машины и открыл дверь со стороны Йерлофа. Гуннар нетерпеливо ждал, пока он выберется наружу.

— Я должен надеть... — начал Йерлоф.

Лунгер протянул обтянутую перчаткой руку.

— Не нужно тебе пальто, Йерлоф, ты ведь наверняка уже согрелся.

Лунгер был по меньшей мере лет на пятнадцать моложе Йерлофа, крупный и плотный, руки сильные. Он крепко ухватил Йерлофа и практически выдернул его из машины.

— Пошли.

Он захлопнул дверцу, приподнял кольцо с ключами и нажал на кнопку. С негромким клацаньем дверцы машины заперлись. Йерлоф никак не мог привыкнуть к таким вещам и воспринимал это как волшебство. Он прихватил с собой трость, но портфель остался в салоне машины. Он сделал несколько неуверенных шагов вперед по направлению к морю, теперь прекрасно представляя, что с ним собирается сделать Лунгер.

В первую минуту после жаркой машины ему было очень хорошо. Ветер казался приятным, прохладным, вроде как никакой другой одежды и вовсе не нужно. Но Йерлоф понимал, что без зимнего пальто не выживет — на улице было по-настоящему холодно. Сильный ветер резкими порывами прилетал с пролива, вдобавок еще и ледяные капли дождя, как иголками, кололи лицо.

— Посмотри сюда, Йерлоф.

Лунгер прошел немного дальше по дороге к берегу и указал рукой на каменную стену и несколько деревьев за ней. Перед стеной росло еще одно дерево, низкое и кривое.

— Ты знаешь, что это? — спросил он.

Йерлоф, спотыкаясь, подошел ближе.

— Яблоня, — сказал он тихо.

— Точно, старая яблоня.

Лунгер подхватил Йерлофа под руку и довольно осторожно, но решительно потянул поближе к берегу. Он махнул рукой еще раз, указывая на какой-то перекрученный куст.

— А теперь посмотри сюда, — произнес он. — Сейчас этого почти не

видно, но на самом деле это одичавший крыжовник. — Он посмотрел на Йерлофа. — И что это, по-твоему, означает?

— Зброшенный сад, — ответил Йерлоф.

— Совершенно верно. И если пошарить тут в траве, то легко можно найти камни, которые остались от дома. Я это место несколько лет назад нашел. Здесь почти никогда никого не бывает, даже летом. Очень подходящее место, чтобы посидеть, поразмышлять... — Лунгер посмотрел на старую яблоню. — Вот я иногда здесь посиживаю, гляжу на это дерево и думаю о людях, которые здесь когда-то жили. Смотри, какое красивое место. Почему они здесь не остались?

— Бедность, скорее всего, — предположил Йерлоф и почувствовал, что замерзает. Несмотря на ветер, он старался не горбиться, не дрожать и не покачиваться. На нем была лишь тонкая рубашка и майка. Йерлоф чувствовал осенний холод так, будто бы он вообще был раздет.

— Да, наверняка они были бедными, — согласился Лунгер. — И, скорее всего, как и тысячи других эландцев, сели на корабль и поплыли через Атлантику. Так же, впрочем, как и Нильс Кант. Но главная причина... — Он помолчал. — Главное, что они никогда не смогли использовать свой шанс, не видели возможностей, которые есть здесь, на острове. Вы все, эландцы, такие.

Йерлоф только кивал в ответ. Лунгер заливался соловьем. Ему было все равно.

— Я хочу вернуться в машину, — взмолился Йерлоф.

— Она заперта.

— Я скоро совсем замерзну.

— Тогда давай двигай в Марнесс. — Лунгер показал на стену с яблоней: — Там, в стене, есть дыра. Как раз рядом проходит тропинка параллельно берегу мимо старой танцплощадки... На самом деле здесь совсем недалеко, всего лишь километра два, правда по прямой.

Йерлоф мерз, его качало от ветра. Он на все махнул рукой, надо было сказать что-то по-настоящему важное.

— Гуннар, только я знаю.

Лунгер посмотрел на него, но ничего не сказал.

— Я тебе уже объяснял... я совсем недавно додумался, когда ехал в автобусе, что это ты стоишь позади Мартина Мальма.

Лунгер пожал плечами.

— Эрнст Адольфссон тоже этой картинкой размахивал, — произнес он. — Но он на другое нажимал: дескать, законно — незаконно, обман, шантаж и все такое. Но меня так легко не напугаешь.

— Эрнст передо мной виноват, — сказал Йерлоф устало, — выходит, что он меня обманул. Я надеялся, что Эрнст мне все расскажет, а он так этого и не сделал. Что Эрнст от тебя хотел?

— Каменоломню. Он хотел купить у меня каменоломню за чисто символическую сумму. А за это божился никогда и никому на свете не рассказывать о том, что узнал о наших с Верой делах.

— Ну и что, неужели он хотел слишком многого? — спросил Йерлоф.

— Ну, это как сказать, — быстро проговорил Лунгер. — Вот сейчас, к примеру, этот участок совершенно ничего не стоит, но кто его знает, что будет потом. Ну, предположим, будет местная достопримечательность — эландское казино прямо в скале... кто его знает. Так что мне пришлось ему отказать. — Лунгер посмотрел на Йерлофа. — Но вы, старичье, почему-то считаете, что все еще что-то значите и кому-то еще, кроме вас, будет интересно ковыряться в том, что случилось десятки лет назад.

— Но тебе-то во всяком случае интересно, Гуннар, — сказал Йерлоф, — а иначе мы бы здесь не стояли.

— Я просто не хочу, — устало произнес Лунгер, — чтобы вокруг меня все время крутилась куча пенсионеров и без умолку болтала. Наверное, ты понимаешь, что мне это совершенно ни к чему. И я сейчас говорю не об уже реализующихся проектах, а о будущем... У нас большие и серьезные планы насчет Лонгвика. Они совершенно готовые и лежат в комиссии по строительству. И все это связано с большими инвестициями. В ближайшие полгода вокруг Лонгвика будет продано шестьдесят новых участков под застройку. Понимаешь, сколько они будут стоить?

Йерлоф понимал.

— Но я тебе сказал: знаю только я, и больше никто другой — ни Ион, ни моя дочь.

Лунгер широко улыбнулся. Создавалось впечатление, что его все это забавляет.

— Очень предусмотрительно с твоей стороны оставить все свои открытия при себе, Йерлоф. Я тебе верю.

— А Веру Кант тоже ты убил, Гуннар?

— Да нет, я тут ни при чем. Как я слышал, она поскользнулась на лестнице, упала и сломала себе шею. Я вообще никогда никого не убивал.

— Ты убил Эрнста Адольфссона.

— Нет, — сказал Лунгер. — Мы просто разговаривали, такая, знаешь, своего рода дискуссия, ну, может, немного поспорили.

— Так поспорили, что одна из его скульптур свалилась в каменоломню? — спросил Йерлоф.

— Ну да, так получилось. Потом он что-то совсем разошелся. Я его оттолкнул, он упал вниз, задел и потянул за собой скульптуру. Она на него и упала. Это был несчастный случай. Так и полиция считает.

— Ты убил Нильса Канта, — продолжал Йерлоф.

— Нет. Это сделал Мартин.

— Ну а Йенс, кто из вас убил Йенса?

Лунгер перестал улыбаться. Он взглянул на свои часы и попятился к автомобилю.

— Йенс наткнулся на вас на пустоши? — продолжал допытываться Йерлоф, повысив голос. — Почему вы отняли жизнь у моего внука? Ему было только шесть лет. Он-то вам ничем не мог угрожать.

— Оставим эту мрачную тему, Йерлоф. Я должен ехать прямо сейчас.

Йерлоф понимал, что так он наверняка и сделает. Гуннар Лунгер всегда был очень пунктуален и всегда следовал своему расписанию. Может, даже у него где-нибудь было записано или будет записано в распорядке дня на сегодня: «Пункт номер черт его знает какой — убийство Йерлофа Давидссона».

Йерлоф прикрыл глаза. Его донимали дождь и холод. С огромным трудом он заставил себя стоять прямо. Он не хотел терять достоинство и оказаться на коленях перед Гуннаром Лунгером.

— Я знаю, где драгоценные камни, — произнес он.

Помогая себе палкой, он шагнул к машине. Если ему удастся подойти еще ближе, то, может быть, он своей тростью сумеет хотя бы вмятину сделать на этой блестящей штуквине.

— Драгоценные камни?

Лунгер посмотрел на него. Он уже опустил руку в перчатке на ручку двери.

Йерлоф кивнул:

— Да-да, тот самый солдатский клад. Он достался мне, и я его спрятал. Помоги мне сесть в машину, поедem вместе, и я отдам его тебе.

Лунгер лишь покачал головой и опять улыбнулся.

— Благодарю за любезное предложение, — сказал он. — Я, несколько раз спрашивал Нильса про клад. Вообще-то камни скорее были нужны Мартину. Я, к примеру, совсем не уверен, стоят они чего-нибудь или нет. Да мне это и неинтересно. Мне хватает Веринной земли... Нельзя быть слишком жадным. Говорят, это грех.

Он быстро открыл дверцу и сел в машину. Гуннар завел мотор. Двигатель был отлично отрегулирован и завелся с полоборота. Лунгер дал задний ход, и машина медленно поплыла назад по грунтовой дороге в тот

самый момент, когда Йерлофу удалось подобраться достаточно близко. Он как раз делал последний шаг и уже замахнулся палкой, но машина двинулась и оказалась вне досягаемости. Слишком поздно!

Совершенно беспомощный, Йерлоф стоял на лугу. Он медленно опустил трость и смотрел, как удаляется машина: она ехала через проем между каменными изгородями. А вместе с ней и зимнее пальто Йерлофа.

Лунгер удобно устроился за рулем. Он ни разу не посмотрел на Йерлофа. Он повернул голову и продолжал ехать задним ходом, потом въехал на насыпь от железной дороги, повернул и поехал дальше.

Не доезжая до шоссе, Лунгер ненадолго остановил свой «ягуар». Йерлоф прищурился, стараясь разглядеть, что он там делает. Лунгер открыл дверцу и сначала выкинул наружу его портфель, а за ним — зимнее пальто. Затем захлопнул дверцу и уехал. Очень скоро звук двигателя стих.

Йерлоф стоял, повернувшись спиной к дождю. Ветер свистел в ушах. Он уже сильно промок и замерз. Йерлоф понимал, что никогда не сможет выйти обратно к шоссе или добраться до Марнесса. Лунгер отлично знал, что делает.

Йерлоф поднял ногу и короткими неверными шажками начал медленно разворачиваться. Берег был по-прежнему пуст, море серым. Старый заброшенный участок, на который указывал ему Лунгер, находился, наверное, неподалеку. Метрах в пятидесяти. Скорее всего, он все же сможет туда пойти и спрятаться от ветра за стеной.

— Ну так давай, сделай это, — пробормотал он себе под нос.

Йерлоф начал двигаться, опираясь на трость всякий раз, когда его подводили ноги. Свободной рукой он прижимал мокрую рубашку к груди, пытаясь хоть как-то защититься от ветра. Битый известняк поскрипывал под ботинками. На нем не осталось следов от машины Гуннара Лунгера, а если рисунок шин и проглядывал в какой-нибудь дорожной луже, то дождь их наверняка скоро смоет. Все будет выглядеть так, будто Лунгера здесь никогда и не было. А Йерлоф сам почему-то сюда забрел.

«У полиции нет никаких оснований подозревать, что это преступление», — наверняка напишут в конце заметки в «Эландс-постен», когда найдут его замерзшим.

Небо над головой Йерлофа потемнело. Йерлоф поднял дрожащую руку и стер со лба холодные капли дождя.

Он хотя и медленно, но приближался к берегу. Теперь более отчетливо слышал ритмичный плеск волн, набегавших на маленький песчаный пляж внизу. Над морем над открытой водой кружила одинокая чайка. Еще дальше в море в нескольких милях Йерлоф заметил неотчетливый серый

силуэт: крупное грузовое судно шло на север. Он мог махать или кричать хоть до посинения — все равно никто бы не увидел и не услышал его.

Ему прежде никогда не доводилось видеть это место с песчаным пляжем. По крайней мере, он этого не помнил. Йерлоф тосковал по крутым обрывистым прибрежным скалам Стэнвика. Природа была там суровой, но красивой. Здесь, на восточном берегу Эланда, все представлялось ему слишком плоским, приглаженным и заросшим.

Дорога неожиданно закончилась. Дальше в том же направлении в траве виднелась узкая тропинка. По ней давно не ходили, она заросла густой травой, и идти было трудно, особенно для Йерлофа, который едва мог поднять ноги. Время от времени с залива налетали сильные порывы ветра и едва не валили Йерлофа с ног. Но он продолжал двигаться шаг за шагом, наконец смог добраться до яблони. Последние несколько метров отняли у Йерлофа почти все силы.

Это было некрасивое неблагополучное дерево, тонкое и скрюченное сильным ветром с моря; на ветках не осталось ни одного листа. Деревцо не могло укрыть Йерлофа от дождя, но по крайней мере он мог прислониться спиной к узловатому стволу и ненадолго перевести дух.

Он дотронулся до правого кармана брюк. Там лежал небольшой твердый предмет, Йерлоф достал его. Это был черный мобильник Гуннара Лунгера.

Йерлоф вспомнил: он взял телефон с подставки между сиденьями, когда Лунгер обходил машину. И прежде чем Гуннар выкинул его из «ягуара», он успел сунуть телефон в карман.

Но толку от того, что ему удалось стащить телефон, было мало. Йерлоф не имел ни малейшего понятия, как им пользоваться. Он попробовал понажимать на кнопки с цифрами — номер телефона Йона Хагмана, — но ничего не случилось, телефон не подавал никаких признаков жизни.

Йерлоф подержал его в руке и положил обратно в карман. Интересно, стоило ему поблагодарить Гуннара Лунгера за то, что тот оставил ему ботинки? Без них он бы и одного метра не прошел. Он понял, что ненавидит Лунгера.

Земля и деньги — вот вокруг чего все вертелось. Мартин Мальм получил деньги на новое судно, а Гуннару Лунгеру перепала прорва земли вокруг Лонгвика. Вере Кант ввали и дурили голову точно так же, как и Нильсу.

С недавних пор Йерлоф стал это понимать.

Сейчас он знал почти все, что случилось. Долгое время это являлось

его целью. Но сейчас главное было другое — рассказать все Йону, Джулии и прежде всего полиции.

Много раз он представлял себе примерно одно и то же: Йерлоф, как в каком-нибудь романе Агаты Кристи, встает во весь рост перед всеми участниками криминальной драмы, рассказывает, как все было на самом деле, и называет преступника. Того, кто убил Нильса Канта и маленького Йенса. Потом, конечно, начинается переполох, убийца в полной растерянности, во всем признается. А все прочие сидят выпучив глаза от удивления, наконец уразумев истину. Аплодисменты, занавес.

Джулия как-то сказала ему, что Йерлоф получает удовольствие от секретов и старается казаться очень умным, что помогает ему чувствовать собственную значимость. Йерлоф теперь считал, что это, наверное, правда. Может быть, только не чувствовать собственную важность, а осознавать, что еще годишься на что-то важное. Что ты не просто полумертвый, забытый и никому не нужный старик.

А вот сейчас он действительно ощущал себя почти мертвым. Жизнь — это свет и тепло, а теперь солнце уходило. А вместе с ним и последние остатки тепла. Ступни Йерлофа превратились в какие-то ледяные кирпичи, пальцев он не чувствовал. Холод почти парализовал его, но в какой-то степени это было даже приятно, как будто бы тело Йерлофа постепенно отключалось.

Он на несколько секунд закрыл глаза. Мысленно он опять видел, как Гуннар Лунгер едет в своей большой машине, потом он выбрасывает пальто Йерлофа и портфель. Причем делает это осознанно — специально оставляет след, чтобы создать у тех, кто потом найдет его мертвое тело, совершенно ясную картину. Выживший из ума старик вылез из автобуса и заблудился, пошел не в ту сторону, потом зачем-то снял с себя пальто и бросил у дороги. Затем стемнело, и он замерз до смерти на берегу.

Лунгеру показалось мало просто убить Йерлофа, он решил выставить его полным идиотом.

Йерлоф короткими судорожными вздохами втягивал холодный воздух. Когда его тело откажет и перестанет работать? Вроде бы Йерлоф когда-то слышал, что температура должна быть ниже тридцати градусов.

Он обязан был что-то предпринять. Может быть, спуститься вниз и, пока еще жив, написать на песке «Гуннар Лунгер — убийца» так, чтобы не смыло дождем. Но он не в состоянии.

Йерлоф ощущал себя так, будто бы упал за борт судна в открытом море. Так же холодно, мокро и одиноко. За всю жизнь он так толком и не научился плавать, и упасть в открытом море за борт было одним из его

постоянных страхов. Для Йерлофа это означало верную гибель.

Он подумал об Элле. Он всегда верил, что каким-то образом почувствует ее близость, когда придет смерть. Но ничего подобного не происходило.

Потом он подумал о Джулии. Интересно, она уже уехала из Боргхольма? Может быть, как раз сейчас они проезжают мимо него по шоссе в полицейской машине Леннарта. Йерлоф надеялся, что Лунгер хотя бы Джулию оставит в покое.

«Я никогда не стою, когда могу сидеть, и никогда не сижу, когда могу лечь» — еще давно Йерлоф где-то это вычитал. Только сейчас не помнил где.

Его ноги совсем ослабли. Он больше не мог стоять и медленно сполз вниз. Кора на стволе дерева больно царапала спину. Он сидел под голыми ветками яблони, подогнув скрюченные ноги и понимая, что больше не сможет подняться. По крайней мере без посторонней помощи. Йерлоф знал, что он совершает большую ошибку: ему ни в коем случае нельзя сидеть и закрывать глаза, иначе окончательно уплывет в темноту.

Заснуть сейчас будет большой ошибкой. Но в конце концов Йерлоф сдался и опустился в траву.

Он только посидит немного, и все.

Эланд, сентябрь 1972 года

У Гуннара в багажнике лежали кирка и две лопаты. Он достал инструменты, вручил одну лопату Мартину, а потом посмотрел на Нильса.

— Ну вот, мы здесь, — сказал он. — Куда идти?

Нильс стоял рядом с машиной и смотрел на туман, затянувший пустошь. Было довольно холодно. Он вдыхал хорошо знакомый запах трав, влажной земли, смотрел на можжевельниковые кусты, камни, едва заметные тропинки. Все точно такое же, как ему помнилось, но он не узнавал места: туман скрыл все приметы.

— Нам надо к жертвенному камню, — произнес он тихо.

— Да знаю я. Ты об этом вчера вечером говорил, — раздраженно бросил Гуннар. — Но куда именно нам идти? Где этот камень?

— Здесь, близко.

Нильс еще раз огляделся и пошел прочь от машины.

Мартин, который едва ли сказал хоть слово за всю поездку, быстро

догнал Нильса. Едва он выбрался из машины, как тут же закурил новую сигарету и попыхивал ею, плотно сжав губы. Гуннар присоединился к ним и тоже находился рядом.

Нильс замедлил шаг, как будто бы никуда не торопился. Он хотел, чтобы эта парочка была впереди, у него на глазах.

Такого непроглядного тумана Нильс вообще никогда не видел. У него в памяти остались только яркие солнечные дни, когда он часами бродил здесь, по пустоши. А сейчас они как будто бы шли по дну моря. Уже в десяти метрах все казалось смутным, размытым, белесовато-серым, а все звуки — приглушенными. На Нильсе был только тонкий свитер, черная кожаная куртка и джинсы. Он замерз.

— Ты идешь, Нильс?

Гуннар остановился и обернулся. Он смутно вырисовывался впереди. Серая неясная фигура, как будто небрежный карандашный набросок. У него непроницаемый, ничего не выражающий взгляд, о чем он думает, понять было невозможно.

— Мы не хотим потерять тебя, — сказал Гуннар. Он ждал, пока — Нильс догонит его. Потом повернул и зашагал по шуршащей траве дальше.

На пустошь медленно опускались сумерки. Наверное, Нильс вернется домой к матери только поздно вечером. Интересно, она знает, что он сегодня придет?

Нильс прошел мимо плоского камня в траве с неровными краями — они чем-то похожи на кору дерева — и внезапно узнал место. Нильс понял, где они сейчас.

— Нам надо держаться левее, — произнес он.

Гуннар молча сменил направление.

Нильсу казалось, что он слышит какой-то приглушенный звук в тумане. Он настороженно остановился и начал крутить головой. Что там? Какая-то машина едет в поселок? Но все вроде тихо, ни звука. Они уже находились близко. Но когда Гуннар и Мартин в конце концов замерзли возле едва заметного полускрытого травой холмика, Нильс решил, что они еще не добрались до места. Он не видел привычной груды камней.

— Это здесь, — коротко бросил Гуннар.

— Нет, — возразил Нильс.

— Не нет, а да.

Гуннар в нескольких местах раздвинул ногой траву. Показались края камней.

Только сейчас Нильс понял, что больше никакого жертвенного камня нет. Это забытое и заброшенное место. Больше никто сюда не приходил,

чтобы положить свой камень в пирамиду в знак памяти и уважения.

Нильс вспомнил о том, как был здесь последний раз, когда прятал клад. Он тогда был такой молодой и так собой гордился, когда застрелил солдат на пустоши. И именно после этого все пошло не так.

Нильс вытянул руку:

— Здесь... где-то здесь. Вот тут копайте.

Он посмотрел на Мартина. В одной руке он держал лопату, а другой зажигал новую сигарету от окурка предыдущей. Он явно нервничал.

— Давайте копайте, — сказал Нильс, — если вам клад нужен.

Он пошел на другую сторону жертвенного камня. Он слышал, как у него за спиной раздавались удары лопаты. Раскопки начались.

Нильс пристально вглядывался в туман: ни малейшего движения, все тихо. Мартин копался в глубокой яме. Он уже все осмотрел и откинул в сторону камни, на которые наткнулся Гуннар. Лицо у Мартина покраснело, он тяжело дышал и мрачно смотрел на Нильса.

— Тут ничего нет, — произнес он, — только камни.

— Странно, — сказал Нильс и посмотрел на дыру в земле. — Я их здесь спрятал.

Но он видел, что в яме пусто. Мартин оказался прав.

— Дайте-ка я попробую, — раздраженно бросил Нильс и взял лопату. Потом он начал копать сам, быстрыми толчками глубоко вонзая в землю лопату.

Наверное, примерно через минуту он заметил плоские известняковые плитки, которые взял с жертвенного камня, чтобы прикрыть сверху шкатулку.

Они были на месте и сильно потемнели от долгого пребывания в земле. Но клад пропал.

Нильс снизу, из ямы, посмотрел на Мартина.

— Это ты взял камни, — прошептал Нильс и шагнул вперед. — Где они?

— Ну вот, мы приехали, — сказал Леннарт и выключил мотор. — Как тебе моя берлога?

— Очень красиво, — проговорила Джулия.

Они отъехали от Марнесса километров на пять, с шоссе свернули на небольшую частную дорогу, по сторонам которой росли сосны и вязы. Дорога заканчивалась открытыми воротами. Здесь начинались владения Леннарта. Красно-коричневый кирпичный дом, небольшой сад и — самое главное — серо-синее море.

Как Леннарт и говорил, все здесь было довольно скромно, но вид — просто фантастический. Прямо за домом до самого горизонта — море. Трава была аккуратно подстрижена, она спускалась вниз и незаметно переходила в широкий песчаный пляж. С трех других сторон, не закрывая моря, вокруг дома росли высокие ухоженные сосны. Они затеняли двор и приглушали звуки, как стены в церкви.

Здесь оказалось удивительно тихо. И когда Леннарт выключил мотор, слышался только шелест ветра в кронах деревьев.

— Сосны здесь, конечно, не сами собой появились, — объяснил Леннарт. — Их специально посадили. Но очень давно, меня тогда еще и в помине не было.

Они вышли из машины. Джулия прикрыла глаза, с удовольствием вдыхая запах леса.

— Сколько ты здесь живешь?

— Давно... почти двадцать лет. Но мне здесь очень хорошо. — Он огляделся, как будто бы что-то искал, и спросил: — Слушай, а у тебя, случайно, нет аллергии на кошек? У меня кошка есть персидская, ее зовут Мисси. Но, кажется, у нее сейчас променад.

— Да нет, все в порядке, — сказала Джулия и заковыляла за Леннартом к дому.

Дом выглядел очень крепким и надежным. Казалось, ему совершенно наплевать на зимние балтийские штормы, как будто бы он решил для себя, что будет стоять здесь всегда. Леннарт открыл замок на кухонной двери и придержал ее, чтобы Джулии было проще войти.

— Ты еще не проголодалась? — спросил он.

— Нет, с этим можно подождать, — ответила Джулия и вошла в маленькую прихожую перед кухней.

Леннарт не был педантом. Скорее аккуратистом. У него во всем доме было больше порядка, чем в маленькой квартирке Джулии в Гётеборге. Стопка «Эландс-постен» тщательно сложена в деревянной газетнице на стене, и только несколько экземпляров газеты «Шведская полиция» говорили о профессии Леннарта. В прихожей еще стояло несколько спиннингов, на подоконниках — горшки с растениями, над плитой в кухне висела полка с кулинарными книгами.

Джулия нигде не заметила банок из-под пива или бутылок. Это ее тоже порадовало.

Леннарт зажег лампы в окнах большой комнаты рядом с кухней.

— Если хочешь, спустимся на берег, — крикнул он ей оттуда, — пока еще не стемнело. Не возражаешь, если мы зонтик захватим?

— С удовольствием! А если ты не возражаешь, то я прихватю с собой костыли.

Леннарт рассмеялся.

— Мы осторожненько. Если выйти на мыс, оттуда в ясную погоду видно Бёда, — сказал он и добавил: — Ты знаешь большой пляж, там еще бутик рядом?

Джулия улыбнулась:

— Ну да, где Бёда, я знаю.

— Ну конечно. — Леннарт заглянул в кухню. — Я все время забываю, что ты отсюда. Ну что, пошли?

Джулия кивнула и бросила взгляд на часы: четверть шестого.

— А можно я сначала позвоню? — спросила она.

— Разумеется.

— Только скажу Астрид, где я, — объяснила Джулия.

— Телефон рядом с раковиной, — сообщил Леннарт.

Астрид всегда подходила к телефону, когда была дома. Джулия теперь это знала. Она быстро набрала номер и слушала гудки в трубке. На пятом сигнале Астрид ответила. Где-то поблизости от нее вовсю заливался Вилли.

— Джулия, — сказала Астрид, когда поняла, кто звонит, — я находилась за домом, листья сгребала. Ты сейчас где?

— Я в Марнессе, точнее, недалеко от Марнесса, дома у Леннарта Хенрикссона, мы тут...

— А Йерлоф с тобой?

— Нет, — ответила Джулия, — он у себя в приюте.

— Да нет его там, — отрезала Астрид. — Тамошняя начальница Буэль мне недавно позвонила и спрашивала, куда он подевался. Утром Йерлоф куда-то поехал с Йоном Хагманом и пока не вернулся. Но если ты

считаешь, что все в порядке, то тогда и мне не о чем беспокоиться.

— А что беспокоиться, он же вместе с Йоном? — удивилась Джулия.

— Нет, — огорошила ее Астрид. — Йон как раз Буэль и позвонил. Он посадил Йерлофа на автобус, и тот обещал ему перезвонить, когда приедет в Марнес.

Джулия задумалась. Йерлоф имел полное право делать то, что хочет, и наверняка ничего страшного с ним не случилось, но...

— Я тогда лучше позвоню в Марнесс, — пробормотала она. Хотя на самом деле ей хотелось сейчас только одного — пойти на берег с Леннартом.

— Позвони обязательно, — согласившись, сказала Астрид и попрощалась.

Джулия положила трубку.

— Все хорошо? — спросил Леннарт. Он стоял в дверях и уже надел куртку. — Ну что, пошли на пляж, а потом кофе попьем.

Джулия кивнула, но у нее на лбу появилась озабоченная морщинка. Она вышла вслед за Леннартом в прихожую и взяла пальто.

Небо уже потемнело. Почти наступил вечер, и заметно похолодало. Ветер посвистывал в соснах вокруг дома как-то очень одиноко и тоскливо.

«Никто из погибших не опознан», — почему-то вспомнила Джулия. Откуда это? Ах да, она прочитала заголовок в Боргхольме про автомобильную аварию, и почему-то эта фраза закрутилась у нее в голове: «Никто из погибших не опознан», «Никто из погибших не...».

Она повернулась.

— Леннарт, — начала Джулия, — я понимаю, что, наверное, страшная зануда и зря беспокоюсь по пустякам... но давай лучше пойдем на берег попозже вечером, а сейчас съездим в Марнесский приют: мне надо посмотреть, вернулся ли Йерлоф.

Эланд, сентябрь 1972 года

— Клад? Да не трогал я никакой чертов клад, — произнес тот, кто назвался Мартином.

— Ты захапал шкатулку, — сказал Нильс и снова шагнул вперед, — когда я стоял спиной.

— Какую шкатулку? — удивился Мартин и опять достал сигареты.

— Давайте-ка успокоимся, мы же одно дело делаем, — вмешался

Гуннар.

Он стоял слишком близко, за самой спиной Нильса. Нильсу это не нравилось. Он бросил взгляд назад, потом опять посмотрел на Мартина.

— Ты врешь, — произнес он и сделал еще один шаг.

— Кто? Я? Да я же тебя домой привез! — раздраженно воскликнул Мартин. — Мы с Гуннаром все организовали, привезли тебя обратно на моем корабле. Лучше бы я тебя там оставил!

— Я не знаю, кто ты такой, — буркнул Нильс и подумал: «Мой клад, мой Стэнвик».

— Да ну?! — Мартин опять закурил. — Ну и что? Да мне плевать, кого ты знаешь, а кого нет.

— Положи лопату, Нильс, — приказал Гуннар.

Он по-прежнему находился за спиной Нильса и по-прежнему слишком близко.

Мартин тоже был совсем рядом. Внезапно он поднял лопату, и Нильс понял, что Мартин хочет ударить его черенком. Но Мартин опоздал — Нильс тоже успел схватить лопату и успел замахнуться. Двумя руками он сжимал черенок, так же крепко, как весло, которым он тридцать лет назад отделал Ласс-Яна. Медлить было нельзя, Нильс не колебался ни секунды. Ему слишком долго пришлось ждать.

— Клад мой, — крикнул он, и лицо человека, стоявшего перед, начало расплываться.

Мартин попытался уклониться, но не успел: лезвие лопаты опустилось на его левое плечо, а потом на шею, где-то рядом с ухом. Мартин отшатнулся, Нильс размахнулся еще раз, ударил и попал Мартину на этот раз по лбу, но не так сильно.

— Нет!

Мартин закачался, крутанулся на месте и упал прямо на жертвенный камень.

Нильс опять поднял лопату. На этот раз он целился прямо в лицо.

— Перестань! — заорал Гуннар.

Внизу, у ног Нильса, завозился Мартин. Он приподнял руки, кровь залила его лицо. Он ждал последнего, смертельного удара.

Но Нильс не смог.

— Прекрати, Нильс!

Чья-то рука перехватила черенок. Это Гуннар. Его хватка оказалась крепкой, и у Нильса не получалось вырвать у него лопату.

— Хватит, Нильс! — крикнул Гуннар. — Этого нам только не хватало. Как ты там, Мартин?

— Вашу мать, — прошептал Мартин срывающимся голосом, все еще закрываясь руками. — Сделай это, Гуннар. Чего ты ждешь?.. Сделай это.

— Еще рано, — ответил Гуннар.

— Я лучше пойду, — сказал Нильс.

Он сделал шаг назад.

— Черт бы тебя побрал... Сделай это, — повторил Мартин. — Он совсем ненормальный, он псих...

Мартин медленно поднялся. Из носа и раны на лбу хлестала кровь.

— Кто-то украл клад... вы или, может, кто-то еще, — проговорил Нильс и пристально посмотрел на Гуннара. — Так что наш договор больше не действует, все закончилось. — Он вздохнул. — Я иду домой, домой в Стэнвик.

— О'кей...

Гуннар тоже вздохнул и отвел взгляд.

— Значит, говоришь, договора больше нет... Ну что ж, удачно, что мы все здесь собрались.

— Я ухожу, — повторил Нильс.

— Нет.

— Не нет, а да, я ухожу.

— Никуда ты отсюда не уйдешь, — сказал Гуннар и шагнул вперед. — Кто тебе сказал, что ты уйдешь отсюда? Ты разве не понял, ты останешься здесь.

— Нет, я ухожу, — в который раз повторил Нильс, — это еще не конец.

— Кто тебе сказал? Ты же ведь уже умер.

Гуннар медленно поднял тяжелую кирку и огляделся: вокруг туман. Но он все же хотел быть уверенным, что их никто не видит.

— Ты не можешь пойти домой, Нильс, — наполнил Гуннар, — потому что ты умер. Тебя похоронили на Марнесском кладбище.

Йерлоф умирал и, наверное, поэтому видел мертвецов. Видел и слышал. Шаги воина, убитого в какой-то давно забытой битве бронзового века; внизу, у воды, брэнчали его доспехи. Йерлоф прикрыл глаза. Он не смотрел, как у воды пляшет привидение, но все равно слышал.

Когда он открыл глаза, то увидел своего друга Эрнста Адольфссона. Залитый кровью, он ходил по лугу и искал в траве камни.

Йерлоф взглянул на море. Там из сумерек показалась сама смерть, она плыла против ветра на старом деревянном корабле под черными парусами.

Хуже всего было увидеть Эллу. Жена Йерлофа сидела в ночной рубашке рядом с яблоней, смотрела на него и уговаривала перестать бороться. И Йерлоф поддался. Он готов был сдаться. Он на самом деле захотел пойти вслед за ней на черный корабль, уснуть и больше не чувствовать ни дождя, ни холода. Выкинуть все из головы, перестать беспокоиться, просто представить себе, что лежит в кровати в своей комнате в Марнесском приюте. Йерлоф не понимал, почему он должен держаться. Смерть почему-то медлила. Наверное, он не мог успокоиться.

Снизу, от воды, по-прежнему слышалось шуршание. Йерлоф медленно повернул голову и открыл глаза.

Линия горизонта между небом и морем пропала во тьме. Но что там шебуршится? Старые кости или что-нибудь другое? Живой человек? Где-то в самой глубине непослушного тела осталось еще немного жизни. И Йерлоф смог, хотя и очень медленно, немного приподняться. Он ухватился за ствол яблони и подтягивался все выше и выше, как будто бы в сильный ветер поднимал парус. Оказалось трудно, но вовсе не невозможно. Он опять начал считать: один, два, три. Он уже стоял на коленях.

«О-хей, о-хей^[77]», — подумал он и поставил правую ногу на землю.

Потом ему пришлось несколько минут передохнуть. Он замер, борясь с дрожью в коленях, потом сделал еще одно усилие и наконец с трудом вытянул себя.

Получилось. Йерлоф стоял, одной рукой придерживаясь за дерево, а другой опираясь на трость.

Сделав над собой усилие, он оторвался от дерева и сделал шаг к воде, получилось довольно хорошо. Ноги совсем онемели, никакой боли он не чувствовал.

Йерлоф старался держаться поближе к стене. Там трава была не такая

высокая, как на середине луга. И хотя и медленно, но он продвигался к берегу. Ветер порывами налетал с моря и, казалось, продувал Йерлофа насквозь. Мокрая рубашка ветру совсем не мешала. Звук с берега становился все четче и заставлял его идти вперед. Кажется, он понял, что это такое.

Это оказался пустой пластиковый пакет, а точнее, мешок для мусора — большой, черный, наполовину засыпанный песком. Очень возможно, что его сдуло в море с какого-нибудь судна. Еще на берегу лежала всякая дрянь: пакет из-под молока, зеленая стеклянная бутылка, ржавая плоская банка. Просто удивительно, сколько дерьма выбрасывают прямо за борт. Но если он хочет выжить, решил Йерлоф, этот пластиковый мешок ему очень пригодится. Ему надо только вытащить пакет из песка и сделать дырку для головы. Это поможет укрыться от дождя и не замерзнуть ночью.

Задумка была хорошей, но проблема состояла в том, что нужно было добраться до пакета, а для этого — спуститься на пляж. Проблема, потому что луг резко обрывался вниз, его подмыли волны. И получилось что-то вроде крутой ступеньки в несколько десятков сантиметров высотой.

Лет двадцать назад или, может быть, десять Йерлоф не задумываясь легко шагнул бы вниз. Но сейчас он вряд ли удержал бы равновесие.

Йерлоф собрался, глубоко вдохнул ледяной воздух и, приподняв правую ногу и выставив перед собой трость, шагнул навстречу ветру.

Не получилось: трость коснулась пляжа и беспрепятственно глубоко ушла в мокрый песок. Йерлоф начал падать, он слишком поздно отпустил трость и тут же услышал, как она с треском сломалась.

Ему показалось, что он падает очень долго, и попытался помочь себе правой рукой, чтобы смягчить удар. Когда он наконец приземлился, песок был твердый, как каменный пол. Из Йерлофа буквально вышибло дух.

Он лежал в нескольких метрах от пластикового мешка.

Он не мог пошевелиться: похоже, что он что-то сломал. На этот раз Йерлоф уже не сомневался, что не сможет подняться.

Он опять задремал и не открывал глаза до тех пор, пока не услышал отчетливый звук мотора. Может быть, это все-таки по его душу?

Едва сев в машину, Леннарт включил рацию, рядом с рулем у него находился микрофон. Он связался со службой экстренного спасения в Кальмаре. Сначала рация молчала, а потом оттуда почти непрерывно стало доноситься какое-то неразборчивое бормотание. Джулия не понимала ни слова.

Но Леннарт слушал очень внимательно.

— Патрули с собаками запаздывают, — сказал он и посмотрел в темноту за ветровым стеклом. — Но скоро прилетит вертолет.

— Когда? — спросила Джулия.

— Они вылетят из Кальмара через несколько минут, — ответил Леннарт, — и у них на борту есть инфракрасная камера.

— Инфракрасная?

— Камера, — повторил Леннарт. — Она регистрирует источники тепла, ну, например, тело. В темноте совершенно необходимая вещь.

— Очень хорошо, — произнесла Джулия, хотя это известие ее ничуть не успокоило.

Она все время смотрела в окно, но снаружи было слишком темно. Всего-то половина седьмого, а на улице почти ночь. Она с трудом понимала, где они сейчас едут.

Некоторое время назад они заезжали в Марнесс. Буэль злилась на Йерлофа за то, что он даже не позвонил, и раздраженно спросила:

— Мне что, его запирать надо? — Потом вздохнула и повторила: — Что, на замок запирать?

Но очень скоро она забеспокоилась. Наверное, ничуть не меньше, чем сама Джулия. Буэль моментально собрала поисковую группу из вечернего персонала и отправила их проверить, не остался ли Йерлоф на какой-нибудь автобусной остановке.

Леннарт выглядел поспокойнее, хотя тоже понимал, что есть все основания тревожиться. Он связался по рации с Боргхольмом и поднял по тревоге дежурный наряд полиции.

Он несколько раз связывался с шофером автобуса, который доехал до Бюкселькрука и потом опять вернулся в Боргхольм. Шофер с трудом вспомнил Йерлофа, но с уверенностью сказал, что останавливался два раза перед Марнессом и делал еще три остановки между Марнессом и

Бюкселькруком.

Было уже около семи вечера, когда Джулия и Леннарт сели в машину и отправились на поиски. Одновременно с ними от приюта отъехали две машины с персоналом. Буэль осталась дежурить у телефона.

По-прежнему лил дождь. Джулия и Леннарт поехали на юг. Не было никакой уверенности в том, куда направился Йерлоф: он мог заснуть, проехать Марнесс и выйти неизвестно где. Но в любом случае с чего-то нужно было начать.

Леннарт ехал медленно, едва ли быстрее, чем какой-нибудь мопед. Он сворачивал на каждую остановку или парковку, не пропуская ни одного участка дороги.

— Ни черта не видно, — пробормотала Джулия.

Да смотреть особенно было не на что. В этот холодный дождливый вечер на улицах было безлюдно. Джулия вглядывалась в окно и видела только темные канавы, кусты и серые деревья поодаль.

Полицейская рация опять заскрипела. Леннарт прислушался.

— Вертолет поднялся, они летят к Марнессу.

Джулия кивнула. Она понимала, что, наверное, это их главная надежда.

— Скажи, пожалуйста, это похоже на Йерлофа? — спросил Леннарт через некоторое время.

— Ты о чем?

— Ну, я хотел спросить... Раньше с ним такое бывало? Ну как это называют, непредсказуемые поступки?

— Нет. — Джулия быстро замотала головой, потом подумала и добавила: — Но я совсем не удивлюсь, если окажется, что он вышел из автобуса и просто пошел пешком или что-то в этом роде. Мне кажется, он слишком много думает.

— Мы найдем Йерлофа, — пообещал Леннарт.

Джулия кивнула.

— Он надел зимнее пальто, когда утром уехал. Он ведь не замерзнет?

— В зимнем пальто он сможет продержаться всю ночь, — заверил Леннарт, — особенно если где-нибудь от ветра укроется.

Джулия подумала, что на пустоши спрятаться от ветра негде.

— Йерлоф! Йерлоф, ты где?

Йерлоф медленно открыл глаза. Он видел удивительно приятный теплый сон про море. Он заморгал — дождь лил прямо в лицо.

— Извини, что? — спросил он хрипло или просто подумал, что спросил.

Он лежал на спине на песке, правая нога ужасно болела. Наверху, на самом краю заросшего травой луга, на фоне вечернего неба виднелись очертания темной тени. Там стоял хозяин гостиницы Гуннар Лунгер.

На самом деле он там стоит или нет? Ну да, это не сон. Йерлоф заметил, что Лунгер сейчас уже не улыбается. Скорее он выглядит раздраженным.

— Где мой телефон? — спросил Лунгер.

Йерлоф сглотнул. У него пересохло во рту, и было трудно говорить.

— Я его спрятал, — прошептал он.

— Ты кому-нибудь звонил? — задал вопрос Лунгер.

Йерлоф коротко мотнул головой. Он так и не смог позвонить. Было так много кнопок, и он так и не разобрался, на какую надо нажимать.

— Где он? Когда ты его стащил?

— Спускайся и поищи, Гуннар, — тихо сказал Йерлоф.

Но Лунгер остался на месте, и Йерлоф понял почему: если Гуннар ступит на песок, то от его ботинок останутся глубокие следы. Вряд ли их смоеет дождем.

Мобильник лежал в кармане брюк Йерлофа. Не особенно удачное место, но теперь Лунгеру придется поломать голову, как до него добраться.

— Упрямый ты, Йерлоф, — произнес он и расправил плечи. — Ты упал и, как я вижу, расшибся.

Йерлоф открыл рот и попытался заговорить, но губы совсем пересохли. Было похоже, что он потерял голос.

— Свободу обретают мертвые, — негромко проговорил Лунгер. — У смерти тяжелая рука, но она милосердна. Так что споем ей привет... Это Дан Андерссон, если ты не знаешь. Мне нравятся его стихи и старые морские баллады Таубе. Вера Кант приучила меня к ним, у нее было много пластинок.

— У нее было много земли и денег, — прошептал Йерлоф в песок.

— Прости, не расслышал?

— Верина земля и деньги... Все крутилось вокруг них.

Лунгер покачал головой.

— Здесь замешано много всего, — возразил он, — земля, деньги, месть, большая мечта... и любовь к Эланду, как я уже говорил, я действительно люблю этот остров.

Йерлоф посмотрел на Лунгера. Тот достал из кармана куртки пару кожаных перчаток.

— Я думаю, время настало, и тебе пора заснуть, Йерлоф, — сказал Гуннар. — А потом я найду телефон. Не стоило тебе его брать.

Йерлоф устал от болтовни Лунгера. Хозяин гостиницы все никак не хотел оставить его в покое. Но Йерлофу еще вдруг показалось, что он слышит какой-то новый звук. Где-то там в темноте — не то свист, не то жужжание.

— Самое время поблагодарить друг друга и распрощаться, — продолжал Лунгер, — я думаю, что мы...

Неожиданно он замолчал и повернул голову.

Жужжание становилось все громче и громче. Оно доносилось откуда-то сверху, как шквальный ветер или высоченная штормовая волна.

Звук быстро набирал силу. Теперь он превратился в настоящий рев. А кроме того, обдувал сверху тонкую мокрую одежду Йерлофа.

Лунгер застыл на месте от удивления и поднял голову. Теперь Йерлоф тоже видел, на что тот смотрел.

Там, наверху, прямо к ним приближалась большая тень. Над берегом летело что-то огромное, со сверкающими глазами. Сверху эта штука была темная, а снизу светлая и все время громыхала. Дно у нее оказалось плоское, и там большими буквами было написано: «Полиция». Вертолет.

Лунгер больше не стоял у Йерлофа над душой. Он сбежал. Как какой-нибудь тролль, которого застукали за очередной пакостью.

Йерлоф пригляделся: огромный пропеллер ревел и крутился. Теперь он не сомневался, что там, наверху, вертолет. Он уже находился совсем близко, затем скользнул над песком и опустился рядом.

Но Йерлоф этого не видел. Он не чувствовал ни радости, ни облегчения, вообще ничего. Он все еще ждал, что корабль смерти заберет его с собой в море. Но корабля все не было.

Шум винта становился все тише. Двери вертолета открылись, и оттуда, пригнувшись, выскочили два человека в летных шлемах. На них были одинаковые форменные комбинезоны. Они быстро побежали к Йерлофу.

Один из них нес теплое плотное одеяло, другой — белую сумку с красным крестом. Йерлоф понял, почему и зачем они здесь. Он перевел дух

— вертолет точно по его душу, теперь он выберется.

— Это он! — закричала Джулия.

Леннарт резко нажал на тормоз, и машину занесло. Но они ехали медленно и остановились почти сразу на пологом откосе шоссе. Они находились почти возле самого поворота к Стэнвику.

— Где? — спросил Леннарт.

Джулия махнула рукой, показывая на что-то за окном машины.

— Я его видела, — сказала она, — там, в поле. Он лежит.

Леннарт наклонился, потом он нажал на газ и крутанул баранку.

— Я сейчас развернусь.

Машина описала дугу по блестящей от дождя дороге.

— Тут есть дорога... сейчас мы до нее доберемся.

Но когда они уже съехали с шоссе на узкую грунтовку, Джулия поняла, что ошиблась: это совсем не было человеческим телом, это...

Леннарт остановил машину, Джулия быстро открыла дверцу, но, пока она ковырялась со своими костылями, Леннарт успел опередить ее. Он наклонился и достал что-то из канавы у дороги.

— Это пальто, — проговорил Леннарт и выпрямился. — Кто-то бросил пальто.

Джулия наконец допрыгала до места и посмотрела. У нее перехватило дыхание.

— Это папино, — произнесла она.

— Ты уверена? — спросил Леннарт. — Очень похоже на то, что...

— Посмотри во внутреннем кармане.

Леннарт расправил пальто и начал ощупывать карманы. Он нашел бумажник и раскрыл его.

— Что же это я фонарик не взял, — бормотал он себе под нос и развернул бумажник так, чтобы на него попадал свет фар.

— Это Йерлофа, — выдохнула Джулия, — я его сразу узнала.

Леннарт нашел в бумажнике старые водительские права, посмотрел и кивнул.

— Да, это Йерлофа. — Потом посмотрел по сторонам и позвал: — Йерлоф, Йерлоф!

Но вокруг было тихо, лишь посвистывал ветер и негромко гудел мотор.

— Давай сядем в машину и посмотрим, — предложил он. — Я что-то

эту дорогу не узнаю... Но, скорее всего, она идет к берегу.

Он пошел обратно к машине, взял микрофон и коротко что-то отрапортовал.

Джулия запрыгала следом и плюхнулась на пассажирское сиденье.

— Я сообщил вертолетчикам, где мы нашли пальто.

Он включил первую скорость, и они медленно поехали вперед; оба старались рассмотреть что-нибудь сквозь ветровое стекло, щурясь от яркого света фар.

— Я выключу фары, — сказал Леннарт, — будет лучше видно.

Дорога перед ними казалась черной как ночь, но, когда глаза Джулии немного попривыкли к темноте, она разглядела и саму дорогу и пустошь по обе стороны от машины. Несколько раз ей чудилось, что она видит Йерлофа. Но когда они подъезжали ближе, оказывалось, что это всего лишь очередной можжевельный куст.

Неожиданно Леннарт махнул рукой, указывая куда-то наверх.

— Вот он, — произнес Леннарт, — прилетели наконец.

Джулия разглядела пару ярких мигающих красно-белых огней, плывших по небу. Она поняла, что это летит вертолет. И в тот же самый момент опять включилась рация Леннарта.

Леннарт прислушался.

— Кажется, они что-то нашли. Там внизу, у воды.

Он прибавил скорость, крутанул руль, объезжая выбоину, и секундой позже их машину залил слепящий белый свет: им навстречу ехала другая машина.

— Вот черт! — воскликнул Леннарт. Он нажал на тормоз, но было слишком поздно — вывернувшаяся откуда-то встречная машина ехала слишком быстро. — Держись!

Джулия стиснула зубы и схватилась руками за приборную доску: не хватало еще наткнуться на костыли.

От столкновения ее бросило вперед, но ремень удержал ее на сиденье. Джулия ясно видела, что капот машины сминается, как бумага.

Ремень безопасности выручил, но из-за него у Джулии опять зверски заболела ключица.

Тишина. Несколько секунд после столкновения они не двигаясь, молча продолжали сидеть в машине. Джулия слышала, как Леннарт отдувается и тихо чертыхается, держась за баранку. Потом он щелкнул переключателем. Работала только одна фара, она осветила блестящий автомобиль, с которым они столкнулись.

Леннарт потянулся к бардачку. Крышка откинулась, и он вытащил

кобуру с пистолетом.

— Ты как, Джулия, ничего? — спросил он.

Она подумала, поморгала и кивнула:

— Нормально... вроде.

— Оставайся в машине, если хочешь.

Леннарт открыл дверцу, пахнуло холодом. Джулия помедлила и тоже начала выбираться наружу.

В тот же момент распахнулась дверца другой машины. На дорогу вывалился высокий широкоплечий мужик.

— Кто ты? — крикнул Леннарт.

— Откуда, черт побери, ты выскочил? — проорал голос еще громче. — Выключи фары. Сейчас-то чего, раньше надо было включать, когда ехал.

— Потихе, — сказал Леннарт, — я из полиции.

— Кто... Это ты, Хенрикссон? — спросил голос.

Джулия попрыгала на одной ноге, доставая из машины костыли. Земля была неровная, и стоять оказалось трудно.

— Ты с берега ехал? — спросил Леннарт.

Света фар было вполне достаточно, и Джулия ясно рассмотрела, кто стоял у другой машины. Она его сразу узнала — хозяин гостиницы из Лонгвика.

Без особого труда она припомнила и его имя — Гуннар Лунгер. Да. Именно так.

— Кто это еще там? — крикнул он.

Похоже, что Леннарт тоже сразу его узнал.

— Да успокойся ты, Гуннар, — сказал он. — Откуда ты ехал?

— Из... от... от берега. — Казалось, голос подвел Лунгера. — Вот решил покататься.

— Ты видел Йерлофа Давидссона? — спросил Леннарт.

Гуннар несколько секунд молчал.

— Нет, — наконец ответил он.

— Мы его разыскиваем, — объяснил Леннарт и ткнул рукой в небо, — и с вертолета его тоже ищут.

— Вот как...

«Как-то ему уж слишком неинтересно», — подумала Джулия. Она шагнула вперед, посмотрела на стоявшего по другую сторону капота Леннарта и спросила:

— А до берега отсюда далеко?

— Мне кажется — не очень, несколько сотен метров.

Для Джулии этого оказалось вполне достаточно.

— Мне надо туда, — бросила она.

Она покрепче ухватилась за ручки костылей и запрыгала вперед мимо Гуннара Лунгера, его машины и дальше по дороге.

— Хенриксон, ты не имеешь никакого...

— А ну-ка назад, — сказал Леннарт, повышая голос, — и сиди в машине, необходимо выяснить...

Ветер быстро заглушил голоса за спиной Джулии. Невдалеке, наверное, метрах в двухстах, она увидела яркий плавно опускавшийся свет.

Это приземлялся вертолет. Джулия запрыгала быстрее. Мало того что дорога была старая и неровная — несколько раз она едва не упала, поскользнувшись в лужах. Но Джулия продолжала решительно скакать вперед — туда, где приземлялся вертолет.

Когда она допрыгала до места, то увидела, как два человека в пластмассовых шлемах и одинаковых серых комбинезонах над чем-то наклонились: на песке что-то лежало. Тело. Они приподняли его и стали заворачивать.

— Папа!

Двое в сером посмотрели на нее и продолжали заниматься своим делом.

Обернутое одеялом тело неподвижно лежало на песке. Пока Джулия ковыляла, она хотела увидеть только одно — хоть какое-нибудь движение. Сейчас он шевельнется, поднимет голову. До пляжа оставалось всего лишь несколько метров, и чудо произошло: Йерлоф подал признаки жизни.

Он закашлялся сухим сиплым кашлем.

— Папа! — опять крикнула Джулия.

Йерлоф медленно повернул голову и посмотрел на нее, еле слышно пробормотав:

— Джулия...

И закашлялся снова.

— Давай осторожненько, — сказал один из вертолетчиков. — Понесли.

Они бережно подняли завернутого в одеяло Йерлофа и быстро направились к вертолету.

— Можно мне тоже вместе с вами? — спросила Джулия и добавила: — Я его дочь, и я медсестра.

— Нет, — ответил тот, который поддерживал ноги Йерлофа и находился ближе к ней, — вертолет маленький, места нет.

— А куда вы полетите?

— В Кальмар.

Она проводила Йерлофа до самого вертолета, несмотря на то что при каждом шаге костыли глубоко увязали в песке. Джулия старалась держаться поближе к отцу.

— Я сразу к тебе в больницу приеду, папа.

Летчики загрузили Йерлофа в вертолет, он приподнял голову. Джулия увидела лицо отца, оно было белым как мел, но глаза открыты. Он посмотрел на нее и что-то тихо и неразборчиво сказал.

— Что?

Она наклонилась вперед, пытаясь расслышать.

— Это сделал Лунгер, — прошептал Йерлоф.

Джулия спросила:

— Что сделал, папа?

— Забрал... нашего Йенса.

Потом его голова обессиленно откинулась назад. Йерлоф замер на заднем сиденье вертолета; дверца закрылась.

— Отойди подальше, мы сейчас будем взлетать, — сказал один из летчиков и закрыл вторую дверь.

Джулия неловко попятилась назад.

Она была, наверное, уже метрах в пятидесяти, когда лопасти вертолетного винта раскрутились и слились в прозрачный круг — чудеса техники. Вертолет взревел, поднялся и скрылся в темноте, унося с собой в темное небо ее старого отца. Все выше и выше и потом, на глазах набирая скорость, повернул на юго-запад.

Вскоре рокот вертолета затих вдали. Постепенно на берег возвращались привычные негромкие звуки: плеск волн и свист ветра.

Издалека Джулия услышала крик. Она обернулась.

Это был Леннарт. На повороте дороги по-прежнему виднелись две столкнувшиеся машины, и, хотя руки Джулии болели от напряжения, она опять покрепче ухватилась за костыли и поскакала обратно.

— Там был Йерлоф? — спросил Леннарт, когда она вернулась.

Джулия кивнула:

— Они забрали его в Кальмар.

— Это хорошо.

Гуннар Лунгер сидел в своей машине, приоткрыв дверцу.

Он попробовал завести двигатель, но после столкновения тот отказывался работать. Когда Гуннар поворачивал ключ в замке зажигания, там только что-то слабо щелкало.

Лунгер ругнулся и раздраженно ударил по обтянутому кожей рулю.

— Тебе придется оставить машину здесь, — сказал Леннарт, — запри

дверцу. Поедешь вместе с нами в Марнесс.

Гуннар вздохнул, но выбора у него не было. Он достал из своего «ягуара» портфель и сел на сиденье рядом с Леннартом; Джулии пришлось устраиваться сзади.

Пока они возвращались в Марнесс, Джулия несколько раз наклонилась, разглядывая сбоку Лунгера.

Что он делал на берегу? И что он сказал Йерлофу?

Лунгер сидел расправив плечи и, казалось, не замечал взглядов Джулии. Но он был явно напряжен.

Через несколько минут Леннарт спросил:

— Ну что, сейчас будешь рассказывать?

— Что рассказывать?

— Что ты делал на этой дороге?

— Наслаждался природой.

— А какого черта ты так несся?

— Потому что у меня «ягуар».

— Ты знал, что Йерлоф лежит там, на берегу?

— Нет.

Джулия вздохнула.

— Он все врет, — сказала она.

Лунгер оставил ее заявление без комментариев.

— Камера вертолета засекла тебя, Гуннар, — заметил Леннарт. — Йерлоф уже почти совсем замерз. Нам повезло, что ты там был.

Лунгер и на этот раз не стал ничего комментировать. Он смотрел перед собой в ветровое стекло, наполовину прикрыв глаза. Не то ему на все было наплевать, не то он просто устал.

Еще через несколько минут машина находилась в центре Марнесса.

Прямо перед входом в полицейский участок оказалось свободное место. Леннарт остановился там. Он отпер дверь, и они все трое зашли внутрь.

Леннарт зажег свет и включил компьютер. Лунгер застыл посередине комнаты, как новобранец перед сержантом.

— Я бы хотел сделать короткое разъяснение, и не более, — произнес он и посмотрел на Леннарта. — Я не собираюсь оставаться здесь дольше, чем необходимо, и хочу побыстрее вернуться домой.

— Мы все этого хотим, Гуннар, — сказал Леннарт.

Он подошел к своему письменному столу и пощелкал кнопками клавиатуры.

— Ты кофе хочешь?

— Нет.

Лунгер посмотрел на Джулию и спросил:

— А ей обязательно здесь оставаться?

Леннарта явно передернуло от этого «ей». Лунгер даже не соизволил назвать Джулию по имени.

Сама же Джулия лишь посмотрела на Лунгера и покачала головой. Ее это ничуть не задело. У нее имелись другие причины для беспокойства.

— Ей надо ехать к отцу в больницу, — отчеканила она, — потому что Ей надо поскорее узнать, выживет ее папа или нет. Затем Джулия пристально посмотрела на Лунгера и сказала: — И Ей очень хочется спросить отца о том, что случилось там, на берегу.

— Отлично, флаг в руки.

Лунгер больше не смотрел на Джулию. Но было заметно, что он улыбается, как будто все происходящее его забавляло.

— Садись, Гуннар, — приказал Леннарт и указал на стул возле письменного стола. — Потом он подошел к Джулии, которая уже стояла в дверях, и спросил, понизив голос: — Ну как ты, справишься?

Она кивнула, поудобнее берясь за костыли.

— Пойду посмотрю, может быть, есть вечерний автобус, — сказала она, — если нет, тогда возьму такси.

— О'кей, — ответил Леннарт. — Позвони мне потом, ладно? Когда мы здесь закончим, я сразу поеду домой.

Джулия улыбнулась и кивнула, так, как будто бы сегодня вечером ничего особенного не случилось.

— Скоро увидимся.

Ей хотелось обнять Леннарта на прощание, но она не могла этого сделать на глазах у Гуннара Лунгера.

Джулия спустилась по лестнице и пошла по холодной пустой улице. Она посмотрела через площадь на автобусную станцию. Там стоял какой-то автобус. Но куда именно он идет?

Такси до Кальмара обойдется ей в несколько сотен крон, но ей уже было наплевать. Пусть ей придется опустошить весь свой скудный счет ради того, чтобы просто сидеть ночь напролет в коридоре больницы и ждать. Она все равно должна туда добраться. Она хотела и обязана была быть рядом с Йерлофом, когда он очнется. И надеялась, что Леннарт тоже понимает, почему она поехала к отцу. К тому же у него и помимо Джулии на сегодня дел хватало.

Джулия перешла на другую сторону улицы и запрыгала через площадь. Неожиданно она вспомнила улыбку или, скорее, усмешку

Гуннара Лунгера.

Он на своей машине оказался в очень неподходящем месте, и практически не оставалось ни малейших сомнений в том, что Лунгер пытался убить Йерлофа. Но Джулия вспомнила, как Гуннар стоял возле стола Леннарта в полицейском участке и усмехался, будто бы был абсолютно уверен, что с легкостью может исчезнуть в любую секунду. Может быть, он...

Джулия внезапно остановилась. Она была на полпути к автобусной станции, но, ни секунды не раздумывая, повернула обратно, к полицейскому участку.

Ей надо было пройти всего лишь метров сто, но все же Джулия не успела.

Она скакала по тротуару, когда услышала выстрел, короткий, резкий хлопок. Даже не особенно громкий, но совершенно очевидно — из участка.

Потом, через несколько секунд, громынуло снова. Это был еще один выстрел.

Джулия торопилась изо всех сил, переставляя костыли, но все равно получалось слишком медленно. В конце концов она бросила костыли на асфальт и побежала.

В два прыжка она взлетела по лестнице в участок. Каждое движение причиняло невыносимую боль.

Джулия открыла дверь. Внутри пахло порохом. Она замерла на пороге. Ни звука, ни движения — все тихо.

Джулия осторожно заглянула внутрь и сначала заметила ногу Леннарта, видневшуюся из-за стола. Ее сердце екнуло и почти остановилось. Потом Джулия увидела, что он зашевелился. Леннарт пытался подняться. Он стоял на коленях, опираясь на одну руку, другой он зажимал рану на лбу. Его кобура была расстегнута. Он медленно повернулся, посмотрел на Джулию замутненными глазами и с тревогой спросил:

— Где он — Лунгер?

Джулия увидела, что здесь случилось. Леннарт жив, а Гуннар Лунгер застрелен. Джулия смотрела на владельца гостиницы. Да, он сумел сбежать. Но по-своему.

Лунгер больше не улыбался. Его тело распростерлось на полу. Его начищенные кожаные ботинки еще слабо подергивались. Лужа крови медленно расплывалась из-под его головы, а влажно блестящие в свете лампы алые капли темнели на ярко-желтой куртке.

Лунгер неподвижно смотрел вверх, в потолок. Рот полуоткрыт, в глазах

застыло удивление, как будто бы он так и не успел понять, что для него все кончилось.

В правой руке Лунгер сжимал служебный пистолет Леннарта.

— Ну и как ты, Леннарт? — спросил Йерлоф.

Хенриксон устало шевельнул плечами.

— Да так себе, что называется, потерял бдительность, — сказал он и тяжело вздохнул. — Я должен был понять, что он собирается сделать.

— Не думай больше об этом, Леннарт, — попросила Джулия. Она сидела рядом с Леннартом по другую сторону кровати.

— Он меня обвел вокруг пальца. Он спокойно сел, все вроде было нормально... И тут он кинулся на меня, швырнул об стол и схватил кобуру. Я такого совсем не ожидал. — Леннарт опять вздохнул и дотронулся до пластыря на лбу. — Наверное, я слишком старый и медленно реагирую. Я должен был...

— Выкинь это из головы, Леннарт, — повторила Джулия. — Лунгер во всем виноват, а не ты.

Леннарт кивнул. Но, казалось, ее слова его не очень убедили.

Первый выстрел Гуннара Лунгера попал в стену полицейского участка, но Леннарт здорово рассадил лоб о стол, и в Марнесской больнице ему на рану наложили несколько швов.

Леннарт и Джулия пришли навестить Йерлофа. Он уже находился в Боргхольмской больнице. Была вторая половина дня. Темно-желтое осеннее солнце опускалось над городом.

Йерлоф втайне надеялся, что их визит особенно не затянется. По-настоящему он сейчас думал о двух вещах: чтобы его оставили в покое и дали поспать. Он все еще был очень слаб и не мог встать с кровати.

Но во всяком случае голова соображала, хотя события последних дней он помнил довольно смутно. Если бы не вертолет, который быстро доставил его в кальмарскую неотложку, то, скорее всего, Йерлоф бы не выжил. Два дня он находился между жизнью и смертью. Потом состояние его стабилизировалось, и через четыре дня его перевезли на санитарной машине в Боргхольм.

Он нуждался в покое. И здесь действительно было намного спокойнее, чем в Кальмаре. Его поместили в одноместную палату на втором этаже с видом на замковый лес и боргхольмские виллы. Через пять дней после того, как Лунгер попытался до смерти заморозить Йерлофа на морском берегу возле Марнесса, его навестили Джулия и Леннарт.

— За два дня я прихожу сюда уже в третий раз, папа, — сказала

Джулия. — Но ты все время спал.

Йерлоф устало кивнул в ответ.

На левую руку ему наложили шину, одна нога была в гипсе — результат падения на песок. Рядом с кроватью стояла капельница. Йерлоф лежал под двумя одеялами, и, несмотря на это, ему казалось, что он мерзнет. Но все же он чувствовал себя уже заметно лучше. Температура еще держалась, но небольшая.

Йерлоф зашевелился. Он попытался приподняться немного повыше, чтобы лучше видеть Леннарта и Джулию. Она быстро встала и подложила ему под голову еще одну подушку.

— Спасибо.

Голос Йерлофа был еще очень слабым, но говорил он вполне четко.

— Как ты сегодня себя чувствуешь? — поинтересовалась Джулия.

Йерлоф медленно поднял вверх большой палец, закашлялся и медленно проговорил:

— Сначала они думали... что у меня воспаление легких. — Он задержал дыхание, чтобы не закашляться снова, и продолжил: — Но утром... сказали, что у меня только бронхит. — Йерлоф опять закашлялся. — Они уверены, что я встану на ноги. — Он помолчал и добавил: — Я тоже очень хочу в это верить.

— Ты упрямый, Йерлоф, — сказал Леннарт.

Йерлоф кивнул:

— Гуннар Лунгер... мне это тоже сказал.

Неожиданно запищал пейджер Леннарта.

— Ну вот, опять....

Хенрикссон вздохнул и посмотрел на дисплей.

— Кажется, шеф опять хочет меня видеть, — произнес он. — Интересно, эти вопросы когда-нибудь закончатся? Мне надо позвонить, я скоро вернусь.

Леннарт улыбнулся Джулии, она улыбнулась ему в ответ. Потом он посмотрел на Йерлофа и спросил:

— Не исчезай больше никуда.

Йерлоф кивнул. Леннарт вышел, закрыв за собой дверь. В больничной палате стало тихо, но совсем не чувствовалось напряжение. Слов не требовалось. Джулия положила руку на одеяло Йерлофа, наклонилась и сказала:

— Я должна тебе передать привет. Вчера вечером звонила Лена, она скоро сюда приедет. И от Астрид, конечно. Йон и Ёста вчера приходили тебя навестить, но ты спал. Так что все о тебе думают.

— Спасибо. — Йерлоф опять закашлялся. — А ты... ты как? — прошептал он.

— Да все хорошо, — быстро ответила Джулия. — Я последние дни практически не вылезая от Леннарта. У него очень красивый дом в сосновом бору. Хотя он все время занят: сидит и пишет рапорт за рапортом или ездит в Боргхольм... Я ему, к сожалению, не очень многим могу помочь. Так что сижу рядом и в основном думаю о тебе.

— Я, я справлюсь, — прошептал Йерлоф.

— Это точно. Я это знаю, — сказала Джулия, — и я тоже справлюсь.

Йерлоф закашлялся опять и не то спросил, не то констатировал:

— Ты у меня сильная.

— Это точно.

Джулия улыбнулась, но почему-то тут же засомневалась, правильно ли поняла, что Йерлоф имел в виду.

— Во всяком случае я намного сильнее, чем думала.

— Я думал... — сказал он, — я не уверен... Но по-моему, я знаю теперь, как все было, — прошептал Йерлоф.

Джулия посмотрела на него.

— Все? — не поняла она.

— Все, — прошептал Йерлоф. — Ты хочешь услышать... что случилось с Йенсом?

Джулия затаила дыхание, а потом спросила:

— Как ты узнал, папа? Тебе что, Лунгер обо всем рассказал?

— Да, он мне... кое-что рассказал. Но далеко не все, как мне кажется. Остальное мне пришлось додумывать самому. Это предположения. Но это... не кино, счастливой концовки не будет. Так ты хочешь знать?

Джулия сжала губы и кивнула:

— Расскажи.

— Ты помнишь, что я тебе говорил, когда ты приехала на Эланд... ну, что, может быть, убийца объявится сам, потому что ему захочется посмотреть на сандалию Йенса? — спросил Йерлоф.

Джулия кивнула.

— Но он же так никогда и не появился.

Йерлоф посмотрел в окно на опускающееся над деревьями солнце. Ему очень хотелось оказаться сейчас маленьким мальчиком, сидеть в уютном доме в сумерках и слушать страшную историю. А вместо этого ему приходится рассказывать ее самому.

— Я так не думаю, — сказал он. — Убийца все же приходил к нам. Просто мы с тобой его не видели.

Эланд, сентябрь 1972 года

Гуннар медленно поднял тяжелую кирку и огляделся: вокруг туман. Но он все же хотел быть уверенным, что их никто не видит.

— Ты не можешь пойти домой, Нильс, — проговорил Гуннар, — потому что ты умер. Тебя похоронили на Марнесском кладбище.

Нильс покачал головой.

— Брось кирку, — сказал он.

Казалось, сейчас над всей пустошью нависла мертвая тишина, и между небом и землей не осталось ничего живого.

— Сначала ты, Нильс, брось лопату.

Нильс опять покачал головой. Он бросил взгляд на второго кладоискателя Мартина, который тяжело дышал, лежа на земле в нескольких метрах от них. Его сейчас можно было не опасаться.

А вот Гуннар — совсем другое дело. Он стоял, широко расставив ноги, и прислушивался. Неожиданно ему показалось, что там, вдалеке, кто-то есть.

— О'кей, — произнес он, — я бросаю кирку.

Он так и сделал. Кирка тяжело ударилась о землю.

— Хорошо.

Нильс бросил свою лопату, хотя и остался настороже.

— А сейчас я пойду...

И вдруг он тоже услышал какой-то звук. Он приближался. Рокот становился громче, это была машина.

— Думаю, к нам гости, — сказал Гуннар.

Он ничуть не встревожился. Прошло несколько секунд, потом в тумане прорисовалась широкая тень.

«Вольво», только коричневого цвета, неторопливо катил сквозь туман. Потом остановился рядом с машиной Гуннара, мотор заглох, и открылась водительская дверца.

Нильс не имел ни малейшего понятия ни о том, чья это машина, ни о том, кто водитель. Казалось, он был намного моложе Нильса и одет в отглаженную черную полицейскую форму, на ремне — кобура с пистолетом. Мужчина захлопнул дверцу, одернул форменную куртку и молча направился к ним. Он остановился в нескольких метрах от Нильса, посмотрел ему прямо в глаза, а потом произнес:

— Мы никогда не встречались, но я много думал о тебе.

Нильс уставился на него, открыв рот.

— Ты убил моего отца, — сказал полицейский.

Какое-то время Нильс ничего не понимал.

— Нильс, это Леннарт, — объяснил Гуннар. — Леннарт Хенрикссон, его отец был участковым. Ты ведь, наверное, помнишь: много лет назад, ты тогда еще был совсем молодой... вы встретились в поезде, направлявшемся в Боргхольм.

Сын участкового. «Это конец», — подумал Нильс. Он догадался, что сейчас будет. Надо было что-то делать. Нильс видел, как рука Хенрикссона потянулась к кобуре. Нильс отступил в туман и побежал.

— Стоять!

Но Нильс не собирался останавливаться. Он мчался со всех ног. Ловушка едва не захлопнулась, но он все же, кажется, выбрался из нее.

Годы были уже не те, бег давался ему с трудом. Но это была пустошь, его земля. Он пригнул голову как можно ниже и бежал сквозь туман, петляя между кустами, каждую секунду ожидая услышать у себя за спиной звук выстрела. Но выстрела все не было. Похоже, он успел. Нильс изменил направление и затаился за можжевельником.

Где-то позади в тумане он слышал крики. Он рванул дальше, крики стали удаляться.

Внезапно Нильс заметил в тумане неподалеку смутную фигуру. Он остановился и затаил дыхание.

В любую секунду он готов был сорваться с места и убежать. Но это оказались не преследователи, а маленький мальчик. Наверное, лет пяти или шести.

Мальчик был худенький, невысокий. На нем — короткие штанишки, красная рубашка, на ногах сандалии.

Мальчик был прав: Нильса ему действительно опасаться не стоило, он никогда бы не сделал ничего плохого ребенку.

— Привет, — сказал Нильс и перевел дух.

Он старался отдышаться и ничем не напугать мальчика.

Тот ничего не ответил. Нильс pokrutil головой, но за ним вроде бы никто больше не гнался. Его скрыл туман. Но ему нельзя было стоять здесь слишком долго.

Он посмотрел на мальчика и на всякий случай негромко спросил:

— Ты один?

Мальчик молча кивнул.

— Ты что, заблудился?

— Кажется, да, — ответил мальчик.

— Ничего страшного... я тут на пустоши все места знаю.

Нильс шагнул вперед:

— Как тебя зовут?

— Йенс, — сказал мальчик.

— А дальше?

— Йенс Давидссон.

— Хорошо. А меня... — Нильс помедлил, думая, какое из имен ему назвать, и наконец решился: — А меня Нильс.

— А дальше? — задал вопрос Йенс.

Это немного похоже на игру. Нильс тихо засмеялся.

— Меня зовут Нильс Кант, — произнес он и сделал еще шаг.

Мальчик стоял на месте. Наверное, ему казалось, что он сейчас находится в странном чужом мире травы, камней и можжевельниковых кустов. Больше в тумане ничего не было видно. Нильс попытался улыбнуться, чтобы показать, что все в порядке.

Туман окутывал их со всех сторон, кругом мертвая тишина. Он собирался идти в поселок вместе с мальчиком. Они найдут его дом, а потом Нильс наконец вернется к маме Вере.

Они стояли совсем рядом: Нильс и Йенс, и вдруг совершенно неожиданно из тумана у них за спиной послышался звук мотора. Нильс попытался повернуться и убежать, но не успел.

Машина, коричневый «вольво». Он лавировал между камнями и кустами и несся прямо на Нильса. Машина не снижала скорость.

Нильс колебался, куда податься: налево или направо.

«Вольво» увеличивался прямо на глазах. Теперь машина казалась огромной. У Нильса была лишь секунда, даже, скорее, доли секунды, чтобы сделать выбор. А потом стало уже слишком поздно. Он просто смотрел, прижимая к себе мальчика, и понимал, что их уже ни что не спасет.

Все исчезло в одно мгновение.

Все затихло.

Потом откуда-то издалека снова послышался звук. Туман, холод, мотор машины, работающий на холостом ходу.

— Ты его достал? — спросил чей-то голос.

— Да, вроде я его видел.

Нильс раскинулся на траве. Правая нога неестественно подогнулась. Но он не чувствовал боли. Машина стояла в нескольких метрах, дверца водителя открыта. Оттуда медленно выбрался полицейский, в руке он держал пистолет.

Затем со стороны пассажирского места вышел Гуннар. Он остановился у машины и осмотрелся вокруг.

Полицейский подошел к Нильсу. Он молчал.

Нильс вдруг вспомнил мальчика, которого встретил в тумане, Пенса. Где он? Йенс исчез. Нильс надеялся, что Йенс Давидссон убежал, целый и невредимый пропал в тумане и направляется сейчас обратно в Стэнвик.

— Это конец, конец, мама. Все заканчивается здесь, на пустоши, — прошептал он.

Нильс очень устал. Может, он и смог бы доползти до Стэнвика, но в какой-то момент понял, что не получится.

Вокруг него собрались мертвые серые тени. Они ждали.

Его отец, младший брат Аксель, два немецких солдата, участковый из поезда и шведский матрос из Ньюбру — все.

Молодой полицейский рядом с Нильсом кивнул и сказал:

— Да, это конец.

Он находился в двух шагах от Нильса и держал в руке пистолет стволом вниз. Потом снял его с предохранителя и нажал на курок.

Йерлоф шепотом с долгими паузами рассказывал историю гибели Нильса Канта.

Джулии приходилось наклоняться пониже, чтобы ничего не упустить. И вот она выслушала все до самого конца.

Она молча сидела у кровати Йерлофа и долго смотрела на него.

— И это все... было на самом деле? — спросила она. — Все, что ты мне сейчас рассказал? На самом деле? Ты уверен?

Йерлоф медленно кивнул.

— Совершенно уверен, — прошептал он.

— Почему? — спросила Джулия. — Откуда ты все это знаешь?

— Ну... Лунгер мне кое-что сказал... пока ждал, когда я замерзну, — объяснил Йерлоф. — Он мне вроде как объяснил, что все не так просто. Дело было не только в том, чтобы вытянуть из Веры Кант побольше земли и денег. Он сказал про месть, но кто хотел отомстить? Я лежал и думал... И это мог быть только один человек.

Джулия покачала головой.

— Нет, — произнесла она, — не может быть.

— Почему Нильс Кант оказался дома? Кому это понадобилось, с какой целью? — прошептал Йерлоф. — Гуннару Лунгеру это было совсем не с руки. Ему было выгоднее оставить Нильса в Америке... Там он никому и ничем не угрожал, и Гуннар мог год за годом тянуть землю из Веры... Солдатский клад ничего не стоил в сравнении со всей землей, которую тот уже захапал, а со временем мог получить еще больше. — Йерлоф перевел дух. — Нильс был нужен здесь кому-то другому. Расчет оказался точный: Нильс обязательно захочет вернуться домой к матери. И тогда этот кто-то наконец до него доберется и расквитается с ним.

Джулия опять покачала головой. Она вдруг почувствовала слабость и боялась того, что услышит дальше.

— И этот кто-то помог, — продолжал Йерлоф, — так же как Гуннар Лунгер и Мартин Мальм, которые доставили гроб на Эланд. Но этот кто-то должен был находиться поблизости, когда вскрывали гроб. И именно он убедил всех, что там действительно было тело Нильса Канта. И этот кто-то — молодой старательный полицейский.

Йерлоф замолчал, повернул голову и посмотрел на дверь.

Джулия тоже обернулась.

Вернулся Леннарт. Он стоял в дверях, Джулия не слышала, когда он пришел. Леннарт подошел к кровати.

— Ну вот, — сказал он, — шеф мне опять звонил, они наконец закончили разбирательство насчет происшествия в Марнессе, так что я могу начать работать, когда...

Леннарт замолчал и замер, встретив пристальные взгляды Йерлофа и Джулии.

— Что, что-нибудь случилось? — спросил он.

— Мы говорили... про сандалию, Леннарт, — произнес Йерлоф, — сандалию Йенса.

— Сандалию?

— Про ту, что ты у меня забрал... если помнишь? Ты получил ответ от криминалистов? Ты же ее на материк в лабораторию посылал... Они нашли какие-нибудь следы?

Леннарт несколько секунд молча глядел на Йерлофа, потом покачал головой:

— Нет, никаких следов. Они ничего не обнаружили.

— Ты нам сказал, что послал ее в лабораторию, — напомнила Джулия и посмотрела на Леннарта.

— Послал или нет? — спросил Йерлоф. — Мы можем быть уверены в том, что они ее получили?

— Я не знаю... наверное, — пробормотал Леннарт.

Он не сводил глаз с Йерлофа. В его взгляде не было ни злости, ни раздражения, вообще ничего.

— Мне вот что интересно, Леннарт, — начал Йерлоф, — когда ты в первый раз на самом деле познакомился с Гуннаром Лунгером?

Леннарт перевел взгляд на свои руки.

— Я не помню, — ответил он.

— А если постараться.

— Наверное, в тысяча девятьсот шестьдесят первом или шестьдесят втором, — тихо произнес он. — Это было летом, я как раз начал служить в Марнессе. Тогда проникли в его ресторан в Лонгвике, и я туда поехал, мне надо было получить от Лунгера заявление. Мы начали разговаривать.

— О Нильсе Канте?

Леннарт кивнул. Он ни разу не посмотрел на Джулию.

— По нем тоже, — сказал он. — Лунгер знал... Он знал, что я сын убитого полицейского. Через несколько недель он мне позвонил и пригласил к себе. Он спросил, хочу ли я попробовать найти Канта, заманить его домой, чтобы рассчитаться за отца... Да так прямо и спросил,

заинтересован я в этом или нет.

Леннарт замолчал.

— И что ты ему ответил?

— Я сказал, что заинтересован и что помогу, если он поможет мне. Такое вот было деловое соглашение.

Йерлоф медленно кивнул.

— И это соглашение ты разорвал несколько дней назад? — спросил он тихо. — В Марнесском полицейском участке? Ты что, боялся, что он в конце концов проговорится? У кого на самом деле был пистолет, Леннарт... тот самый, из которого был застрелен Лунгер?

Леннарт продолжал смотреть на свои руки.

— Это не имеет значения, — сказал он.

— Значит, деловое соглашение, — тихо повторила Джулия. На город упали сумерки, но она думала совсем о другом.

Она вспомнила о Мартине Мальме, раздобывшем деньги на новое судно. И о Гуннаре Лунгере, который за бесценку получил кучу земли. И про Леннарта Хенрикссона, в которого она совсем недавно была влюблена. Что получил он? Отомстил Нильсу Канту.

И все это ценой жизни ее сына.

— Такой был уговор, — оправдывался Леннарт. — Я помогу Лунгеру и Мартину Мальму, а они — мне.

— Значит, вы встретились тогда в тумане на пустоши... В тот день, — констатировал Йерлоф.

— Лунгер позвонил мне утром и сказал, что они пойдут к жертвенному камню, — сказал Леннарт. — Мы должны были встретиться там. Но я опоздал, и, когда приехал, там началась полная неразбериха... Мартин Мальм лежал на земле весь в крови, Кант ударил его лопатой. Мальм от этого так и не оправился. С ним через несколько дней первый инсульт случился.

— А Йенс? — тихо спросила Джулия.

— Это был несчастный случай. Я его вообще не видел, — пробормотал Леннарт срывающимся голосом, не глядя на нее. — Когда Нильс Кант был уже мертв, мы нашли... тело, маленькое, под машиной. Он... он не успел отскочить, когда я наехал на Канта.

Леннарт замолчал.

— Где вы его похоронили? — спросил Йерлоф.

— На кладбище, в могиле Канта, — ответил Леннарт. Он говорил, как будто бы кто-то заставлял его пересказывать кошмарные видения. — Мы в темноте перенесли туда мальчика и тело Канта. Мы еще колокольчик

повесили на церковную калитку, чтобы услышать, если кто-нибудь придет. Сняли траву, отложили в сторону вместе с землей, а потом копали целую ночь. Было очень трудно.

Джулия прикрыла глаза. Она думала о том, что у стены кладбища в Марнессе похоронен Йенс, убитый человеком, переполненным ненавистью. В точности как сказал Ламберт.

— Но до того как вы похоронили Йенса, — произнесла Джулия слабым голосом, не открывая глаз, — ты же ведь тогда вечером приехал в Стэнвик и помогал его искать. Ты руководил поисками мальчика, которого сам и убил... моего сына. — Джулия тяжело и устало вздохнула. — А потом ты разъезжал по пустоши и делал вид, что ищешь Йенса, а на самом деле старался скрыть следы своей машины.

Леннарт молча кивнул.

— Это было совсем нелегко, — сказал он тихо, по-прежнему не глядя на Джулию. — Я только хочу сказать, Джулия, было очень трудно молчать. И сейчас, осенью, когда ты вернулась сюда, я действительно пытался тебе помочь. Я хотел забыть все, что случилось двадцать лет назад, и чтобы и ты забыла об этом тоже. — Потом он помолчал и добавил: — Я думал, что у меня получится.

— Значит, Нильс Кант действительно лежит в своем гробу? — спросил Йерлоф.

Леннарт опять кивнул и посмотрел на него.

— Я не разговаривал с Гуннаром Лунгером много лет, а что касается этого... Я понятия не имел о том, что он собирался с тобой сделать, Йерлоф.

Он отпустил спинку стула и медленно повернулся. Сейчас он выглядел таким же усталым, как и тогда в каменоломне, когда Джулия увидела его в первый раз, или, может, даже больше.

Леннарт встал и направился к двери, но вдруг обернулся:

— Я могу сказать... мне стало лучше, когда я застрелил Лунгера. А насчет мести Нильсу Канту скорее наоборот.

Потом Леннарт ушел. В тишине палаты было отчетливо слышно, как Йерлоф вздохнул. Почему-то никто не аплодирует.

Он посмотрел на дочь.

— Я... мне... очень жаль, Джулия, — прошептал он, — очень, очень жаль.

Она кивнула и сквозь слезы посмотрела на отца. В эту минуту она отчетливо представила, как бы выглядел взрослый Йенс.

— Я люблю тебя, папа.

Она опустила ладонь на руку Йерлофа и крепко сжала.

Эпилог

Был первый по-настоящему весенний день, наполненный солнцем, теплом, цветами, птичьим щебетом. Небо над Эландом казалось голубым колышущимся от ветра пологом. В такой день жизнь как будто начинается заново и все самое интересное ждет впереди. Причем совсем неважно, сколько тебе лет.

Для местного репортера Бенгта Ньюберга весна, когда она действительно приходила на остров, была приглашением к путешествиям по Эланду. И в такие дни, как сегодняшний, он старался не засиживаться дома.

Бенгт на несколько секунд прикрыл глаза, а потом посмотрел на Марнесскую церковь, окруженную каменной стеной.

Зимой, тогда, в четверг, когда вскрывали могилу, там собралась куча любопытных. Множество журналистов, зевак, которых никто не приглашал на кладбище, толпились за полицейским ограждением. У самой могилы находилось всего несколько человек. Остальных пастор попросил оставаться по другую сторону кладбищенской стены.

Сейчас, весной, все было по-другому. Бенгт со своим блокнотом был здесь единственным репортером, хотя и мыкался в отдалении. Рядом с ним топтался молодой фотограф. Его прислал из Боргхольма главный редактор, хотя Бенгт и упомянул, что справится один. Но речь шла о настоящей сенсации, которую можно будет продать крупным газетам. Здесь не годилась незатейливая камера Бенгта Ньюберга.

Фотограф из Боргхольма оказался, что называется, новоиспеченный, проще говоря — салага. Сопливый мальчишка из Смоланда по имени Йенс. Его звали так же, как и того мальчика.

Терпения у Йенса не было ни на йоту. Как только кладбищенский сторож показал им место, он тут же поднял повыше камеру и забегал, выискивая подходящую точку. Потом подошел к Бенгту и сказал:

— Я, кажется, смогу пробраться туда, внутрь. — И с вождением посмотрел на кладбищенскую стену. — Прокрадусь там, вдоль...

Бенгт покачал головой и отрезал:

— Не суйся. Здесь хорошее место.

Они остались стоять за стеной. Солнце светило вовсю. Ждать пришлось не очень долго. Из церкви вышла похоронная процессия. Моторизованная камера Йенса зажужжала и защелкала.

Впереди, по каменной дорожке, медленно шел пастор. Следом — Джулия Давидссон, мама. Рядом с ней — Йерлоф, дедушка. За ними какой-то высокий мужчина, примерно одного возраста с Джулией.

— А этот парень кто? — спросил Йенс, опустив камеру.

— Папа мальчика, — объяснил Бенгт.

Джулия Давидссон держала отца под руку. Они подошли к могиле недалеко от колокольни. Они стояли бок о бок, пока гроб не опустили в землю. Йерлоф склонил голову, а Джулия положила розу.

«Да, — подумал Бенгт, — можно сказать, местные знаменитости». Так много случилось в округе всего за каких-нибудь полгода. Осенью — трагическая гибель Эрнста Адольфссона в каменоломне. Месяц спустя дикая смерть Гуннара Лунгера в полицейском участке. А потом полиция нашла в Лонгвике в его гостинице вторую сандалию. Маленькую сандалию, точно такую, как та, которую чуть раньше покойный судовладелец Мартин Мальм прислал Йерлофу.

Казалось, что все закончилось. Но криминалисты воссоздали картину обстоятельств смерти Гуннара Лунгера. Леннарта Хенрикссона судили в Кальмаре. По двум обвинениям — убийство Гуннара Лунгера и непреднамеренное убийство Йенса Давидссона. Леннарта Хенрикссона признали виновным. И в довершение всего пасмурным зимним днем вскрыли могилу Нильса Канта.

При вскрытии могилы выяснилось, что там похоронен не только Нильс Кант. В его гробу обнаружили еще одно не поддающееся идентификации тело. Возможно, шведского матроса, много лет назад исчезнувшего в Южной Америке. Скорее всего, его убили.

И наконец под гробом Канта нашли третье тело. Намного меньше, чем два других. И только тогда дело было полностью раскрыто.

А сейчас всю жарит солнце, на Эланд пришел праздник — весна. И маленького мальчика, который пролежал запрятанным в земле двадцать лет, наконец нашли и похоронили по-человечески.

Когда короткая церемония прощания у могилы закончилась, Йерлоф и Джулия Давидссон медленно пошли к церкви. За ними в нескольких метрах — папа Йенса Микаэль.

Джулия и Йерлоф, насколько было видно из-за стены Бенгту, шли молча. Никто из них не сказал ни слова и у могилы во время похорон. Но у Бенгта все же появилось такое чувство, что они и без слов прекрасно понимают друг друга. Они семья и связаны так крепко, что трудно, наверное, и представить.

Бенгт Ньюберг им завидовал.

— Ну вот и все, — сказал фотограф и опустил камеру. — Дело сделано.

— Да, — ответил Бенгт, — можно ехать по домам.

Он ни слова не написал в своем блокноте. И, скорее всего, ограничится несколькими строчками под фотографией.

Этого вполне достаточно. Но если потом его кто-нибудь спросит про похороны маленького мальчика, то Бенгт ответит: был свет, покой, любовь и освобождение, — завершилось что-то великое.

notes

Примечания

1

Эланд — остров в Балтийском море, территория Швеции. *(Здесь и далее примеч. ред.)*

2

Здесь: приподнятая на 10–20 метров над морем равнина, состоящая в основном из плотных известняковых отложений, заросшая можжевельником, травой, иногда вереском, с редкими деревьями. Типична для шведских островов Эланд и Готланд. *(Примеч. пер.)*

3

У шведов нет обращения на «вы». Только к королю и королеве. Даже младший школьник к учительнице обращается по имени на «ты». (*Примеч. пер.*)

4

Игра слов в шведском языке: буквально — тусклое, смутное, странное подозрительное время. (*Примеч. пер.*)

5

Сати, Эрик (1866–1925) — французский композитор; обожал давать своим сочинениям немыслимые названия, печатать ноты красной краской и писать к своей музыке абсурдные, на первый взгляд, пояснения. Стиль его мышления был столь нов, что многие отказывались (и до сих пор отказываются) воспринимать Сати всерьез. (*Примеч. пер.*)

6

Стэнвик — буквально: Каменистый залив.

7

Фантом (дословно с английского — призрак) — герой комикса.

8

Кула — лакомство, похожее на плоский леденец в виде печенья, делается из сахара, сиропа, иногда туда добавляют сливки и какао.

9

Синдром Шёгрена — сочетание сухого кератоконъюнктивита (заболевание волосистой части головы, с симптомами ревматоидного артрита или других аутоиммунных заболеваний; иногда приводит к параличу).

10

Борнхольм — остров в юго-западной части Балтийского моря. Принадлежит Дании. Расположен в 169 км к востоку от Копенгагена и в 35 км к юго-востоку от территории Швеции.

11

Бурос — город на западе Швеции, в лене (округ) Вестра-Гёталанд.

12

Смоланд — историческая провинция в Южной Швеции, в восточной части региона Гёталанд.

13

Питипанна — национальное шведское блюдо: нарезанные маленькими кубиками картофель и колбаса, либо ветчина, либо мясо, реже рыба; обжаривается на сковороде. Букв.: мелочь на сковороде.

Кальмар — город и порт на юго-востоке Швеции, на побережье Балтийского моря. Административный центр лена Кальмар.

15

Боргхольм — столица острова Эланд.

Главная улица во многих других маленьких шведских городах называется Стургатан (т. е. большая улица).

17

Агорафобия — болезненное состояние, проявляющееся в страхе перед открытым пространством.

Т.е. наперегонки.

19

Венец — бревна или брусья, составляющие один горизонтальный ряд деревянного сруба. Венцы соединяются в четырехугольник или многоугольник врубкой в углах.

Пергола — вид беседок, увитых зеленью, или коридор из легких решеток на арках и столбах.

Фура — большая, длинная телега для клады.

Чал — причальный канат, трос.

Релинг — ограждение палуб, трапов, мостиков и т. п., изготовленное из металлического профиля или труб.

Уключина — приспособление на борту лодки, куда вкладывается весло для упора при гребле.

Киль — основной брус судна, выдающийся в виде полоза; он образует основу середины днища.

Мальме — третий по величине город Швеции. Один из старейших и наиболее индустриализованных городов Скандинавии.

Блокула представляет собой скалистый остров посреди открытого моря между островами Смоланд (Швеция) и Оланд (Финляндия). Довольно высокий скалистый пик состоит из темного, почти черного камня, поэтому его еще называют Черной скалой. Исконное название произошло от имени древних колдунов, которые жили на скале и умели вызывать бурю, шквалистый ветер и грозу — шведы называли их «Блокула».

Бёда — гавань около острова Эланд.

«Хускварна» — известная финско-шведская фирма, изготовитель стрелкового оружия и бытовой техники.

Галеас — небольшое судно с грот-бизань-мачтой у немцев и скандинавов.

Сёдертельский канал — основной морской путь к Стокгольму.

Как показала практика, в Северном море, на Балтике зимой, как, впрочем, и в Северной Атлантике, человек мучается в ледяной воде от восьми до максимум двадцати минут, поэтому считается, что экипажу уметь плавать не обязательно. *(Примеч. пер.)*

Совокупность всех снастей судна (пеньковых и металлических тросов).

«Стен» — камень, «вик» — залив, т. е. каменный залив.

35

Пожалуйста, не стреляйте (нем.).

Симбиоз — форма отношений между организмами двух разных видов, приносящая обоюдную пользу.

Для бывшего рыбака мышиный вопрос весьма важен, потому что у мышей есть дурная привычка грызть сети, так как в них остаются кусочки рыбы.

Дальсланд — шведская область на границе Норвегии.

Мы хотим добраться до Англии, мы хотим на свободу. *(Примеч. пер.)*

В Швеции допускается пить легкое пиво на службе. (*Примеч. пер.*)

41

Травостой — травяной покров природных или сеяных лугов, сенокосов, пастбищ.

Верша — рыболовная снасть, сплетенная обычно из ивовых прутьев, в виде узкой круглой корзины с воронкообразным отверстием.

Линчёпинг — город на востоке Швеции, на реке Стонгон.

Морелль Теодор (ок. 1890–1948) личный врач Гитлера. Их отношения продолжались в течение девяти лет. Морелль использовал выгоды своего общения с властью и имущими, чтобы обеспечить собственное будущее.

Урез воды — линии пересечения водной поверхности водоема (озера, реки, моря) с поверхностью суши (берегом).

Во время Второй мировой войны Швеция придерживалась политики нейтралитета, т. е. по крайней мере формально и официально не принимала участия в боевых действиях. Поэтому убийство немецких солдат было, по сути, равнозначно убийству граждан Швеции. Оказавшиеся на территории Швеции представители любой воюющей страны автоматически обретали статус беженцев. *(Примеч. пер.)*

Сконе — область на южной оконечности Швеции. (*Примеч. пер.*)

В Швеции принято обниматься в качестве знака теплого дружеского приветствия или на прощание. *(Примеч. пер.)*

В Скандинавии традиционно оставляют в окнах свет, для этого до сих пор выпускают специальные лампы. Обычай восходит к тем временам, когда свет в окне служил маяком. *(Примеч. пер.)*

Йончёпинг — округ в южной Швеции и главный город этого округа.

51

Эре — разменная монета в Дании, Норвегии и Швеции, равная 1/100 кроны.

Вестергётланд — шведская провинция.

Нильс Кант пешком пересек всю южную часть Швеции с восточного побережья до западного.

Гёта — река в Гётеборге. *(Примеч. пер.)*

Маяк при входе в гетеборгские шхеры. Строительство было полностью закончено в 1872 году. В свое время был самым высоким и ярким маяком в Швеции. Достопримечательность и один из символов Гётеборга.

Лондон состоит из двух частей: Вест-Энд и Ист-Энд. Ист-Энд, или Восточный Лондон, — портовый район.

Дурбан — второй по населению город ЮАР и второй по величине морской порт ЮАР.

Зюйд-вест — в морской терминологии юго-запад, юго-западный ветер.

Я болен (*исп.*).

60

Я хочу вернуться домой (*исп.*).

61

Ватерлиния — линия соприкосновения спокойной поверхности воды с корпусом плавающего судна.

Снус — разновидность жевательного табака, расфасованный в маленькие пакетики; обычно его закладывают под губу или за щеку. Считается, в отличие от курения сигарет, безвредным. (*Примеч. пер.*)

Имеется в виду знаменитый фильм А. Хичкока «Психо» с Э. Хопкинсом в главной роли. *(Примеч. пер.)*

В шведском языке настолько специфическая интонация, что даже об одном вполне интернациональном слове можно сказать «произнес по-шведски». (*Примеч. пер.*)

Подчеркнуто вежливое обращение в Швеции может звучать оскорбительно. *(Примеч. пер.)*

Иванов день, или Midsommar, издревле празднуется летом в самый длинный день в году, в ближайшую к 24 июня субботу. С установлением христианства в Швеции Midsommar стал христианским празднованием дня рождения Иоанна Крестителя. По преданиям, всякая нечисть особенно активна в ночь на Midsommar, и многие люди оставались дома, боясь что-нибудь перепутать в сложных правилах спасения от нее. Основные празднования приходятся не на сам Midsommar, а, скорее, на Midsommaraftan (вечер перед праздником). Шведы собираются вместе, поют застольные песни (snapsvisor) и едят.

Шлюзование — процесс пропуска судов через шлюзы; состоит из ряда последовательных операций (открывание и закрывание ворот и затворов, наполнение камер водой и опорожнение их, ввод и вывод судов и др.).

Фритьоф — имя героя древнескандинавской саги, повествующей о любви.

Мол — сооружение в виде высокого, длинного вала, одним концом примыкающее к берегу у входа в порт и служащее для защиты судов от морских волн.

Конфирмация — здесь: обряд приема в церковную общину подростков, достигших определенного возраста (в католической и протестантской церкви).

71

Здесь: как прощание (*исп.*).

До скорого (*исп.*).

В табачных магазинах кроме сигарет продаются газеты, журналы и комиксы. *(Примеч. пер.)*

Веттерн — одно из крупнейших озер Швеции. *(Примеч. пер.)*

Ферьестаден — город на острове Эланд на востоке от Кальмара.

Ильма — разновидность вяза. *(Примеч. пер.)*

О-хей — возглас моряков во время тяжелой работы. (*Примеч. пер.*)

Содержание

[Юхан Теорин Мертвая зыбь](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)

[26](#)

[27](#)

[28](#)

[29](#)

[30](#)

[31](#)

[32](#)

[33](#)

[34](#)

[35](#)

[36](#)

[37](#)

[38](#)

[Эпилог](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)

[26](#)

[27](#)

[28](#)

[29](#)

[30](#)

[31](#)

[32](#)

[33](#)

[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)
[51](#)
[52](#)
[53](#)
[54](#)
[55](#)
[56](#)
[57](#)
[58](#)
[59](#)
[60](#)
[61](#)
[62](#)
[63](#)
[64](#)
[65](#)
[66](#)
[67](#)
[68](#)
[69](#)
[70](#)
[71](#)
[72](#)

[73](#)

[74](#)

[75](#)

[76](#)

[77](#)